

Леонид Медведко

...ЭТОТ
БЛИЖНИЙ
БУРЛЯЩИЙ
ВОСТОК

ПОЧЕМУ НАДО

Леонид Медведко

...ЭТОТ
БЛИЖНИЙ
БУРЛЯЩИЙ
ВОСТОК

*Документальное
повествование*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

66.4(0)

М42

Медведко Л. И.

М42 ...Этот Ближний бурлящий Восток: Докум. повествование.— М.: Политиздат, 1985.— 335 с., ил.

В книге публициста, доктора исторических наук Л. Медведко на основе новейших документов и материалов, мемуаров зарубежных государственных и военных деятелей рассказывается о действии американо-израильского стратегического альянса, направленного против арабского освободительного движения. В ней прослеживаются основные этапы ближневосточного конфликта, приведшего к пяти крупным войнам и многочисленным вооруженным столкновениям в этом районе. Автор, повествуя о закулисной и подрывной деятельности США и Израиля, а также об их «стратегическом распределении ролей» на Ближнем Востоке, показывает историческую обреченность попыток современных наследников колониализма остановить поступательное движение истории.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

М 0801000009—095 223—84
079(02)—85

66.4(0)
327

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

ЗА ДЫМОМ ПОЖАРИЩ БЕЙРУТА

(ПРОЛОГ)

Дым стелился над морем, словно слизывая волны. Лепиво поднимаясь над городом, он обволакивал небосвод. Наступившее короткое затишье перед вереницей новогодних праздников оказалось обманчивым.

Бейрутцам, будь то мусульманам или христианам, в начавшемся 1976 году было не до религиозных и не до светских праздников. Гражданская война разделила Бейрут на изолированные, враждебные друг другу зоны и кварталы. Она грозила таким же расколом всей стране.

Ливанцы, составлявшие некогда единый народ, всегда гостеприимно принимали в своей стране и бездомных палестинцев, и безработных арабов, и стремящихся к наживе дельцов, и ищущих развлечений туристов со всех концов света. Теперь многие из ливанцев сами остались без крова, без работы, без средств к существованию. Война разъединила людей на враждующие друг с другом кланы, группировки, партии, отряды.

Город оказался разделенным «зеленою чертой». Между же его жителями встала стена. Пока соблюдалось перемирие, это была стена отчужденности. С возобновлением столкновений она становилась стеной враждебности. Ощетиниваясь оружием, она извергала огонь и смерть. С разных концов города доносились беспорядочные выстрелы, треск автоматов, уханье минометов, залпы орудий, свист и разрывы снарядов...

После убийства в городе — при довольно странных обстоятельствах — посла США в Ливане Фрэнсиса Мэлоя и сопровождавшего его советника посольства всем находившимся в стране американским гражданам предложили подготовиться к эвакуации. Для усиления охраны посольства и обеспечения этой операции со стоявших на рейде

кораблей 6-го флота США в Бейруте были высажены дополнительные подразделения американских морских пехотинцев. На юге Ливана вплотную к границе придвижились израильские войска. Они периодически обстреливали приграничные деревни и вторгались в глубь страны. Гражданская война, как это уже было летом 1958 года, неминуемо должна была вылиться и вылилась в конце концов в иностранную вооруженную интервенцию.

В июне 1982 года Израиль начал широкую агрессию против Ливана. Она завершилась новой, на этот раз американо-натацкой интервенцией «многонациональных сил». Вместо установления мира — под таким предлогом было осуществлено это вторжение — они занялись разжиганием войны в Ливане.

...Уилбур Крэйн Ивлэнд, представитель американской строительной фирмы «Винелл», тесно связанный с нефтяным и военным бизнесом, и специальный корреспондент «Вашингтон пост» Джонатан Рэндал были свидетелями многоактной ливанской трагедии. И тот и другой хорошо знали закулисную кухню ближневосточной политики Вашингтона.

Ивлэнда вместе с другими американскими бизнесменами уже в начале 1976 года заранее предупредили в посольстве США об опасности дальнейшего пребывания в Ливане.

Рэндана, находившегося в осажденном израильтянами Бейруте, предупреждать не пришлось. Став свидетелем резни палестинцев в бейрутских кварталах Сабра и Шатила, воочию убедившись в кровавых плодах американо-израильского стратегического альянса в Ливане, он сам покинул полуразрушенный Бейрут, не дожидаясь позорного ухода оттуда американских морских пехотинцев. Рэндал, как и его многие американские коллеги, готов был, как он писал, сгореть от стыда за «позор США в Ливане...».

Ивлэнд провел более 30 лет на Ближнем Востоке в качестве специального представителя Пентагона и ЦРУ. Он работал «под крышей» дипломатических ведомств, нефтяных и других американских компаний. С начала 50-х годов он не раз бывал в Ливане, работал в посольствах США в Ираке и Сирии. Наездами посещал Египет, Ливию, Саудовскую Аравию, арабские княжества Персидского залива. Приходилось ему бывать и в Израиле. Но в какой бы официальной роли он ни выступал, Ивлэнд постоянно находился в поле зрения ЦРУ. Да и сам Ивлэнд старался

всегда глядеть на вещи глазами хозяев. Ему не раз поручались деликатные миссии. Иногда он вел «обработку» влиятельных людей, заставляя их работать на ЦРУ и помогая им обрести власть. Бывало и наоборот — в ход пускались деньги и даже оружие, чтобы лишить кого-то власти.

Ивлэнд наивно верил, что все это делается в интересах Соединенных Штатов, и местных народов, которым нужно было помочь избавиться от колониализма и оградить одновременно от «опасности коммунизма». Но по опыту 1958 года он уже знал, что вооруженной силой в такой стране, как Ливан, ничего не добьешься. Иностранная интервенция лишь подливает масла в огонь. Ивлэнд хотел верить, что в роли интервентов американские солдаты никогда больше не высаживаются в Бейруте. Повторная глупость часто оборачивается трагедией...

Не только первое знакомство, но и последующее познание Ближнего Востока происходило и у Ивлэнда, и у Рэндала через Бейрут. Сквозь дым пожарищ Бейрута, ввергнутого в пучину разрушительных войн, они попытались мысленно как бы прокрутить киноленту назад.

В начале 50-х годов Ивлэнда, как специального представителя ЦРУ на Ближнем Востоке, инструктировал лично шеф американской разведки Аллен Даллес.

— Нефть и оружие — это главные рычаги нашей политики и стратегии, — наставительно поучал его Аллен Даллес. — Для европейцев Ближний Восток, — философствовал Даллес, — возможно, в самом деле ближний порог их бывших колониальных империй. Для нас, американцев, географически он не столь близок. Но нефть Ближнего Востока затрагивает самые близкие, жизненно важные интересы Соединенных Штатов. К тому же не надо забывать, что именно там, в непосредственной близости от Советского Союза, мы должны иметь верных союзников и оборудовать надежные военные базы. И чем дальше они от Америки, тем ближе к России. Так что, хотя Ближний Восток и далеко от нас, он нам тоже очень близок.

Для Аллена Даллеса и его брата государственного секретаря Джона Фостера Даллеса главной заботой на Ближнем Востоке всегда были нефть, оружие и базы против Советского Союза. Даже когда Израиль совершил одно за другим нападения на соседние арабские страны, а Египет, чтобы защитить себя, уже решил закупать оружие у Советского Союза, братья Даллес не желали замечать подлинно жгучих для Ближнего Востока проблем.

Ивлэнд не раз слышал критические замечания американских дипломатов о близорукости политики США на Ближнем Востоке. Госдепартамент проводит откровенно произраильский курс. В связи с этим они давали самые пессимистические прогнозы развития событий на Ближнем Востоке, предсказывая крах американских планов.

На собственном опыте Ивлэнд все более убеждался, что Ближний Восток после появления там в 1948 году Израиля и недавно созданного перед этим Центрального разведывательного управления стал ареной их совместной подрывной деятельности. С годами ЦРУ фактически присвоило себе бесконтрольное право вмешиваться во внутренние дела арабских государств и Ирана. Но как ни старались ЦРУ и английская разведка СИС, они прозевали приближение революций сначала в Египте, потом в Ираке, Йемене, Ливии, а затем и в Иране. Они не поняли их смысла. В свое время они «ошиблись» в египетских «свободных офицерах», открывших эстафету неприятных для Запада потрясений на Ближнем Востоке...

Точно так же 30 лет спустя Вашингтон оскандился в Ливане. В опубликованной книге Рэндала «Идя до конца: Христианское воинство, израильские авантюристы и война в Ливане» признается, что на этот раз Вашингтон не только «ошибся» в своих союзниках, переоценив возможности Израиля, ливанских правых христиан, натовских компаньонов по «многонациональным силам». Самый большой его просчет в том, что опять пришлось признать бессилие и неоднократно десантировавшихся морских пехотинцев, и столько раз обстреливавших Ливан кораблей 6-го флота. Они сеяли там смерть и разрушения. Но убили окончательно веру арабов в павязываемый Вашингтоном и Тель-Авивом «мир», который все еще продолжает дымиться войной то в одном, то в другом районе Ближнего Востока.

ПОТЕРИ БЕЗ ПРИОБРЕТЕНИЙ

Для американского посла в Египте Джейфферсона Кэффери военный переворот в Каире — по-иному никто из западных дипломатов это выступление тогда не называл — был поистине как снег на голову. Тем не менее Кэффери представил Вашингтону дело так, будто ему все заранее было известно. Из осторожности он, правда, как опытный дипломат, дал понять, что подготовка военного переворота направлялась не американским посольством в Каире. Он помнил о той распределяющей, которая произошла у него с ЦРУ, когда в Каир для оценки обстановки незадолго до июльской революции приезжал Кермит Рузвельт, внук президента Теодора Рузвельта. Ким, как называли коротко Кермита, считался личным другом не только иранского шаха, которому он помог вернуться на трон, но и короля Фарука. Это не помешало Киму понять, что песенка Фарука спета. Чтобы не потерять Египет, а вернее заполучить его в качестве союзника Запада и участника готовившегося военного блока на Ближнем Востоке, нужно было поставить у власти какого-либо военного диктатора. Вот почему Ким раньше Кэффери обратил внимание на египетских «свободных офицеров». Но кто их возглавляет, каково их политическое лицо, какие цели и планы — все это оставалось неизвестным.

Пробуждение сфинкса

Возвратившись в Вашингтон, Кермит Рузвельт пришел к заключению, что ожидаемый переворот в Египте не может быть проамериканским. Тем не менее он рекомендовал заранее вести соответствующую работу с его организаторами. Посол тогда не согласился с таким выводом. Теперь

Кэффери поспешил паверстывать упущенное. В госдепартамент полетели депеша за депешей. В Каир стали прибывать все новые американские дипломаты. Большинство из них, как позже выяснилось, были сотрудниками ЦРУ и послу фактически не подчинялись.

Центральное разведывательное управление действовало напористо и нагло. После Ирана ему казалось, что можно сделать все с помощью подкупа и террора. Сразу же вскоре после переворота в Каире в США был создан специальный комитет для изучения обстановки на Ближнем Востоке и выработки политики США в этом регионе. Руководил работой этого комитета Кермит Рузвельт. Он считался лучшим экспертом по ближневосточным делам и особенно по организации переворотов.

Посол Кэффери также имел богатый опыт и по части подготовки многих переворотов в странах Латинской Америки, и по втягиванию европейских государств сначала в систему «плана Маршалла», а затем в НАТО.

Когда Фаруку доложили о мятеже «свободных офицеров», он первым делом направил посыльного в американское посольство со срочной депешей. Король просил выделить в его распоряжение какой-нибудь находящийся поблизости от Александрии американский эсминец, который мог бы доставить королевскую семью в безопасное место. По совету из Вашингтона посол ответил королю, что поблизости эсминцев нет. Фарук слишком скомпрометировал себя полной зависимостью от англичан.

«Свободные офицеры», за несколько часов до выступления поставив в известность американского посла о готовящемся государственном перевороте, тем самым смогли нейтрализовать англичан и упредить ввод в Каир английских войск, находившихся в зоне канала. Ставка на американо-английское соперничество в Египте оказалась верной. Английский посол в Каире Ральф Стивенсон и Форин оффис в Лондоне узнали о революции 1952 года в Каире, когда она уже свершилась.

Американцы сделали вид, будто ничего страшного не произошло. Ральф Стивенсон, наблюдая за оживленной деятельностью американцев в Египте, вскоре пришел к выводу, что союзники явно пытаются чисто по-американски извлечь из этого переворота максимальную выгоду.

Сначала «свободные офицеры» выдвинули на первый план генерала Нагиба, которого и представили американцам как руководителя революции. Потом через американского посла они усыпили беспечность и англичан: дес-

кать, это чисто военный переворот, который не направлен против какого-либо иностранного государства. Они дали заверения, что сохранят даже монархию. В доказательство «свободные офицеры», узнав, что король Фарук ищет защиты у американцев, удовлетворили просьбу Кэфери о сохранении жизни королю и членам его семьи. Упаковав более 200 чемоданов, Фарук со своими домочадцами и службами готовился отплыть на яхте «Махруса» в Неаполь. Дрожащей рукой король подписал отречение от престола в пользу принца Ахмеда Фуада, которому не исполнилось и года. Вместо него править страной в качестве премьер-министра оставался королевский родственник Али Махир-паша. Деликатная миссия переговоров с королем была возложена на майора Анвара Садата. По собственному признанию Садата, он не сумел принять участия в военной операции по захвату власти, проведя этот решающий вечер с семьей в кино. Но зато в последующие дни Садат неоднократно встречался с послом Кэфери, королем Фаруком и Али Махиром.

Проводы короля проходили с соблюдением протокольного ритуала. На них присутствовали председатель Совета руководства революцией генерал Нагиб, Али Махир-паша, Анвар Садат, посол США Кэфери, другие иностранные послы. Фаруку, представшему перед провожающими в форме адмирала египетского флота, были оказаны королевские почести. Но король уже не владел ни троном, ни флотом. Яхта «Махруса», после доставки королевской семьи в Неаполь, должна была возвратиться назад. Прежде чем грузно ступить на трап яхты, Фарук, как вспоминает генерал Нагиб, произнес на прощание:

— Вам придется трудно... Египтом управлять не легко!

Эти слова оказались пророческими не только для Нагиба, но и для других, кто провожал в тот день Фарука. Первыми, кто ощутил тяжесть возложенной на них миссии, были премьер-министр Махир-паша и глава регентского совета принц Абдель Монейм.

Не прошло и года, как им пришлось подать в отставку: 18 июня 1953 года Египет был объявлен республикой. Ставший первым президентом и премьер-министром Египта генерал Нагиб был тоже вскоре отстранен от власти. Он оказался лишь временным попутчиком революции. Когда Нагиб попытался помешать ее дальнейшему развитию, вступив в связь с «братьями-мусульманами», покушавшимися на Насера, его препроводили в небольшую деревушку,

где он и находился долгие годы под домашним арестом.

Воспользовавшись обращением «свободных офицеров» с просьбой о продаже Египту американского оружия, Кэффери старался как можно дольше тянуть переговоры и одновременно подобрать ключи к новым египетским лидерам.

В Каир срочно прибыл заместитель министра обороны США У. Фостер. В переговорах с Насером он намекнул, что все запросы Египта могут быть удовлетворены на самых льготных условиях, если «отношения между двумя странами будут процветать». По его рекомендации в США для продолжения переговоров направилась египетская делегация во главе с одним из членов Совета руководства революции. Египетскую делегацию приняли председатель Комитета начальников штабов генерал Брэдли и руководитель «Программы военной помощи за рубежом» генерал Олмстед. Генералы говорили не столько об оружии, сколько об исламском пакте и о военных базах. Олмстед, отодвинув штору, закрывавшую большую карту на стене, показал район, где должен быть образован новый блок, включающий по замыслу американцев три самые влиятельные мусульманские страны — Турцию, Пакистан и Египет.

— Господа, — торжественно произнес он, — видите: здесь меньше всего флагов, то есть наших баз. Мы должны поставить здесь по крайней мере несколько флагов, иначе здесь образуется вакуум.

Члены египетской делегации были шокированы. Им стало ясно, что в Пентагоне больше всего заботятся о том, чтобы разместить базы на Ближнем Востоке. Пробы в Соединенных Штатах около двух месяцев, делегация возвратилась в Египет с пустыми руками.

Кэффери объяснял затяжку переговоров происходившей в то время сменой президента в Белом доме. Через четыре месяца после вступления на пост президента Эйзенхауэра в Каир прибыл новый госсекретарь Джон Фостер Даллес. Он был озабочен прежде всего окружением Советского Союза военными союзами и базами. Эту цель Даллес осуществлял с поистине религиозным фанатизмом. Поспешность и нетерпение в ее достижении проявились в первой же речи Даллеса, которую он произнес, спустившись с трапа самолета, на каирском аэропорту.

После протокольных фраз он тут же косвенно причислил Египет к антисоветской коалиции, назвав генерала

Нагиба «одним из выдающихся лидеров свободного мира». Но этот «пробный шар» Даллеса Насер в тот же день прихлопнул на первом же официальном обеде.

— Мне не понравилось ваше сегодняшнее заявление на аэродроме,— без всяких дипломатических уверток сказал Насер, прямо глядя в лицо Даллесу.

Шеф американской дипломатии недовольство Насера понял как проявление чувства ревности, поскольку его информировали, что подлинным лидером является Насер, а не генерал Нагиб. Но оказывается, его оплошность выражалась в другом. Насер на хорошем английском языке пояснил ему, что выражение «свободный мир» режет египтянину ухо.

— Египет слишком долго был оккупирован англичанами во имя обеспечения коммуникаций «свободного мира». Мы так часто об этом слышали, что у нас «свободный мир» невольно стал ассоциироваться с империализмом и угнетением. Вот почему, когда вы сегодня утром употребили это выражение, вы произвели плохое впечатление.

За десертом Насер снова поднял вопрос об оружии. Даллес, сделав удивленное лицо, возразил, что никаких обязательств на этот счет США не давали. Тогда ему напомнили, что американцы незадолго до революции заключили с королем Фаруком секретное соглашение о поставках Египту оружия на сумму около 5 миллионов долларов. Но теперь Египту нужны не бронемашины и пулеметы для устрашения своего народа, а танки и самолеты для противоборства с Израилем.

Даллес, чтобы быстрее покончить с неприятной для него темой, пообещал рассмотреть египетскую просьбу. Он доверительно сообщил, что в этом вопросе новому президенту приходится учитывать также позицию англичан. Черчилль категорически возражает против отправки американского оружия. Передавая генералу Нагибу подарок от Эйзенхауэра — два посеребренных револьвера «колт», Даллес пошутил: как бы Черчилль не расценил это как начало американской военной помощи.

Предсказания Даллеса сбылись. Эти два револьвера оказались первой и последней партией американского оружия, которое было поставлено Египту в период Насера. И эту «поставку» в самом деле Черчилль опротестовал. Позвонив Эйзенхауэру, он сказал, что неуместный символичный подарок может «подогреть страсти египтян».

Но ни подарок Эйзенхауэра, ни шутки Даллеса не разрядили гнетущую атмосферу переговоров. Даллес чувство-

вал, что «тень английского присутствия» в Египте заслоняет главную цель его визита — создание с участием Египта нового военного блока на Ближнем Востоке. На все его доводы о необходимости вступления Египта в планируемый под эгидой Запада «оборонительный пакт» Насер твердо заявил:

— Мы не намерены обсуждать какие-либо пакты или меры безопасности. Для того чтобы народ был заинтересован в безопасности и защите своей независимости, он должен ее обрести.

Даллес, не сразу найдя возражения, закурил сигару.

— А потом, давайте говорить откровенно! — напористо продолжал Насер.— Против кого направлен этот оборонительный пакт?

Даллесу ничего не оставалось, как на прямой вопрос дать прямой ответ:

— Против Советского Союза!..

— Но почему нам надо бояться Советского Союза? Он находится за 5 тысяч миль от нас, и мы никогда не имели от него каких-либо неприятностей. Он никогда не нападал на нас. Никогда не оккупировал нашу территорию. У него никогда не было баз на нашей земле. Англичане же находятся здесь вот уже более семидесяти лет. И кроме того у нас под боком еще Израиль. Он постоянно нам угрожает. Вот кто наши подлинные враги.

— Но если вы станете членом оборонительного сообщества, оно гарантирует вашу безопасность. После этого англичане останутся на своих базах уже не как оккупанты, а как союзники. Они не смогут больше поднимать свой флаг, а будут действовать под флагом оборонительного пакта...

— И неужели вы думаете,— перебил Насер Даллеса,— что египтяне после этого могли бы мне верить? Такая замена флагов вызвала бы только насмешки. Стать союзником тех, кто оккупирует твою страну,— это значит признать себя пленником или марионеткой восьмидесяти тысяч английских солдат, размещенных в зоне канала...

Палец ЦРУ в небе Каира

После отъезда госсекретаря американцы начали энергично искать подходы к новым египетским лидерам. Подкупить Насера было поручено сотруднику ЦРУ Милсу Коупленду, который поддерживал связь с одним из «свободных

офицеров» — Хасаном Тухами. Однажды поздно ночью Коупленд явился к Хасану с двумя чемоданами, плотно набитыми деньгами.

— Здесь три миллиона долларов, — сказал Коупленд, протягивая чемоданы.

Хасан со скучающим видом открыл чемоданы и начал считать деньги. Оказалось 2 999 990 долларов. Пришлось пересчитывать. И опять круглой суммы не получилось.

— Ну ладно. Не будем переживать из-за десятки. Надеюсь, меня не заподозрят.

Вызвав охранника то ли в качестве свидетеля, то ли телохранителя, Хасан, как он заверил Коупленда, направился в резиденцию Насера.

Однако, предполагая, очевидно, возможную реакцию Насера, Хасан предпочел все же вручить эти деньги генералу Нагибу, который и спрятал их к себе в сейф.

Насер, узнав через некоторое время об этом, пришел в ярость. Он немедленно прибыл к Нагибу за объяснениями. Тот стал оправдываться, уверяя Насера, что это личный подарок от Эйзенхауэра из особого благотворительного фонда для «борьбы с коммунизмом». Насер, хорошо зная, что скрывается за подобного рода «благотворительностью», потребовал передать деньги Совету руководства революцией.

Вопрос о том, как поступить с деньгами, был поставлен на обсуждение Совета руководства революцией. Молодые офицеры — члены Совета — выдвигали самые различные предложения. Ни у кого не было сомнения, что это — дело рук ЦРУ. Сначала возникла идея вернуть эти деньги в американское посольство.

— А по-моему, — сказал Насер, — раз ЦРУ так любит заниматься «благотворительностью», почему бы их не истратить на полезные цели? А заодно и подшутить над нашими «благодетелями»!

Заседание Совета превратилось в своеобразный конкурс на наиболее остроумное использование американских денег. Один из офицеров предложил построить скульптурное сооружение, напоминающее сфинкса: на переднем плане выдающийся огромный нос (намек на то, что американцев остарили с носом) с приставленным к нему большим пальцем, а четыре пальца в небо.

Насер рассмеялся:

— А почему четыре пальца? А не лучше ли направить один палец в небо, но такой высоты, чтобы его видно было с любой точки Каира? Можно было бы соорудить такой

«палец» в виде телевизионной и радиотрансляционной башни. Пусть с помощью этой башни египтяне тщательно следят за деятельностью американцев, а ЦРУ она будет напоминать о провале его планов в Египте.

Вскоре телебашня с врачающимся рестораном и баром на верхнем этаже высоко взметнулась в небо Каира, как бы воплощая собой промах ЦРУ и неподкупность Насера. Египетский президент, глядя на этот шпиль, любил подшучивать:

— Смотрите, как ЦРУ попало пальцем в небо Каира. Но не забывайте: это — особый палец! Он все слышит и видит...

Но Насер не знал, что этот «палец» лежал на заведенном курке. Позднее бывший резидент ЦРУ в Каире Милс Коупленд признался, что под эту башню американцы заложили мощное взрывное устройство. Оно должно было сработать при посещении телекомплекса Насером. Однако система была обезврежена египетской службой безопасности, и эта, как и многие другие, попытка ЦРУ организовать убийство Насера провалилась.

Кэффери не удалось установить доверительные отношения с новыми египетскими руководителями. К тому же в Лондоне Даллесу выразили недовольство антианглийскими выпадами некоторых американских дипломатов в Каире. Все это, вместе взятое, ускорило решение о замене 65-летнего Кэффери.

Главное достоинство назначенного на его место нового американского посла Чарлза Бейроуда состояло в том, что он был ровесником пришедших к власти в Египте «свободных офицеров» и несколько лет служил в армии. К тому же он разбирался в ближневосточных делах.

Бейроуд энергично взялся за дело. Он и его дипломаты устанавливали личные контакты со многими египетскими руководителями. Находившиеся «под крышей» американского посольства сотрудники ЦРУ, не ограничиваясь Каиром, сновали по всей стране. Тем временем в Каир одна за другой продолжали наведываться из Вашингтона делегации военных экспертов. В одну из них был включен от ЦРУ майор Уилбур Ивлэнд. Он прибыл в Каир с представителем Пентагона полковником Алленом Герхардом в конце 1954 года. У них было деликатное поручение не только выяснить потребности египтян в оружии. Заодно нужно было добиться также удовлетворения «военных нужд» самих США. Незадолго до отъезда в Каир Ивлэнду поручили подготовить доклад для Комитета начальников

штабов США, в котором программа оказания «военной помощи» Египту должна была тесно увязываться с обеспечением мирного ухода английских войск из зоны Суэцкого канала.

В госдепартаменте и Пентагоне им поставили, вспоминает Ивлэнд, явно невыполнимую задачу: взамен поставок Египту американского оружия на сумму всего лишь около 5 миллионов долларов, закамуфлированных под экономическую помощь, чтобы не вызывать раздражения Израиля, добиться у Насера согласия хотя бы на размещение в Египте американских военных специалистов. Герхарду к тому же было поручено вновь обсудить вопрос о создании с участием Египта «оборонительного пакта». Так, в представлении Вашингтона, должен был обеспечиваться «мирный уход» английских войск, которые по соглашению 1954 года выводились из зоны Суэцкого канала.

Ивлэнд вспоминает, что ни он, ни компетентные ближневосточные эксперты в госдепартаменте не верили в успех их миссии. Насер был не такой простачок, который согласился бы на ввод американских войск вместо английских для «обеспечения безопасности» Египта.

Предчувствия Ивлэнда оправдались. Едва визитеры из Вашингтона заикнулись о желательности направления в Египет американских военнослужащих, Насер рассмеялся:

— Мы не избавились еще от одних чужеземных солдат, а вы хотите прислать нам новых. «Братья-мусульмане» уже стреляли в меня недавно за то, что я не добился вывода англичан. Правда, ни одна из шести пуль не попала. Но, если я соглашусь на замену англичан американцами, вы сможете гарантировать, что меня не убьют? Я сам считаю, что тогда меня уже никто не убережет. Поэтому что это будет заслуженная кара...

Ивлэнд попытался было подсластить пилюлю:

— Наша миссия может быть весьма ограниченной, а ее члены будут ходить в штатском.

Насер хитро им подмигнул:

— Неужто найдется такой генерал, который согласится не показывать своих погон?

Когда же Герхард все же решился опять поднять вопрос об «оборонительном пакте», ссылаясь на «общую угрозу» со стороны Советского Союза, лицо Насера сразу сделалось отчужденно-холодным.

— Для нас, арабов, есть один общий враг. Это не Россия, а Израиль! — парировал египетский лидер и, поднявшись, дал понять, что говорить больше не о чем.

Но и после этого в Каир продолжали наведываться американские дипломаты, разведчики, предприимчивые дельцы и прямолинейные солдафоны. Их принимали на различных уровнях. Некоторые удостаивались и приема у Насера. Однако их беседы заканчивались безрезультатно.

Планы создания «ближневосточного пакта» неизменно буксовали в Каире. В Вашингтоне и Лондоне решили удовлетвориться пока созданием блока в урезанном виде. Новый военный союз был оформлен в начале 1955 года заключением Багдадского пакта с участием Турции, Ирака, Ирана, Пакистана и Англии. К этому союзу на правах «ассоциированного члена» присоединились несколько позднее и Соединенные Штаты.

С образованием Багдадского пакта нажим на Египет усилился. Не только политический — с помощью дипломатии США и Англии, — но и военный — руками Израиля, который все чаще совершал откровенно агрессивные вылазки.

Гром в лучах солнца

Призывы присоединиться к Багдадскому пакту были сразу же отвергнуты Насером. В этой затее он усматривал прежде всего попытку расколоть арабский мир, а затем навязать ему новую форму господства Запада. Замысел был предельно прост. Англичане хотели как можно надежнее заменить свой «уход» с Суэцкого канала сохранением коллективного военного присутствия Запада на Ближнем Востоке под предлогом борьбы с «угрозой коммунизма». Насера пытались убедить, что он сможет обеспечить «безопасность Египта» и урегулировать конфликт с Израилем, только вступив в союз с Западом. Американцы говорили об этом напрямик, как и подобает деловым людям:

— Вы нам — базы, мы вам — оружие и деньги!

Насер не пошел на такую сделку. Запад ответил на это ужесточением экономических санкций. Сначала Англия отказалась поставить Египту даже те 80 танков, которые были закуплены и оплачены еще королем Фаруком. Одновременно она значительно сократила закупку египетского хлопка — основной статьи экспорта страны, надеясь тем самым дезорганизовать ее экономику и лишить денежного источника для приобретения оружия на другом рынке. С Лондоном солидаризировался и Вашингтон. Затягивая

переговоры о продаже американского вооружения, он постепенно тоже усиливал экономическое давление на Каир.

Зато Израиль щедро снабжался США, Англией, Францией и ФРГ оружием и деньгами. Только американская помощь Тель-Авиву по государственной линии составила к 1956 году 600 миллионов долларов. За счет предоставленных ФРГ кредитов и так называемых выплат в «счет reparаций» в Израиль широкой рекой текло вооружение. Щедрые подачки Тель-Авив получал от Всемирной сионистской организации.

Чувствуя возрастающую военную и финансовую помощь своих государственных и частных «доноров», Тель-Авив становился все более воинственным. Израиль в одностороннем порядке в 1950—1955 годах установил фактический контроль над некоторыми демилитаризованными зонами в приграничных районах с Египтом, Сирией и Иорданией.

Аппетит у израильских экспансионистов возрастал. Из Тель-Авива все чаще раздавались призывы к войне за «Великий Израиль от моря и до моря».

В феврале и августе 1955 года израильские вооруженные силы дважды совершали вторжение в находившийся под египетским контролем сектор Газа. Все эти набеги совершились под предлогом ответных акций на действия палестинских партизан. Подобные «ограниченные операции» становились систематическими. В период между 1948 и 1956 годами вопрос об арабо-израильском конфликте поднимался в Совете Безопасности ООН не менее двухсот раз. В большинстве случаев империалистические державы препятствовали принятию каких-либо действенных мер. Из-за такой обструкционистской позиции Совет Безопасности ограничивался лишь констатацией нарушения законных прав палестинского населения.

Перед египетским руководством всталла первоочередная задача укрепления своей армии. И Насер смело решил эту задачу. Он разрубил тот гордиев узел, который Запад предлагал ему развязать. Когда Насеру показали список западного вооружения, поставленного Тель-Авиву, он окончательно убедился, что переговоры о продаже Египту оружия — это лишь ширма, за которой плется заговор.

В солнечное утро 27 сентября 1955 года в Каире состоялся традиционный военный парад. На него были приглашены послы, военные атташе и другие дипломаты иностранных государств. Центральную площадь и прилегающие к ней улицы заполнили десятки тысяч людей. Здесь

были и гости из многих арабских стран. Для участия в нем прибыли солдаты в живописных нарядах из Иордании, Ливана, Саудовской Аравии и даже из Йемена. Постижне Каир в эти дни стал столицей арабского мира, а Насер — его вождем.

Народ встретил Гамаль Абдель Насера, как всегда, овациями и восторженными возгласами. Насер, приветственно помахав рукой, начал говорить. Это было не официальное выступление, а скорее откровенная беседа с соотечественниками. Он говорил спокойно, размеренно. Время от времени Насер делал длительные паузы. Он обстоятельно изложил все перипетии длительных переговоров о закупке оружия, которые велись с Западом. Он обращался и к американцам, и к англичанам, и к французам. От одних он услышал решительный отказ, от других — уклончивые посулы, от третьих — ультимативные требования.

— Но нашлись все-таки страны, которые выразили готовность прийти нам на помощь! — торжественно объявил Насер.

По-деловому, спокойно и даже несколько сухо Насер информировал, что правительство Чехословакии, в частности, уже поставило Египту оружие в пределах его потребностей на чисто торговой основе.

Сообщение Насера произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Иностранные журналисты бросились к телефонам и телетайпам. Народ ликовал и аплодировал вместе со своим лидером, когда мимо трибун начали проходить современные танки и артиллерия. Вместе с египетскими войсками прошли подразделения солдат в бедуинских головных уборах из Иордании, горнолыжники из Ливана, верблюжья кавалерия из Саудовской Аравии... И вдруг с молниеносной скоростью над головами присутствующих пронеслись советские реактивные истребители. Вслед за ними раздались раскаты грома. Рев реактивных двигателей и взрыв аплодисментов лиżąщей многотысячной толпы слились воедино. Египтяне гордились и радовались за свою родину. Этой же гордостью и радостью светилось лицо Насера, когда он наблюдал на военном параде за проносящимися в небе Каира реактивными самолетами с трехцветным флагом Египта на фюзеляже.

Сообщения о параде в Каире подавались на Западе как величайшая сенсация. Между тем сама весть о закупке Египтом советского оружия и о расширении сотрудничества с социалистическими странами была не столь уж неожиданной. И американские и английские дипломаты в

Каире имели сведения об этом. Посол США Бейроуд информировал Вашингтон о готовящейся сделке еще в июле 1955 года. Более того, У. Ивлэнд убежден, что именно это обстоятельство заставило тогда американцев развить бешеную активность сразу же по нескольким направлениям.

Резидент ЦРУ в Каире Джон Эйклбергер среди ночи позвонил близкому другу Насера египетскому журналисту Мухаммеду Хейкалу и стал упрашивать, чтобы тот убедил его в необходимости избежать «коммунистической ловушки». Он умолял подождать с заключением сделки до прибытия американской делегации, находившейся уже на пути в Каир. Одновременно резидент ЦРУ в Дамаске Уолтер Кэмпбелл получил указание прозондировать готовность сирийцев закупить американское оружие, чтобы помешать их сближению с Египтом и Советским Союзом.

До самого последнего момента Дж. Ф. Даллес, даже получая тревожные сигналы, отказывался им верить. Он считал, что Насер «блефует». Когда же буквально на следующий день после подписания соглашения Насер официально уведомил об этом американского и английского послов в Каире, Даллес был взбешен. Он немедленно подготовил ультиматум Насеру с требованием аннулирования этого соглашения. В противном случае США угрожали не только прекратить все виды помощи и порвать дипломатические отношения, но и осуществить блокаду Египта, чтобы воспрепятствовать прибытию судов с советским оружием. Даллес все еще верил, как свидетельствует Ивлэнд, что подобным образом можно будет выкрутить руки Насеру. Однако он ошибся.

Узнав от прибывшего в Каир специального американского эмиссара Кермита Рузвельта о подготовленном ультиматуме Египту, Насер напомнил, что США имеют дело с независимой страной и гордым народом. Он сам может проявить инициативу в разрыве дипломатических отношений с США. Предупреждение возымело действие.

Приехавший по поручению Даллеса заместитель государственного секретаря Джордж Аллен более полутора часов дождался приема у Насера и несколько часов потом убеждал его пересмотреть решение о закупке советского оружия, но ультиматум вручить не осмелился. Он уехал, ничего не добившись. Столь же безрезульятно закончился последовавший вскоре после этого визит в Каир американских сенаторов. Им тоже не удалось соблазнить Насера щедрыми обещаниями об оказании американской помощи

взамен «кое-каких политических уступок». Насер хорошо знал цену этим обещаниям и понимал опасность для Египта возможных последствий требуемых от него уступок.

Лондон реагировал на решительный шаг Насера не менее нервно, чем Вашингтон. Английский посол в Каире Тревельян сразу же посетил Насера и предупредил его об «опасных последствиях» закупок советского оружия. Премьер-министр Великобритании Антони Иден, которому явно изменило пресловутое английское хладнокровие, назвал Насера «врагом общества номер один» и призвал устраниить его «любой ценой». С благословения английских тори на голову Насера обрушился гром проклятий и угроз. Смелый шаг Насера произвел в Англии даже большее впечатление, чем в свое время свержение короля Фарука. На страницах лондонской печати стали раздаваться призывы пересмотреть решение о выводе из зоны Сuezского канала английских войск. Иден решил увеличить силы командующего английскими сухопутными войсками на Ближнем Востоке. На Кипр, на юг Аравийского полуострова и в зону Персидского залива стали перебрасываться новые воинские подкрепления. Тогда же наметились контуры созданного позже «тройственного союза» Англии, Франции и Израиля, который поддерживали США. В первые дни 1956 года в Вашингтоне было проведено экстренное совещание Идена с американскими руководителями для выработки совместной англо-американской политики на Ближнем Востоке. Вспомнили забытую всеми Тройственную декларацию 1950 года, в которой Англия, Франция и США выражали намерения принять совместные меры для «стабилизации положения» в этом районе.

Запад пытался использовать весь возможный арсенал колониалистских и неоколониалистских методов, чтобы заставить Насера свернуть с избранного им пути. В ход были пущены и политическое давление, и дипломатические маневры, и подрывные акции английской и американской разведывательных служб, и военный наём.

Пирамида на трех «китах»

Насер имел неопровергимые доказательства стремления Запада заменить его «более сговорчивым человеком». Дж. Ф. Даллес лично проявлял постоянный интерес к планам подготовки государственного переворота в Каире. Представители английской и американской разведыватель-

ных служб в то время всерьез рассматривали возможность их реализации. Наличие подобных планов не отрицал и ставший тогда начальником бюро ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке К. Рузвельт. Заговоры плелись не только против Насера, но и других арабских руководителей, укреплявших сотрудничество с Египтом.

В многочисленные планы устранения египетского президента вносили свою лепту и ЦРУ, и госдепартамент. К ним имели отношение оба Даллеса — и Аллен и Джон Фостер. Они прибегали к консультациям и советам таких «видных экспертов» ЦРУ по подрывной деятельности, как Керmit Рузвельт, Джон Маккоун и Ричард Хелмс. Выполнение этих планов возлагалось непосредственно на президентов американской разведки в Каире. В Вашингтоне и в Тель-Авиве существовало убеждение, что стоит только избавиться от Насера, как все проблемы на Ближнем Востоке будут немедленно улажены.

На подрывные действия ЦРУ Насер ответил решительными мерами по пресечению деятельности американской агентуры. По его личному указанию из страны выдворили американского шпиона Финча, который под видом дипломата занимался в зоне Суэцкого канала сбором разведывательных данных.

В процессе противоборства с врагами революции Насер все более сознавал, что арабское освободительное движение — это часть общего антиимпериалистического фронта борьбы, опирающегося в первую очередь на силу и поддержку стран социализма, на поддержку Советского Союза — самого надежного союзника всех народов, борющихся за свою свободу и независимость.

На Западе считали, что неоколониалистская пирамида на Ближнем Востоке может и должна держаться на трех «китах»: военных базах, включая Суэцкий канал, политической структуре Багдадского пакта и на экономической заинтересованности Египта в Асуанской плотине.

Вашингтон решил любой ценой попытаться помешать развитию советско-египетского сотрудничества. Он хотел привязать Египет к Западу кредитами на строительство Асуанской плотины. Однако и эта ставка не оправдалась. Насер не пошел на кабальные условия американского кредита.

Не прошло и месяца после завершения вывода английских войск из зоны Суэцкого канала, как Даллес сообщил 19 июля 1956 года послу Египта в США Ахмеду Хусейну об отказе в американском займе. Он зачитал ему заявле-

ние, которое Белый дом огласил еще накануне. Отказ мотивировался тем, что экономика Египта якобы не в состоянии выдержать такую нагрузку. И по форме, и по содержанию такой ответ был оскорбительным. На протест посла Даллес с издевкой ответил:

— Египетский народ не может взять на себя бремя строительства такого крупного объекта... Тем более что Египту еще нужно оплачивать поставки русского оружия. Мы не хотим зарабатывать ненависть египетского народа...

По существу, это было прямое подстрекательство против правительства Насера.

Несколько позже Даллес, развивая свою мысль в беседе с египетским министром иностранных дел Махмудом Фавзи, иронически заметил:

— Мы не возражаем, чтобы плотину строили русские. А финансировать строительство Египет сможет за счет доходов от Суэцкого канала. Это будет, наверное, наилучшим решением.

Даллес высказал это как почти фантастическую гипотезу, которой не суждено никогда сбыться. Отказ в субсидировании строительства Асуанской плотины был первой официальной внешнеполитической акцией США в отношении Республики Египет, возглавляемой президентом Насером. И эта акция явилась как бы сигналом для начала открытой конфронтации Запада против Египта. Через неделю она вылилась в сuezкий кризис, а через три с лишним месяца — в вооруженную агрессию против независимого арабского государства.

Оскорбительная и грубая форма отказа в кредитах не оставила у Насера сомнения, что ему брошен вызов. Так же это расценил и находившийся в то время с визитом в Каире премьер-министр Индии Неру, которому Насер показал полученную депешу об ответе Даллеса. Насер принял этот вызов.

Саркастические замечания Даллеса еще более укрепили египетского президента в убеждении о возможных источниках финансирования Асуанской плотины. Незадолго до этого посетивший Каир английский министр иностранных дел Селвин Ллойд в беседе с Насером тоже «нечаянно» обронил фразу о том, что Суэцкий канал — это часть ближневосточного нефтяного комплекса Запада. Насер резонно ему заметил, что в таком случае Египет, как и страны, добывающие нефть, должен тоже получить по крайней мере пятьдесят, а не шесть процентов доходов от эксплуатации Суэцкого канала, тем более что срок дей-

ствия концессии Всеобщей компании морского Суэцкого канала истекал в 1968 году, а плотину к этому времени уже надо было построить. Даллес и Селвин Ллойд, сами того не подозревая, подсказали Насеру, как он должен реагировать на вызов Запада.

На следующий день после получения ответа Даллеса Насер на вопрос своего друга Хейкала, помнит ли он высказанную Ллойду мысль о получении половины доходов от Суэцкого канала, ответил вопросом:

— А почему, собственно говоря, только половину? США и Англия столько водили нас все это время за нос. Они требовали от нас мира с Израилем, участия в пактах, продления концессии на Суэцкий канал, но стремились они лишь к усилению своего влияния.

Ровно через неделю после получения отказа Даллеса в займе, 26 июля 1956 года, выступая на митинге в Александрии, Насер объявил о решении египетского правительства национализировать Всеобщую компанию Суэцкого канала. Свою историческую речь он завершил словами:

— Американцы, задыхайтесь от бешенства! Годовой доход компании Суэцкого канала составляет сто миллионов долларов. Почему нам самим не получать его? Мы построим высотную плотину, какую нам хочется! Компания Суэцкого канала будет национализирована. И ею будут управлять египтяне! Египтяне, а не иностранцы! И это законно! Канал построили египтяне, а не Француз Лессепс!..

Многотысячная толпа людей, заполнившая огромную площадь Маншия перед биржей, чуть ли не каждую фразу Насера встречала громом аплодисментов, радостными возгласами и восторженными здравицами в честь своего вождя. Он был первый, кто назвал их хозяевами Суэцкого канала.

Весть о национализации Суэцкой компании с ликованием встретили в Египте и во всех арабских странах. Смелое решение Насера имело большое значение для всего национально-освободительного движения. Стали раздаваться призывы последовать примеру Насера. В сирийском парламенте секретарь палаты депутатов призвал все арабские страны немедленно национализировать иностранные нефтяные компании, действующие на их территории.

Советский Союз и другие социалистические страны решительно выступили на стороне Египта. В заявлении

Советского правительства особо подчеркивалось, что решение правительства Египта о национализации компании Суэцкого канала является вполне законным действием, вытекающим из суверенных прав Египта.

Совсем другая реакция была на Западе.

Идену сообщили эту сенсационную новость во время обеда, который он давал в честь своих единственных арабских союзников — короля Ирака Фейсала и его премьер-министра Нури Саида.

До обеда состоялась деловая встреча Идена с иракскими гостями. Она была целиком посвящена обсуждению ближневосточных проблем, главным образом планам свержения режима Насера. Иден был уверен, что отказ Запада в помощи строительства Асуанской плотины нанесет Насеру такой ощутимый удар, от которого он вряд ли оправится.

На обеде они продолжили обсуждение этого вопроса. Иден высказал твердое убеждение, что теперь с Насером, можно считать, покончено.

— Уже теперь следовало бы подумать, кто мог бы стать преемником Насера,— обратился английский премьер к королю Ирака Фейсалу.

Именно в момент обсуждения кандидатур возможных преемников Насера секретарь подал Идену срочную депешу. Прочитав ее, Иден сначала побледнел, потом его лицо покрылось красными пятнами. После минутного колебания он сообщил гостям о национализации Насером Суэцкого канала. Затем, потеряв уже над собой контроль, он истерично начал кричать, размахивая депешей:

— Как он посмел? Какое он имел право?

Обращаясь к Нури Саиду, Иден спросил:

— Как, по-вашему, я должен поступить?

— Есть только один путь! Как можно скорее надо нанести ответный удар,— с горячностью воскликнул иракский премьер.— Если оставить Насера безнаказанным, он покончит со всеми нами!

На следующий день после объявления Египтом о национализации компании Суэцкого канала Иден имел телефонный разговор с французским министром иностранных дел Пино. Они пришли к единому мнению о необходимости принятия «быстрых и решительных мер» против Египта. И тот и другой не скрывали своих чувств и намерений. Насера во что бы то ни стало нужно наказать. А еще лучше — свергнуть. Единственным же реальным средством для достижения этой цели может быть только применение

или по крайней мере угроза применения военной силы. Об этом же Иден поспешил сообщить президенту США Эйзенхаузеру. В отправленной ему срочной депеше как бы испрашивалась санкция Вашингтона на применение силы в качестве последнего средства с целью «образумить Насера».

Английская и французская большая пресса, подбадривая своих государственных мужей, призывала действовать смелее, даже если «американские союзники не смогут или не захотят присоединиться».

Отвлекающие маневры

Несмотря на поспешно принятое английскими и французскими руководителями решение «стукнуть кулаком», они, однако, не пошли на немедленное применение силы против Египта. Между тем Насер более всего опасался именно быстрого военного вмешательства Англии и Франции. Он полагал, что каждая неделя отсрочки уменьшает шансы успеха подобной операции. Это, очевидно, сознавали и в Лондоне, и в Париже. В вышедшей 10 лет спустя после суэцкого кризиса книге «Суэцкая экспедиция 1956 года» бывший командующий французским экспедиционным корпусом генерал Бофф признал, что англичане и французы с целью свержения режима Насера подготовили план, предусматривавший проведение немедленных воздушных и морских операций с высадкой десантов, которые должны были быстро захватить Александрию и Каир.

Адмирал флота лорд Маунтбеттен и фельдмаршал Темплер, с которыми советовался Иден, отказались, однако, от проведения таких поспешных операций. Доводы, изложенные военными специалистами, подействовали несколько отрезвляюще на политиков Англии и Франции. После состоявшейся в Лондоне в начале августа встречи Идена, Пино и Даллеса было решено ограничиться пока оказанием на Египет экономического давления. Уже через день после национализации Англия предприняла по отношению к Египту экономические санкции, блокировав в своих банках 116 миллионов египетских фунтов и запретив перевод капиталов компаний Суэцкого канала на текущий счет Египта. Аналогичным образом поступила и Франция.

Коллективная вооруженная акция против Египта, предпринятая осенью 1956 года, вошла в историю как

«тройственная» агрессия не только по формальному признаку, исходя из числа ее непосредственных участников — Англии, Франции и Израиля. Она была и по существу «тройственной», ибо готовилась как первая коллективная акция трех контрреволюционных международных сил: колониализма (Англия и Франция), сионизма (Израиль) и неоколониализма (местная реакция, поддерживаемая Соединенными Штатами). Однако третий компонент этого механизма по ряду причин не сработал.

Незадолго до развязывания «тройственной» агрессии против Египта Аллен Даллес лично дал инструкции работнику ЦРУ У. Ивлэнду и американскому послу в Дамаске Музу ускорить подготовку к осени 1956 года проамериканского переворота в Сирии. Соответствующие указания об активизации оппозиционных сил в Египте получили также резиденты ЦРУ в Каире Юджин Трон, а затем Джеймс Энглтон. Но этим планам не суждено было сбыться: готовившиеся заговоры были раскрыты или же их организаторы не решились выступить в условиях небывалого подъема антиимпериалистического движения во всем арабском мире.

При подготовке агрессии Вашингтон играл не столько «сдерживающую», сколько направляющую роль. Вслед за Англией и Францией, блокировавшими в своих банках египетские авуары, Соединенные Штаты тоже прибегли к экономическим санкциям против Египта. Они «заморозили» 21 миллион египетских фунтов, находившихся на счетах американских банков, сократили поставку Египту ряда промышленных товаров, отказали в продаже продовольствия и медикаментов для борьбы с эпидемическими заболеваниями среди детей. Они срочно прекратили переговоры о предоставлении Египту американской «помощи» в размере 25 миллионов долларов. Это было равнозначно объявлению экономической войны. Затем США вместе с другими западными государствами попытались помешать нормальной работе канала.

Для прикрытия начатых военных приготовлений именно Даллес предложил использовать «дымовую завесу» переговоров. За этой ширмой полным ходом продолжались военные приготовления Англии и Франции, которые тщательно маскировали до самого последнего момента. Идея даже после возвращения из Парижа, куда он и министр иностранных дел Селвин Ллойд вылетали 16 октября на секретное совещание с французскими руководителями, продолжал утверждать, что Англия и Франция будут пре-

творять в жизнь выдвинутый Даллесом план создания Ассоциации пользователей Суэцким каналом (АПСК).

Этот план под предлогом «интернационализации кризиса» преследовал цель возвращения контроля над каналом западных государств под эгидой Соединенных Штатов. По существу, «пользователи» каналом намеревались объединиться и определить такие условия навигации, которые лишили бы Египет доходов от канала.

— Насер увидит, как деньги уплывают у него из-под рук. Это будет получше, чем угроза силой или применение силы,— говорил Даллес.

При этом американское правительство не исключало возможности использования силы, если не дадут эффекта все другие рычаги.

Сельвин Ллойд позднее признал, что план АПСК был «хитроумным маневром», изобретенным Даллесом для того, чтобы затянуть события и не дать им разразиться в разгар президентских выборов.

Пока шли разговоры и дебаты вокруг Ассоциации пользователей, был окончательно завершен закулисный сговор участников будущей агрессии против Египта. О том, что американцы были информированы о планах вторжения в Египет, прямо признается в вышедших четверть века спустя после «тройственной» агрессии 1956 года мемуарах бывшего английского премьер-министра Гарольда Вильсона, хорошо осведомленного в тайнах ближневосточной дипломатии Запада.

В свете последующих событий в Ливане и стремления Израиля аннексировать часть захваченных им южных районов страны особый интерес представляет указание Вильсона на то, что Израиль уже тогда претендовал на присоединение части ливанских земель в качестве награды за участие в «тройственной» агрессии. Премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, в частности, настаивал на удовлетворении хотя бы части экспансионистских требований Тель-Авива, касающихся «фундаментальной перекройки» карты всего Ближнего Востока. Как пишет Гарольд Вильсон в своих мемуарах «Колесница Израиля», сионистские лидеры хотели заполучить в качестве вознаграждения за участие в интервенции не только часть Синая, но и юг Ливана, а также западный берег реки Иордан.

Суэцкий кризис в своем развитии прошел несколько фаз. Дипломатия Запада на каждой из них старалась не столько найти политическое урегулирование, сколько прикрыть военные приготовления генеральных штабов. Даже

даты созыва различных совещаний и конференций были обусловлены степенью подготовки англо-французских вооруженных сил к агрессии. На заключительном этапе сuezского кризиса, по признанию Селвина Ллойда, чисто из политических соображений начало военной операции переносилось несколько раз — сначала с 15 на 19 сентября, а затем с 26 сентября на 30 октября.

Тем временем генеральные штабы Англии и Франции лихорадочно проводили военные приготовления. Английские и французские войска концентрировались в Восточном Средиземноморье. На Кипр и на Мальту перебрасывались крупные сухопутные силы, танковые части и боевые самолеты. В Никозии начал действовать специальный штаб объединенных англо-французских сил. В секретном убежище в Лондоне, которое сохранилось под дном реки Темзы со временем второй мировой войны, специальная англо-французская группа планирования вносила необходимые корректизы в разработанные планы. Общее руководство действиями англо-французских войск возложили на командующего английскими сухопутными войсками на Ближнем Востоке генерала Кейтли, его заместителем назначили французского адмирала Баржо.

Сионистские руководители Израиля изъявляли готовность в любой момент начать боевые действия на Синае и подталкивали к быстрейшему развязыванию агрессии своих партнеров. Израильские представители один за другим посещали Францию, чтобы потешить события и ускорить отправку очередной партии оружия. Сначала в Париже побывал личный представитель израильского премьер-министра Шимона Перес, затем генерал Моше Даян. Вскоре туда пожаловал и сам Бен-Гурион в сопровождении Даяна. В конфликте из-за Суэцкого канала Тель-Авив видел удачную возможность для осуществления своих давнишних замыслов о нанесении «превентивного удара» по Египту.

Решение об этом было принято между ноябрем 1955-го и июлем 1956 года, как только стала очевидной возможность оказания поддержки со стороны Англии и Франции. Окончательно сговор был оформлен 25 октября 1956 года во французском городе Севре. От имени Израиля документ подписал Бен-Гурион, от Франции — министр иностранных дел Кристиан Пино, от Англии — личный представитель Идена Патрик Дин. Поскольку Иден не скрепил своей личной подписью этот документ, он впоследствии пытался утверждать, что лично не причастен к сговору с

Израилем. Позднее тайны троицкого сговора в Севре раскрыл в мемуарах Селвин Ллойд, хотя его участники дали тогда друг другу слово, что это соглашение никогда не будет опубликовано.

В соответствии с секретным севрским договором развязывание Израилем военных действий против Египта должно было послужить прелюдией к англо-французскому вторжению в зону Суэцкого канала. Израильская операция носила кодовое название «Кадеш» («Очищение»). Оно, очевидно, содержало намек на «очищение» Синай от египтян и очищение от «грехов» союзников Израиля — Англии, Франции, а заодно и Соединенных Штатов. Таким образом, Тель-Авив брал на себя наиболее грязную работу по развязыванию агрессии, которая готовилась совместными усилиями.

Хотя в 1956 году США непосредственно и не участвовали в военных действиях против Египта, их вооруженные силы в восточной части Средиземного моря и на Ближнем Востоке всячески демонстрировали свою поддержку агрессорам под предлогом «необходимости защищать жизнь и имущество американских граждан» (этую версию Вашингтон не раз впоследствии использовал для военных демонстраций против арабов). США, по существу, тоже приняли участие в антиегипетской кампании военных угроз Запада. К египетскому побережью немедленно был двинут 6-й флот США, находившийся в Средиземном море. В Александрии даже высадилось небольшое подразделение морской пехоты опять с той же целью «обеспечения безопасности граждан США». Позднее выдвигался даже смехотворный тезис, будто оно имело также задачу противодействовать вторжению Англии и Франции в Египет. На самом же деле Соединенные Штаты всячески поощряли агрессоров.

Однако Вашингтон не решился тогда открыто их поддержать по ряду причин. Прежде всего он стремился ослабить позиции старых колониальных государств на Арабском Востоке и укрепить там свои нефтяные интересы, которые оказались бы под угрозой в случае открытого присоединения к агрессорам. К тому же внимание американской администрации сосредоточилось на подготовке контрреволюционных событий в Венгрии, которые должны были стать частью широкого контрреволюционного заговора, инспирировавшегося Соединенными Штатами. Его организаторы хотели одновременно покончить с социализмом в Венгрии и прогрессивным режимом в Египте. Таким обра-

зом, нанося последовательные удары по социалистическому содружеству и национально-освободительному движению, империалисты мечтали осуществить на практике стратегию «отбрасывания» Советского Союза как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

Далеко идущие военные и политические цели ставили перед собой сионистские заправилы Израиля: нанести Египту военное поражение и продиктовать ему условия «мирного» договора, то есть с помощью вооруженной силы навязать арабам капитуляцию. Чисто в военном плане разработанная израильским командованием операция предусматривала две основные цели. Во-первых, в кратчайший срок достигнуть Суэцкого канала и, создав угрозу свободному судоходству, дать повод Англии и Франции для военного вмешательства. Во-вторых, овладев южной частью Синайского полуострова, островами Тиран и Санафир, установить контроль над Акабским и Суэцким заливами. Эту операцию планировалось осуществить в течение семи-восьми суток. Для нападения на Египет была создана крупная израильская группировка, включавшая 10 бригад (около 100 тысяч человек), 200 танков, около 600 орудий и минометов, около 150 боевых самолетов и до 20 боевых кораблей.

Однако израильскому командованию приходилось учитывать значительно возросшую уже к тому времени боеспособность вооруженных сил Египта.

В соответствии с подписанными в 1955 году соглашениями с СССР и Чехословакией Египет получил значительную военную помощь. И хотя египетские вооруженные силы находились в то время в стадии реорганизации, а новая боевая техника, поступившая из социалистических стран, еще не была полностью освоена, Израиль не мог решиться при таком соотношении сил и с учетом возможности получения Египтом военной поддержки других арабских государств на самостоятельное развязывание войны. Тель-Авив взял поэтому на себя роль провоцирования войны, чтобы затем вовлечь в нее Англию и Францию. Это помогло бы ему разгромить египетские войска на Синае. Англо-французские же войска должны были захватить зону Суэцкого канала и Каир.

Операция трех «мушкетеров»

В вечерних сумерках 29 октября 1956 года моторизованные подразделения израильской воздушно-десантной бригады, усиленные танковым батальоном, пересекли египетскую границу в южной части Синайского полуострова и овладели Эль-Кунтиллой. Несколько восточнее перевала Митла был выброшен израильский воздушный десант, который завязал бой с оборонявшим этот перевал египетским батальоном. С наступлением темноты в район высадки израильского десанта французские транспортные самолеты начали доставлять агрессорам боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие и... питьевую воду. Маршрут агрессоров проходил через всю Синайскую пустыню, где на источники воды не приходилось рассчитывать.

На центральном направлении две израильские пехотные бригады, перейдя границу, глубокой ночью устремились к Эль-Кусейме. Встретив упорное сопротивление египетских войск, они были вынуждены остановиться. Только к исходу 30 октября — после продолжительной артиллерийской и авиационной подготовки с применением на-палма — интервентам удалось овладеть Эль-Кусеймой. На приморском направлении наступление израильских войск было вообще остановлено в районах Газа, Рафах. Действия сухопутных войск поддерживались с воздуха самолетами, управляемыми не только израильскими, но и французскими летчиками. За день до начала операции «Очищение» в Израиль через английскую базу на Кипре было переброшено 60 французских реактивных истребителей с французскими экипажами, а к египетским берегам уже двигались английские и французские эскадры. Таким образом, операция «Мушкетер» началась даже раньше израильского вторжения на Синай.

Тем не менее политическое и военное обеспечение союзниками израильской агрессии проходило далеко не гладко. Предполагалось, что на следующий день после израильского вторжения правительства Англии и Франции предъявят Египту и Израилю ultimatum, содержащий требование в течение 12 часов прекратить военные действия и отвести вооруженные силы воюющих сторон на 10 миль от Суэцкого канала, не препятствуя оккупации английскими и французскими войсками ключевых позиций в зоне канала — Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. В случае

отклонения египетским правительством этого ультиматума Англия и Франция осуществляли бы вооруженную интервенцию, ссылаясь на условия англо-египетского договора 1954 года. Все должно было выглядеть вполне «благопристойно». Англо-французские интервенты выступали якобы в роли неких беспристрастных посредников, действующих во имя «пресечения агрессии», в интересах «восстановления мира».

Но сразу же вышла заминка. Иден, ознакомив членов своего кабинета и представителей оппозиции с текстом ультиматума, столкнулся не только с колебаниями, но и возражениями ряда своих коллег, не говоря уже о лидерах лейбористов. Идену резонно возразили, что ссылки на англо-египетский договор 1954 года выглядят несостоятельными. Ведь в этом договоре специально оговаривалось, что действие статьи, разрешающей Англии в случае войны вновь оккупировать зону канала, не распространяется на арабо-израильский конфликт. Кроме того, Идену напомнили, что предъявление подобного ультиматума противоречит Тройственной декларации 1950 года и обязательствам Англии в рамках Британского содружества, так как это решение принималось без предварительной консультации с США и другими союзниками Англии. Вдобавок это противоречило Уставу ООН, ибо такой шаг, равнозначный объявлению войны, предпринимался в тот момент, когда Совет Безопасности, собравшийся в связи с израильским нападением на чрезвычайное заседание, еще не принял никакого решения.

Почти все английские газеты резко критиковали правительство в связи с этим ультиматумом. Тем не менее английских и французских руководителей, сделавших первые шаги к пропасти, остановить уже нельзя было. 30 октября заместитель министра иностранных дел сэр Айрон Киркпатрик в присутствии французского министра иностранных дел Кристиана Пино принял одного за другим египетского и израильского послов и зачитал им текст ультиматума. Составители ультиматума, очевидно, сами настолько не верили в реальность выполнения своих требований, что, позабыв об элементарной логике, даже не постарались свести концы с концами.

В обоих текстах значилось требование об отводе войск на 10 миль к востоку от канала. Но израильтяне к тому времени еще не вышли к каналу, а египетские войска находились на западном берегу и, следовательно, могли отступать только на запад.

Естественно, Египет отклонил этот ультиматум, а израильтяне восприняли его как благословение на быстрейшее продвижение к каналу.

Иден, хотя и призывал в те дни своих коллег по кабинету к твердости и решительности, сам выглядел жалким и растерянным.

Но неразумный шаг был уже сделан. 31 октября срок ультиматума истек. Теперь была очередь военных вступить в дело. Дальнейшие события диктовала логика войны. Однако, как признал 10 лет спустя командующий французским экспедиционным корпусом генерал Бофр, военная операция не могла быть удачной, поскольку она проходила в неблагоприятной политической обстановке.

Генерал Бофр не раскрыл до конца смысл главной ошибки. А она состояла в том, что агрессоры недооценили прочность революционного режима, возглавляемого Насером. Они не учли силу международной солидарности с Египтом, особенно твердую позицию, занятую Советским Союзом, и решительную поддержку, которую оказали арабские страны жертве агрессии. Главная цель — свержение прогрессивного режима в Египте, прежде всего устранения Насера — не была достигнута.

Начав вечером 31 октября военные операции против Египта, англо-французское командование решило ограничиться сначала лишь воздушными налетами на египетские города и военные объекты. В первые три дня английские и французские самолеты подвергли бомбардировке Порт-Саид, Каир и другие города. Были совершены налеты на аэродромы и другие военные объекты в Альмазе, Абу-Сувейре, а затем в Файиде и Эль-Кантаре. В результате этих налетов египетские ВВС потеряли почти все боевые самолеты. Это позволило агрессорам завоевать господство в воздухе и обеспечить беспрепятственную высадку воздушных и морских десантов. Авиация союзников 3 и 4 ноября неоднократно совершала налеты не только на военные объекты, но и на жилые кварталы. Большие разрушения были причинены таким густонаселенным городам, как Суэц, Исмаилия и особенно Порт-Саид. В Суэцком заливе английский крейсер потопил египетский фрегат «Акка». Нормальное судоходство по Суэцкому каналу, о котором якобы так пеклись Англия и Франция, оказалось нарушенным не египетским правительством, а действиями интервентов. Ущерб был нанесен и судоходству в сопредельных с Суэцким каналом районах, поскольку командование

военно-морских сил Англии и Франции объявило закрытыми для торгового судоходства определенные зоны в восточной части Средиземного моря и северной части Красного моря.

Во время налетов на мирные египетские города сбрасывались не только бомбы, но и миллионы листовок с призывом свергнуть правительство Насера. Однако ни предполагавшегося переворота, ни антиправительственных выступлений в Египте не произошло. Напротив, агрессоры получили возможность убедиться в стойкости и патриотизме египетского народа, в братской солидарности с ним народов арабских и мусульманских стран, даже тех, где у власти находились зависимые от Лондона монархи, реакционные правители и правительства. Как признает в своих мемуарах Иден, в Каире не нашлось тех «внутренних противников» режима, которые могли бы устраниТЬ Насера. И сами «внутренние врачи», на которых рассчитывали агрессоры, позднее констатировали, что никогда еще Насер не был так популярен, как в дни суэцкого кризиса.

Почти все независимые арабские страны порвали дипломатические отношения с Англией и Францией. В Сирии был взорван нефтепровод иностранной компании «Ирак петролеум компани» и началось формирование народного ополчения. Саудовская Аравия прекратила перекачивать нефть на английские танкеры и на нефтеочистительный завод в Бахрейне. Иордания запретила Англии использовать военные базы на своей территории и вместе с Сирией заявила о готовности оказать Египту непосредственную поддержку в соответствии с заключенным с Египтом в октябре 1956 года военным соглашением о создании объединенного командования. Во многих арабских странах проходили антиимпериалистические демонстрации.

Против агрессивной политики Англии выступили многие страны — члены Содружества. Индия, Пакистан, Цейлон подписали совместную декларацию, осуждавшую англо-французскую агрессию против Египта. В самой Англии против войны выступила лейбористская оппозиция. По стране прокатилась волна массовых митингов и антиправительственных демонстраций. Общественное мнение всего мира решительно осудило интервенцию. Это нашло отражение в фактической изоляции интервентов в первые же дни агрессии. Даже представитель США вынужден был 30 октября 1956 года внести предложение в Совете Безопасности об осуждении агрессии, о прекращении огня и об отводе израильских войск на линию перемирия. За выд-

минутую им резолюцию, призывающую воздержаться от применения силы или угрозы применения силы, проголосовали все, кроме Англии и Франции. Они применили вето. Примечательно, что, в то время как Советский Союз впервые использовал свое право вето в ООН в 1946 году с целью ускорить вывод иностранных войск из арабских стран — Сирии и Ливана, Англия применила его 10 лет спустя, стремясь помешать выводу израильских войск с оккупированной египетской территории. Соединенные Штаты в те критические дни оказали агрессорам немалую услугу, представив на сессии Генеральной Ассамблеи два многословных проекта резолюций. Советский представитель охарактеризовал их как попытку «утопить в бесплодной дискуссии по общим вопросам... главный вопрос — прекращение агрессии». Именно в тот момент, когда требовались быстрые и решительные меры по пресечению агрессии, американцы хотели навязать обсуждение... палестинской проблемы. Такая позиция США способствовала не урегулированию кризиса, а оттягиванию прекращения войны.

Пока США блокировали работу ООН, агрессия нарастала. Убедившись в тщетности попыток навязать свой диктат Египту с помощью бомбардировок, агрессоры пустили в ход свои десантные силы.

Ранним утром 5 ноября 1956 года началась высадка десантных частей интервентов. Израильские войска к этому времени приблизились к восточному берегу Суэцкого канала и двигались по побережью Суэцкого и Акабского заливов. Агрессоры имели значительный перевес в сухопутных, в военно-воздушных и в военно-морских силах. Объединенные англо-французские силы вторжения включали 65 тысяч человек, более 430 танков, 520 орудий и минометов. У них было 700 самолетов, 122 корабля, в том числе 6 авианосцев, 6 подводных лодок и 60 военных транспортов.

Около 600 английских и 500 французских парашютистов высадились в западной и южной частях Порт-Саида. Египетские подразделения береговой охраны оказали противнику упорное сопротивление, поддерживаемое огнем самоходных орудий, врытых в землю. Участие в боях принимали также вооруженные жители города.

Утром 6 ноября английский флот подверг бомбардировке египетские позиции, а затем был высажен морской десант. Французские войска овладели сначала Порт-Фуадом. К вечеру 6 ноября после ожесточенных боев интер-

венты подавили последние очаги сопротивления и в Порт-Саиде. Агрессоры намеревались 7 ноября овладеть Эль-Кантарой, 8 ноября взять Исмаилию и не позднее 12 ноября — Суэц. Но замысел остался неосуществленным.

Египет находился в тяжелом, даже критическом, положении. Египтяне готовились к партизанской войне. Однако казавшаяся такой близкой победа интервентов обернулась крупнейшим для англо-французских империалистов поражением.

Как только стало известно о начале десантных операций интервентов, министр иностранных дел СССР направил в Совет Безопасности срочную телеграмму. В ней содержалось требование немедленно прекратить военные действия и в трехдневный срок вывести все вторгшиеся на территорию Египта войска. В случае же невыполнения этого требования предлагалось оказать Египту военную помощь со стороны всех членов ООН, и прежде всего СССР и США. В тот же день, 5 ноября 1956 года, Советское правительство обратилось к президенту США с предложением совместно использовать санкции ООН вооруженные силы для прекращения агрессии против Египта.

Советская инициатива вызвала растерянность в Вашингтоне. Соединенные Штаты, проводя с самого начала сuezского кризиса политику поощрения агрессии против Египта, вовсе не были заинтересованы в срыве ее, прежде чем она достигнет своих целей.

А события развертывались вовсе не так, как хотели агрессоры и те, кто им сочувствовал. Советское правительство подкрепило предпринятые им срочные шаги в Совете Безопасности посланиями главам правительств Англии, Франции и Израиля. В них содержались предупреждения о самых серьезных последствиях продолжения агрессии и готовности Советского Союза принять решительные меры для восстановления мира на Ближнем Востоке. Эти предупреждения отрезвляющие подействовали на участников «войственной» агрессии.

Вскоре были получены ответные послания от премьер-министров Англии и Франции. Они сообщали, что отдали приказ своим войскам в Египте прекратить огонь в ночь с 6 на 7 ноября. Аналогичное послание пришло и от главы правительства Израиля. Однако прекращение огня не могло автоматически положить конец агрессии. Нужно было заставить интервентов вывести свои войска с оккупированной египетской территории. И в этом вопросе позиция Советского Союза также сыграла важную роль. В заявлении

ТЛСС, опубликованном 11 ноября 1956 года, подчеркивалось, что советские люди не останутся пассивными наблюдателями международного разбоя, если агрессоры не выведут своих войск с территории Египта.

Поражение «победителей»

Мужественная борьба египетского народа и решительная позиция Советского Союза, поддержка всех миролюбивых сил сорвали замыслы агрессоров и заставили их покинуть не только берега Суэцкого канала, но и весь Синайский полуостров. Они вынуждены были это сделать без каких-либо политических условий и без всяких территориальных уступок со стороны Египта.

В декабре 1956 года подразделения англо-французских войск оставили зону Суэцкого канала. В январе 1957 года вынуждены были уйти с Синая и израильские оккупанты, а затем, в марте 1957 года, и из сектора Газа.

Суэцкий кризис имел тяжелые последствия. Обе стороны понесли значительные людские и материальные потери. Египетские войска только на Синае потеряли около 3 тысяч человек убитыми и ранеными. Но еще больше было жертв среди мирного населения египетских городов, подвергшихся варварским бомбардировкам и обстрелу англо-французских интервентов. Многие кварталы Порт-Саида были полностью разрушены. «Порт-Саид пожертвовал собой ради Египта и арабского мира,— говорил впоследствии Насер,— и расстроил план империалистов, которые заявили, что они оккупируют Египет в 24 часа».

Египетские вооруженные силы и отряды ополченцев оказали интервентам упорное сопротивление, проявив большое мужество и стойкость в боях на Синае. В ходе боев израильские войска потеряли около тысячи человек убитыми и ранеными, а также большое количество танков. Немало интервентов нашло смерть в Порт-Саиде и Порт-Фуаде.

Частично осуществленные Англией и Францией военные цели суэцкой кампании были достигнуты ими ценой непропорционально больших экономических и политических издержек. Суэцкая авантюра буквально потрясла экономику Англии и Франции. Особенно дорого она обошлась Франции, ее валютные запасы почти иссякли, а инфляция и рост цен в стране приобрели невиданные до сих пор масштабы.

Суэцкая война поставила Англию, по свидетельству бывшего в то время министром финансов Г. Макмиллана, «на грань банкротства» и обошлась ей по крайней мере в 250 миллионов фунтов стерлингов.

Позиция Вашингтона в суэцком кризисе при всей ее двойственности и противоречивости преследовала империалистические цели в отношении арабского мира. Правда, он пытался их осуществить чисто неоколониалистскими методами. Сыграв роль одного из подстрекателей суэцкой агрессии, США в момент кульминации кризиса сочли для себя более выгодным отмежеваться от своих союзников. Все это, естественно, привело к определенному обострению разногласий между империалистами. Объективно это способствовало успешному противоборству Египта в отражении «тройственной» агрессии.

Однако Насер сознавал, что эти разногласия в основном касались сферы методов и тактики. Конечные же цели империалистов были одинаковы — помешать укреплению независимости Египта и его движению по пути прогресса, не допустить углубления египетской революции и дальнейшего расширения арабского освободительного движения, восстановить и укрепить позиции империализма на Ближнем Востоке.

После перерастания суэцкого кризиса в военную fazu правительство США прибегло к лицемерной тактике: на словах Вашингтон как будто отмежевывался от своих союзников, а на деле оказывал им не только политическую, но и экономическую поддержку, снабжая Англию и Францию нефтью и предоставив Лондону заем в 500 миллионов долларов.

Не случайно впоследствии известный американский политический деятель Роберт Мэрфи в порыве откровенности упрекнул Ги Молле в том, что Англия и Франция не продолжили войну до победного конца.

Вашингтон не ограничивался только платоническим сочувствием. Позднее стало известно, что по заданию Дж. Ф. Даллеса ЦРУ предприняло в то время ряд новых неудавшихся попыток устранить Насера и направило для этой цели в Египет три группы убийц. Кроме того, именно в те дни, по свидетельству бывшего резидента ЦРУ в Египте М. Коупленда, с американского корабля в Средиземном море был послан радиосигнал, который должен был привести в действие взрывное устройство в каирском телекомплексе во время посещения его Насером. Однако египтяне заранее приняли необходимые меры.

Президент Насер имел все основания не доверять «бескорыстному посредничеству» США в урегулировании ближневосточного конфликта. Насер знал, что и старые и новые колонизаторы связывали осуществление своих империалистических планов в Египте с подрывной и заговорщической деятельностью внутренней реакции. Она, объявив Насера «врагом Аллаха номер один», организовала на него несколько покушений и вела продолжительную подпольную войну против нового режима.

Вскоре после окончания «тройственной» агрессии президент Насер имел возможность еще больше убедиться в неоколониалистской сущности ближневосточной политики США, в ее неискренности и двуличии. Вашингтон оказывал существенную поддержку Тель-Авиву в затягивании полного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий. Американцы настаивали на передаче войскам ООН в секторе Газа несвойственных им функций административного управления этой территорией. Таким образом, уже в то время Вашингтон, выдавая себя за «миротворца» на Ближнем Востоке, прибегал к методам закулисной дипломатии. На словах американская дипломатия уверчивала и даже иногда «осуждала» агрессоров, а на деле всячески потворствовала оккупантам.

Время после суэцкого кризиса США сочли подходящим для того, чтобы занять место старых колониальных держав. Это отвечало давним планам Вашингтона на Арабском Востоке. В январе 1957 года группа из 70 американских конгрессменов потребовала «интернационализации» части территории Египта, граничащей с Израилем, и лишения Египта права управления Суэцким каналом. Так американцы пытались осуществить план, выдвинутый Даллесом еще в период суэцкого кризиса. Тогда же ряд американских монополий во главе с «Чейз Манхэттен банк» предложил египетскому правительству сдать Суэцкий канал в аренду. Американская дипломатия настойчиво стремилась навязать ООН «суэцкий вопрос», чтобы под видом «интернационализации» добиться установления над каналом контроля США.

В результате политической поддержки со стороны СССР, других стран социализма, а также ряда неприсоединившихся африканских и азиатских государств Каир смог отстоять свои позиции. Суэцкий кризис завершился крупнейшим поражением агрессоров, раньше времени возомнивших себя «победителями».

ГРЕМЯЩИЙ «ВАКУУМ»

...Едва корабли с английскими и французскими солдатами скрылись за горизонтом, как полуразрушенный и казавшийся почти вымершим Порт-Саид ожила. Толпы людей, ликующих, смеющихся и плачущих от радости, заполнили улицы, переулки и площади города. Людские потоки стекались на набережной и устремлялись к памятнику Лессепсу. Поставленный в Порт-Саиде, этот памятник французскому предпринимателю долгие годы воспринимался каждым египтянином как символ колониального господства. И вот теперь, когда интервенты, причинившие столько горя и страданий, покинули египетскую землю, всем не терпелось быстрее низвергнуть эту статую. Раздался взрыв. Дрогнула земля. Но люди, привыкшие за дни оккупации к разрывам бомб и снарядов, не шелохнулись. Как только дым рассеялся, толпа разочарованно загудела. Памятник продолжал стоять на прежнем месте только без бронзовой головы. Каменная часть памятника будто вросла в землю, глубоко пустив корни. Люди ближе придинулись к каменной глыбе. Казалось, каждый готов был ногтями вырвать из земли это изваяние, символизирующее ненавистный колониализм. Раздался еще один взрыв — и верхняя часть памятника взлетела в воздух. Возгласы одобрения слились в мощный гул. Все искрение тогда верили, что вместе с памятником покончено навсегда и с колониализмом. Но это было не так. Колониализм пустил глубокие корни в стране.

Сразу же вслед за второй, еще более позорной эвакуацией войск колонизаторов из зоны Суэцкого канала правительство Насера продолжило наступление на иностранный капитал. В январе 1957 года согласно закону о «египтизации» иностранные лица лишились права собственности на боль-

шую группу экономических предприятий. В первую очередь были национализированы англо-французские банки, английские, французские и австралийские страховые компании и многочисленные иностранные торговые фирмы. Двери египетской экономики оказались захлопнутыми перед тысячами иностранных капиталистов, дельцов и спекулянтов. В результате около 2,5 тысячи английских и 3,5 тысячи французских граждан, имущество которых попало под секвестр, покинули Египет. Впоследствии были национализированы также бельгийские и итальянские компании.

Политика последовательного вытеснения иностранного капитала привела к ослаблению, а затем и к значительному подрыву его позиций в экономике Египта. Однако если ослабление позиций старых колонизаторов на Арабском Востоке после провала «тройственной» агрессии вполне устраивало американских неоколонизаторов, стремившихся занять там место Англии и Франции, то нарастающий подъем национально-освободительного движения, который сопровождался расширением арабо-советского сотрудничества, не мог не внушать за океаном серьезного беспокойства. Вашингтон решил действовать немедля.

Бессилие доктрины силы

Не успели еще отошедшие от египетских берегов последние транспортные суда с войсками интервентов вернуться в Англию и Францию, как 5 января 1957 года президент США провозгласил так называемую «доктрину Эйзенхауэра». В специальном послании о политике на Ближнем и Среднем Востоке президент потребовал права использования в этом районе американских вооруженных сил, а также выделения на реализацию «программы военной помощи и сотрудничества» суммы в размере 200 миллионов долларов.

Эта доктрина как бы подводила основу под «теорию заполнения силового вакуума». Неоколонизаторская сущность этой подготовленной Дж. Ф. Даллесом «теории» заключалась в фальшивом тезисе, будто освобождающиеся народы, в частности арабы, не в состоянии сами распоряжаться своей судьбой, строить свою государственность и экономику. Они поэтому, дескать, нуждаются в «помощи» извне.

Для приведения в действие «доктрины Эйзенхауэра» требовалось лишь доказать, что в определенном районе

арабского мира возник «вакуум» или какой-либо стране грозит опасность «агрессии международного коммунизма». Однако арабские страны никак не устраивала роль «вакуума», которая отводилась им американским империализмом. На поверку оказалось, что никто не хочет считать себя «пустым местом». Большинство арабских стран отвергло «доктрину Эйзенхауэра». Официально ее поддержали лишь Израиль и английский вассал Ирак, а несколько позднее — правительство Ливана.

Вашингтон хотел избежать ошибок «тройственной» агрессии. Ставка делалась в основном на натравливание арабов против арабов.

Однако и на этот раз подобные расчеты не оправдались. Советский Союз решительно противодействовал осуществлению неоколониалистских планов. В противовес «доктрине Эйзенхауэра» было предложено правительствам США, Англии и Франции принять совместную декларацию в отношении Ближнего Востока. Суть зафиксированных в ней принципов сводилась к следующему: невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и независимости стран Ближнего Востока, отказ от попыток вовлечения их в военные блоки с участием великих держав, ликвидация иностранных военных баз и вывод иностранных войск с их территорий, прекращение гонки вооружений в этом районе и содействие его экономическому развитию. Эти принципы были и остаются основополагающими в ближневосточной политике Советского Союза, но неприемлемыми для Соединенных Штатов.

Вместо их принятия Вашингтон, который раньше из тактических соображений официально не присоединялся к Багдадскому пакту, в марте 1957 года, после встречи Эйзенхауэра с английским премьер-министром Макмилланом на Бермудских островах, официально объявил о вступлении США в военный комитет этого блока.

Арабские народы отвергли попытки вмешательства США и других иностранных государств в дела Ближнего Востока. Сирия, отклонив «доктрину Эйзенхауэра», заявила, что она полна решимости отстаивать законное право на обеспечение независимости и территориальной целостности. В ответ США усилили пажим на эту арабскую страну. Проведение Сирией последовательного антиимпериалистического курса, развитие и расширение сотрудничества с социалистическими странами, осуществление в стране ряда прогрессивных социально-экономических реформ, укрепление позиций прогрессивных и демократических сил —

все это было расценено Вашингтоном как «потенциальный вакуум», который чреват «опасностью коммунизма».

Механизмы Багдадского пакта и «доктрины Эйзенхауэра» заработали на полную мощь. В ход были пущены заговоры, угрозы, провоцирование пограничных инцидентов, демонстрация военной силы и вооруженный шантаж. В течение 1957 года в Сирии раскрыли два антиправительственных заговора. Их готовили, как свидетельствует У. Ивлэнд, американские дипломаты и агенты ЦРУ. В августе из страны выдворили по обвинению в организации антиправительственного заговора нескольких сотрудников посольства США в Дамаске. В октябре была задержана большая группа заговорщиков, переброшенных из-за границы в район Латакии. Они тоже были связаны с американской агентурой. В заговоры вовлекли и некоторых офицеров сирийской армии. Предполагалась организация антиправительственных выступлений воинских частей и с их помощью восстановление у власти реакционного режима во главе с каким-либо проамериканским военным диктатором.

Дипломатия США одновременно подогревала и поддерживала турецкие притязания на часть территории Сирии. Участились пограничные инциденты, провоцировавшиеся турецкой военщиной. В Турцию срочно прибыл помощник государственного секретаря США Гендерсон. После его визита на сирийской границе были сконцентрированы крупные вооруженные силы. В турецкие порты доставлялись американские военные грузы и вооружение. Почти ежедневно происходили вооруженные провокации на израильско-сирийской границе.

Соединенные Штаты явно взяли курс на подготовку нападения на Сирию. С целью оказания на нее давления в боевую готовность привели 6-й флот США в восточной части Средиземного моря и американские BBC в Европе. В конце октября на территории Турции и в Восточном Средиземноморье начались совместные учения войск НАТО. Все эти мероприятия носили характер демонстрации силы. Интервенцию на этот раз замышлялось осуществить силами соседних стран, главным образом Турции и Израиля. Даже монархические страны Иордания и Ирак отказались участвовать в ее подготовке. Подобная авантюра была чревата слишком большими опасностями для монархов этих государств.

В те трудные для Сирии дни Советский Союз снова решительно поддержал борьбу арабов против происков

империалистов и их приспешников. Советское правительство предупредило США, Англию, Францию и Турцию об опасных последствиях их политики на Ближнем Востоке.

На XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, несмотря на активное противодействие империалистов, по настоянию Советского Союза и других социалистических стран вопрос об угрозе агрессии против Сирии был поставлен на обсуждение и оказался в центре внимания мировой общественности. Готовившаяся агрессия была сорвана.

Не оправдалась ставка империалистов и на противопоставление одних арабских стран другим, на раскол арабов. В условиях раздуваемой антисирийской кампании ни Ирак, ни Ливан, официально принявшие «доктрину Эйзенхауэра», не могли включиться в подготовку агрессии против Сирии. Более того, прозападные политические деятели этих государств, а также Саудовской Аравии и Иордании заявили о «готовности помочь» Сирии в отражении любой иностранной интервенции. Египет же на деле продемонстрировал эту готовность, направив в сирийский порт Латакию контингент египетских войск в соответствии с заключенным в октябре 1957 года сирийско-египетским соглашением о совместной обороне. Империалистические происки против Сирии дали новый импульс к консолидации арабских сил. Это нашло, в частности, свое выражение в объединении Сирии с Египтом и создании Объединенной Арабской Республики в феврале 1958 года.

В этих условиях Вашингтон сделал главную ставку на упрочение прозападных режимов для более активного их использования против прогрессивных арабских сил. Однако и зависимые от Запада арабские государства отнеслись однидержанно, другие настороженно к идеям, провозглашенным «доктриной Эйзенхауэра». Лишь под большим нажимом американцы заставили Иорданию вступить в экономическую комиссию Багдадского пакта. Но позже король Хусейн вынужден был признать, что этот шаг угрожал ему изоляцией не только в арабском мире, но и в собственной стране.

Еще до развязывания «тройственной» агрессии против Египта США стремились, вытеснив Англию, укрепить свои позиции в Иордании. После высылки из страны в начале марта 1956 года английского генерала Глабб-паша и смешения с ключевых постов в армии других английских офицеров престиж Англии в Иордании в значительной мере оказался подорванным.

Иорданское правительство настояло на возобновлении с Англией переговоров о расторжении договора 1948 года. Лондон был вынужден уступить. 14 марта 1957 года этот кабальный договор потерял силу. Англия начала эвакуацию своих войск и военных баз с территории Иордании.

Вашингтон, однако, как ни торопился, не сумел быстро заполнить образовавшийся «вакуум». Правительство, возглавляемое Сулейманом Набулси, решительно выступило против «доктрины Эйзенхауэра». Оно заявило, что будет пользоваться американской помощью лишь в том случае, если ее предоставят без всяких условий. Планы Запада, направленные на вовлечение Иордании в военные группировки, оказались под угрозой. Вашингтон, не надеясь больше на Лондон, решил взять инициативу в свои руки.

В апреле 1957 года прозападные круги в Иордании отстранили премьер-министра Набулси, проводившего антиимпериалистический курс. Заговор против правительства Набулси организовали американский посол в Иордании Мэллори и военный атташе Суини.

Стремясь не допустить развития прогрессивных антиимпериалистических тенденций в Ливане и Иордании, Вашингтон широко использовал и подкуп политических деятелей, и террористические акты, а затем и применение военной силы. Под предлогом предотвращения «вмешательства» ОАР в дела Ливана и Иордании в Восточное Средиземноморье были подтянуты корабли 6-го флота США.

Англо-американская дипломатия стала форсировать создание так называемого военно-политического объединения королевств Иордании и Ирака. Предполагалось, что после присоединения к ним Саудовской Аравии ОАР окажется блокированной с востока и юго-востока монархическими государствами. Такой вариант федерации особенно устраивал Англию, которая добивалась сосредоточения фактической власти в руках своего верного ставленника в Ираке Нури Саида. В феврале 1958 года он стал главой федерального иракско-иорданского правительства. Соединенные Штаты к тому времени тоже достаточно укрепили свои военно-политические позиции в Ираке. По инициативе американской дипломатии правительство Нури Саида выступило с планами присоединения к так называемой Арабской (иракско-иорданской) федерации других арабских монархических государств. Но события развивались быстрее, чем осуществлялись планы.

Кнут вместо пряника

В начале 1958 года перед очередным отъездом на Ближний Восток Уилбура Ивлэнда на правах, очевидно, бывшего сотрудника Пентагона ознакомили с совершенно секретным документом Совета национальной безопасности № 5401. Он был озаглавлен «Ликвидация нефтяных источников на Ближнем Востоке». В нем излагались планы «полного уничтожения» арабских промыслов в случае «вторжения русских». Исполнителями этих акций должны были стать американские вооруженные силы и Центральное разведывательное управление.

Основные идеи и направленность этого документа, как разъяснили Ивлэнду в ЦРУ, оставались в силе и после про-возглашения «доктрины Эйзенхауэра». Она лишь раздвигала рамки этого документа и вносила в него некоторые корректизы. Американские вооруженные силы и ЦРУ могли теперь вмешаться не только в случае непосредственного «вторжения русских», но и косвенной «коммунистической угрозы» как для нефтяных, так и связанных с «нефтяным комплексом» ближневосточных стран. В связи с этим на ЦРУ возлагались задачи в первую очередь всеми средствами помешать приходу к власти левых сил. В случае же, если «коммунистическую угрозу» не удастся устраниить в той или иной стране, ЦРУ должно было обеспечить условия для ввода в действие вооруженных сил США. Считалось, что к середине 1958 года такая «угроза» достигла почти критического уровня во всем регионе Ближнего Востока.

Наиболее удобным плацдармом для осуществления прямого американского военного вмешательства представлялся Ливан. Во-первых, это была одна из немногих арабских стран, «юридически» находившихся в сфере действия «доктрины Эйзенхауэра». Во-вторых, именно там усматривалась нарастающая угроза «коммунистической опасности».

Правохристианские лидеры Ливана в лице верных Вашингтону людей — президента К. Шамуна и министра иностранных дел Ш. Малика,— не задумываясь, дали согласие присоединиться к «доктрине Эйзенхауэра». Но для этого надо было преодолеть противодействие парламента. В канун рассмотрения там этого вопроса на рейде бейрутского порта появился американский авианосец «Форрестол». Поднявшись с его палубы реактивные самолеты с угрожающим ревом несколько раз проносились над ливан-

ской столицей и другими районами страны, откуда должны были съехаться депутаты парламента. В день заседания с утра они вместе с членами ливанского правительства были приглашены посетить американский авианосец. С многими из них американские дипломаты и такие «деловые люди», как Ивлэнд, провели предварительные беседы. Нажим возвымел действие: присоединение Ливана к «доктрине Эйзенхауэра» было одобрено. Но это одобрение получили, вернее, вырвали от парламента, но не от народа.

По всей стране развернулось массовое движение протеста против проамериканского правительства, которое шло на любые махинации, делало все возможное, чтобы добиться победы на парламентских выборах и продлить полномочия президента Шамуна. У берегов Ливана снова появились корабли 6-го флота США. Над Бейрутом и Триполи, чуть не задевая крыши домов, опять проносились американские истребители-бомбардировщики, взлетавшие с авианосцев.

Для Ивлэнда, других работников ЦРУ и американского посольства в Бейруте это были самые горячие дни. Они поочередно посещали то президентский дворец в Баабда, в пригороде Бейрута, то личную загородную виллу президента Шамуна в Саадияте. Помощь ЦРУ своим верным людям — Шамуну, Малику и другим проамериканским кандидатам — помогла тогда им одержать «победу».

И все же остановить массовое народное движение против ставленников американцев не удалось. Религиозная рознь, раздуваемая американцами, оказалась на этот раз ненадежным барьером. Мусульмане вместе с христианами поднялись на вооруженную борьбу против американских ставленников, за свободу и подлинную независимость своей родины.

Во втором по величине городе страны — Триполи началось вооруженное восстание против реакционного режима Шамуна. Отсюда оно быстро распространилось на всю страну.

Майское восстание 1958 года в Ливане вызвало тревогу в правящих кругах США и Англии. Американский посол в Бейруте Роберт Макклинток созвал секретное совещание с представителями правых партий в правительстве в целях принятия срочных мер в защиту Шамуна. В Восточное Средиземноморье США подтянули дополнительные силы.

Вашингтон, пытаясь замаскировать вмешательство во внутренние дела Ливана, пустил в оборот версию о наличии

якобы внешней «угрозы» для этой страны, изображая народное восстание как результат действий «международного коммунизма» и египетского президента Насера. Параллельно была развязана кампания против Объединенной Арабской Республики, которая обвинялась во «вмешательстве» в дела Ливана. Несмотря на то что с опровержением этой версии выступили видные ливанские деятели, правительство Шамуна обратилось в Совет Безопасности с жалобой на вмешательство ОАР. Между тем наблюдатели ООН, находившиеся на ливано-сирийской границе, и генеральный секретарь ООН констатировали, что обвинение во вмешательстве ОАР не соответствует действительности.

Ход гражданской войны в Ливане предвещал полную победу антиимпериалистических сил, которые контролировали уже примерно две трети территории Ливана. В правящих кругах США и Англии видели, что им нужно торопиться, если они хотят предотвратить окончательное падение режима Шамуна. В штабах Багдадского пакта и иракско-иорданской федерации завершали подготовку военного вторжения в Ливан. Шамун официально обратился к Ираку с просьбой о военной помощи, ссылаясь на Багдадский пакт. При активном участии американцев иракско-иорданские войска готовились к вступлению в Ливан.

В течение июня около тысячи иракских солдат и офицеров воздушным путем доставили в Ливан. Но этого было недостаточно для подавления восстания. Положение западных ставленников настолько ухудшилось, что в Вашингтоне и Лондоне сочли необходимым прибегнуть к новому варианту «тройственной» агрессии — совместной интервенции сил империализма, арабской реакции и Израиля.

В роли инициаторов должны были выступить Ирак и Иордания. Военно-политическое и экономическое обеспечение готовящейся операции взяли на себя США и Англия. Израиль выразил также готовность оказать содействие в подавлении народного восстания в Ливане. Однако, памятуя уроки суэцкого кризиса, от его услуг решили воздержаться. Тем не менее от Тель-Авива получили согласие на использование его воздушного пространства в экстренном случае. Идеальным для Вашингтона казался такой вариант, когда кнут оказался бы в руках тех, кто изъявил готовность получить американский пряник в качестве довеска к обязательствам, вытекавшим из принятия ими «доктрины Эйзенхауэра». Но военный механизм «доктрины Эйзенхауэра» был приведен в действие все же с опозданием.

Революция в Багдаде

В Стамбуле готовилась пышная встреча иракского монарха. В середине июля 1958 года здесь должны были состояться с его участием два важных события: открытие сессии Багдадского пакта и женитьба молодого короля Фейсала на турецкой принцессе Фазиле, ведущей свою родословную, как утверждали стамбульские газеты, от османских султанов.

Белоснежная королевская яхта, бросившая якорь в бухте Флорья на Босфоре, вечерами сияла разноцветными огнями. Оттуда доносилась музыка. Вокруг нее сновали катера и лодки, доставлявшие все необходимое для готовившегося бала. В те дни турецкая печать предрекала, что предстоящее бракосочетание будет символизировать прочность военно-политического союза, окрещенного по месту его рождения Багдадским пактом. Некоторые турецкие журналисты таинственно при этом намекали, что ему предстояло этим летом выдержать серьезное испытание.

Прогнозы турецкой печати оказались отчасти пророческими. Это «серьезное испытание» Багдадский пакт не сумел выдержать, а намечавшийся брак не состоялся. Принцесса Фазиле и турецкие государственные деятели, выехавшие утром 14 июля на аэродром Ешилькей для встречи иракского монарха и его премьер-министра Нури Саида, так и не дождались высокопоставленных гостей.

К полудню стало известно, что короля Фейсала, его дяди-регента Абдул Иляха и премьер-министра Нури Саида уже нет в живых. Иракского Хашимитского королевства больше не существовало. Багдадский пакт остался без Багдада.

Назначенную на 14—15 июля в Стамбуле сессию Багдадского пакта пришлось отменить. Между тем именно она должна была установить точную дату вооруженного вторжения в Ливан. План интервенции Нури Саид уже детально обсудил в Вашингтоне и Лондоне. Никто из участников переговоров не сомневался, что этот план будеттвержден и реализован. У Вашингтона для этого были достаточно действенные рычаги: ведь к тому времени американцы стали членами трех основных комитетов Багдадского пакта — экономического, по борьбе с «подрывной деятельностью» и военного. Со вступлением в военный комитет Соединенные Штаты превратились в главного участника пакта. Хотя официально американцы не входили в его руководящий орган — Постоянный совет, они играли в нем

ведущую роль. Кроме того, Вашингтон оказал непосредственное влияние на каждого участника пакта, используя двусторонние соглашения в рамках «доктрины Эйзенхауэра».

Интервенция против Ливана была предрешена, оставалось лишь санкционировать начало операции. Начальник генштаба иракской армии уже заранее получил приказ направить две бригады в Иорданию и подготовить их для переброски в Ливан. Такова была схема сценария. Однако реализовать его не удалось. К тому времени в Ираке создались объективные предпосылки для антиимпериалистической, антимонархической революции. События ускорили назревание революционной ситуации. Иракские войска, получившие приказ двигаться в Иорданию, а затем в Ливан для подавления народного движения, направились в Багдад, чтобы свергнуть монархию. Выступление армии встретило широкую поддержку народных масс.

Багдадский пакт лишился самого важного для Запада звена. Иракско-иорданская федерация рухнула. В результате оказалась разорванной вся цепь военных союзов на Ближнем и Среднем Востоке. После национализации Суэцкого канала это было наиболее тяжелым поражением Запада на Ближнем Востоке.

Возрождение «дипломатии канонерок»

В Вашингтоне и в Лондоне не захотели, однако, мириться с поражением. Там решили пренебречь, казалось, столь наглядными уроками суэцкого кризиса и снова прибегнуть к «дипломатии канонерок». В 1956 году она вылилась в «тройственную» агрессию, проводившуюся под кодовыми названиями операции «Мушкетер» и «Кадеш». В июле 1958 года американцы попытались сами возглавить коллективную интервенцию. Она началась почти одновременно в Ливане и в Иордании проведением операций «Синие летучие мыши» и «Золотая рыбка». Романтические названия операций никак не соответствовали их коварным замыслам и целям. В течение трех дней после иракской революции под дулами американских кораблей, вплотную подошедших к ливанским берегам, и прикрытием сотен самолетов в Ливане были высажены морские десанты. Общее число десантников — около 17 тысяч — превышало численность всей ливанской армии. Утром 17 июля англий-

ская парашютная бригада «Красные дьяволы» десантировалась в Иорданию.

Подкрепления английских войск стали прибывать также в Аден, Кувейт, Оман, на Бахрейн. Всего в тот период США и Англия сосредоточили на Ближнем Востоке силы общей численностью более 70 тысяч человек. Их военно-морская армада насчитывала до 120 боевых и десантных кораблей. С военно-воздушных баз и авианосцев готовы были взлететь сотни самолетов. Американские самолеты и корабли имели атомное оружие. Масштабы военных акций и приготовлений были на этот раз еще более широкими, чем во время «тройственной» агрессии 1956 года.

Оккупировав Ливан и Иорданию, англо-американские интервенты собирались двинуться на Ирак, а затем, возможно, и на Сирию. Высадка десантов в Ливане и Иордании должна была стать лишь прелюдией к более широкой агрессии. Она преследовала цель не только задушить иракскую революцию, но и, остановив арабское освободительное движение, «отбросить коммунистическую угрозу». Западная печать не скрывала тогда этих намерений. О них цинично говорили сами интервенты.

— Мы здесь затем, чтобы закончить то, что мы начали в Суэце! — заявил тогда американскому корреспонденту командир одного из подразделений английской парашютной бригады, высадившейся в Иордании.

Впервые после суэцкого кризиса США и Англия выступили на Ближнем Востоке сообща. Их общие стратегические интересы возобладали над дипломатическим соперничеством. Косвенным соучастником коллективной интервенции должен был стать и Израиль.

Позднее из ставшего известным официального документа — телеграммы представителя монархического Ирака в ООН — выяснилось, что еще в конце июня Израиль выразил согласие на проход через его территорию иракской дивизии в Ливан. Накануне революции в Ираке на закрытом заседании израильский кабинет министров одобрил участие Израиля в запланированном в рамках Багдадского пакта вторжении в Ливан. В американских штабах, очевидно, считали, что Израиль тогда еще не был готов к «большой войне», но, видимо, допускали его соучастие в подавлении национально-освободительного движения вместе с силами арабской реакции. После начала англо-американской интервенции через территорию Израиля стали перебрасываться английские войска и оружие в Иорданию.

Совместным военным операциям впоследствии планировалось придать еще более широкие масштабы. Известно, что Соединенные Штаты, не ограничиваясь выступлением против Ливана, имели в виду распространить свое вооруженное вмешательство и на Иорданию. Командующий 6-м флотом США откровенно заявил тогда, что американские военно-морские силы готовы оказать Иордании такую же «помощь», как и Ливану. Этот рецидив «дипломатии канонерок» наглядно раскрывал действительные цели «доктрины Эйзенхауэра» как орудия неоколониализма.

Вашингтон и Лондон использовали пребывание своих войск на ливанской и иорданской территории для бесцеремонного вмешательства во внутренние дела этих стран. В условиях оккупации в тюрьмы и концлагеря бросали сотни арабских патриотов. Британская военная миссия снова поставила под свой контроль иорданскую армию. В Ливане американцы открыто поддерживали своих ставленников, которых они хотели удержать у власти. С этой целью в Ливан прибыл специальный эmissар госдепартамента Роберт Мэрфи. Оказывая поддержку реакционным группировкам, американцы фактически разжигали в своих интересах гражданскую войну в стране.

В этой исключительно острой, можно сказать, переломной для судеб всех арабских народов ситуации, как и в период «тройственной» агрессии, снова проявились принципиальность и последовательность внешней политики Советского Союза. В рамках ООН он предложил принять незамедлительные и решительные меры для пресечения интервенции. При этом Москва ясно дала понять, что Советский Союз не останется безучастным к событиям в районе, прилегающем к его границам, и оставляет за собой право принять необходимые меры, диктуемые интересами мира и безопасности.

Одновременно Советский Союз выдвинул предложение о созыве совещания глав правительств СССР, США, Англии, Франции, Индии при участии генерального секретаря ООН для обсуждения действий США и Англии и скончавшегося вывода их войск с территории Ливана и Иордании. Однако Вашингтон отклонил советское предложение о проведении в Женеве или в ином любом месте такого совещания. Зато государственный секретарь США Дж. Даллес, не колеблясь, поставил свою подпись под декларацией созванной тогда в Лондоне чрезвычайной сессии Багдадского пакта для одобрения англо-американской интервенции на Ближнем Востоке.

В августе 1958 года на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН столкнулись два диаметрально противоположных курса политики на Ближнем Востоке. Делегация СССР выступила с программой разрядки международной напряженности в этом регионе и потребовала незамедлительного вывода войск интервентов. Западные же державы всячески стремились отвлечь внимание от этого главного вопроса. Соединенные Штаты и Англия хотели провести через Совет Безопасности решение о создании Вооруженных сил ООН по поддержанию мира на Ближнем Востоке и тем самым подвести юридическое оправдание под агрессию. Однако эта затея провалилась, как и аналогичный эксперимент с «многонациональными силами» в Ливане четверть века спустя.

Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила внесенный 21 августа десятью арабскими государствами проект резолюции. Генеральному секретарю ООН поручалось срочно предпринять практические шаги по поддержанию целей и принципов ООН в отношении Иордании и Ливана. За эту резолюцию вынуждены были голосовать и делегации стран-агрессоров, которые оказались в полной изоляции. Но действовали они в противоположном направлении. В результате вскоре внутриполитическая обстановка в Ливане вновь обострилась. Американцы не замедлили предложить свое «посредничество» в переговорах между законным ливанским правительством и заговорщиками-реакционерами. Сторонники Шамуна, воодушевленные поддержкой США, в начале октября спровоцировали вооруженные столкновения с ливанской армией и пытались организовать антиправительственный путч.

Этой ситуацией немедленно воспользовался Вашингтон. В Бейрут опять ввели американские войска. Под давлением Соединенных Штатов законное правительство, возглавляемое Рашидом Караме, вынуждено было подать в отставку. В новом кабинете при поддержке американской дипломатии сторонники Шамуна усилили свои позиции. Так американская интервенция под предлогом «помощи» Ливану оказала полезную службу западным ставленникам, которые отвергались народом. Ту же роль сыграла и британская интервенция в Иордании.

Но оставить войска интервентов в этих арабских странах Вашингтону и Лондону не удалось. Требования ливанских и иорданских народных масс, поддержанные всей мировой прогрессивной общественностью, вынудили империалистов выполнить решение ООН. Выход американских

войск из Ливана был завершен 25 октября. А через неделю последние английские солдаты покинули территорию Иордании.

Позорный уход интервентов еще раз показал, что не только бывшие колонизаторы, но и американские империалисты не в состоянии остановить национально-освободительное движение с помощью военных методов. Доктрина силы оказалась бессильной. Это нашло впоследствии подтверждение и в бесславной части Багдадского пакта, на руинах которого год спустя была создана Организация центрального договора (СЕНТО). Все попытки вовлечь в нее арабские государства не дали результатов. Слова английского офицера-оккупанта о том, что интервенты высадились в 1958 году для того, чтобы завершить начатое в Суэце дело, обернулись совсем иным смыслом. Интервенция завершилась новым позором для ее организаторов, можно сказать, «вторым Суэцем», передавшим далее эстафету заката военного и политического колониализма в арабском мире.

Вслед за ликвидацией английских военных баз в Ираке после расторжения им в марте 1959 года соглашения о «военной помощи» с Англией были ликвидированы в феврале 1961 года английский протекторат и военные базы в Кувейте. В 1962 году после продолжительной кровопролитной борьбы завоевал свободу народ Алжира, несколько ранее, в 1956 году, получили независимость Тунис и Марокко.

Вместе с тем уход американских и английских интервентов из Ливана и Иордании, а также срыв планов организации вооруженного вторжения в Ирак и Сирию еще раз показали возрастающую роль Советского Союза как надежного и прочного оплота в борьбе арабских народов за их свободу и независимость.

«Империализм в дворцах буржуазии»

На Западе по-прежнему отказывались понять суть и корни происходящих событий на Арабском Востоке. Подъем арабского освободительного движения и его победы пытались представить как результат «деятельности Москвы» или же происками сторонников египетского президента Насера. Начавшее расширяться в те годы советско-арабское сотрудничество вызывало особенно большую тревогу и бессильную злобу в западных столицах. Там не прочь были даже

увидеть некую связь в том, что первый визит президента Насера в Москву весной 1958 года совпал с началом массовых антиимпериалистических выступлений в Ливане.

Вскоре после иракской революции Насер вторично посетил Советский Союз и на обратном пути оттуда сделал краткую остановку в Дамаске, где выступил на многотысячном митинге со страстной речью.

— Никакие заговоры империалистов не смогут отбить арабское освободительное движение! — заявил Насер.— Арабские народы отстаивают правое дело. Их борьбу полностью поддерживает Советский Союз, все свободолюбивые люди на земле! Перед происками врагов арабы должны крепить единство!..

Именно такого единства на антиимпериалистической основе больше всего боялись неоколониалистские круги Запада и связанная с ними арабская реакция. Американские посольства и резидентуры ЦРУ в Каире получали новые инструкции и приказы о подготовке террористических актов и заговоров против Объединенной Арабской Республики. Опять в дело были подключены «братья-мусульмане». Главная же ставка делалась на выходцев из семей феодалов и крупной буржуазии, тех реакционных офицеров, которые были недовольны социально-экономическими реформами Насера.

В тени готовившихся заговоров и переговоров действовали те же силы, которые двигали пружины «тройственной» агрессии против Египта и вооруженной интервенции 1958 года. Нити заговоров тянулись на Запад. Деньги на их осуществление субсидировались главным образом Саудовской Аравией. Американские и саудовские агенты усиленно искали людей, которые могли бы организовать покушение на Насера.

Наступил момент, когда планы заговорщиков, казалось, как никогда, были близки к осуществлению. Саудовцам удалось «завербовать» самого начальника сирийской разведки Сараджа, антикоммунистические взгляды которого укрепляли к нему доверие. В качестве аванса на счет Сараджа в заграничный банк перевели уже деньги: сначала один миллион, а затем после некоторой торговли еще около одного миллиона фунтов стерлингов. Остальную часть условленной суммы Сарадж и другие «заговорщики» должны были получить после того, как будет подорван самолет, на котором летел Насер. Но в самый последний момент выяснилось, что Насер знал о готовившемся заговоре. На устроенной пресс-конференции

журналистам продемонстрировали вместе со всеми документами и банковские чеки.

После ряда подобных провалов и краха вооруженной интервенции в Ливане и Иордании западные секретные службы, опираясь на Саудовскую Аравию, стали прилагать еще большие усилия к тому, чтобы дискредитировать саму идею арабского единства. Они делали все возможное, чтобы посеять раздор между арабами. Воспользовавшись некоторыми ошибками руководства ОАР при проведении ряда реформ без учета специфических условий Сирии, а также диктаторскими замашками вице-президента маршала Абдель Хакима Амера, возомнившего себя наместником с неограниченной властью в «сирийской провинции», группа прозападных офицеров, связанных с буржуазными партиями, совершила 28 сентября 1961 года государственный переворот. Он привел к выходу Сирии из состава ОАР. За спиной организаторов этого переворота стояли те же империалистические круги, которые готовили ранее убийство Насера. Они рассчитывали, что Насер направит в Сирию войска и там возникнет междоусобная война. Но эти надежды не оправдались.

— Мы должны иметь смелость признать наши ошибки,— заявил тогда Насер с присущей ему прямотой,— мы не можем воевать с сирийским народом. Наш враг — империализм!

Позднее король Сауд, живя уже на положении эмигранта в Каире после вынужденной передачи трона своему брату Фейсалу, откровенно признался президенту Насеру, во сколько обошелся Саудовской Аравии этот переворот. На прямой вопрос президента, правда ли, что переворот в Сирии стоил саудовцам 3 миллиона фунтов стерлингов, Сауд смущенно ответил:

— Нет... Я должен вам признаться, что в эту сумму мы, к сожалению, не смогли уложиться. Он обошелся мне по меньшей мере в 12 миллионов фунтов.

Но Насер понял и другое. Дело было не только в деньгах. Объективно этому перевороту способствовала и египетская буржуазия. Стремясь захватить египетский и сирийский рынки, она активно противодействовала всем прогрессивным преобразованиям в стране, переводила за границу свои капиталы. С Западом буржуазия связывала и планы повернуть революцию вспять. Она оказывала упорное сопротивление осуществлению принятых в июле 1961 года ~~декретов~~ о национализации банков и крупных промышленных предприятий, а также проведению аграр-

ной реформы. Опыт борьбы с империализмом и внутренней реакцией показал Насеру, на кого надо ориентироваться и опираться в укреплении национальной независимости и углублении революции.

Совершенный в Сирии переворот особенно убедительно показал реакционную сущность буржуазии, связанной с иностранным капиталом.

Выступая на митинге 16 октября 1961 года, Насер признал, что он переоценил свои силы и недооценил силы реакции, боролся против империалистических пактов и баз, в то время как империализм находился также в дворцах буржуазии.

Национально-освободительная революция в Египте в 1961—1962 годах, вступив в новый этап, приобретала все более ярко выраженную антиимпериалистическую и антикапиталистическую направленность. Это было зафиксировано в обнародованной президентом Насером в мае 1962 года Национальной хартии. В ней был обобщен опыт антиимпериалистической борьбы египетского и других арабских народов. Важное значение имел содержавшийся в хартии вывод о том, что освобождающиеся страны могут преодолеть свою отсталость и укрепить независимость не па путях капиталистического развития, а только при помощи социалистических преобразований.

В числе основных внешнеполитических принципов в хартии выдвигались положения о необходимости ведения борьбы против империализма и колониализма, за ликвидацию иностранных военных баз на территории стран Азии и Африки, а также оказание помощи всем арабским и африканским народам, борющимся за свободу и независимость.

Провозглашенные хартией принципы египетское руководство, возглавляемое Насером, осуществляло на деле. Египет превратился тогда в центр и опору антиимпериалистической борьбы народов Арабского Востока и Африки. Активно поддерживая национально-освободительное движение в этом регионе, Каир внес большой вклад в победу алжирской революции, оказывал в различные периоды значительную материальную и моральную помощь борющимся народам Марокко, Судана, Иордании, Ирака, Сирии, юга Аравийского полуострова.

Насер был душой и главным инициатором укрепления арабской солидарности и развития межарабского сотрудничества как в политической и культурной сфере, так и в военно-экономической области. В январе и сентябре

1964 года в Египте состоялись первая и вторая конференции глав арабских государств. На них были приняты важные решения и резолюции о координации действий и политики в борьбе с империализмом и сионизмом.

Созванная по инициативе Насера в сентябре 1965 года в Касабланке третья конференция в арабских верхах приняла документ — «Пакт арабской солидарности» — как дополнение к Уставу Лиги арабских стран. В нем нашли отражение основные принципы общеарабской стратегии в противоборстве с Израилем и его империалистическими союзниками. Насер, сознавая важную роль Египта как ведущей тогда страны с наиболее значительным военно-экономическим потенциалом и самым многочисленным населением в арабском мире, старался как можно эффективнее использовать все эти возможности для успешной борьбы за свободу и социальный прогресс. Вместе с тем он отдавал много сил и энергии урегулированию межарабских конфликтов, к решению которых он подходил прежде всего с позиций, насколько они способствуют или мешают борьбе с империализмом, являются ли они ее ответвлением или становятся помехой.

Дамаск в сети заговоров

Реакционный переворот в сентябре 1961 года, приведший к расколу ОАР и выходу из нее Сирии, был не первым в политической жизни страны. Там и до этого чуть ли не ежегодно происходили государственные перевороты или попытки военных путчей. Они осуществлялись руками военных. Но за кулисами переворотов в большинстве случаев действовали буржуазные политики, связанные с империалистическими и арабскими реакционными кругами. В условиях постоянной нестабильности они всеми силами пытались помешать молодой республике развиваться по пути укрепления национальной независимости и социального прогресса.

Кто заказывал эти перевороты и путчи, тот и диктовал их исполнителям соответствующие «правительственные программы» и «заявления».

Пришедшие после сентябрьского переворота к власти буржуазные правительства поспешили в первую очередь возвратить помещикам отобранные у них земли, а капиталистам — национализированные Насером предприятия и акционерные компании. Восстанавливались антидемокра-

тические законы. Крестьяне сгонялись с земель, переданных им по аграрной реформе.

Казалось, буржуазия, помещики, дельцы, политики могли праздновать победу. Однако их торжество было преждевременным. Страна, начавшая движение по пути прогресса, не хотела возвращаться назад. Народные массы требовали проведения последовательного антиимпериалистического курса и глубоких социально-экономических преобразований.

Не прошло и полугода после сепаратистского переворота, как последовали новые военные мятежи: один — в Дамаске, другой — во втором по величине сирийском городе Халебе. Они сопровождались массовыми демонстрациями трудящихся, которые настаивали на продолжении аграрной реформы и осуществлении прогрессивных декретов, провозглашенных в свое время Насером. Офицеры, взявшие власть в Халебе, потребовали немедленного объединения Сирии с Египтом.

Напуганные новым подъемом демократического движения, силы неоколониализма вновь пришли в движение. На рейде Бейрута, как всегда в подобные периоды, появились корабли 6-го флота США, другая его часть находилась поблизости от берегов Сирии. Участились вооруженные провокации израильской военщины. Заметно возросла напряженность на границах Сирии с Иорданией и Турцией. Но империалистам приходилось учитывать уроки прошлого. Советский Союз, который первым из великих держав признал независимую Сирию, на основе подписанных к тому времени соглашений о развитии сотрудничества между двумя странами оказал ей значительную помощь в укреплении экономического и военного потенциалов страны.

После серии военных переворотов, правительственный чехарды, парламентских интриг и политических заговоров в марте 1963 года власть в Сирии взяла партия Баас (ее полное название — Партия арабского социалистического возрождения — ПАСВ). Эта партия пришла к власти и в Ираке, и в Сирии под лозунгом «Единство, свобода, социализм!». Однако внутри самой партии как в Ираке, так и в Сирии этот лозунг трактовался по-разному. Ее правые лидеры, основатели партии — Мишель Афляк, Салах Биттар — и их сторонники подчеркивали прежде всего буржуазно-националистическую сущность арабского единства и затушевывали его антиимпериалистическую и социальную направленность.

Именно проповедуемые ими взгляды идейно обосновывали и оправдывали реакционный сепаратистский переворот в Сирии и отдельные эксцессы антикоммунизма. Правобаасистские лидеры вместе с сирийской буржуазией пошли в 1958 году на объединение с Египтом и готовы были сотрудничать с Насером до тех пор, пока он выступал лишь как знаменосец арабского национализма. С его помощью они рассчитывали не допустить укрепления левых сил в стране. Но как только египетское руководство начало проводить радикальные социально-экономические преобразования в Сирии, они пошли на разрыв с ним. Позднее сирийское руководство, учитывая настроения широких народных масс, продолжило начатые ранее прогрессивные преобразования. Уже в конце 1964 — начале 1965 года при активной поддержке левых сил страны оно национализировало все банки, страховые компании, большинство промышленных предприятий.

Сирия была первой арабской страной, национализировавшей свои природные богатства и нанесшей тем самым серьезный удар по позициям иностранного капитала. Национализация коснулась крупнейших империалистических нефтяных монополий «Сокони вакуум», «Шелл» и «Эссо», которые покрывали своими поставками до 67 процентов спроса местного рынка в нефтепродуктах. Под контроль государства было поставлено около 60 процентов всего внешнеторгового оборота страны.

Все эти меры правительства встретили сначала глухое, а затем и открытое сопротивление буржуазии. В конце 1964 года власти раскрыли антиправительственный заговор, к которому были причастны и некоторые правобаасистские деятели. После того как этот заговор провалился, буржуазия при помощи мусульманского духовенства сумела организовать в Дамаске «всеобщую забастовку» торговцев. В мечетях произнисились политические проповеди, в которых предавались анафеме «безбожники баасисты и коммунисты», хотя деятельность компартии тогда еще была запрещена в стране. Духовенство открыто призывало верующих к «священной войне» против правительства. Откликаясь на эти призывы, торговцы делали пожертвования для создания «отрядов Мухаммеда». В тайниках мечетей накапливалось оружие и боеприпасы.

Вся эта подстрекательская и заговорщическая антиправительственная деятельность направлялась реакционной религиозно-политической организацией «Братья-мусульмане», которая поддерживала секретные связи с импе-

риалистическими кругами. Руководство и финансирование этой организации осуществлялось из Саудовской Аравии.

Убедившись, что в Сирии идеи социализма получили широкое распространение, а баланс сил в партии Баас складывался не в пользу правых, «братья-мусульмане» выдвинули провокационный лозунг «исламского социализма без баасистов и коммунистов». Однако им не удалось обмануть народные массы, которые оказали активную поддержку прогрессивным мероприятиям правительства.

Проведение радикальных социально-экономических преобразований, встретивших яростное сопротивление буржуазии, ускорило процесс классового размежевания сил как в масштабах страны, так и внутри самой правящей партии Баас. Разногласия между левыми и правыми баасистами привели в конце 1965 года к острому политическому кризису. Попытки правобаасистских лидеров заморозить социально-экономические реформы, расколоть профсоюзное движение, «деполитизировать» армию и строить «арабское единство» на религиозно-национальной основе были решительно отвергнуты широкими народными массами. В ряде городов состоялись забастовки и демонстрации. Их участники требовали продолжения начатого прогрессивного курса, укрепления сотрудничества с социалистическими государствами и решительного пресечения происков арабской реакции.

Левые баасисты в этих условиях, не добившись созыва чрезвычайной конференции партии Баас, совершили 23 февраля 1966 года революционный переворот. Этот переворот обозначил важный поворот в истории страны.

Новое сирийское руководство сразу взяло курс на дальнейшее углубление социально-экономических преобразований на базе широкого сотрудничества с прогрессивными силами внутри страны и на международной арене. Впервые за время правления в Сирии ПАСВ в правительство помимо баасистов вошли представители коммунистов и других прогрессивных сил страны. Их сотрудничество стало осуществляться в местных органах власти и в профсоюзном движении.

Это подготовило условия для создания советов по самоуправлению государственных предприятий с участием рабочих. К концу 1966 года у помещиков было экспроприировано около 1,5 миллиона гектаров земли, которую распределили среди безземельных крестьян.

Приобрело еще более широкие масштабы сотрудничество Сирии со странами социалистического содружества. В апреле 1966 года в результате переговоров правительственної делегации САР в Москве был подписан новый протокол о советско-сирийском техническом и экономическом сотрудничестве. Советский Союз начал оказывать широкое содействие в строительстве сирийского Асуана — Евфратского технического гидрокомплекса — и ряда других важнейших экономических объектов.

Такая политика революционного правительства Сирии не могла не тревожить империалистов и арабскую реакцию.

Над Сирией снова стали сгущаться тучи. На Ближнем Востоке складывалась обстановка, весьма знакомая по событиям десятилетней давности. В Анкаре состоялась сессия Совета министров СЕНТО, в которой активное участие принял государственный секретарь США Дин Раск. Среди обсуждавшихся многих проблем фигурировала и «сирийская ситуация». В бейрутском порту опять появились корабли 6-го флота США, в том числе авианосец «Америка» с ядерным оружием на борту. Шесть с половиной тысяч американских моряков заполнили улицы Бейрута.

В конце апреля 1966 года в Бейрут, который еще не покинули моряки, съехались на совещание американские дипломаты, аккредитованные в странах Ближнего и Среднего Востока. Туда же прямо из Анкары прибыл и Дин Раск. На совещании обсуждались последние события в районе. Со страниц западной, израильской и арабской реакционной печати все сильнее раздавались голоса о «коммунистической угрозе», зреющей якобы в Сирии. Сирийская буржуазия и «братья-мусульмане» распространяли провокационные слухи, дискредитирующие правительство. Ставка сначала была сделана на правобаасистских лидеров и связанных с ними некоторых офицеров-авантюристов.

Реакционные круги всячески старались при этом разжечь в стране патриотическую и религиозную рознь, используя доставшиеся в наследство от колониализма давнишние разногласия между различными народностями и религиозными sectами. Так, антисоветизм они в ряде случаев направляли в русло антикурдской кампании, используя тот факт, что среди сирийских коммунистов немало курдов. Кампанию против левобаасистских лидеров реакция повела под лозунгом борьбы с «засильем алавитов», ис-

пользуя то, что многие руководящие деятели ПАСВ являются выходцами из этой мусульманской секты.

В сентябре 1966 года органы безопасности страны раскрыли и ликвидировали сразу два антиправительственных заговора. Первый из них готовился смешенными правобаасистскими лидерами Мишелем Афляком и Салахом Битаром. Последнему при содействии нескольких офицеров удалось бежать из тюрьмы, где он находился под стражей в течение нескольких месяцев. Вместе с ним из тюрьмы бежало еще несколько правобаасистских лидеров. Воодушевленные этим успехом, тайные сторонники Битара в армии потребовали отставки правительства. Заговорщики рассчитывали, что их поддержат воинские части, дислоцирующиеся на юге страны. Однако организаторы заговора и их сообщники были арестованы.

Одновременно с арестами мятежников началась чистка государственного аппарата, засоренного ставленниками свергнутых правых баасистских лидеров. Она проводилась при непосредственном и активном участии рабочих профсоюзов.

Другой заговор под антиалавитскими и архилевыми лозунгами возглавил бывший член руководства партии Баас майор Селим Хатум. Как показало потом следствие, он был связан с правыми баасистскими лидерами, а также с Центральным разведывательным управлением США. Хатум, укомплектовав находящееся в его подчинении подразделение своими сторонниками, попытался арестовать руководящих деятелей ПАСВ во время их пребывания в одном из военных гарнизонов на юге Сирии.

Сирийские власти приняли срочные меры по подавлению мятежа: батальон Хатума был блокирован, сухопутные границы временно закрыты, организаторы мятежа арестованы. Однако самому Хатуму и еще нескольким офицерам удалось бежать в Иорданию, где он при поддержке американцев начал готовить вооруженное вторжение в Сирию.

В подавлении этих мятежей и ликвидации их последствий самое активное участие приняли созданные по инициативе руководства профсоюзов вооруженные формирования рабочих.

Антиправительственные мятежи и заговоры потерпели фиаско. Но чем меньше оставалось надежд у империалистов на использование сирийской реакции, тем откровенней они поощряли и толкали израильских милитаристов на вооруженные провокации против Сирии.

По данным наблюдателей ООН, с момента образования государства Израиль и до середины 60-х годов его военщина спровоцировала около 5 тысяч вооруженных конфликтов и инцидентов на границе с Сирией. После установления в Сирии левобаасистского режима эти провокации особенно участились. Почти еженедельно, а то и по несколько раз на неделе на Голанских высотах гремели выстрелы.

В ноябре 1966 года израильтяне вторглись на юорданскую территорию, где располагались лагеря палестинских беженцев, подвергнув их артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. В результате налета была почти полностью разрушена деревня Самоа, убито и ранено более 150 ее жителей.

Эта вооруженная провокация израильской военщины по своим масштабам была самой крупной после «тройственной» агрессии против Египта в 1956 году. Она произошла всего лишь через несколько дней после обсуждения в Совете Безопасности ООН жалобы Сирии на агрессивные действия и неоднократные нарушения израильскими войсками сирийской границы. Факт агрессии со стороны Израиля был настолько очевиден, что даже западные державы, в том числе США, были вынуждены в Совете Безопасности публично осудить его действия.

Перед лицом опасности израильской агрессии и усилившихся происков империалистов стало укрепляться и расширяться сотрудничество Сирии с прогрессивными арабскими странами. В ноябре 1966 года было заключено сирийско-египетское соглашение о совместной обороне, предусматривающее координацию политических и военных действий в случае, если одна из этих стран подвергнется агрессии. В том же месяце в Каире состоялась встреча руководителей Сирии, Египта и Алжира, на которой также обсуждались вопросы об укреплении и расширении сотрудничества.

«Американский флот, убирайся из арабских вод!», «Единство левых сил — залог победы над реакцией и империализмом!» — под такими лозунгами в Дамаске состоялась мощная антиимпериалистическая демонстрация, в которой приняло участие более 100 тысяч человек. Через несколько дней в Дамаск съехались посланцы рабочих почти из всех арабских стран для участия в специальной сессии Всеобщей федерации арабских профсоюзов.

В конце 1966 года сирийское правительство бросило еще один вызов империалистическим нефтяным монополиям в лице «Ирак петролеум компании». От нее потребовали немедленной уплаты образовавшегося долга и увеличения концессионных платежей за перекачку нефти по сирийской территории. ИПК отказалась выполнить это требование. Тогда сирийские власти наложили секвестр на все имущество ИПК. В ответ ИПК перекрыла нефтепроводы, лишив Сирию иракской нефти. Этим шагом монополии хотели столкнуть Сирию с Ираком и Ливаном, чьи интересы должны были быть ущемлены прекращением транспортировки нефти и уменьшением концессионных платежей. Однако расчеты нефтяных монополий не оправдались.

Ирак и Ливан поддержали справедливую борьбу сирийского народа. Такую же позицию заняли правительства Египта и Алжира и ряда других арабских стран.

В начале 1967 года «Ирак петролеум компани» отступила. Генеральный директор ИПК подписал в Дамаске соглашение, по которому компания обязалась уплатить Сирии свою задолженность и увеличить на 50 процентов отчисления от доходов в счет арендной платы на последующие годы.

В эти напряженные для всей страны дни реакционные круги и религиозные фанатики из организации «Братья-мусульмане» предприняли новую попытку поднять антиправительственный мятеж. На этот раз они решили дезорганизовать торговлю и снабжение населения продуктами, вызвать в стране панику и беспорядки, которые облегчили бы осуществление очередного заговора, нити которого тянулись в Иорданию. Сирийские власти арестовали зачинщиков беспорядков и национализировали магазины крупных торговцев, основных организаторов экономического саботажа.

Детали готовившегося заговора раскрыл вскоре один из сподвижников американского агента майора Селима Хатума. Он добровольно возвратился в начале 1967 года из Иордании и сдался сирийским властям. Выступив по сирийскому радио, он сообщил, что спровоцированные «братьями-мусульманами» беспорядки в различных районах страны должны были стать сигналом для вооруженной интервенции в Сирию бандитов-предателей во главе с Хатумом. К тому времени они получили уже американское оружие и прошли специальную подготовку на территории Иордании, вблизи от сирийской границы. Хатума

должны были поддержать израильские войска, переодетые в форму сирийских военнослужащих. Все это убедительно доказывало, что израильская вооруженная интервенция в Сирию готовилась задолго до решения руководства Египта о выводе войск ООН из приграничной полосы на Синае, использованного Тель-Авивом в качестве повода для развязывания широкой агрессии против арабских стран.

Тщательно разработанный и согласованный с американцами план интервенции в Сирию в начале 1967 года остался нереализованным. В новом варианте и в более широком масштабе империалисты с помощью Израиля попытались его осуществить летом 1967 года.

ШЕСТИДНЕВНЫЙ СТАРТ НА МНОГОЛЕТНЮЮ АГРЕССИЮ

Войну против арабских стран в июне 1967 года Израиль развязал внезапно. Она была короткой, почти молниеносной. Но готовилась так называемая «шестидневная война» заблаговременно, в течение нескольких лет. И не одним лишь Тель-Авивом. Она планировалась и разрабатывалась в тесной координации с Вашингтоном. Соединенные Штаты обеспечивали ее морально и материально.

Как и всякая война, израильская агрессия была тоже продолжением политики. И не только экспансионистской политики Израиля. Она стала логическим завершением и орудием неоколониалистской политики Запада в отношении арабских стран.

Различные варианты совместных широкомасштабных вооруженных акций против арабских стран как силами Запада, так и с привлечением Израиля разрабатывались уже давно. С одним из таких секретных планов Насер был ознакомлен в начале 1965 года. Из полученных египетским посольством в Лондоне документов явствовало, что в случае «непредвиденных обстоятельств» могла быть осуществлена новая вооруженная интервенция в Египет и некоторые другие арабские страны с использованием военно-морских и военно-воздушных сил США и Англии. Вскоре израильский премьер-министр Леви Эш科尔 на запрос в кнессете (парламенте) о состоянии обороны страны проголосовал, подтвердил, что американский 6-й флот в Средиземном море является стратегическим резервом Израиля.

В агрессивности и шовинизме Тель-Авива, опирающегося на мощную финансовую поддержку мирового сионизма, Вашингтон усматривал возможность использовать Израиль в своих целях как устрашающую дубинку против арабских стран с прогрессивными режимами.

Кто вскормил агрессивного «голубя»

К началу 60-х годов Израиль благодаря широкой материальной поддержке Запада уже достаточно окреп, чтобы мог выступить самостоятельно в роли жандарма на Ближнем Востоке. В результате проводимой сионистами активной политики иммиграции евреев из других стран еврейское население Израиля увеличилось с 657 тысяч в 1948 году до 2 миллионов 69 тысяч в 1962 году, а к 1967 году превысило 2,5 миллиона человек.

К середине 60-х годов Израиль получил от США «экономическую» помощь в размере около 2 миллиардов долларов только по государственной линии. Но были еще и другие, неофициальные каналы. Через Всемирную спониистскую организацию в Израиль поступило 7,7 миллиарда долларов. Значительная часть этих средств была израсходована на закупку современного западного вооружения. За счет предоставленных ФРГ кредитов, составивших к 1967 году около 2 миллиардов долларов, в Израиль поставлялись самолеты, танки, подводные лодки, стрелковое вооружение. Кроме того, в Израиле были построены военные заводы, а на территории ФРГ в бундесвере проходили подготовку несколько тысяч израильских солдат и офицеров. Уже в середине 60-х годов у Израиля имелось около тысячи современных танков и 450 самолетов.

Запад стал смотреть другими глазами и на роль Израиля в глобальных стратегических планах империализма. В 50-х годах в рамках агрессивных доктрин «сдерживания» и «массированного возмездия» Израиль рассматривался лишь как соучастник в интервенционистских и карательных акциях империализма против арабского освободительного движения. В 60-х годах в рамках разработанной в Вашингтоне доктрины «гибкого реагирования» Тель-Авиву отводилась уже роль самостоятельной ударной силы при развязывании и ведении «ограниченных войн» на Ближнем Востоке.

Израильские генералы позднее признавали, что война против арабских стран в 1967 году полностью соответствовала одобренной на сессии НАТО в декабре 1966 года доктрине, требовавшей укрепления «флангов» Североатлантического пакта и СЕНТО. Еще более откровенное признание сделал по прошествии многих лет лидер израильских экстремистов Менахем Бегин, который как-то перед очередной поездкой в Вашингтон счел необходимым напомнить американцам, что Израиль, блокировав Суэцкий канал в

1967 году, затруднил доставку помощи Вьетнаму, боровшемуся против американской агрессии. Но и Вашингтону было о чем напомнить Тель-Авиву.

Как во время Суэцкого кризиса 1956 года, так и в 60-х годах ни США, ни их союзники не предприняли никаких шагов, чтобы не допустить развязывания Израилем агрессивных войн против арабов. Напротив, они поддерживали и даже подталкивали его на разбой, снабжая Израиль всеми видами, в том числе наступательного, оружия.

В конце 50 — начале 60-х годов Израиль получал современное западное оружие главным образом из Англии, Франции и Италии. С 1962 года США начали осуществлять самостоятельно прямые военные поставки Израилю. После вступления на пост президента Линдона Джонсона флаговый листок, прикрывающий отношения Израиля с США, слетел окончательно.

Двойная игра

Насер интуитивно не доверял Линдону Джонсону, неожиданно ставшему осенью 1963 года новым президентом США. Но главное было не в личной антипатии Насера к Джонсону, а в том, что межгосударственные отношения между США и Египтом постоянно ухудшались.

Бесцеремонность американской администрации увеличивалась по мере того, как возрастала решимость Насера отстаивать независимый курс и укреплять антиимпериалистическую солидарность с арабскими и другими освободившимися странами. В Каире один за другим созывались межарабские, межафриканские и международные форумы, совещания, конференции. Его улицы и площади то и дело заполнялись тысячными толпами людей. Они протестовали против преступлений империализма в различных районах мира. В ходе одной из таких демонстраций обучающиеся в Каире африканские студенты сожгли библиотеку пропагандистского центра США в Каире.

Джонсон, как и Даллес в свое время, буквально был взвешен. Он попытался заставить Насера отказаться от поддержки освободительных движений в Африке. Потом его хотели отговорить от проведения конференции лидеров неприсоединившихся стран. Вслед за этим американцы отказали египтянам в продлении поставок пшеницы. Посол США в Египте Бэттл мотивировал это тем, что Джонсону не нравится поведение Насера.

Реакция Насера на этот демарш была резкой и энергичной. Выступая через несколько дней на массовом митинге в Порт-Саиде по случаю восьмой годовщины суэцкой победы, он заявил, что Египет не потерпит никакого давления.

— Я хочу сказать президенту Джонсону, — заключил Насер, — что не собираюсь торговаться независимостью Египта и обсуждать наше поведение. Мы против гангстеризма ковбоев в политике.

Джонсон, выходец из Техаса, воспринял это как личное оскорбление. Возобновленные на короткий период поставки пшеницы вскоре были вновь отменены. Однако эти манипуляции с поставками пшеницы не дали ожидаемых результатов. Египту помог противостоять экономическому шантажу Советский Союз. В Египет срочно направились советские суда с зерном, закупленным в Канаде и Австралии.

Вскоре Насер получил возможность лично убедиться и в лицемерии американского президента. Вашингтон перешел от экономического к военному нажиму. В марте 1965 года американский посол Бэттл вручил Насеру два секретных послания от Джонсона: одно — личное, другое — в виде официальной ноты. В личном содержались заявления в незыблемости «традиционной политики» США в вопросе ограничения продажи оружия основным участникам арабо-израильского конфликта. В официальной же ноте Насера уведомляли о решении США возобновить Израилю прямые поставки вооружения. Одновременно выражалось лицемерное беспокойство по поводу того, что израильтяне собираются разрабатывать собственное ядерное оружие. Именно поэтому Вашингтон, дескать, и решил снабдить Тель-Авив дополнительными партиями «обычного вооружения». К тому же содержались прозрачные намеки в виде «советов» Насеру не поднимать по этому поводу слишком большого шума. В противном случае США «будут вынуждены» лишь увеличить военные поставки Израилю.

Насер воспринял это как прямой шантаж, как ничем не прикрытую угрозу. Джонсон, пытаясь, очевидно, подстегнуть пилюлю, направил вскоре египетскому президенту приглашение прибыть в Вашингтон с «дружеским визитом». Насер, естественно, отверг это приглашение, считая, что такой визит принес бы больше вреда, чем пользы. Тем не менее Насер, поддавшись уговорам египетского посла в США и некоторых своих сподвижников, всегда искавших

сближения с Западом, в конце концов согласился на визит в Вашингтон председателя Национального собрания Египта Анвара Садата. Его давнишние симпатии и связи с американцами хорошо были известны Насеру. Поэтому было решено попытаться использовать их на «пользу нормализации египетско-американских отношений».

Линдон Джонсон и его супруга Бэрд встретили Садата, прибывшего в Вашингтон в сопровождении своей жены Джихан, с распластанными объятиями. Они сделали все возможное, чтобы очаровать своих гостей. И это им в полной мере удалось.

Садат, выступая 5 февраля 1966 года на банкете в его честь, заявил, что его «глубоко тронул» оказанный ему президентом Джонсоном и госсекретарем Расскомом прием. После бесед с ними Садат пришел к выводу, что в египетско-американских отношениях «наступает новая эра».

Джонсон, со своей стороны, заверил, что ему «ничего не нужно, кроме взаимопонимания».

— Передайте Насеру, — доверительно сказал Джонсон, — что мы предпочитаем вести спокойную, если хотите, даже тихую дипломатию... Ведь мы с женой лэди Бэрд тоже иногда ссоримся. Но в конце концов все наши проблемы решаем шепотом, чтобы никто не знал о наших ссорах.

Возможно, на Садата эти слова и произвели впечатление. Не исключено даже, что они его уже тогда убедили в целесообразности ведения «тихой дипломатии» не только с Вашингтоном, но и Тель-Авивом.

Однако Насер по-другому реагировал на предложение американского президента.

— Передайте президенту Джонсону, — сказал он американскому послу в Каире, — что его слова Садату о пользе «тихой дипломатии» меня никак не убедили. Может быть, это и подходит вам, но не нам. Сила революции — в народных массах. Наша дипломатия основывается на убеждении и мобилизации масс. Если же я начну играть в «тихую дипломатию», то я лишусь опоры в массах и окажусь обезоруженным. А у меня нет атомных бомб и столько денег, сколько у США. Мое оружие — это правда и откровенность с моим народом!

Подозрительность и недоверие Насера к американской администрации, вызывавшие недовольство Садата, были оправданы. В те дни, когда Садат возвещал в Овальном зале Белого дома о «наступлении новой эры» в египетско-

американских отношениях, неподалеку от Вашингтона, в Лэнгли, разрабатывался детальный план подготовки израильской агрессии против Египта с целью свержения режима Насера. Он был откорректирован заместителем директора ЦРУ по планированию тайных операций за границей Десмондом Фицджеральдом после доклада своего сотрудника Джеймса Энглтона о только что состоявшейся в Западной Европе строго секретной встрече с руководителями израильской разведки. На ней американцы дали своим собеседникам понять о желательности проведения Израилем «вооруженной акции» против Египта летом 1967 года. Участвовавшие в этой встрече шеф секретной израильской службы «Моссад» генерал М. Амит и начальник военной разведки АМАН бригадир А. Ярив только и ждали такого предложения. Тут же оговорили и основные вопросы обеспечения задуманной «акции», включая обмен «полезной информацией» и срочное увеличение поставок Израилю западного оружия. Правда, израильтяне несколько иначе представляли себе подготовку и проведение этой «акции» против Египта, чем американцы. Но расхождения были незначительными. В Вашингтоне считали, что в конце концов неважно, если эта «акция» обернется против Сирии и даже против Иордании. Главное, что она должна отвечать стратегическим интересам США на Ближнем Востоке. С чего Израиль начнет и где остановится — это второстепенные детали. Их Вашингтон собирался «откорректировать» по ходу дела.

У Тель-Авива были свои расчеты. Если американцы благословляют Израиль на «ограниченную акцию» против Египта и Сирии, то у войны своя логика, заодно можно будет «прихватить» и Иорданию. В поводах же для развязывания войны Израиль особенно не нуждался. Он их имел всегда предостаточно. Вернее, Тель-Авив умел их сам создавать.

Туристские маршруты не случайно обходили стороной берега Тивериадского озера. Здесь давно уже не было ни мира, ни спокойствия. К югу и к северу от него расположена так называемая демилитаризованная зона между Сирией и Израилем. В ней с наступлением весны начинались сельскохозяйственные работы. Однако в первые дни 1967 года здесь чаще слышался грохот танков и артиллерии, чем стрекот тракторов. Раскаты орудийных залпов заглушали шум водопадов реки Баньяс. Оружейно-пулеметная стрельба чуть ли не ежедневно нарушала мир и покой над гладью озера.

Утром 7 апреля 1967 года израильтяне спровоцировали очередной пограничный инцидент на Голанских высотах, послав несколько тракторов в сопровождении танков обрабатывать землю в «демилитаризованной зоне». Завязавшаяся перестрелка очень скоро переросла в настоящую битву с участием артиллерии, танков и самолетов. Сначала израильские самолеты атаковали сирийские позиции на Голанских высотах. Затем завязался воздушный бой над Дамаском. Сирийцы понесли значительные потери. Около 100 мирных жителей и сирийских военнослужащих пали жертвами в тот день на границе. Шесть сирийских самолетов было сбито в воздушном бою.

Через несколько дней, 16 апреля, израильские самолеты вторглись в воздушное пространство Египта и завязали воздушный бой над Синаям.

После вооруженных провокаций Израиля против Сирии и Египта Советский Союз немедленно предпринял активные дипломатические шаги. Стремясь предотвратить опасное развитие событий, Советское правительство самым серьезным образом предупредило Израиль и призвало его проявить сдержанность и благородство.

Однако Тель-Авив не внял этим предостережениям. В ответ на законные шаги Египта, Сирии и Иордании, направленные на обеспечение безопасности своих границ и укрепление военного сотрудничества перед лицом возраставшей агрессивности Израиля, Тель-Авив начал вести демонстративные приготовления к войне. На границах с Сирией и Египтом стали создаваться крупные группировки войск. Израильские руководители и военные деятели выступали с открытыми угрозами по адресу сирийского правительства. Премьер-министр Эш科尔 недвусмысленно заявил, что Израиль готов «наказать» Дамаск и для этого он сам «изберет время, место и средства для эффективных действий». Начальник генерального штаба И. Рабин выразился еще более определенно, заявив, что целью Израиля является «свержение режима в Дамаске». Нагнетание военного психоза дало нужные результаты. 9 мая 1967 года израильское правительство получило от кнессета полномочия на принятие решения о проведении военных операций.

В Вашингтоне не скрывали удовлетворения таким развитием событий. Десмонд Фицджеральд, докладывая поступающие новости своему новому шефу — директору ЦРУ Ричарду Хелмсу, доказывал ему, что победа Израиля над арабами поможет убить сразу даже не двух, а несколько зайцев. Избавиться от Насера в Египте. Свергнуть

радикальный режим в Сирии. Защитить нефтяные интересы США.

— А главное... — Фицджеральд сделал паузу, прежде чем высказать веский и самый убедительный для его шефа аргумент, — мы сумеем таким образом серьезно насолить русским на Ближнем Востоке.

— Все это очень заманчиво и привлекательно, — соглашался Хелмс. — Но для того чтобы Израиль самостоятельно смог одержать победу в этой войне, мы должны заранее как следует ему помочь не только финансами, но и в военной, и в политической, и, что немаловажно, в психологической сфере.

— Вот в этом, сэр, вы и должны убедить президента.

— Я думаю, что мне это удастся, — после некоторого раздумья заключил Хелмс. — Белый дом возьмет на себя политику, Пентагон — военное обеспечение. Ну, а нам с вами, Десмонд, сам бог велел заняться психологической подготовкой операции. Надо помочь Израилю втянуть арабов в войну. Прежде всего Насера. Свергнуть его режим изнутри не удалось. Пусть теперь помогут это сделать наши союзники. Я имею в виду не только Израиль. Ведь в падении Насера заинтересованы многие арабские монархи. Особенно король Саудовской Аравии Фейсал. Ну, а наша печать уже сейчас может начать психологическую войну...

За развязыванием психологической войны против Насера дело не стало. Сначала в США, а затем и в Западной Европе стали раздаваться явно подстрекательские голоса, будто Насер участвует только в словесной войне против Израиля.

В некоторых арабских государствах тоже стали появляться в печати явно инспирируемые кем-то статьи с упреками по адресу Насера. Его консервативные противники — саудовский король Фейсал и другие — критиковали Насера за нерешительность, призывая усилить борьбу с Израилем и «избавиться» от войск ООН на Синае. Каирский журнал «Роз эль-Юсеф» писал в те дни, что египтян «толкают к войне» вовсе не для того, чтобы «уничтожить Израиль», а чтобы спровоцировать падение режима Насера.

Тем временем в Тель-Авиве продолжалась эскалация воинственных заявлений. Рабин угрожал уже не только Сирии, но и Иордании и Ливану. 12 мая, на следующий день после этого заявления, Эш科尔 без всяких обиняков заявил:

— За прошедший месяц произошло по крайней мере четырнадцать инцидентов на наших границах. Возможно, мы будем вынуждены применить меры не менее энергичные, чем те, которые предприняли 7 апреля.

Это было откровенное предупреждение о подготовке к войне.

15 мая в Западном Иерусалиме состоялся традиционный военный парад в честь национального праздника Израиля. Но это был не обычный парад. Впервые на нем демонстрировалась не «мощь израильской армии», а ее боеготовность. На параде фактически отсутствовала боевая техника — танки, артиллерия. Их демонстративно уже передвигали к границам.

В этих условиях египетское правительство приняло решение об усилении своей синайской группировки войск и призыве резервистов. Воинственные заявления руководителей Израиля и его действия не оставляли у Насера сомнения, что дело идет к войне и к ней нужно готовиться. Если в такой ситуации Насер остался бы безучастным наблюдателем, его обвинили бы в невыполнении союзных обязательств. Это позволило бы Эр-Рияду дискредитировать Насера как арабского лидера, а Тель-Авиву — навязать арабским странам свой диктат поодиночке. Ни того, ни другого египетское руководство не могло допустить.

За первым шагом должен был последовать второй. Ведь египетские войска в случае резкого обострения обстановки не могли войти в соприкосновение с противником, поскольку в приграничной полосе на Синае, в секторе Газа и в районе Шарм эш-Шейх размещались с конца 1956 года чрезвычайные силы ООН.

Эти войска были созданы в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 5 ноября 1956 года по инициативе Канады для обеспечения выполнения условий соглашения о прекращении огня. Войска включали 3400 солдат — норвежцев, шведов, индусов, югославов, бразильцев и канадцев. Практически эти силы в 1957—1967 годах выполняли роль буфера между израильскими и египетскими войсками, осуществляя патрульную службу на 56-километровом участке в секторе Газа и вдоль 185-километровой границы в Синайской пустыне, а также контролируя Шарм эш-Шейх для обеспечения свободы судоходства через пролив Тиран и в Акабском заливе.

Египетское командование потребовало отвода этих войск только с Синая. В планы египетского руководства вовсе не входил их вывод из района Шарм эш-Шейх.

Однако его практически вынудили на этот шаг. Под давлением США Египет был поставлен перед альтернативой — отказаться от своего требования и, следовательно, дискредитировать себя или же согласиться на вывод всех войск ООН.

В течение пяти дней войска ООН покинули Египет, а их позиции заняли египетские вооруженные силы. Вслед за этим 22 мая президент Насер объявил о закрытии Акабского залива для израильских и других судов, доставляющих стратегические грузы в Израиль.

Эти меры египетское руководство приняло в чисто оборонительных целях. Они вытекали также из союзнического долга перед Сирией и другими арабскими странами. Насер рассматривал также эти шаги как активное средство военно-политического давления на Израиль. В определенной степени они достигли поставленных целей. Основная часть израильских сил была брошена на египетскую границу. Нажим на Сирию был ослаблен. Действия Египта помешали Израилю совершить нападение на Сирию, которое планировалось на середину — конец мая 1967 года. Египет выполнил свой союзнический долг и доказал на деле верность арабской солидарности. Не случайно после этого арабская солидарность, получившая такой единственный импульс, вступила в новую фазу. В конце мая и в начале июня 1967 года с Египтом подписали соглашения о взаимной обороне Иордания, а затем и Ирак. О готовности прийти на помощь в случае агрессии Израиля заявили также правительства Алжира, Кувейта, Йемена, Ливана и Судана.

Другая цель принятых президентом Насером мер состояла в том, чтобы с более сильных позиций заставить Израиль пойти на переговоры. При этом Насер рассчитывал, что западные страны, прежде всего США, окажут нажим на Израиль и не допустят развязывания им войны. Именно в этом состоял политический просчет египетского руководства. США и Англия не только не предприняли никаких мер по сдерживанию Израиля, а, напротив, сыграли роль покровителей и затем пособников агрессора.

Тель-Авив сразу после вывода войск ООН с Синая напомнил Вашингтону о неком полученном в 1956 году таинственном письме Эйзенхауэра. В нем якобы содержались гарантии США в обмен на вывод израильских войск с Синай «обеспечить безопасность» навигации в Акабском заливе в том случае, если силы ООН покинут Шарм эш-Шейх. Было ли такое письмо Эйзенхауэра или нет — неяс-

по. Но гарантии США «обеспечить безопасность» Израиля подтверждал и письменно и устно каждый американский президент и до Эйзенхауэра и после. Эти подтверждения делались, как правило, по официальным каналам госдепартамента или Белого дома. Но, кроме того, к тому времени была достигнута конфиденциальная договоренность между ЦРУ и «Моссадом» о проведении Израилем в подходящий момент, не позднее мая — июня 1967 года, военной акции с целью свержения режимов в Каире и Дамаске. Разве это не самый «подходящий момент»?

23 мая на экстренном заседании израильского «малого кабинета» начальник генерального штаба И. Рабин потребовал:

— Действовать немедля, не теряя ни минуты!

Его поддержал начальник оперативного управления генштаба генерал Э. Вейцман:

— Мы готовы,— заявил он,— атаковать противника хоть завтра. Если мы упустим этот момент, мы будем глупцами. Более того, мы рискуем вообще проиграть третью войну Израиля!

Начальник военной разведки генерал А. Ярив, пришедший на заседание, так же как и Вейцман, без всякого приглашения, многозначительно намекнул, что «политики могут опоздать», если правильно не оценят создавшуюся ситуацию.

Генералы не только предупреждали. Они начали уже действовать. Хотя Моше Даян, находясь в оппозиции, к тому времени еще не занимал никакого официального поста, он самовольно отправился на Синай инспектировать израильские войска. В доме бывшего премьера Бен-Гуриона проходили беспрерывные заседания с участием действующих и отставных генералов и политиков. Бен-Гурион постоянно повторял, что Израиль не может воевать без опоры хотя бы на одну из западных держав. Поэтому было решено срочно направить на Запад за получением благословения генерала в отставке Хaima Герцога, некогда начальника военной разведки, а затем генерального директора канцелярии премьер-министра.

Приперты генералами в угол, Эшкол сообразил, что он может отстать от поезда, который уже был поставлен на военные рельсы. Дав принципиальное согласие на подготовку военной операции, премьер-министр взамен потребовал, чтобы в Вашингтон был направлен глава дипломатического ведомства Абба Эбан, а не доверенный человек генералов.

В представлении военных Эбан был «голубем». Они опасались, что, увлекшись дипломатическими переговорами, Эбан «свяжет руки» израильской армии. Но премьер-министр настоял на своем. Если генералы заинтересованы во внезапности военной акции, то не следует раньше времени себя демаскировать. К тому же израильский посол в Париже Эйтан сообщил, что президент Франции де Голль ясно дал понять о желательности визита именно министра иностранных дел, а не какого-то эmissара в генеральском чине. Эта телеграмма посла послужила последним веским доводом в пользу поездки Эбана.

Президент де Голль принял Эбана в Елисейском дворце сразу же после окончания заседания правительства. Эбан подготовил почти получасовую речь. В ней перечислялись все доводы в пользу самых решительных действий Израиля с целью заставить Египет открыть пролив Тиран. Однако де Голль, прервав его посередине, сам обнаружил знание в деталях существа проблемы свободы судоходства в Акабском заливе.

— Закрытие пролива,— подчеркнул де Голль,— не дает еще основания для открытия огня. Не доводите дело до войны. Вот вам мой искренний совет как человека, знающего, к чему это обычно приводит.

Эбан пытался опять что-то доказать, несколько раз подряд упомянув о «серьезности создавшейся ситуации». Но де Голль встал и, холодно попрощавшись с израильским министром, еще раз его предупредил:

— Ни в коем случае не начинайте войны! Ваш один первый выстрел повлечет за собой уйму самых серьезных последствий!

В Лондоне Эбан нашел большее взаимопонимание. Английский премьер Гарольд Вильсон, который сам собирался за океан с официальным визитом в Канаду, а затем в США, заверил Эбана, что Великобритания присоединится к любой инициативе ООН или Соединенных Штатов для обеспечения свободы судоходства в Акабском заливе.

— Если Соединенные Штаты решат силой открыть пролив, Великобритания поддержит и такую операцию. Так что все зависит от Вашингтона,— честосердечно признался английский премьер.

В этом Эбана не нужно было убеждать. Ведь он недаром получил четкие инструкции любыми путями и средствами добиться срочной встречи в Белом доме. В день приезда Эбана в Вашингтон израильский посол Абе Харман

получил срочную депешу из Тель-Авива о том, что якобы завтра, 27 мая, ожидается нападение Египта. Харман, посоветовавшись с Эбаном, решил не информировать сразу об этом госсекретаря Раска. Он попросил Раска лишь об одном — сегодня же организовать встречу Эбана с президентом Джонсоном. Выслушав ходатайства Раска, президент недовольно поморщился:

— Если этому господину из Тель-Авива так некогда, он может возвратиться.

Это было сказано лишь для проформы. Слишком много у Эбана ходатаем в сионистских кругах, с которыми президенту нельзя портить отношения. Джонсон должен был вести осторожную игру, учитывая две традиционно сложившиеся линии, которые проводят США на Ближнем Востоке. Одна — Пентагона и ЦРУ, другая — госдепартамента. Белый дом должен координировать их таким образом, чтобы ясно было, какой из этих линий отдается предпочтение. Президент знал, что сам Эбан и многочисленные друзья Израиля будут действовать напористо, пока не добьются своего. Пусть израильский министр услышит сначала в Пентагоне и ЦРУ то, о чем предпочтительнее умалчивать Белому дому.

Расчет был верен. Израильский посол после повторного звонка к Раску, который посоветовал Эбану набраться терпения, немедленно связался с шефом Пентагона Макнамарой. Военный атташе при посольстве Израиля генерал Геви тут же договорился о визите Эбана в Пентагон. Тем временем резидент израильской разведки в Вашингтоне Эvron, имевший прямую связь с ЦРУ, связался с помощником президента Уолтером Ростоу. Эбан даже не подозревал, что ему, сугубо цивильному человеку, окажут такое внимание в Пентагоне. В кабинете Макнамары, где принимали Эбана и сопровождавшего его генерала Геви, собрались чуть ли не все руководители военного ведомства во главе с председателем Комитета начальников штабов генералом Уилером. В таком обществе Эбан решил говорить, отбросив дипломатию.

— Израилю нечего опасаться! — перебил его генерал Уилер. — Вы победите в любом случае.

Макнамара, согласно кивнув головой, решил подкрепить выводы Пентагона такими же оптимистическими прогнозами экспертов ЦРУ.

Пентагон не только благословлял израильтян на войну, но и подбадривал их. Единственно о чем просили Тель-Авив, пе проявлять излишнюю поспешность.

Эбан, вспомнив разговор с Вильсоном о возможных коллективных военных акциях Запада для открытия пролива Тиран, поинтересовался, насколько реально осуществление такого плана.

— Да, такой план существует. Ему даже дали кодовое название — «Регата», — доверительно сообщил ему Макнамара. — Но я лично сомневаюсь в его эффективности. Ведь не могут американские и английские корабли — пусть даже вместе с французскими — эскортировать постоянно израильские суда, направляющиеся в Элат или выходящие из Акабского залива. Это обойдется слишком дорого!.. Впрочем, последнее слово за Белым домом...

— Вот поэтому-то я и хотел встретиться с президентом Джонсоном, — вставил Эбан.

— Не сегодня, так завтра президент, я думаю, наверняка вас примет, — успокоил его Макнамара.

Военное ведомство и госдепартамент уже получили указание срочно доложить Белому дому свои соображения по поводу путей решения назревающего кризиса на Ближнем Востоке. Их выводы в тот же день были представлены президенту. Госдепартамент высказывался за направление в пролив Тиран «многонациональных» по форме, а по существу американо-английских военно-морских сил для обеспечения «свободы судоходства» в Акабском заливе. Пентагон предлагал предоставить Израилю возможность действовать самостоятельно, что, по заключению Макнамары, давало и Соединенным Штатам большую свободу действий при меньших затратах.

Джонсон разделял мнение Пентагона. Но он не мог прямо высказать это министру иностранных дел Израиля. Не лучше ли намекнуть об этом неофициально резиденту израильской разведки Эврону, который связан напрямик с генералами в Тель-Авиве. К тому же он давно уже стал «своим человеком» в Белом доме. И сейчас он сидит в кабинете Ростоу, ходатайствуя за Эбана. Джонсон тут же дал знать, чтобы Ростоу с Эвроном зашли к нему.

Усадив гостей в кресла рядом с собой, как старых друзей, Джонсон всем своим видом старался подчеркнуть неофициальный характер беседы.

— Говоря откровенно, я вряд ли смогу добавить вашему министру что-либо новое к тому, что он уже услышал от Раска и Макнамары. В нападение Египта на Израиль я не верю. Конечно, мы предпочли, чтобы над Тираном развевался израильский, а не египетский флаг. Но вы должны помнить, что на проведение любой морской операции

нашими силами я должен получить согласие конгресса. А он так экстренно не созывается, как израильское правительство, которое мне дает лишь сутки для принятия решения и... вашего министра.

Засмеявшись, Джонсон тут же поспешил успокоить израильского «дипломата».

— Раз Эбан так спешит на заседание кабинета, я — так и быть — готов его принять сегодня вечером.

Но Эбан в сопровождении израильского посла Хармана прибыл в Белый дом, не дожидаясь приглашения.

Беседа президента с Эбаном длилась почти полтора часа. Присутствовавшие на ней Раск и Макнамара вместе со своими ближневосточными экспертами должны были второй раз за день выслушать аргументы и соображения Эбана по поводу сложившейся «критической для Израиля ситуации». Джонсон в свою очередь тоже ничего нового для Эбана не сказал. Он призвал Израиль набраться терпения, пока идут консультации в рамках ООН.

— Мы должны сначала использовать все имеющиеся дипломатические возможности для разрешения кризиса, — заявил Джонсон. — Но это не означает, что мы отказываемся принять участие в усилиях для обеспечения свободы мореходства в Акабском заливе. Мы уже ведем соответствующие консультации и предпринимаем необходимые шаги. Для всего этого требуется время. По крайней мере две-три недели. Не пытайтесь загонять нас в угол, ссылаясь на завтрашнее экстренное заседание израильского правительства! Или на ожидаемое завтра нападение Египта! Мы располагаем другими сведениями: Египет не собирается воевать с Израилем. Если же Израиль решится начинать войну, то он должен сам взвесить этот свой шаг и его последствия.

Джонсону казалось, что он достаточно искусно провел беседу. С одной стороны, он предстал в роли миротворца, ратуя за дипломатические пути решения кризиса. В то же время у Эбана должно было сложиться впечатление, как позднее писал в своих мемуарах Джонсон, что США готовы энергично поддержать любые меры и «все возможные условия» для открытия пролива Тиран.

Неудивительно, что у Эбана и Хармана от бесед в Пентагоне и Белом доме сложилось тоже чувство раздвоенности. Им было ясно, что Вашингтон ведет двойную игру. В этом Харман окончательно убедился, узнав о конфиденциальной беседе Джонсона с Эвроном, который тут же поспешил отправить шифротелеграмму в Тель-Авив.

В тот же вечер Эбан отправился самолетом назад, чтобы доложить о результатах своей миссии непосредственно правительству.

На заданный ему перед отлетом из Нью-Йорка вопрос журналистов, остается ли он оптимистом, Эбан ответил:

— Я остаюсь реалистом...

Израильский кабинет министров собрался 27 мая, тотчас же по возвращении Эбана. Религиозно настроенные члены кабинета обычно строго соблюдали святость субботнего дня и никому не разрешали работать. На этот раз они дружно явились на заседание. Вопреки сложившейся традиции оно было созвано не в Иерусалиме, а в тель-авивском отеле «Дан». Все это, вместе взятое, подчеркивало даже не экстренный, а экстраординарный характер внеочередного заседания.

Эшкол, кратко обрисовав сложившуюся ситуацию, предоставил слово Эбану. За это время военные склонили Эшкола к немедленным «решительным действиям». Все теперь зависело от того, с чем вернулся глава израильской дипломатии.

Министр иностранных дел старался ничего не приукрашивать, однако намеренно упустил кое-какие детали. Эбан не стал, например, цитировать предостережение де Голля: «Ни в коем случае сами не начинайте войну!» Предпочел не упоминать и о трудностях, на которые указывал Джонсон, жалуясь, что не сможет принять окончательного решения без одобрения конгресса. Переговоры в Пентагоне и в Белом доме Эбан представил как свой большой успех. В конце он резюмировал, что, стараясь быть реалистом, остается оптимистом. Такой намеренно затуманиенный вывод внес еще больше неопределенности в настроение членов израильского кабинета. Когда начали голосовать, девять проголосовали за войну, девять — за выжидание. Сам премьер присоединился к «ястребам». Но, вспомнив, что правительство завтра должно в любом случае снова собраться, Эшкол дал понять о возможном еще переголосовании. Заседание закончилось после полуночи.

Утром Эшкола посетил посол СССР Д. С. Чувахин. Он передал послание главы Советского правительства А. Н. Косыгина. В нем содержалось строгое предупреждение Израилю о самых серьезных последствиях готовящейся войны против соседних арабских государств.

Советское предупреждение возымело на Эшкола воздействие. На открывшемся спустя всего лишь через не-

сколько часов заседании кабинета Эшкол сделал поворот на 180 градусов. Он стал доказывать своим коллегам необходимость в создавшихся условиях продолжить дипломатические усилия. Члены израильского кабинета на этот раз все, кроме одного, проголосовали за предложение Эшкола. Поскольку присутствовавший на заседании начальник генерального штаба Рабин не участвовал в голосовании, против поднял руку лишь генерал Кармель, занимавший пост министра коммуникаций.

Эшкол знал, что ему предстоит неприятное объяснение с Рабином. После окончания заседания тот демонстративно остался в кабинете своего непосредственного шефа — ведь Эшкол все еще оставался и министром обороны. После тягостного молчания Рабин тоном приказа предложил Эшколу самому объявить генералитету о принятом правительством решении.

— Имейте в виду, — угрожающе предупредил Рабин, — армия уже заняла исходные позиции.

На встречу с генералитетом Эшкол прибыл в сопровождении министра труда Игала Аллона, генерала в отставке, который имел в армии много друзей. Объяснение с генералами было не из легких. Впервые в истории Израиля военные открыто выступили единым фронтом против гражданского правительства. Дело дошло до того, что один из заместителей Рабина, Эзер Вейцман, хотел было бросить в лицо Эшколу свои генеральские погоны. Вслед за ним еще несколько генералов пригрозили отставкой. Самый старший из них по возрасту бригадир Иоффе требовал прекратить пустую болтовню и перейти к решительным действиям. Его поддержал генерал Шарон.

— Нерешительность правительства может дорого нам обойтись. Но мы этого не допустим! — открыто пригрозил он.

— Похоже, что армия — единственная сила, на которую может положиться страна!.. И я думаю, что это понимают не только в Израиле, — многозначительно резюмировал Рабин.

Пока шло бурное объяснение генералов с Эшколом, в тель-авивском особняке «отца Израиля» Бен-Гуриона решался вопрос о создании коалиционного правительства с участием представителей крайне правых религиозных партий и сторонников «старого льва» сионизма. Прежние распри между лидером экстремистов Менахемом Бегином, которого «умеренные сионисты» называли «шакалом», и Бен-Гурионом, прозванным в отместку экстремистами

«старым клоуном», на время решено было забыть. Сделка завершилась рукопожатием «шакала» и «клоуна», решивших оказать поддержку в этот «критический момент» правительству Эшкола с условием, что в него будут включены генерал Моше Даян, сторонник Бен-Гуриона, и сам Менахем Бегин. Кроме того, оппозиция потребовала назначения генералов Игала Ядина и Хайма Лескова, занимавших ранее пост начальника генерального штаба, специальными советниками премьер-министра.

Эшколу пришлось согласиться с предложениями оппозиции, тем более что они исходили от военных. К тому же Даян был не только выдвиженцем Бен-Гуриона и человеком военным. Многим, в том числе, конечно, Эшколу, хорошо было известно о многолетних тесных связях Даяна с американцами. Он вовсе не был «одиноким волком», как называли Даяна в военных кругах за его неуживчивый характер. Сначала он слыл близким человеком англичан. Затем он переметнулся к американцам. Много раз бывал в Соединенных Штатах, где установил доверительные связи с влиятельными людьми в деловом мире и политике. Недаром Бен-Гурион поспешил присвоить Даяну чин генерала и назначить командующим южным фронтом на Синае вскоре после возвращения «одинокого волка» из Соединенных Штатов. Когда началась синайская кампания 1956 года, Даян занимал уже высший пост в израильской армии — начальника генерального штаба. На этом, очевидно, основании он и попытался приписать себе все ее успехи, из-за чего вступил в конфликт с другими военными руководителями. Уйдя в отставку и став депутатом парламента, а затем и министром сельского хозяйства, Даян сохранял прочные связи со своими друзьями за океаном. Он и в цивильном костюме имел славу «вояки-забияки», который на все политические проблемы, особенно ближневосточные, смотрит, как он любил повторять, только «чрез прицел винтовки». Незадолго до событий 1967 года Даян — не без содействия Центрального разведывательного управления — совершил в качестве специального корреспондента израильской газеты поездку во Вьетнам. Там он стажировался не столько на журналистском, сколько на военном поприще. Особый интерес он проявил к приобретению «опыта» по части проведения армией карательных операций в оккупируемых районах.

Эшкол, зная, кто может стоять за спиной Даяна, не стал противиться его вводу в правительство. Он хотел спасти предложить Даяну пост заместителя премьер-мини-

стра, а своего сторонника генерала Аллона сделать министром обороны. Но Даян заявил, что предпочитает в создавшейся обстановке возглавить южный фронт, выполняя непосредственные приказы начальника генштаба Рабина. Однако повторно посетившие премьера высшие чины израильской армии, его личный военный советник генерал Ядин, а также доверенное лицо Бен-Гуриона Ш. Перес недвусмысленно дали понять, что министром обороны должен стать Моше Даян, и никто другой. Эшколу под давлением оппозиции и генералов во главе с Шароном пришлось согласиться с этим назначением. В стране уже и так настойчиво распространялись слухи о возможном военном перевороте. Эшкол предлагает генералам срочно направить в Вашингтон начальника разведки «Моссад» генерала Меира Амита с целью выяснить истинную позицию США, прежде чем ввязываться в войну.

Вслед за Амитом, вылетевшим в США инкогнито под вымышленным именем Иакова, Эшкол направил Джонсону срочную депешу. В ней он выражал президенту благодарность за обещание использовать все возможные средства для открытия пролива Тиран. Эшколу оставалось теперь лишь ждать результатов миссии специального посланника генералов и ответа на его личные послания.

Резидента израильской разведки в Вашингтоне Эврона даже не информировали о приезде его шефа. Люди ЦРУ сами встретили Амита и сразу же доставили его в Лэнгли. Там его уже ждали старый знакомый Фишджеральд и директор Центрального разведывательного управления Хелмс, имевший богатый опыт в ближневосточных делах. У Амита кроме поручения Эшкола прозондировать позицию США было более конкретное задание от Рабина. В принципиальной позиции американцев у генералов сомнений не было. Они хотели узнать, как отнесется Пентагон и ЦРУ к переносу даты развязывания военных действий с 12-го, например, на 5 июня. Рабина и Шарона не на шутку встревожили некоторые дипломатические шаги, предпринятые Вашингтоном. Сначала в Каир направился бывший министр финансов США Роберт Андерсон, который имел встречу с Насером. Затем у Насера побывал видный американский дипломат Чарлз Йост, который передал приглашение Джонсона направить в Вашингтон египетскую делегацию для переговоров об условиях открытия пролива Тиран. Решено было отправить такую делегацию во главе с вице-президентом Египта Закария Мохи эд-Дином не позднее 5—7 июня.

Тель-Авиву нужно было во что бы то ни стало помешать этому визиту. Почти одновременно с Амитом в Вашингтон прибыл английский премьер-министр Вильсон. После бесед с Джонсоном в Белом доме, а незадолго до этого с канадским премьером в Оттаве Вильсон дал понять, что Великобритания в принципе согласна с возможностью применения силы, чтобы прорвать египетскую блокаду пролива Тиран. Но Лондон предпочитал создать для этой цели специальное военно-морское соединение «под флагом многих наций», чтобы обезличить ответственность за последствия вооруженной интервенции. Этот вариант не устраивал ни Тель-Авив, ни Вашингтон.

Не только госдепартамент, но и Пентагон предпочитал избежать прямого участия США в совместных с Израилем военных действиях против Египта. Они, конечно, не могли не учитывать возможные отрицательные для Вашингтона последствия и от самостоятельного развязывания Израилем войны против арабских стран при косвенной поддержке США. Но эти издержки представлялись ЦРУ и Пентагону не такими тяжелыми для американских интересов на Ближнем Востоке в долгосрочном плане. Поэтому они тоже без всякого энтузиазма относились к дипломатическим переговорам.

После первых же бесед с Фицджеральдом, а затем и с Хелмсом генерал Амит убедился в полном взаимопонимании с американскими коллегами.

На вопрос гостя, уверены ли они в твердости президента Джонсона, Хелмс с улыбкой ответил:

— Президент Соединенных Штатов не раз ее доказывал...

Сделав короткую паузу, он добавил:

— Вы вполне, генерал, можете на нас положиться!

— Именно так, как было раньше условлено? — уточнил Амит.

— Даже больше,— ответил за своего шефа Фицджеральд на правах более компетентного человека, догадывающегося, на что намекает гость.— Не понимаю, чего вы еще ждете?

В этом вопросе Амит нашел самый ясный ответ, за которым он и был направлен в Вашингтон. Не заходя в израильское посольство, Амит вызвал к себе в гостиницу Эврона и продиктовал ему короткую телеграмму в несколько строк:

«Соединенные Штаты не предпримут никаких шагов с целью заставить Насера открыть пролив Тиран. Не будет

также оказано никакого давления на Израиль, если он предпримет самостоятельную инициативу».

Дав Тель-Авиву согласие на «самостоятельную инициативу» в развязывании войны, Вашингтон активно включился в ее совместную подготовку по всем направлениям. Взятые ранее и вновь подтвержденные американцами обязательства выполнялись точно. Вместе с Тель-Авивом велась тщательно скординированная массированная «психологическая подготовка» с целью ввести в заблуждение мировое общественное мнение. Империалистическая и сионистская пропаганда заработала полным ходом. Не пренебрегали никакими средствами, чтобы показать, будто «арабы готовятся сбросить израильтян в море», и представить осуществленные Египтом военные мероприятия как подготовку к «развязыванию войны» против Израиля. Общественному мнению внушалась мысль об «агрессивности и кровожадности» арабов, мечтающих уничтожить всех израильтян. Израильские и западные буржуазные органы пропаганды стремились представить дело так, будто египетские вооруженные силы вот-вот готовы напасть на Израиль.

Между тем президент Насер официально заверил в те дни генерального секретаря ООН, правительства многих государств, включая СССР и США, что принятые египетским командованием меры носят чисто оборонительный характер. Он решительно опроверг приписанные ему западной пропагандой слова, будто Египет собирается «сбрасывать Израиль в море» и осуществить меры «тотального геноцида».

Уже после израильской агрессии Насер заявил корреспонденту французской газеты «Монд»:

— Я не хотел развязывать войну, и израильские руководители это прекрасно знают.

И они действительно хорошо это знали. В декабре 1967 года начальник генерального штаба Израиля И. Рабин высказал израильской газете «Гаарец» свое убеждение в том, что концентрация египетских войск на границе «не была нацелена на развязывание войны» против Израиля.

Бывший начальник тыла израильской армии генерал М. Пелед сделал позднее еще более откровенное признание:

— Утверждение, будто Израилю в июне 1967 года «угрожал геноцид» и он «боролся за свое физическое выживание, это не что иное, как блеф». Ведь в мае 1967 года египтяне создали на Синае группировку, насчитывающую лишь около 80 тысяч солдат. Она просто не в состоянии

была вести наступательные действия против Израиля, который к тому времени отмобилизовал против них сотни тысяч людей.

Это заявление, вызвавшее большое недовольство правящих кругов Израиля, тогда восприняли как «скандальную сенсацию». Тем не менее в ходе развернувшейся по этому поводу дискуссии подобные признания вынуждены были сделать в открытой или в завуалированной форме и другие военные и политические деятели Израиля.

В период подготовки нападения Израиля на арабские страны шумиха об «агрессивности» арабов требовалась для того, чтобы создать ширму, за которой Тель-Авив и Вашингтон вели последние приготовления для развязывания израильской агрессии.

В конце мая 1967 года президент США Джонсон в своем заявлении о положении на Ближнем Востоке вполне ясно дал понять о готовности США поддержать Израиль в его агрессии против арабских стран. И эта готовность подкреплялась конкретными действиями. К началу войны в восточную часть Средиземного моря была переброшена основная часть 6-го флота США — всего около 50 кораблей, включая авианосцы «Америка», «Саратога», «Интерпид» с 200 самолетами и 25 тысячами матросов и солдат морской пехоты США. Десять американских кораблей с «визитами вежливости» срочно направились на Мальту и в Грецию. Отряд кораблей вместе с одним авианосцем находился в районе Красного моря.

Руководивший высадкой морской пехоты в Ливане в 1958 году американский адмирал Мартин получил секретный приказ привести все эти силы в состояние повышенной боевой готовности для возможных действий на Ближнем Востоке.

В боевую готовность были приведены американские войска, размещенные на военных базах в Турции. Крупную группировку военно-морских сил в восточной части Средиземного моря создала также Англия, направив два авианосца и отряд кораблей к южным берегам Кипра.

С целью достижения внезапности нападения на арабские страны израильское командование провело ряд мероприятий по оперативной и стратегической маскировке и введению в заблуждение противника. Все передвижения войск к границам проводились только в ночное время. До выхода войск и штабов в исходные районы сосредоточения строго соблюдалось радиомолчание и велись фиктивные радиопередачи. Был запрещен полет военных самолетов

вблизи арабских границ, а также ограничен радиус полета разведывательных самолетов. В целях дезинформации строились ложные аэродромы и имитировались ложные передвижения войск и другие военные мероприятия. Например, за два дня до развязывания войны в ряде частей второго эшелона личному составу был предоставлен краткосрочный отпуск.

Вместе с тем израильское командование, готовясь к агрессии, собрало подробные сведения о вооруженных силах арабских государств. Передвойной израильская авиация произвела детальную аэрофотосъемку военных объектов на территории Египта, Сирии и Иордании, подготовив подробные карты с объектами, по которым должны были наноситься удары. Большую помощь израильскому генштабу в получении разведывательных данных оказалось ЦРУ, предоставившее ему подробную информацию, собранную различными секретными службами, а также космической разведкой США. Кроме того, израильское командование получило необходимые сведения от разведывательной службы ФРГ и оперативной разведки НАТО. С помощью радио- и радиотехнической разведки Израилю удалось до начала войны вскрыть всю систему радиосвязи вооруженных сил соседних арабских стран, рабочие и запасные волны, с тем чтобы в ходе боевых действий создавать эффективные помехи и имитировать ложные команды для сухопутных войск и ВВС противника.

Все эти мероприятия военного и политического характера позволили израильскому руководству и командованию обеспечить себе благоприятные условия для развязывания войны и добиться в ней оперативной и тактической внезапности. В значительной степени это было достигнуто также благодаря политическим маневрам на дипломатической арене при активном содействии США и других империалистических государств.

Израильское командование, очевидно, в самый последний момент сочло возможным внести некоторые коррективы в разработанный ранее генштабом общий план антиарабской войны под кодовым названием «Голубь» и в план военных действий на Синае, носивший кодовое название «Удар Сиона».

В соответствии с этими коррективами израильское командование решило сначала направить агрессию против Египта, рассчитывая, очевидно, что после уничтожения египетской авиации и нанесения Египту поражения Тель-Авив будет иметь возможность наносить последовательные

удары по каждой арабской стране, сломив поодиночке их волю к сопротивлению.

Хорошо осведомленные в закулисной стороне подготовки агрессии 1967 года Д. Кимхе и Д. Боули в книге «Израиль перед лицом арабов», а также американский исследователь Донован признают, что на осуществление плана «Удар Сиона» отводилось не более двух дней. Тель-Авив опасался, что по истечении этого времени ООН потребует прекращения огня. Вначале даже не предполагалось захватить или долго удерживать Шарм эш-Шейх. Самая главная цель состояла в уничтожении египетской армии, в захвате сектора Газа и по возможности максимальной территории на Синае для будущего торга, чтобы заставить египтян открыть проливы.

Однако непосредственно перед войной и уже в ходе боевых действий Тель-Авив внес изменения, решив выйти к Суэцкому каналу и, не дожидаясь вступления в войну Иордании, самому спровоцировать ее втягивание, чтобы иметь основание оккупировать Западный берег Иордана и весь Иерусалим. Эти корректизы Тель-Авив внес самостоятельно, даже без предварительного их одобрения Вашингтоном, ибо он не сомневался в его последующей поддержке.

По возвращении в Тель-Авив генерал Амит доложил о своих переговорах в Вашингтоне в первую очередь Рабину и Даюну. Заданный ему в ЦРУ вопрос: «Чего вы еще ждете?» — Амит передал слово в слово только тем, кому он был адресован.

На заседании правительства Амит акцентировал внимание на заверении американцев, что они не окажут никакого давления на Израиль, если он решится действовать самостоятельно. При этом он подчеркнул, что Вашингтон не обладает возможностью принять эффективные меры для политического решения проблемы судоходства в Акабском заливе. Вместе с тем шеф «Моссада», поддержанный начальником военной разведки, обратил внимание членов кабинета на «крайне серьезную для Израиля обстановку» в связи с прибытием в Иорданию одной бронетанковой бригады из Ирака и решением Насера вывести из Йемена две египетские пехотные бригады, которые могут быть переброшены на Синай.

Даян предупредил своих коллег о том, что опасность складывающейся обстановки обязывает их самым срочным образом заняться «поиском выхода». Ему не потребовалось много слов, чтобы убедить воинственно настроенных

министров. На состоявшемся утром 4 июня в Иерусалиме экстренном заседании правительства подавляющее большинство — шестнадцать из восемнадцати — проголосовало за предоставление премьер-министру Эшколу и министру обороны Даяну всех необходимых полномочий, чтобы «в необходимом случае обеспечить выступление армии». Вечером, когда «Голос Израиля» информировал своих слушателей об обсуждении в кнессете «серезного вопроса» о загрязнении атмосферы в Иерусалиме, Даян вместе с Рабином, Вейцманом и командующим ВВС Ходом вносили последние корректизы в операцию «Фокус», предусматривающую нанесение утром 5 июня воздушных ударов по основным военным объектам Египта. Это было первым шагом к реализации широкого стратегического плана «Голубь», разработанного и одобренного Соединенными Штатами и НАТО.

От покровительства к покрывательству

Запад не только планировал и благословил агрессию Израиля. Покровительство и поддержка сионистов осуществлялись в канун и в ходе войны и более действенным образом.

К началу июня в Израиль прибыло около тысячи американских «добровольцев» различных военных специальностей, многие из которых имели опыт, приобретенный на войне во Вьетнаме. Не менее 200 из этих «волонтеров» приняли непосредственное участие в боевых действиях против арабских стран. Сионисты во Франции, зная о намерении де Голля ввести эмбарго на поставку оружия Израилю в случае войны, позаботились об ускорении поставок ему 42 истребителей-бомбардировщиков «Мираж». Буквально в день развязывания Израилем агрессии против арабов из Бордо в Тель-Авив были отправлены четыре самолета «Боинг», нагруженные запчастями к боевой технике французского производства. Большие партии современного оружия были отправлены в Израиль из США и Англии.

Секрет военных успехов Израиля в июньской войне 1967 года был не столько в действиях израильской армии, сколько во взаимодействии ее с разведывательными органами США и НАТО. По свидетельству западной печати, американская разведка во время войны оказала Израилю

такую помощь, которая по эффективности может сравниваться с применением значительных воинских сил.

Бывший поверенный в делах США в Каире Д. Нес писал позже в газете «Нью-Йорк таймс», что задания по линии военной разведки, спускавшиеся Вашингтоном посольству и работникам ЦРУ, диктовались перед войной в первую очередь нуждами Израиля. Он уверен, что эффективность ударов, нанесенных израильскими ВВС 5 июня 1967 года, была обеспечена в значительной мере информацией о египетских аэродромах и о дислокации самолетов, полученной через американские каналы. Накануне 5 июня израильскому командованию были переданы снимки арабских аэродромов и других военных объектов, осуществленные с американских спутников и самолетов-шпионов.

В иностранной, в том числе и арабской, печати сразу после июньской войны много писали о загадочном «инциденте», произшедшем у берегов Синая с американским специальным судном «Либерти», которое было атаковано и потоплено израильскими самолетами и торпедными катерами. В результате этого «инцидента» погибло и было ранено более 100 членов экипажа «Либерти». Судя по официальной израильско-американской версии, произошло «досадное недоразумение».

Но теперь уже доподлинно известно, что это было не простое судно, а военный разведывательный корабль ЦРУ. Большую часть его экипажа составляли высококвалифицированные специалисты по радиотехнической разведке и дешифровке, в совершенстве владевшие арабским языком и ивритом. 2 июня 1967 года корабль покинул испанский порт Рота и взял курс к берегам Египта. В день открытия военных действий он находился непосредственно у берегов Египта. Часть экипажа вместе с аппаратурой высадилась на берег где-то в районе Эль-Ариш. Другие остались на корабле. Одни из них отправляли ложные приказы на арабском языке об отступлении командирам египетских частей, которые пытались организовать на Синае оборону. Ложные приказы получали и некоторые египетские летчики. «Либерти» перехватывала и расшифровывала секретные приказы как арабов, так и израильтян. Секреты арабов отправлялись и израильскому командованию, и руководству ЦРУ. Шифровальные донесения и приказы, переведившиеся с языка иврит, накапливались, а наиболее важные докладывались только непосредственному начальству — руководству ЦРУ.

Получилось так, что хваленая израильская разведка,

которая всегда кичится своим «всезнанием», на этот раз почему-то не смогла отличить своего союзника от противника. Конечно, в это трудно было поверить. Не поверили этому и американцы, которые получили тогда из Тель-Авива официальные извинения за «досадное недоразумение». Позднее стало ясно, что эта трагикомедия была разыграна, очевидно, с целью не только замести следы соучастия США в израильской агрессии, но и скрыть некоторые секреты, которыми Тель-Авив не хотел делиться даже с Вашингтоном.

К числу таких секретов относились прежде всего те корректизы, которые Даян внес в заранее разработанный и, надо думать, согласованный с американцами план, носивший кодовое название «Удар Сиона».

Корабль «Либерти» был потоплен израильтянами 8 июня, то есть по истечении трех суток войны, когда израильтяне, опьянившиеся своими легкими военными успехами, взяли курс на «перевыполнение» намеченного плана и продолжали расширять боевые действия даже после принятой 7 июня 1967 года Советом Безопасности повторной резолюции о немедленном прекращении огня, за которую голосовал и представитель США.

Но самое важное состоит в том, что ни израильская атака на «Либерти», ни гибель американских военнослужащих, ни чрезмерное рвение израильских оккупантов не вызвали резкой реакции администрации Джонсона. И у Тель-Авива, и у Вашингтона была одна главная общая цель — свергнуть прогрессивные режимы в Египте и Сирии. Вот почему в дни войны израильская военщина проявляла в ряде случаев показную гуманность, отпуская пленных египетских солдат домой, чтобы они готовились к «свержению Насера». В это же время израильские радиостанции на арабском языке вели психологическую обработку сирийцев, призывая их также покончить с режимом партии Баас. Дело не ограничивалось только призывами. В первые же дни войны в Сирию для организации антиправительственного мятежа был послан все тот же авантюрист — майор Хатум со своими людьми, переодетыми в сирийскую форму, которые находились все это время на содержании ЦРУ. В тылу сирийской армии действовали многочисленные диверсанты и лазутчики, которые устраивали диверсии. Большинство из них, в том числе Хатум, были обезврежены.

Израильские агрессоры, вопреки резолюциям Совета Безопасности ООН о прекращении огня, творили разбой и

расширяли захват арабских земель, ибо эта война выявила полное совпадение интересов США и Израиля, которые действовали заодно.

Среди ночи 5 июня 1967 года (в Вашингтоне все, кроме нескольких сотрудников ЦРУ и госдепартамента, ожидающих вестей о начале войны, крепко еще спали, когда израильские самолеты уже сбрасывали бомбы на Каир) президент Джонсон и госсекретарь Рэск не удивились, узнав, что Израиль «вынужден был начать действовать». По их указанию американский представитель в ООН Артур Голдберг, тесно связанный с сионистами, заявил сначала в Совете Безопасности, что США «не знают, кто открыл военные действия». Затем он, ничтоже сумняшися, уточнил, что до выяснения истинного положения вещей США принимают версию Израиля, будто Египет начал первым.

В последующие дни, когда всему миру стало ясно, кто совершил агрессию, американские покровители сионистов продолжали кричать, что Израиль нужно не осуждать, а решительно поддержать. Сенатор-республиканец Джавитс даже призывал США применить силу, чтобы помочь Израилю открыть проливы, а обозреватель газеты «Вашингтон пост» Олсон, помогая официальному представителю США в ООН, доказывал, что действия Израиля — это не агрессия, а самооборона. Подобные заявления отражали общность взглядов и целей Тель-Авива и Вашингтона. Вот почему в последующем покровительство агрессоров переросло в их покрывательство и поощрение.

Неосуществленные цели

Используя момент внезапности нападения на арабские страны, агрессоры сумели в течение шести дней захватить весь Синайский полуостров, сектор Газа и восточный берег Суэцкого канала, Голанские высоты Сирии и Западный берег реки Иордан. В целом они оккупировали более 60 тысяч квадратных километров, то есть втрое больше территории, которую занимал Израиль в границах 1949 года. Израильская агрессия принесла неисчислимые бедствия арабским странам. Десятки тысяч убитых и раненых, тысячи разрушенных домов, десятки остановившихся промышленных предприятий. Сотни тысяч людей, лишенных крова, пополнили и без того переполненные лагеря палестинских беженцев в Иордании, Сирии, Ливане. Ущерб,

причиненный войной, оценивался в несколько миллиардов долларов.

Некоторые буржуазные военные историки пытались потом сместь акценты при анализе причин поражения арабов и военных успехов Израиля. Во-первых, всячески иранижались не только боевые, но и личные качества арабских воинов и восхвалялись какие-то особые качества израильских солдат. Во-вторых, просматривается стремление даже в некоторых трудах египетских авторов взвалить главную вину за поражение в июньской войне на президента Египта и тем самым дискредитировать вместе с военным курсом всю политику Насера в социально-экономической области, а также на международной арене.

Западная и особенно израильская пропаганда стараются создать совершенно неправильное представление о том, будто июньская война была для израильян если не увеселительной, то чем-то вроде «военно-туристской прогулки» по библейским местам соседних арабских государств. Даже воздушные налеты израильян на Египет и Сирию не были такими уж безболезненными для израильских ВВС, как это пытаются представить буржуазные военные историки. За первые два дня войны, пока не были фактически выведены из строя почти все египетские и сирийские аэродромы, средства ПВО арабских государств сбили 28 израильских самолетов.

Египетские, сирийские и иорданские солдаты, бойцы Армии освобождения Палестины, мирное население городов и сел арабских государств, подвергшихся агрессии, проявляли в ряде случаев большое мужество и стойкость в борьбе с превосходящими силами противника. На Синае наступление израильских войск под командованием генерала Таля вдоль побережья Средиземного моря было остановлено в первый день египтянами, пока к интервентам не прибыло подкрепление. По признанию Таля, здесь израильянам пришлось выдержать «тяжелый бой». Однако отсутствие поддержки авиации помешало египетским войскам развить этот успех.

Далеко не так развивались события, как это предусматривалось планами агрессора, на центральном и южном участках фронта, где израильские войска под командованием генерала А. Шарона долго не могли овладеть египетским укрепрайоном Абу-Авейгилы. Здесь велись тяжелые бои в течение более 36 часов, в ходе которых обе стороны понесли большие потери в живой силе и технике, особенно танках. На южном направлении первый эшелон броне-

танковой группы израильтян, наступавшей на Эль-Кунтиллу силой до трех батальонов, был почти полностью уничтожен, и только после ввода в бой второго эшелона израильтяне сумели прорвать позиции упорно оборонявшихся египетских войск.

Наступление израильских войск на южном (суэцком) направлении в первый день агрессии, по существу, остановилось. На этом направлении египтяне силой одной мотопехотной дивизии сумели отразить атаки израильских войск и даже перейти в первый день в контрнаступление, вклинившись на территорию Израиля на глубину 5—10 километров.

На отдельных участках фронта сирийские войска в первые дни войны также вклинивались на территорию Израиля. Более двух суток шли бои за сирийский город Эль-Кунейтра. Тяжелые уличные бои происходили также в Восточном Иерусалиме. Арабские солдаты проявляли и на других участках фронта стойкость и мужество.

Но нельзя, конечно, отрицать ряда серьезных просчетов египетского руководства и общей неподготовленности к войне вооруженных сил арабских государств, подвергшихся агрессии. На это обстоятельство указывал неоднократно и сам президент Насер. Однако причины военного поражения арабских стран в июньской войне следует искать все же не в политических просчетах египетского руководства и не в «комплексе неполноценности» арабских солдат, а в отсутствии у некоторых египетских генералов и офицеров должного патриотизма и чисто военного профессионализма. Именно на ту египетскую военную верхушку и реакционное офицерство, которые впоследствии представили перед судом, падает значительная часть вины за поражения как на египетском, так и на сирийском и иорданском фронтах. Ведь координация действий и общее руководство войной было возложено на египетское военное командование. Оно же оказалось неспособным руководить вооруженными силами в быстро меняющихся условиях маневренной войны. Более того, непростительная беспечность некоторых египетских генералов и офицеров граничила с предательством. В ряде случаев они сознательношли на обман президента Насера.

Внезапность нападения Израиля на Египет и другие арабские страны, безусловно, явилась одним из важных факторов, обусловивших завоевание израильскими ВВС полного господства в воздухе. Однако нельзя сказать, что вероломное нападение Израиля было неожиданным в ши-

роком военно-политическом плане. Буквально за несколько дней до израильской агрессии каирская газета «Аль-Ахрам» писала, что нападение Израиля на Египет, очевидно, неизбежно. Это предположение подтверждала и египетская разведка. Президент Насер, выступая перед египетскими офицерами ВВС, прямо предупредил их о возможном нападении Израиля в первых числах июня.

И все-таки высшее военное командование Египта не сделало из этих предупреждений нужных выводов и не приняло мер по защите аэродромов и других важных военных объектов. В результате на земле была сожжена почти вся египетская авиация. Египетская армия на Синае, оставшись практически без воздушного прикрытия, в последующие дни вынуждена была беспорядочно отступать. А в это же время египетские военные руководители, дезориентируя президента Насера и арабское общественное мнение, оглашали победные реляции о «сотне сбитых израильских самолетов» и о «победных сражениях» в Синайской пустыне. А ведь вооруженные силы Египта на самом деле располагали первоклассной современной военной техникой, которая успешно и эффективно могла бы быть использована для отражения агрессии. И если этого не случилось, то только потому, что отдельные генералы и высшие офицеры, группировавшиеся вокруг маршала Амера, фактически были не готовы к выполнению служебного и патриотического долга. Они в душе всегда были против проводившихся Насером прогрессивных социально-экономических преобразований. Именно на них делали ставку агрессоры и их империалистические покровители. Им были чужды социально-экономические цели революции, они поэтому и не могли быть ее стойкими защитниками.

Вот почему многие из них активно противились целенаправленной политической работе среди личного состава армии, что, естественно, не могло не отражаться на ее боеспособности. Это по их вине египетские войска не сумеликазать должного сопротивления агрессору, оставив на поле боя в исправном состоянии большое количество первоклассной боевой техники. В общей сложности израильские войска захватили и уничтожили 800 египетских танков, из которых около 300 были в полной или частичной исправности и даже с неизрасходованными снарядами. Это по их вине ряд египетских опорных пунктов, в том числе крепость Шарм эш-Шейх, были оставлены врагу без всякого сопротивления. Это они первыми бежали с поля боя,

оставляя на произвол судьбы своих подчиненных. О низком моральном уровне реакционного командования Египта свидетельствует хотя бы тот факт, что на Синайском полуострове израильтяне взяли в плен 21 генерала и более 3 тысяч офицеров. Большинство египетских генералов и офицеров составляли выходцы из помещиков и буржуазии. Они были оторваны от народа и от солдат, относились к ним высокомерно и с презрением. Неудивительно, что они не пользовались авторитетом в вооруженных силах, а народ после поражения египетской армии не скрывал своего недовольства и даже ненависти к разжиревшей «военной бюрократии». Не случайно консервативная военная верхушка еще до окончания войны пыталась организовать путч против президента Насера и с помощью членов запрещенной им реакционной мусульманской организации «Братья-мусульмане» (их насчитывалось в стране когда-то более 2 миллионов) свалить прогрессивный режим.

Глубокий знаток египетской действительности английский писатель Джеймс Олдридж, который прожил в Египте много лет, свидетельствует, что большая группа правых офицеров, возглавляемых Амером, используя поражение Египта в войне, «хотела избавиться от Насера, отказаться от идей арабской революции и коренным образом изменить внешнюю политику ОАР, чтобы прийти к соглашению с Соединенными Штатами».

Этот реакционный заговор тогда провалился. Часть его организаторов при жизни Насера предстала перед судом, другие были удалены из армии. Однако их социальная опора не была полностью ликвидирована в Египте. Вот почему оставшаяся часть участников военного заговора и их единомышленники сумели все же после смерти Насера повернуть египетскую революцию вспять и добиться некоторых целей, ставившихся Амером и его сторонниками.

Хотя Тель-Авив торжествовал «молниеносную победу», для Израиля она обошлась недешево. Несколько тысяч человек было убито и ранено. Выведено из строя более 200 танков и 100 самолетов. Но эти военные потери не идут ни в какое сравнение с морально-политическими издержками Израиля. Перед лицом всего мира Израиль предстал в роли агрессора. И в США, и в Западной Европе от него отвернулись многие из тех, кто раньше ему сочувствовал или симпатизировал. Вместе с тем, как показали последующие события, особенно октябрьская война 1973 года, огромные оккупированные арабские территории и далеко отодвинутые границы вовсе не обеспечили безопасности и

мира Израилю. Эти «границы» не стали даже линиями перемирия, превратившись в передовую линию фактически непрекращавшихся военных действий.

Несмотря на военное поражение арабских стран, потерявших в июньской войне около 20 тысяч солдат и офицеров убитыми, израильская агрессия в политическом и экономическом плане привела во многих отношениях к результатам прямо противоположным тем целям, которые преследовали ее организаторы и исполнители.

Авторитет Советского Союза, решительно вставшего на сторону арабов и поддерживавшего их справедливую борьбу против агрессии, значительно возрос, а позиции империалистических государств, в первую очередь США, в арабском мире оказались подорванными. После первых же налетов израильской авиации на Каир и Дамаск почти во всех арабских столицах стихийно прошли мощные антиимпериалистические демонстрации. Это был взрыв гнева и ненависти к империалистам. Народ понял, кто стоит за спиной агрессора. Самолеты и бомбы, которые обрушились на арабские города и селения, были поставлены Израилем из США. Вот почему демонстрации в Каире, Дамаске, Аммане, Багдаде, Бейруте сразу вылились в антиамериканские выступления. Участники манифестаций забрасывали камнями посольства, громили пропагандистские центры США. В некоторых странах было запрещено распространение американской пропагандистской литературы и демонстрация западных фильмов. Арабские страны — экспортёры нефти временно прекратили поставку нефти США, Англии и некоторым другим западным странам, поддерживающим Израиль.

Правда, в Египте и Сирии империалистические агенты и прислужники попытались использовать поражение арабов в войне для провоцирования антисоветских и антиправительственных выступлений. Однако этим провокационным вылазкам был сразу же дан решительный отпор. Выступая вскоре после окончания войны, президент Насер дал высокую оценку позиции Советского Союза при отражении израильской агрессии. «Советский Союз... поддержал нас в политическом плане и оказал экономическую помощь,— заявил Насер.— Он помог укрепить наши вооруженные силы... Мы не хотим, чтобы Советский Союз воевал за нас. Не думайте, что египетский и весь арабский народ хочет, чтобы Советская Армия пришла к нам и воевала вместо нас. У нас есть люди, готовые умереть за родину».

Такую же решительную отповедь антисоветским проискам реакции дало сирийское руководство. Оно заявило, что никому «не удастся обмануть и втянуть в кампанию, организаторы которой пытаются вселить в сирийский народ сомнение, подорвать дружбу и сотрудничество со странами социализма, в первую очередь с Советским Союзом».

Агрессоры и их покровители явно недооценили прочность советско-арабской дружбы. Их надежды на свержение прогрессивных режимов и разжигание антисоветизма с помощью местной реакции снова не оправдались.

В Сирии демократические силы еще более сплотились под лозунгом отражения агрессии и защиты своих прогрессивных преобразований. Отряды вооруженных рабочих и крестьян из состава созданной перед войной «народной армии» в ряде мест оказали серьезное сопротивление войскам захватчиков. В городе Эль-Кунейтра они вели упорные бои, защищая город даже после того, как его оставили подразделения регулярной армии. Большую роль в формировании этих отрядов и в организации сопротивления агрессорам сыграли сирийские коммунисты. Они отправлялись добровольцами на фронт, принимали самое активное участие в работе народных комитетов, создаваемых на местах в целях самообороны и мобилизации населения для отпора врагу. После прекращения огня отряды «народной армии» и комитеты проводили большую работу по укреплению единства и координации действий всех демократических сил для защиты родины.

Не удалась попытка и египетской реакции свергнуть правительство Насера. Народ Египта — сотни тысяч каирцев, жителей Александрии, Асуана, Порт-Саида, Исмаилии и других городов — участвовал в стихийных массовых демонстрациях, возникших 9 и 10 июня 1967 года в поддержку прогрессивного, антиимпериалистического курса президента Насера. Народ интуитивно сознавал, что последовательность и результативность такого курса непосредственно зависят от направленности и глубины социально-экономических преобразований в стране.

Состоявшиеся в те дни массовые демонстрации стали своеобразным референдумом, в ходе которого египетский народ активно поддержал внутреннюю и внешнюю политику Насера и высказался за продолжение борьбы против империализма, неоколониализма и израильской агрессии.

На референдуме 2 мая 1968 года получила единодушное одобрение выдвинутая президентом Насером «Программа 30 марта», предусматривавшая решение таких за-

дач, как создание современного государства, поощряющего демократию и прогресс науки, способствующего развитию экономики и профсоюзного движения, укрепляющего связи между общественностью и вооруженными силами.

Опираясь на волю и поддержку народа, революционные и прогрессивные режимы после израильской агрессии сумели удержать и даже в ряде случаев укрепить свои позиции. Дальнейшее развитие освободительного, антиимпериалистического движения привело к установлению республиканских прогрессивных режимов в Южном Йемене и Ливии. Из оплотов колониализма и неоколониализма в арабском мире они превратились в опорные базы арабского освободительного движения, активно включившись в борьбу за искоренение остатков колониализма на арабской земле и ликвидацию последствий израильской агрессии.

Арабская солидарность с жертвами израильской агрессии выразилась в самых различных формах. Ирак принял непосредственное участие в отражении агрессии. Другие арабские страны, заявившие о готовности оказать военную поддержку Египту, Сирии и Иордании, не смогли ее оказать из-за скоротечности войны. Помощь жертвам агрессии приняла другие формы. Сплочение арабов происходило на основе общности борьбы против израильской агрессии и империализма.

В конце августа 1967 года состоялось совещание глав арабских стран в Хартуме. На нем было принято решение об активном использовании экономических и дипломатических средств борьбы против агрессии, хотя участники совещания и не смогли выработать единой политической платформы урегулирования ближневосточного конфликта.

Немаловажное значение для укрепления арабской солидарности имела также достигнутая в Хартуме договоренность о выводе из Йеменской Арабской Республики египетских войск (они находились там по просьбе юеменского руководства для оказания ему содействия в борьбе с монархистами) и прекращении помощи антиреспубликанским силам со стороны Саудовской Аравии. Это объективно помогало мобилизации военного потенциала арабских стран для борьбы с израильской агрессией.

Вместе с тем компромисс, достигнутый в Хартуме, укрепил фронт прогрессивных арабских сил. Этому способствовали, в частности, позитивные изменения, произшедшие в Ираке после июльских событий 1968 года, когда к власти в стране пришло левое руководство партии Баас,

добившееся ряда серьезных успехов на пути национально-демократической революции. Во внешнеполитическом плане Ирак стал расширять сотрудничество с государствами социалистического содружества и со всеми антиимпериалистическими силами.

Историческая победа в национально-освободительной борьбе алжирского народа и углубление прогрессивных социально-экономических преобразований в Алжире позволили ему тоже увеличить вклад в борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии и уничтожение остатков колониализма.

ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ МИРА

Для израильского премьера Эшколя закончить войну оказалось не менее трудно, чем ее развязать. Опьяненные неожиданно быстрой победой на Синае, генералы считали, что надо немедленно перебраться на западный берег Суэцкого канала и в плотную подойти к Каиру. Такие голоса особенно громко стали раздаваться после того, как надежды на падение режима Насера не оправдались. Хотя египетский президент и заявил о своей готовности добровольно передать власть вице-президенту Закарию Мохи эд-Дину, человеку более угодному для Вашингтона, ликование израильских министров оказалось преждевременным. На следующий же день, 9 июня, стало известно, что толпы народа вышли на улицы Каира и других египетских городов, заставили Насера вернуться в президентский дворец.

— Я не могу противоречить голосу народных масс,— заявил, выступая в тот день по радио и телевидению, Насер.— Поэтому я не покину своего поста. Так требует народ, и я должен повиноваться ему. Я останусь на своем посту до тех пор, пока не будут ликвидированы последствия агрессии!..

Это решение Насера и последовавшие затем вести из Каира о провале военного заговора во главе с маршалом Амером всерьез обеспокоили и Вашингтон, и Тель-Авив. «Ястребы» в стане военных и политиков все больше нервничали. Поскольку не удалось добиться падения Насера, они хотели «довести войну до победного конца» на сирийском фронте. Израильские войска, несмотря на официальное заявление Тель-Авива о готовности выполнить резолюции Совета Безопасности о прекращении огня, рвались к Дамаску.

Незаконченная война

После созванного 9 июня по инициативе Советского Союза срочного заседания Совета Безопасности была принята еще одна, третья резолюция о прекращении огня. Пока представитель Израиля в ООН Рафаэль клялся в готовности Тель-Авива ее выполнить, израильские солдаты продолжали стрелять. Перед зданием кнессета в Тель-Авиве буйствовала толпа религиозных фанатиков и шовинистов, которые требовали немедленной аннексии оккупированных арабских земель. Вдобавок Бен-Гурион с неприличной для его солидного возраста прытью взобрался на камни у «Стены плача» в Восточном Иерусалиме и прибил на ней дощечку с надписью, гласившей, что стена теперь навечно принадлежит Израилю.

— Израиль там, где его солдаты! — провозгласил «старый лев» свой излюбленный лозунг.

От Бен-Гуриона не хотел отставать и ставший членом правительства лидер партии «Херут» Менахем Бегин.

— Мы никогда не уступим Восточный Иерусалим, Газу, Голанские высоты и Западный берег Иордана! — повторял он при каждом удобном случае.

Призывы Бегина продолжать войну «до победного конца» находили отклик как у членов его партии, так и у военных, опьяненных успехами в «шестидневной войне». Конечно, Шарон и Даян могли бы отдать приказ идти на Каир и Дамаск. Но Эшкол, как глава правительства, понимал, что если вовремя не остановиться, то можно потерять больше, чем приобретено.

Последние депеши и доклады, полученные по дипломатическим и разведывательным каналам, всерьез встревожили Эшкола. По «горячей линии» президент Джонсон получил из Москвы срочное послание с предупреждением, что если Израиль немедленно не прекратит войны, то Советский Союз будет вынужден сам предпринять решительные действия. Джонсону предлагалось потребовать от израильтян, чтобы они в ближайшие часы безоговорочно прекратили огонь. В противном случае в отношении Израиля могут быть применены санкции, включая военные меры. И это была не пустая угроза. Председатель Комитета начальников штабов генерал Уилер подтвердил, что два отряда советских военных кораблей зашли в Александрию и Порт-Саид. Еще один отряд во главе с крейсером-ракетоносцем, на борту которого находятся советские морские пехотинцы, взял курс к сирийскому порту Латакия.

Обо всем этом госсекретарь срочно информировал посла Израиля в Вашингтоне Хармана. Для верности такая информация была продублирована по каналам ЦРУ через президента израильской разведки «Моссад» в США Эврона. Помощник президента Уолтер Ростоу просил его сообщить в Тель-Авив, что в случае, если Израиль не выполнит решение о прекращении огня, США вряд ли смогут помешать прямому вмешательству русских. Американцы давали понять, что Израиль не только на словах, но и на деле должен продемонстрировать выполнение резолюции о прекращении огня. Вашингтон представил уже на этот счет по «горячей линии» соответствующие гарантии Москве.

Первой мыслью премьера было созвать срочное заседание кабинета министров. Но, поразмыслив, Эшкол, чтобы избежать лишних дискуссий и, главное, сэкономить время, решил передать полученный из Вашингтона приказ тому, кто непосредственно должен его выполнять. Он вызвал к себе Даяна.

— Не кажется ли вам, генерал, что настало время кончать?

Генерал недоуменно уставился одним глазом на премьера.

— Но ведь наша армия успешно продвигается сейчас к Дамаску. Генерал Элазар считает, что он не выполнил еще до конца поставленную задачу. Мало того, что мы не сумели свергнуть Насера в Каире. Теперь мы оставим в покое и баасистов в Дамаске. Разве не вы сами призывали покончить с этим режимом, который никак не устраивает Израиль?

Эшкол в ответ протянул Даяну полученное из Вашингтона послание Раска.

— А что вы сможете сказать на это, генерал? Читайте... Как видите, мои опасения оправдываются.

Даян, бегло пробежав глазом по шифротелеграмме, посмотрел на часы.

— Считайте, господин премьер-министр, что вы отдали приказ. Он вступит в силу сегодня же. Не позже 18.30. Так можете и передать нашему представителю в ООН послу Рафаэлю.

Через несколько минут машина Даяна на полной скорости неслась в ставку командующего Северного фронта генерала Элазара. Прекращение огня для политиков и для генералов — не одно и то же. Даян решил вместе с Элазаром выработать нечто среднее, что можно было бы пред-

ставить как прекращение огня без прекращения продвижения войск. Ведь «выравнивание фронта — это не продолжение огня».

Тем временем в Нью-Йорке такую же линию старался проводить и израильский представитель в ООН Рафаэль. Совет Безопасности заседал почти беспрерывно. С каждым заседанием послу Рафаэлю все труднее было подыскивать какие-то объяснения в ответ на ставившиеся советским представителем Николаем Федоренко прямые вопросы:

— Намерен ли Израиль в конце концов выполнять резолюцию Совета Безопасности ООН о немедленном прекращении огня?

В той или иной форме такой же вопрос задавали и другие выступавшие на экстренном заседании Совета Безопасности 10 июня. Оно продолжалось уже более пяти часов. Перед заседанием американский постоянный представитель Голдберг передал Рафаэлю содержание советского послания президенту Джонсону. Москва делала серьезное предупреждение о применении против Израиля решительных санкций, вплоть до военных мер, если он немедленно не прекратит огонь на сирийском фронте.

— Положение, как видите, господин посол, складывается весьма серьезное,— предупредил Голдберг.— В этих условиях я не могу что-либо возражать против требований о немедленном прекращении огня в Сирии. Сейчас опять слово возьмет Федоренко и огласит официальное предупреждение Советского Союза. Если вы объявите о прекращении огня после выступления советского представителя, это будет означать, что вы подчинились не резолюции Совета Безопасности, а требованию Москвы. Этого допускать нельзя. Постарайтесь до выступления Федоренко объявить, что Израиль уже прекратил огонь в Сирии.

— Да, но я не имею на этот счет четких инструкций! — возразил Рафаэль.

— Вы их получите! Но времени терять нельзя. В противном случае мы с вами окажемся в дураках. Бывают моменты, когда надо принимать решение на свой страх и риск.

Но Рафаэлю рисковать не пришлось. В перерыве ему передали срочную телеграмму от Эшкола. Израильскому представителю предписывалось информировать Совет Безопасности о том, что сказал Эшколу Даян. Облегченно вздохнув, Рафаэль вбежал в зал заседаний и тут же пере-

дал председательствовавшему записку с просьбой предоставить ему слово.

Председатель Совета Безопасности датчанин Табор не знал, как ему поступить. Слово уже попросил советский делегат. К тому же Израиль, по процедурным правилам, может выступать только после выступлений членов Совета Безопасности. Но Голдберг заранее настоятельно просил предоставить сначала слово израильскому представителю. Табор решил нарушить процедуру:

— Делегат Израиля имеет слово для сообщения важного решения его правительства.

— Решение Совета Безопасности о прекращении огня в Сирии выполнено,— на одном дыхании выпалил в микрофон Рафаэль.— Это решение вступает в силу сегодня в 12.30 по нью-йоркскому времени, или в 18.30 по израильскому.

Так, по истечении шести дней после развязывания агрессии Тель-Авив официально объявил о ее окончании. С тех пор в Израиле и на Западе за июньской агрессией прочно закрепилось название «шестидневной войны». Однако это — лживое название. Вернее, тогда был дан шестидневный старт к многолетней агрессии.

После неоднократных требований Совета Безопасности ООН израильские агрессоры прекратили огонь — и то недолго — лишь в зоне Суэцкого канала. На сирийском фронте война, по существу, не прекращалась еще несколько дней. Даже после прибытия на Голанские высоты наблюдателей ООН для контроля за выполнением решения о прекращении огня интервенты продолжаличинять разбой на сирийской земле. Они захватывали одну деревню за другой, убивали или выгоняли жителей, жгли дома и посевы, занимались мародерством.

Каждый день в Дамаск прибывали все новые и новые группы беженцев. Среди них большинство было палестинцев.

Несколько дней прибывшие в район Эль-Кунейтра наблюдатели ООН никак не могли установить действительную линию перемирия и проверить факты нарушения израильской стороной условий прекращения огня. Но чтобы в этом убедиться, достаточно было отметить на карте названия деревень, покинутых беженцами. Более двух третей оккупированной сирийской территории агрессоры захватили после того, как они формально приняли требование Совета Безопасности ООН о прекращении огня.

Борьба на несколько фронтов

Прекращение огня на фронтах не привело даже к более или менее стабильному перемирию. Тем не менее принятие воюющими сторонами этого решения Совета Безопасности ООН ознаменовало новую fazу ближневосточного конфликта. Из чисто военной сферы он перешел в военно-политическую.

Израиль и его покровители продолжали добиваться всеми возможными средствами того, чего им не удалось достичнуть путем вооруженной агрессии,— свержения прогрессивных арабских режимов в Египте и Сирии. Большие надежды все еще возлагались на арабскую реакцию. Ождалось, что она, используя недовольство населения поражением в войне, сможет организовать перевороты в Египте и Сирии.

Насер первый из арабских лидеров осознал важность своевременного использования наряду с военными и политических мер. Весь предыдущий политический опыт подводил его к заключению, что в этой борьбе, сочетающейся с военным противостоянием Израилю, который пользуется практически неограниченной поддержкой США, Египет может опереться в первую очередь на Советский Союз и другие социалистические страны.

Сам созыв по инициативе Советского Союза чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июне — июле 1967 года сразу привлек внимание мировой общественности к вопросу о необходимости скорейшей ликвидации последствий израильской агрессии. Израиль при содействии США и других империалистических государств пытался всеми средствами сорвать работу сессии.

Не дожидаясь окончания работы чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Тель-Авив заявил о присоединении Восточного Иерусалима к Израилю, объявив одновременно «воссоединенный Иерусалим» столицей сионистского государства. Генеральная Ассамблея подавляющим большинством голосов приняла тогда две резолюции. Одна из них осуждала Израиль и требовала его отказа от аннексии восточной части Иерусалима. В другой — подтверждалась недопустимость использования Израилем силы для удовлетворения его территориальных притязаний.

Вместе с тем из-за позиции ряда западных государств чрезвычайная специальная сессия не смогла принять соответствующую резолюцию по главному вопросу — о безого-

вороочном и срочном отводе войск Израиля с оккупированных в 1967 году арабских территорий. Перед голосованием американцы оказали грубый нажим на зависимые от них страны и использовали различные другие процедурные машинации, чтобы помешать принятию этой резолюции.

Такую же линию США и их союзники проводили и на проходившей в сентябре — декабре 1967 года XXII очередной сессии Генеральной Ассамблеи, на которой центральное место заняло обсуждение положения на Ближнем Востоке.

Израиль тем временем наращивал вооруженные провокации против арабских стран. Совет Безопасности то и дело вынужден был собираться на срочные заседания для обсуждения продолжающейся израильской агрессии.

В этих условиях Советский Союз согласился голосовать за английский проект, который лег в основу принятой 22 ноября 1967 года Советом Безопасности резолюции № 242. Советский делегат проголосовал за эту компромиссную резолюцию, ибо она содержала главное требование о выводе израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий. Кроме того, она предусматривала и такие условия урегулирования ближневосточного конфликта, как прекращение состояния войны на Ближнем Востоке, установление и гарантии общепризнанных границ всех ближневосточных государств, свободу судоходства по морским коммуникациям этого района и решение проблемы палестинских беженцев.

Конечно, резолюция № 242 имела изъяны. Но Советский Союз исходил из реальной в то время расстановки сил на международной арене и конкретной обстановки на Ближнем Востоке. Уже тогда было ясно, что Израиль при содействии США и других своих покровителей ведет курс на затягивание ближневосточного урегулирования. Что же касается справедливого решения палестинской проблемы, то это в первую очередь — дело самого палестинского народа, который только в процессе борьбы за свои законные права сможет достигнуть той сплоченности и организованности, которые позволят ему выступать самостоятельной политической силой, способной добиться признания на международной арене. Последующие события полностью подтвердили правильность такой политической линии Советского Союза.

Египет, как и Советский Союз, согласился принять резолюцию № 242 при условии выполнения всех ее положений в комплексе. Для этого представитель Египта в ма-

1968 года предложил выработать конкретный «план-расписание», фиксирующий сроки осуществления всех положений резолюции Совета Безопасности ООН. Было решено, что такой план попытается выработать специальный представитель генерального секретаря ООН известный шведский дипломат Гуннар Яринг. Его миссия на Ближнем Востоке должна была способствовать выполнению на практике резолюции Совета Безопасности.

Израиль сразу же занял позицию полного игнорирования резолюции Совета Безопасности. Вскоре после войны лидером правящей партии вместо умершего Эшколя стала Голда Меир. Возглавив правительство, она заявила, что Израиль намерен сохранить контроль над Голанскими высотами, районом Шарм эш-Шейх и будет настаивать на «исправлении» своих восточных границ. Другие министры ее кабинета требовали присоединения к Израилю не только Иерусалима, но и сектора Газа. Оппозиция во главе с Менахемом Бегином настаивала на аннексии всего Западного берега реки Иордан. Эти претензии подкреплялись конкретными шагами. Дело не ограничивалось только изданием карт и туристских путеводителей, в которых все оккупированные арабские земли включались в границы государства Израиль. На этих землях сносились арабские дома, кварталы и целые селения, сгонялись арабские жители и создавались израильские военизированные поселения. С первых дней оккупации израильские власти проводили на захваченных арабских землях, особенно на Западном берегу Иордана, курс «максимум территории и минимум жителей».

Соединенные Штаты с самого начала кризиса практически поддерживали оккупацию Израилем арабских земель и не предпринимали никаких шагов для ускорения вывода его войск. В изложенных президентом Л. Джонсоном 19 июня 1968 года «пяти принципах» упоминалось о признании прав народов на национальное существование, о справедливости по отношению к беженцам, об обеспечении беспрепятственного прохода судов по морским коммуникациям, об ограничении гонки вооружений, о политической независимости и территориальной целостности для всех, но ни слова не говорилось об отводе израильских войск с оккупированных арабских земель и о национальных правах арабского народа Палестины.

Стратегия Вашингтона сводилась к тому, чтобы, с одной стороны, продолжать военный нажим на арабские страны с помощью Израиля, а с другой — использовать в

своих корыстных целях стремление арабских народов к миру. Шантаж войной и спекуляция на мире — такова была генеральная линия американской дипломатии. Вашингтон — сначала исподволь, а потом все более открыто — поощрял экспансионистские притязания Тель-Авива. Израильские руководители после ряда совещаний и переговоров как на сионистском, так и на межгосударственном уровнях с представителями Белого дома, Пентагона, ЦРУ и американского крупного капитала стали проводить согласованную с ними политику «кнута и пряника» по отношению к арабским странам. Оказывая на них военное давление, Тель-Авив выдвигал требование о проведении сепаратных переговоров с каждой из жертв агрессии. В случае принятия капитулянтских условий Тель-Авива им сулили «мир» по американо-израильским рецептам.

Хотя между Вашингтоном и Каиром дипломатические отношения были тогда прерваны, официальные и неофициальные представители Белого дома, а также бизнесмены по различным каналам пытались всячески склонить на этот путь Насера. В Каир часто наведывались американские гости. Они не скучились на любые обещания, чтобы убедить Насера в возможности достижения сепаратного «мира» с Израилем при американском посредничестве. Однако все эти домогательства египетский лидер решительно отвергал.

— Проблема ликвидации последствий израильской агрессии вовсе не сводится к выводу израильских войск только с Синай, — заявил Насер под аплодисменты студентов, преподавателей и других представителей египетской интеллигенции, заполнивших 25 апреля 1968 года самый большой зал Каирского университета.

Как бы отвечая американским «доброжелателям», Насер подчеркнул:

— Если бы дело было только в этом, то результата можно было бы добиться хоть завтра же... Конечно же цепной важных уступок... Но ведь речь идет о нашей судьбе. О судьбе всех арабов. Для того чтобы освободить Синай, нам говорят: надо принять американо-израильские условия. Это значит отдать на съедение Израилю Иерусалим, Западный берег Иордана и другие арабские земли... Но проблема не в Синае. Она намного сложнее и глубже. Она сводится к одному: быть нам или не быть!

После того как стих новый шквал аплодисментов, Насер продолжал:

— Проблема ликвидации последствий агрессии гораздо больше, нежели освобождение Синая. Речь идет о следующем: останемся ли мы независимым, суверенным государством или попадем в сферу влияния. Неужели мы готовы отказаться от своей свободы? От своих завоеваний?

— Никогда! Никогда! — раздались голоса из зала.

— Да, мы ранены,— произнес тихим, как бы осевшим вдруг голосом Насер.— Часть нашей территории оккупирована. Но разве из-за раны мы можем отказаться от нашего долга перед всем арабским миром? От всех наших идеалов и прав? Нет, мы не согласимся сесть за стол переговоров с Израилем для такого решения проблемы, как этого хотят Вашингтон и Тель-Авив!..

Начало ползучей аннексии

Многие трезвомыслящие американские политические деятели понимали абсурдность и неприемлемость израильских требований. Они видели также бесперспективность проводимой Вашингтоном ближневосточной политики.

В условиях развернувшейся тогда в США предвыборной борьбы за президентское место дискуссия по ближневосточным проблемам между демократами и республиканцами приобретала особенно острый характер. Критические выступления, высказывания и предостережения отражали растущее беспокойство политических и деловых кругов США возрастающими негативными последствиями затягивания арабо-израильского конфликта.

Американская администрация пыталась найти выход из тупика ценой того, чтобы заставить Насера пойти на уступки Израилю. В конце 1968 года Каир посетил бывший министр финансов США Р. Андерсон. Вслед за этим визитом состоялась серия американо-египетских контактов неофициального характера. В декабре 1968 года, перед сменой хозяев в Белом доме, Каир посетил личный представитель Никсона Уильям Скрантон.

В ходе проводившихся американо-египетских переговоров и контактов Вашингтон уже в тот период прощупывал возможность достижения при американском посредничестве сепаратной договоренности между Египтом и Израилем на основе односторонних уступок с египетской стороны. Однако американским дипломатам и дельцам снова не удалось «подобрать ключи к Насеру». Египетский лидер относился с недоверием к «миротворчеству» Вашинг-

тона. И демократы, и пришедшие им на смену республиканцы демонстрировали «преемственность» их ближневосточной политики прежде всего «неприменимостью поддержки» Тель-Авива.

Египет, однако, отказывался идти на какие-либо сепаратные сделки с агрессором. Насер готов был и в ряде случаев шел на компромиссы. Но это делалось не за счет уступок в принципиальных вопросах, касавшихся судеб египетской революции и всего арабского освободительного движения.

Насер был не просто искусным политиком, но и гибким революционным демократом. В борьбе на несколько фронтов он умел отличать временных попутчиков от надежных друзей и долгосрочных союзников. Даже в самых трудных условиях после проигранной войны он сумел консолидировать и, по существу, возглавить общеарабский фронт борьбы против израильской агрессии. Более того, он придал ему антиимпериалистическую направленность, несмотря на противодействие арабских монархических государств.

Сосредоточивая усилия на укреплении обороноспособности и военного потенциала Египта, Насер добился получения от арабских стран финансовой помощи (более 90 миллионов фунтов стерлингов ежегодно) в счет компенсации потерь от закрытия Суэцкого канала. Он шел при этом лишь на второстепенные уступки, согласившись, например, на вывод египетских войск из Йемена. Насер предпринимал такие шаги в конечном итоге не для свертывания, а для дальнейшего развития египетской революции и укрепления арабского освободительного движения.

Израильяне цеплялись не только за египетскую территорию. Под предлогом обеспечения все той же пресловутой «безопасности» они проводили политику ползучей аннексии и на Западном берегу Иордана, и на Голанских высотах Сирии. Она сопровождалась массовым изгнанием арабского населения. В ходе и сразу после июньской войны 1967 года, по официальным данным ООН, были вынуждены покинуть свои дома или лагеря беженцев более 400 тысяч палестинцев с Западного берега Иордана и сектора Газа. Не менее 100 тысяч мирных жителей и палестинских беженцев изгнали с родных или обжитых ими мест на Голанских высотах Сирии. В последующие годы родные земли вынуждены были оставить еще около 140 тысяч палестинцев. Полным ходом шло «освоение» захваченных земель. К середине 70-х годов на них было создано около 80 еврейских поселений. Более 50 поселений при-

ходилось на те районы долины Иордана и Голанских высот, которые Тель-Авив сразу же вознамерился «навечно» закрепить за Израилем. Разговоры о «безопасности» были лишь ширмой для воинствующего экспансиионизма.

— Не думаю, что с точки зрения безопасности еврейские поселения на оккупированных землях имеют какое-то особое значение,— с циничной откровенностью признал тогдашний министр обороны Даян.— Я рассматриваю это заселение как самый важный и самый весомый фактор не столько стратегии, сколько политики. Я исхожу при этом из убеждения, что с того места, где построены наши поселения или военные укрепления, мы уже не сдвинемся!

— Наш долг заселить «Великий Израиль» — вторил ему другой генерал, заместитель премьер-министра Игал Аллон.— Это не менее важно, чем заселение в дни мандата долины Иордана и Бейсанской долины. Тот, кто ставит под сомнение эту истину, тот ставит под сомнение всю сионистскую концепцию.

Эта «истина» была весьма сомнительной. Как в дни английского мандата над Палестиной, так и в последующие годы долина Иордана была всегда заселена арабами. Но тем не менее эту концепцию разделяли почти все сионистские руководители независимо от их партийной принадлежности. Некоторые лидеры правящей Партии труда, в том числе премьер-министр Голда Меир и министр финансов Пинхас Сапир, чисто в тактических целях высказывались иногда в пользу так называемой «частичной аннексии» арабских территорий. При этом они приводили следующий довод:

— В обозримом будущем мы с помощью наших друзей и американской поддержки сумеем сохранить военное превосходство над арабами. Но нельзя забывать о более высокой рождаемости арабов, проживающих в Израиле и на оккупированных территориях. Это может поставить под угрозу «чистоту» еврейского общества. Существует еще большая опасность, если евреи окажутся в меньшинстве. От такого демографического сдвига будет поставлена не то что под сомнение, но и под угрозу сама сионистская концепция.

Тем временем, пока в правительстве шли споры об оптимальных границах «Великого Израиля» и о «разумных масштабах» заселения арабских территорий, израильская военщина не бездействовала. Она чинила разбой на оккупированных землях, усиливала военную напряженность и

на линиях прекращения огня, особенно вдоль Суэцкого канала. «Молниеносная шестидневная» война приняла характер затяжной агрессии.

«Война на изнурение»

Уже в начале июля 1967 года израильтяне начали совершать периодические налеты на лагеря беженцев, арабские селения и города, расположенные по другую сторону линии прекращения огня. Суэцкий канал превратился снова в линию фронта позиционной войны. Каждая из сторон рассматривала ее как продолжение военной конфронтации «на изнурение».

Но цели сторон и используемые ими методы были разными. Израиль расширял начатую агрессию. Египет, Сирия и Иордания продолжали справедливую борьбу за ликвидацию ее последствий. Противоположность целей «войны на изнурение» находила отражение в способах и тактике ее ведения.

Израильяне вели войну не столько против регулярной армии Египта, сколько против его мирного населения. Чуть ли не ежедневно, а иногда и по нескольку раз на день разрывались бомбы и снаряды в жилых кварталах Суэца, Исмаилии и Порт-Саида. По дорогам, ведущим из этих городов приканальной зоны в глубь страны, вновь потянулись колонны грузовиков и обозы с беженцами. Сразу после войны к 35 тысячам беженцев, эвакуировавшихся из оккупированных районов Синая, прибавилось еще более 200 тысяч, покинувших зону Суэцкого канала.

Сотни убитых и раненых мирных жителей, тысячи людей, лишившихся крова, земли, работы. Дымились руины, зияли пробоины на фасадах школ, больниц, мечетей, жилых домов. Безействовал Суэцкий канал. Застигнутые войной полтора десятка иностранных судов остались на долго стоять здесь заложниками войны. Разрушенный израильскими снарядами монумент с каменной львицей, который был поставлен англичанами у входа в Суэцкий канал в годы первой мировой войны, как бы символизировал нарушенное в зоне канала судоходство.

Египетские войска не оставляли безответными вооруженные провокации израильских агрессоров. Подвергая артиллерийскому обстрелу их позиции на восточном берегу Суэцкого канала и совершая периодические десантно-диверсионные операции против врага, египтяне стремились

помешать ему закрепиться на оккупированной территории.

В октябре 1967 года был потоплен израильский эсминец «Элат», вторгшийся в территориальные воды Египта в районе Порт-Саида. Этот, казалось бы, сам по себе незначительный эпизод показал ошибочность расчетов Тель-Авива на то, что арабам долго не удастся восстановить свой военный потенциал. Египетская артиллерия наносила все более ощутимые удары по оккупантам, окопавшимся на восточном берегу Суэцкого канала.

Агрессоры выменивали свою злобу на мирном населении. 24 октября они подвергли новому массированному артиллерийскому обстрелу Суэц, нанеся большой ущерб портовому хозяйству и разрушив две нефтеочистительные установки.

В конце октября Насер принял решение полностью эвакуировать три города, расположенные в приканальной зоне (Порт-Саид, Исмаилию и Суэц). Более 400 тысяч новых беженцев хлынули в Каир и в другие глубинные районы Египта. В общей сложности только в приканальной зоне Суэца около миллиона жителей оставили свои дома.

Насер сознавал, что с помощью позиционной затяжной войны он не сможет заставить израильтян освободить все оккупированные арабские или хотя бы египетские земли. Однако он рассчитывал использовать «войну на изнурение» как рычаг военного давления на Израиль, чтобы вынудить его держать свои войска в максимальной степени отмобилизованными, создать для него дополнительные экономические и моральные трудности, а также добиться своеобразного военного равновесия. Все, вместе взятое, должно было заставить Тель-Авив согласиться на выполнение соответствующих резолюций ООН о политическом урегулировании конфликта.

В конце 1968 года израильская военщина совершила новые бандитские налеты: бомбардировала трансформаторную станцию Наг-Хаммади в южном Египте, взорвала несколько мостов и ирригационных плотин на Ниле... С середины 1969 года израильский агрессор стал применять в более широких масштабах авиацию для воздушных налетов по глубинным районам Египта. Но развязанная Израилем «война на изнурение» постепенно стала приобретать для него все более негативный характер. Общее соотношение военных сил на израильско-египетском фронте все более менялось не в пользу Тель-Авива.

Уже к ноябрю 1967 года, как свидетельствуют М. Хейкал и ряд западных экспертов, боеспособность египетских

вооруженных сил была практически восстановлена. По их признанию, в этот критический для арабов период СССР показал себя как истинный друг. Поставки в широких масштабах современного советского оружия имели не только большое военное значение, но и важный политический смысл: Египет, проигравший сражение в июньской войне, имел достаточно оснований не признавать себя побежденным в объявленной ему «войне на изнурение».

Число вооруженных столкновений на Суэцком канале росло чуть ли не в геометрической прогрессии. Если раньше перестрелки вспыхивали по нескольку раз в неделю, то к началу 1969 года — по несколько раз на день. К середине 1969 года общие потери Израиля в живой силе в результате «войны на изнурение» были больше, чем в ходе июньской войны 1967 года.

Не только военные, но и политико-экономические итоги первого этапа «войны на изнурение» складывались явно не в пользу Израиля. Все больше усиливалась его изоляция на международной арене.

Именно в этот период началась отработка распределенных между Вашингтоном и Тель-Авивом ролей в их «стратегическом взаимопонимании». Израильские руководители, заручившись полной политической и военной поддержкой США, которые в 1969 году приступили к массовым поставкам Израилю наступательного оружия, решили прибегнуть к новым методам «войны на изнурение». Главный акцент был сделан теперь на бомбардировку с воздуха военных и гражданских объектов в глубинных районах Египта. Ожесточенный характер принимали и артиллерийские перестрелки в зоне канала. Во время такой перестрелки 9 марта 1969 года погиб один из самых боевых и авторитетных египетских генералов — начальник генерального штаба Абдель Монейм Риад.

Израильские руководители не скрывали, что палеты на мирные города Египта преследовали цель максимально скомпрометировать правительство Насера.

— Пусть египтяне видят, что их лидеры не способны сделать ничего хорошего для страны! — разглагольствовал генерал Даян.

Премьер-министр Голда Меир изъяснялась еще более определенно:

— Вряд ли мир на Ближнем Востоке вообще возможен, пока Египтом правит Насер.

В июле 1968 года израильские BBC совершили ряд налетов на зенитные позиции египтян. В небе Египта все

чаще стали завязываться ожесточенные воздушные бои. В начале 1970 года израильские самолеты подвергли бомбардировке военные и экономические объекты в глубинных районах Египта и в окрестностях Каира, в том числе завод в Абу-Заабале, где было убито 88 рабочих. Руками израильских пилотов с американских самолетов сбрасывался смертоносный груз на мирные жилища и даже на школы. В результате одной из таких бомбардировок в Бахал эль-Бакаре погибло более 50 детей.

В этот трудный для египтян час Советский Союз по просьбе лично президента Насера принял срочные и эффективные меры по укреплению системы ПВО Египта.

Последствия дали немедленно себя знать и в военной и в политической сфере. Израильские налеты в глубь египетской территории прекратились: они слишком дорого стали обходиться Тель-Авиву. Только с 30 июня по 7 августа 1970 года было сбито семь израильских самолетов, в том числе считавшиеся неуязвимыми американские «Фантомы».

Вашингтон пришел к выводу, что дальнейшее расширение израильской агрессии против арабов может создать опасность долгосрочным целям политики США на Ближнем и Среднем Востоке. Американская дипломатия решила поэтому создать видимость готовности возобновить миссию специального представителя ООН Ярринга.

Об этом Р. Никсон объявил сразу же после вступления в должность президента США. Выступая 6 февраля 1969 года на одной из первых своих пресс-конференций, он пообещал взять на себя инициативу по ближневосточному урегулированию. Однако вскоре выяснилось, что эта «инициатива» не содержит ничего нового.

Под вывеской «нового предложения» Никсона Вашингтон подпевал старой песне Тель-Авива об обеспечении «признанных и безопасных» границ Израиля. В унисон израильтянам американцы при каждом удобном случае напоминали арабам о необходимости прямых переговоров с Израилем при посредничестве США. Давались и заверения в заинтересованности Соединенных Штатов в поддержании «сбалансированных дружественных отношений» как с арабскими странами, так и с Израилем. Для заигрывания с арабами у Вашингтона появились к тому времени довольно веские причины.

Многочисленные палестинские организации, действовавшие на оккупированных Израилем территориях и во многих арабских странах, в феврале 1969 года на состоявш-

шейся в Каире четвертой сессии Национального совета Палестины приняли решение об объединении всех военных и политических усилий в борьбе с израильской агрессией. Общее руководство ими осуществляла Организация освобождения Палестины, которая была провозглашена еще в мае 1964 года. Кроме того, был создан новый координационный орган — Центральный совет Палестинского движения сопротивления во главе с председателем Исполкома ООП Ясиром Арафатом.

Все более усиливались антиамериканские настроения и ускорялся процесс революционирования масс в арабском мире. Рушились один за другим бастионы колониализма на юге Аравии и в зоне Персидского залива.

Особенно ощутимый удар по ним был нанесен революционными событиями в Ливии. В ночь на 1 сентября 1969 года группа молодых офицеров-патриотов, создавших по примеру египетских «свободных офицеров» свою тайную организацию, свергла прогнивший монархический режим и провозгласила республику. Путешествовавший за границей престарелый король Ливии Идрис I в одну ночь лишился трона.

Власть в стране взял Совет революционного командования (СРК) во главе с полковником Муамаром Каддафи. Члены СРК не скрывали, что они являются последователями Насера, а ливийская революция — продолжением египетской. Они доказывали это на деле.

— Наше выступление в сентябре 1969 года, — сказал в беседе с журналистами М. Каддафи, — это не путч. Это — революция народа. Это — радикальное изменение, которое определило позицию Ливии в отношении империализма и арабской реакции. Революция не кончается с уничтожением королевского режима или иностранных баз. Это лишь средства, приближающие конечную цель — освобождение народа в политическом, социальном и экономическом плане.

31 марта 1970 года была ликвидирована английская военная база Эль-Адем в районе Тобрука. Около 30 лет она служила опорой военного колониализма на арабской земле и подпоркой монархического режима в Ливии. Даже резиденция короля Идриса находилась поблизости от этой базы, где, как саркастически отмечали иностранные журналисты, «климат для него был более подходящим». 11 июня 1970 года была ликвидирована американская военная база Уилус-Филд в районе Триполи. Эта база служила плацдармом для борьбы с арабским освободитель-

ным движением, как в период «тройственной» агрессии против Египта в 1956 году, так и во время израильской агрессии 1967 года. На ней проходили подготовку американские военные летчики и пилоты ВВС других стран Североатлантического блока.

В Ливии начали постепенно ограничивать деятельность иностранных нефтяных компаний. Сначала правительство лимитировало добычу нефти и значительно увеличило отчисления в пользу государства, а затем национализировало имущество «Бритиш петролеум компани» и ряда других иностранных, в том числе американских, компаний.

План-ширма

Вашингтон оказался в трудном положении. Заигрывания с арабами требовали какого-то подкрепления. Администрация Никсона вновь подтвердила свою «приверженность мирному решению» ближневосточного конфликта. Для пущей убедительности государственный секретарь США У. Роджерс в конце 1969 года выдвинул якобы «новое» предложение об уходе Израиля с оккупированных территорий в обмен на согласие арабов установить с ним «стабильный мир». Конкретные условия такого «мира» предлагалось выработать при содействии представителя ООН посла Г. Ярринга. Президент Р. Никсон тут же, испугавшись, очевидно, резкой реакции Тель-Авива на робкую и весьма туманную «инициативу» Вашингтона, в секретном послании Голде Меир заверил ее, что США вовсе не намерены оказывать какого-либо давления на Израиль. Израильяне решили извлечь максимум военных дивидендов из минимальной «мирной инициативы» американцев. Робкие предложения Роджерса были отвергнуты как «вредоносные». В Вашингтоне стали срочно отрабатывать задний ход.

Президент Никсон поспешил подкрепить конфиденциальные обещания, которые он давал израильскому премьеру, публичными заверениями. Примечательно, что для этого он избрал не межгосударственные, а сионистские каналы, обратившись к участникам сессии Конференции президентов американских еврейских (преимущественно сионистских) организаций со специальным посланием, обещая сделать все возможное, чтобы сохранить на Ближнем Востоке «военный баланс». Для «успокоения» Израиля и американских сионистов сразу же было принято

решение удовлетворить большинство заявок Тель-Авива об увеличении ему экономической и военной помощи.

Поддержание постоянных, особенно строго секретных, контактов с израильским посольством в Вашингтоне Никсон поручил помощнику по национальной безопасности Генри Киссинджеру.

У президента на этот счет были свои соображения. Во-первых, Генри, как он имел обыкновение называть своего помощника, имел прочные деловые, да и другие связи с сионистскими кругами Америки и Западной Европы. Там он был более известен не как профессор Гарвардского университета и автор работ в области политологии и военной стратегии, а прежде всего как искусный защитник интересов дома Рокфеллеров, тесно связанного с сионистским капиталом. Во-вторых, израильское правительство, прежде всего Голда Меир, считали Киссинджера (очевидно, не без основания) тоже «своим человеком» в Белом доме, как во времена Л. Джонсона предшественника Киссинджера Уолтера Ростоу. В-третьих, Киссинджеру явно было тесно в стенах Белого дома, он давно уже исподволь добивался распространить свою власть на госдепартамент. Он брался за любые дипломатические миссии, особенно в сферах, где ему удавалось убедить президента в целесообразности проведения «строго секретной дипломатии». Под этим подразумевалась «линия Киссинджера», которая отличалась от официального курса госдепартамента, возглавляемого Роджерсом. Такой особой, своей сферой Киссинджер считал наряду с Индокитаем и Ближний Восток. В-четвертых, Киссинджер непосредственно контролировал деятельность ЦРУ. Не создавая дополнительных проблем, он лично устанавливал и развивал некоторые «конфиденциальные связи», которые раньше поддерживались этим ведомством.

Вскоре после окончания «шестидневной войны» сугубо гражданский дипломат Харман был заменен на посту посла Израиля в США бывшим начальником генерального штаба генералом Ицхаком Рабином. Это обстоятельство значительно облегчало решение главных вопросов, касавшихся двустороннего военного сотрудничества. Раньше их приходилось решать Пентагону и ЦРУ через соответствующих израильских представителей — военного атташе или резидента израильской разведки «Моссад».

В начале апреля 1970 года Киссинджер по поручению Никсона встретился с Рабином. Он информировал генерала-посла о готовности США поставить Израилю дополнительную партию самолетов «Фантом». Рабина несколько

удивило предложение о том, чтобы эти поставки не рекламировались, а держались в строгой секретности. Обычно американцы, падкие на рекламную шумиху, даже в вопросах военных поставок не могли без нее обойтись. Вашингтон стремился убить сразу двух зайцев: успокоить американских сионистов и запугать арабов возрастающей военной мощью Израиля.

Прочитав недоумение в глазах Рабина, Киссинджер объяснил, что на этот раз сохранение тайны требуют правила затеваемого нового раунда «двойной игры». Ничего нового в этом нет. Вашингтон ее ведет на Ближнем Востоке с тех пор, как там создано государство Израиль. Но Тель-Авив, к сожалению, иногда затрудняет эту игру, хотя она и ведется в конечном счете в его же интересах.

— В чьих же больше интересах затевается новый тур этой игры? — поинтересовался Рабин. — Уж не намечаются ли, господин профессор, какие-то изменения в ближневосточной политике Америки?

— Вы, очевидно, смогли уже убедиться, господин посол, что прочно утвердившиеся принципы политики нашего правительства имеют тенденцию выглядеть не поддающимися никаким изменениям. Чаще всего это действительно так, особенно когда дело касается Ближнего Востока. Тем более безопасности Израиля. Но у Соединенных Штатов есть на Ближнем Востоке и свои интересы. Прежде всего нефтяные. Наш альтруизм не может так далеко зайти, чтобы мы могли полностью сбросить их со счетов.

Киссинджер сделал небольшую паузу, как бы раздумывая, в какой степени он может быть откровенен с послом.

— Вы ведь не только посол, но и генерал. Поэтому я с вами могу быть более откровенным, чем с карьерным дипломатом. Не забывайте, генерал, что я тоже не только профессор.

— Да, я это помню, господин Киссинджер, — рассмеялся Рабин. — Вы к тому же способный адвокат и блестящий дипломат...

— Вы забыли, что я еще и помощник президента по национальной безопасности, — деланно шутливым тоном напомнил Киссинджер.

Так вот, — продолжал он, — вы, очевидно, уже знаете, что Никсона незадолго до вступления на пост президента посетили эмиссары нашего нефтяного бизнеса. Они рекомендовали ему проводить более сбалансированную политику на Ближнем Востоке. Наши нефтяные боссы усили-

вают на Белый дом нажим, чтобы мы занимали в ближневосточном конфликте, как они остроумно заметили, не произраильскую, а «проамериканскую» позицию. Иными словами, они настаивают, чтобы Вашингтон, говоря теперь языком госдепартамента, проводил политику «равноудаленного подхода» к Израилю и арабским странам.

Рабин насторожился.

Заметив это, Киссинджер засмеялся:

— Но это конечно же не означает, что мы собираемся отдаляться от Израиля. Мы просто хотели бы хоть немного приблизить к нам арабов. В первую очередь Иорданию и по возможности Египет. Цель у нас одна — сделать их более сговорчивыми, чтобы они согласились сесть с вами за стол переговоров. Но для этого требуется и ваша помощь. Вы могли бы, например, им пообещать о поэтапном, пусть хотя бы частичном, отводе ваших войск. Именно подобный вариант и выдается сейчас как инициатива нашего госсекретаря Роджерса. Для дипломатического зондажа этой инициативы на Ближний Восток направляется сейчас помощник госсекретаря Джозеф Сиско. От вас требуется только одно — отнестись с пониманием к его миссии.

Но в Тель-Авиве Сиско не нашел понимания «инициативы Роджерса». Там поняли другое. Под шумок этой «мирной инициативы» открывались новые возможности для «довооружения» Израиля.

В Иордании к приезду Сиско атмосфера накалилась до предела. Израильская военщина периодически совершила в долине Иордана карательные рейды. Оначила разбой не только на Западном берегу, откуда в массовом порядке изгонялись палестинцы. Агрессоры не оставляли в покое и тех палестинских беженцев, которые пытались найти хотя бы временное пристанище на восточном берегу реки Иордан. То и дело их лагеря подвергались бомбардировкам и артиллерийским обстрелам.

Один из таких рейдов израильтян летом 1969 года вылился в подлинное сражение в районе города Карама. Палестинские патриоты при содействии иорданской армии в течение нескольких дней оказывали упорное сопротивление вторгшимся израильским войскам, которые понесли там ощутимые потери. Израильтяне в отместку полностью разрушили этот город. Град бомб и снарядов обрушился на палестинские лагеря в долине Иордана, в окрестностях Аммана, Джараша, Ирбida. Бомбы и снаряды падали и на жилые кварталы иорданских городов, сея там смерть и разрушения.

Ожидать от палестинцев и иорданцев в этих условиях понимания американской «мирной инициативы» было бы наивно. Это ясно дал понять американскому эмиссару король Хусейн и другие иорданские руководители. Они даже прозрачно намекнули на трудности обеспечения его личной «безопасности». В Аммане и других городах проходили массовые антиамериканские демонстрации палестинцев. Толпы разъяренных людей пытались прорваться к посольству США, где предпочел остановиться Сиско. Визит пришлось срочно прервать. Вместо официального ответа на американские предложения он сквозь плотно закрытые окна посольства услышал гневные возгласы протестов. Это был неофициальный, но довольно ясный ответ палестинцев и иорданцев. Другого ответа не могли дать ему и руководители страны.

Ничего утешительного не услышал Сиско и в Каире. Президент Насер отверг американскую «мирную инициативу», начиненную бомбами. Они теперь почти ежедневно обрушивались с израильских самолетов американского производства на города и селения Египта.

— От вашей «инициативы», — откровенно заявил американскому эмиссару Насер, — я испытываю такую горечь, которой у меня не было даже во времена Даллеса и Багдадского пакта. Да, эта горечь появилась у меня именно в эти дни, незадолго до вашего приезда, когда американскими бомбами были убиты сотни детей, женщин, стариков, рабочих...

Вскоре после отъезда Сиско из Каира президент Насер, выступая на первомайском митинге, обвинил США в прямом пособничестве израильской агрессии.

— Соединенные Штаты могут и должны заставить своего союзника уйти с оккупированных арабских земель, — заявил он. — По крайней мере американцы могли хотя бы прекратить оказание ему политической, экономической и военной помощи. В противном случае арабы должны прийти к неизбежному выводу о том, что Соединенные Штаты хотят продолжения израильской оккупации наших территорий для того, чтобы продиктовать условия капитуляции.

К середине 1970 года становилось все более очевидным бессилие Вашингтона дипломатическими шагами добиться какого-либо сдвига в мирном урегулировании ближневосточного конфликта. В то же время очевидным было и бессилие военной силы Тель-Авива. Администрация Никсона решила тогда попытаться выступить еще с одной, на этот раз более скромной, «инициативой». Ее суть сводилась к

формуле «прекратить воевать — начать переговоры». Продумывалось снова возобновление посреднической миссии Г. Яринга и прекращение огня на 90 дней на линиях разграничения конфронтующих сторон.

Эта «инициатива» получила впоследствии название «плана Роджерса», поскольку новые американские предложения стали достоянием гласности из публичного выступления в середине июля 1970 года государственного секретаря США в Вашингтоне. Позднее Роджерс в письме египетскому министру иностранных дел М. Риаду подтвердил, что положение на Ближнем Востоке «достило критического момента» и предложил поэтому «под эгидой посла Яринга разработать детальные шаги для выполнения резолюции № 242 Совета Безопасности ООН». Это был новый раунд политического маневрирования американской дипломатии на Ближнем Востоке.

В так называемом «плане Роджерса», по сути, не было ничего нового. Уже до этого Советский Союз неоднократно предлагал перейти от слов к делу в осуществлении ноябрьской резолюции Совета Безопасности и настаивал с этой целью на возобновлении миссии Яринга. Что же касается создания наиболее благоприятных условий для успеха этой миссии, то египетская сторона сама выдвигала предложение о возможности достижения соглашения о прекращении огня на определенный срок, в течение которого велись бы переговоры при посредничестве Яринга.

Израильское правительство не спешило с ответом на «новую» американскую инициативу. Только в начале августа 1970 года оно изложило свою позицию. Принятие американской «инициативы» Тель-Авив обусловил гарантиями США, что, «пока не будет достигнуто мирное урегулирование, ни один израильский солдат не должен быть выведен с оккупированных территорий». Это была политическая основа американо-израильской ширмы, названной «планом Роджерса». Военная основа этой ширмы тоже не составляла большого секрета. Она в полной мере проявилась в ходе разразившегося осенью 1970 года иордано-палестинского кризиса.

В отличие от Тель-Авива, Каир выразил согласие на прекращение огня в зоне Суэцкого канала и на возобновление переговоров на основе текста доклада Яринга генеральному секретарю ООН. Положительный ответ государственному секретарю США дал также министр иностранных дел Иордании, отметив, однако, что его правительство «не видит ничего нового» в предложениях Роджерса.

Для Киссинджера, как он сам признал, принятие Египтом и Иорданией «плана Роджерса» было неожиданным. В глубине души он надеялся, что «инициатива» госсекретаря провалится. Из этого Киссинджер надеялся извлечь двойную пользу. Во-первых, продемонстрировать «неуступчивость» арабов и «обоснованность» расширения американской военной помощи Израилю. Во-вторых, это помогло бы Киссинджеру в борьбе с Роджерсом за укрепление своего влияния не только на ближневосточную, но и в целом на внешнюю политику Соединенных Штатов.

У Тель-Авива были свои резоны против «плана Роджерса». Там опасались, как бы его принятие не повлияло на выполнение обещаний Вашингтона об увеличении американской военной помощи. Рабин получил строгие указания добиться от американцев поставок обещанных Киссинджером самолетов.

Демарш Рабина оказался весьма результативным. Американцы пообещали уже в июле — августе отправить в Израиль три самолета «Фантом». Кроме того, Рабину сообщили, что США и впредь будут передавать Израилю ежемесячно по четыре «Фантома» и «Скайхока» до тех пор, пока на намеченных в соответствии с «планом Роджерса» переговорах не появятся «признаки успеха».

После такого прозрачного намека израильтяне, естественно, не спешили с официальным ответом. Предварительно они выдвинули требование, чтобы американцы сняли это условие и гарантировали бесперебойность поставок американских самолетов независимо от исхода переговоров.

Президенту Никсону пришлось направить личное послание Голде Меир, чтобы убедить ее в «неизменности» американской поддержки. Президент обещал, что США не будут навязывать Израилю «арабскую интерпретацию» резолюции № 242. Это означало, что Вашингтон вовсе не собирается настаивать на уходе израильских войск с оккупированных территорий в качестве предварительного условия урегулирования. Такие гарантии во многом предопределили дальнейшую линию поведения Израиля.

Между тем арабские страны окончательно подтвердили свою готовность к возобновлению миссии Ярринга. В ночь с 7 на 8 августа 1970 года соглашение о прекращении огня вступило в силу. Пушки на Ближнем Востоке временно умолкли. «Война на изнурение» была приостановлена.

Но созданные новым перемирием благоприятные условия для политического урегулирования так и не были реа-

лизованы. После первой же и единственной встречи с Г. Яррингом израильский представитель в ООН И. Текоа прервал переговоры, отправившись в Тель-Авив якобы «для консультаций» и получения дополнительных инструкций. Для этого, по словам Г. Ярринга, не было никаких оснований. Подобный маневр был рассчитан сначала на отсрочку, а затем и на саботирование переговоров.

Администрация Никсона даже не осудила Израиль за фактическое торпедирование выдвинутого ею «плана Роджерса» (по крайней мере в том виде, как он был официально объявлен). Через явно инспирированные госдепартаментом статьи в американской печати она выразила, по существу, одобрение такой позиции Тель-Авива.

Так выявилось действительное назначение «плана Роджерса» как ширмы, предназначавшейся, с одной стороны, для прикрытия дипломатических маневров по затягиванию справедливого урегулирования ближневосточного конфликта, а с другой — для маскировки главной линии ближневосточной политики США — всесторонней поддержки и укрепления военного потенциала Израиля.

При активном содействии Вашингтона Тель-Авив использовал эту ширму и в своих чисто экспансионистских, агрессивных целях. Именно тогда была предпринята новая попытка нанести скоординированный сионизмом, империализмом и арабской реакцией удар по палестинскому движению сопротивления. Он должен был подготовить планировавшееся широкое вооруженное вторжение в Ливан, Иорданию и Сирию.

В течение 1969 года империалистическая агентура и арабская реакция неоднократно провоцировали вооруженные столкновения палестинцев с правительственные войсками в Иордании и Ливане. В ходе кровопролитных боев с обеих сторон были убиты и ранены тысячи людей.

В разгар обострения обстановки в Ливане в октябре 1969 года у ливанских берегов вновь появились корабли 6-го флота США. Они демонстрировали готовность вмешаться в события в случае, если бы те приняли нежелательный для Вашингтона и Тель-Авива оборот. Решительная и твердая позиция Советского Союза, предупредившего 26 октября 1969 года об опасных последствиях готовившегося заговора против палестинского движения сопротивления и прогрессивных арабских сил, помешала в то время, как писала ливанская печать, новой американской вооруженной интервенции в Ливан и возможной агрессии Израиля.

Заговор против ПДС был сорван также активными усилиями Египта и других арабских стран. При личном посредничестве президента Насера в конце октября 1969 года между руководителями Ливана и ПДС было достигнуто Каирское соглашение, которое положило тогда конец кровопролитию в Ливане. Каирское соглашение определило также статус военного присутствия палестинцев на части ливанской территории.

Летом 1970 года израильтяне под предлогом борьбы с палестинскими партизанами совершили несколько рейдов в южные районы Ливана. Их главная цель состояла в том, чтобы вызвать недовольство в Ливане присутствием палестинцев, натравить против них ливанцев и вызвать в стране междоусобную войну.

В начале сентября 1970 года Израиль использовал угон палестинскими экстремистами четырех иностранных самолетов и насильственное задержание их пассажиров в качестве заложников для новых провокаций против палестинцев в Иордании. Со своей стороны, реакционные круги в правительстве и военном командовании Иордании увидели в этом удобный повод для срыва достигнутого ранее с палестинскими руководителями соглашения о сотрудничестве. Власти приняли против палестинцев ряд чрезвычайных мер, приведших к трагическим последствиям.

«Израильский фронт на это время был забыт», — свидетельствует английский журналист П. Сноу. При этом он уточняет, что реакционное иорданское командование вело тогда фактически войну на два фронта: на внутреннем — против палестинцев и на внешнем — против сирийцев и иракцев, поскольку они поддерживали палестинцев. Не без удовлетворения этот английский автор констатирует, что, по данным иорданского командования, в те дни погибло не менее 1300 палестинских партизан, а с учетом убитых и раненых жителей палестинских лагерей общая цифра жертв гражданской войны в Иордании составила, по оценке руководства ООП, около 20 тысяч человек.

Девять дней подряд артиллерийская канонада гремела не на линии прекращения огня, а за десятки и сотни километров от фронта, в жилых кварталах Аммана, Ирбida, Джараша, Зарка. Хотя на этот раз проливалась кровь только арабов, всем было ясно, что эта братоубийственная война — прямое следствие антиарабского заговора Тель-Авива и Вашингтона.

Израильские экстремисты и стоящие за ними империалистические круги не преминули воспользоваться кровавыми событиями в Иордании и в Ливане для нагнетания напряженности на Ближнем Востоке и активного приготовления к новым агрессивным акциям.

В первых числах сентября 1970 года израильские войска открыто вторглись в южные районы Ливана. Для обсуждения создавшегося в результате этой интервенции опасного положения в Ливане срочно было созвано заседание Совета Безопасности ООН. На этот раз США не решились голосовать против резолюции, требовавшей немедленного и полного вывода войск агрессора из Ливана. Резолюция была принята единогласно. Но американский представитель предпочел все же воздержаться от голосования. Как бы в ответ на эту резолюцию Израиль на следующий же день, 6 сентября, отказался от дальнейших контактов с Г. Ярингом и переговоров об урегулировании конфликта в рамках ООН.

Какова же была реакция на это Вашингтона? В качестве награды Тель-Авива за его согласие начать эти переговоры конгресс США в августе принял специальную поправку к закону о военных ассигнованиях, разрешающую президенту направлять в Израиль любое количество самолетов, «какое он сочтет нужным независимо от их стоимости». Прекращение же переговоров было поощрено еще более щедро. Поправка немедленно вошла в действие. Уже 9 сентября США официально объявили о согласии представить Израилю дополнительно к поставленным ранее 60 истребителям-бомбардировщикам еще 18 таких же самолетов «Фантом». Вскоре было принято решение о срочной поставке израильским ВВС ракет «Шрайк». Тем самым Вашингтон как бы давал понять Тель-Авиву, что на деле он вовсе не «воздерживается», а, напротив, одобряет и даже поощряет агрессивные действия Израиля в Ливане. Заодно США благословляли, по-видимому, и его отказ от дальнейших переговоров с Египтом под надуманным обвинением египтян в подтягивании в зону Суэцкого канала дополнительных ракетных установок. Для подкрепления, очевидно, этих вздорных обвинений администрация Никсона тут же дала указание начать разведывательные полеты американских самолетов-шпионов «У-2» над египетской территорией в зоне прекращения огня. Это было прямое нарушение суверенитета Египта и очередной шаг к наращиванию прямого американского военного присутствия на Ближнем Востоке.

В Тель-Авиве все эти жесты Вашингтона были восприняты как благословение на дальнейшую эскалацию военного нападения на арабов. В разгар гражданской войны в Иордании стали раздаваться все более настойчивые голоса израильских генералов, призывавших вмешаться в иорданские события. Голда Меир в сентябре 1970 года лично отправилась в Вашингтон для согласования общего курса и координации действий. На переговорах речь шла не об абстрактной поддержке Тель-Авива, а о разработке и реализации совместного американо-израильского плана прямого вмешательства не только во внутренние дела Иордании, но и о возможных совместных действиях против Сирии, Ливана и других арабских стран. Этот план, как сообщала тогда «Нью-Йорк таймс», предусматривал высадку американского десанта в Иордании при поддержке 6-го флота под предлогом «защиты ее от возможной интервенции Израиля».

В разработке этого плана, сообщала газета, непосредственное участие принимали государственный секретарь США У. Роджерс, его два заместителя, директор ЦРУ Р. Хелмс, председатель Комитета начальников штабов адмирал Т. Мурер, посол Израиля в Вашингтоне И. Рабин, его доверенное лицо Аргов. Работой этой «оперативной группы» руководил непосредственно помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер.

Отдельные пункты разработанного плана стали немедленно осуществляться. В состояние повышенной боевой готовности были приведены американские авиадесантные части и соединения на американском континенте и в Западной Европе. В Восточном Средиземноморье, как и в памятные дни ливанского кризиса в 1958 году, снова замаячили корабли 6-го флота, на усиление которого из США двинулись авианосец «Джон Ф. Кеннеди» и вертолетоносец «Гуам» с подразделениями морской пехоты на борту. На крупномасштабных маневрах 6-го флота присутствовал президент США Р. Никсон. Учение сопровождалось боевыми стрельбами. Их очевидная провокационная цель выходила за рамки Ближнего Востока.

— В Вашингтоне хотели,— признается один из министров кабинета Никсона Э. Ричардсон,— чтобы гром пушек шестого флота услышали не только в Каире, но и в Москве.

В книге «Киссинджер» американские авторы братья Кэлл писали, что в тот самый момент, когда взоры общественности были направлены на занимавшихся «миротворчеством» Роджерса и Сиско, за кулисами, в тени и без рек-

ламной шумихи, в обход даже государственного департамента действовали Киссинджер и Рабин. Они договаривались о беспрецедентном секретном американо-израильском плане совместных военных действий в иорданском кризисе. План предусматривал, в частности, нанесение израильянами удара по сирийским танкам в районе Ирбida и согласованные действия сухопутных сил и ВВС Израиля против Сирии.

На крайний случай была достигнута договоренность с Израилем об американском вооруженном вмешательстве в Иорданию. В случае, если иорданским властям не удалось бы добиться освобождения заложников и возвращения захваченных палестинцами гражданских самолетов, предусматривалось проведение самостоятельной операции «по спасению» с помощью высадки американского воздушного десанта. Для успешного проведения совместной американо-израильской военной акции против Сирии и палестинцев беспрерывно работавшая в Вашингтоне «оперативная группа» рекомендовала также «продемонстрировать угрозу и в адрес Советского Союза».

По указанию президента Р. Никсона 20 сентября Г. Киссинджер просил И. Рабина передать в Тель-Авив пожелание о проведении разведывательных полетов израильской авиации над иорданской территорией. Через несколько часов было уточнено, что американская администрация не будет возражать и против нанесения израильянами воздушных ударов по Иордании. Тель-Авив счел такую «свободу действий» недостаточной. На крайний случай он испрашивает разрешение и на вторжение своих наземных войск. Вашингтон не возражает и против этого. Никсон получает Г. Киссинджеру повторно встретиться вечером 20 сентября с И. Рабином и дать ему понять, что израильяне могут начинать действовать в любой день, когда сочтут необходимым. Тель-Авив немедля приступил к сосредоточению войск на Голанских высотах, готовясь к нанесению удара по Сирии.

Между тем Вашингтон тоже начал форсировать военные приготовления для вторжения в Иорданию под избитым предлогом «эвакуации американских граждан». В Восточное Средиземноморье стягивались дополнительные военные корабли и перебрасывалась военно-транспортная авиация.

Советский Союз, предупредив США и Израиль о возможных опасных последствиях их вооруженного вмешательства в иорданские события, оказал решительную под-

держку усилиям арабских государств по нормализации положения в Иордании. Советское правительство, стремясь предотвратить интервенцию империалистических сил на Ближний Восток, вступило в контакты с руководящими деятелями Египта, Иордании, Сирии и Ирака и призвало их сделать все возможное для скорейшего прекращения братоубийственной войны в Иордании. Одновременно в связи с усилившимися военными приготовлениями США в Восточном Средиземноморье Советский Союз обратил внимание американской администрации на необходимость проявлять осмотрительность идержанность. Советское правительство предложило Вашингтону использовать свое влияние на Тель-Авив, удержав Израиль от попыток воспользоваться иорданскими событиями в своих агрессивных целях.

Иордано-палестинская трагедия, разыгравшаяся осенью 1970 года, дорого обошлась арабскому народу. Главы арабских государств и руководители палестинского движения приложили немало усилий, чтобы положить конец братоубийственной войне. Урегулированию этого конфликта и укреплению общеарабского фронта отдал свои последние силы президент Египта Гамаль Абдель Насер. В Каир съехались арабские руководители, с которыми Насер вел многосторонние переговоры. 28 сентября 1970 года, на следующий день после заключения в Каире иордано-палестинского соглашения, Насер скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Смена власти

Неожиданная смерть президента Насера отозвалась глубокой скорбью и острой болью в сердцах египтян. С его именем были связаны все этапы египетской революции. Это он создал и возглавил организацию «Свободные офицеры», которая свергла прогнивший режим короля Фарука. Он сформулировал шесть главных принципов революции: выгнать империалистов, изжечь феодальные пережитки, покончить с засильем иностранного капитала, добиться социальной справедливости, создать сильную национальную армию, установить подлинную демократию.

Не все эти принципы удалось осуществить. Многие из них остались незавершенными. Но Насер до последнего удара сердца боролся за их претворение в жизнь. И на этом пути достигнуты были впечатляющие успехи.

Весь жизненный путь Насера как политического деятеля — революционного демократа — отражал в значительной степени сложность развития самой египетской революции со всеми ее приливами и отливами, победами и поражениями. Сама логика борьбы подсказывала ему единственно правильный путь — путь прогрессивных социально-экономических преобразований внутри страны, укрепления арабского единства на антиимпериалистической основе и развития сотрудничества со странами социализма. Вместе с тем Насер не сумел, а может быть, просто не успел создать такой механизм, такие общественные институты, которые обеспечили бы преемственность и последовательное продолжение его прогрессивного курса. У Насера было много сторонников, но, по существу, не было организованной силы — авангардной партии, способной отстоять завоевания революции. В этом была слабость позиций режима Насера и самой египетской революции. И все же революция на Ниле пробудила не только «египетского сфинкса». Она открыла историческую полосу освободительных революций арабских народов. Именно в этот период борьба арабских народов против старых и новых колонизаторов, против империалистических интервенций и сионистской агрессии, за укрепление национальной независимости и социальный прогресс слилась с общим мировым потоком антиимпериалистического движения. И на этом пути арабские народы ощущали поддержку своих верных союзников — Советского Союза и стран социалистического содружества.

Насер был признанным лидером арабского освободительного движения. Сердце президента, как писала тогда египетская печать, разорвалось от боли за трагическую судьбу палестинского народа, подвергающегося геноциду у себя на родине и неисчислимым страданиям в изгнании. Насера хоронил весь Каир, весь Египет. Не менее 5 миллионов человек вышло в тот день на улицы египетской столицы, чтобы выразить свою печаль, неизмеримое горе всего арабского мира.

Но если для арабских патриотов смерть Насера стала невосполнимой утратой и большим горем, то реакционные круги Египта и некоторых других арабских государств, тесно связанные с иностранным капиталом, лишь в день похорон вождя египетской революции изобразили на своих лицах нечто вроде скорби. Чисто протокольные соболезнования по случаю национального траура Египта выразили и некоторые официальные представители Запада,

в том числе Соединенных Штатов. Однако ни в Вашингтоне, ни тем более в Тель-Авиве не скрывали надежд на то, что смерть Насера и приход к власти Анвара Садата станут «решающим событием» и даже «поворотным пунктом» в решении многих ближневосточных проблем.

Сразу же после смерти Насера Киссинджер попросил ЦРУ дать свои прогнозы на возможные изменения в египетском руководстве, а также характеристики на вероятных преемников Насера. На основе оценок ЦРУ Киссинджер пришел к заключению, что из всех возможных претендентов в наибольшей степени Вашингтон устраивал бы вице-президент Анвар Садат (по конституции именно он и должен был занять пост президента). Однако ЦРУ «не считало его крупной фигурой».

Будучи выходцем из сельской буржуазии, Садат не обладал широким политическим кругозором. Хотя он и принадлежал к «свободным офицерам», свергшим короля Фарука, заметной роли в египетской революции не играл. Зато Садат всегда поддерживал прочные связи с реакционной мусульманской организацией «Братья-мусульмане». Через нее он был тесно связан с саудовцами. Садат всегда симпатизировал Западу и при каждом удобном случае подчеркивал свое стремление к «укреплению дружбы» с Соединенными Штатами. Однако у покойного египетского президента Садат не пользовался доверием. Оставалось неясным, сумеет ли Садат удержаться на посту президента после того, как его займет.

Таково было мнение ЦРУ. Его разделяли американский президент и его помощник по национальной безопасности. Из этого они не пытались даже делать секрета. Когда один из журналистов на следующий день после вступления Садата на пост президента поинтересовался мнением Киссинджера о преемнике Насера, тот, не задумываясь, ответил:

— Я полагаю, что это временная фигура. Во всяком случае, долго он не продержится.

Сам Киссинджер называет это одной из самых своих «ужасных ошибок». Столь редкое для него «самобичевание» потребовалось, очевидно, для того, чтобы скрыть то, о чем американские руководители даже в отставке предпочитают умалчивать. Допущенная ими «ужасная ошибка» из области теории не помешала им не только помочь Садату закрепиться у власти, избавившись от своих основных противников, но и подтолкнуть его к капитуляции перед Тель-Авивом и Вашингтоном.

Как бы ни были скучны сведения о Садате, которые предоставило ЦРУ своим хозяевам, в Белом доме не могли не учитывать то, что хорошо было известно всем. Сам же Садат любил похваляться многими эпизодами своей жизни, которые достаточно красноречиво воссоздавали его политическое лицо. Садат, например, никогда не скрывал «горячих чувств восхищения», которые он с детства питал к Гитлеру и Муссолини. Получив образование сначала в исламской школе, а затем в королевском военном училище, Садат долгие годы делил свои политические симпатии между фашизмом и идеологией «братьев-мусульман».

Первые шаги на политическом поприще Садат делал в рядах реакционной организации «Миср-аль-фатат», созданной в Египте в 1935 году при содействии итальянских фашистов. В 1936 году Садат прошел в Италии специальную шестимесячную подготовку, а по возвращении в Египет сотрудничал с немецкой и итальянской разведками. Садат не сомневался в победе фашистской Германии над союзниками после нападения Гитлера на Советский Союз. Он выдвинул даже свой «план революции» с профашистской ориентацией. Однако он был отвергнут Насером. В годы войны Садат через немецкого агента пытался также оказать посильное содействие в организации фашистского путча в Ираке. Надеясь установить прямые контакты с гитлеровским генералом Роммелем, Садат даже подготовил ему послание с предложением создать «альянс» в совместной борьбе против «врагов Германии». Хотя Насер не одобрил подобную затею, Садат тем не менее замышлял лично доставить этот документ Роммелю. За это он был арестован англичанами и посажен в каирскую тюрьму.

Садат не скрывал, что он расходился с Насером и в подходе ко многим социально-экономическим и внешне-политическим проблемам, особенно в оценке роли Соединенных Штатов. Садат даже гордился тем, что именно он с первых дней египетской революции постоянно поддерживал доверительные контакты с американским военным атташе и послом США в Каире. Садат обвинял Насера в том, что его отказ дать «необходимые гарантии» американцам помешал тогда получить от них оружие. По убеждению Садата, американцам нужно было только иметь уверенность, что их оружие «никогда не будет использовано против интересов США», то есть и против их креатуры на Ближнем Востоке — сионистского Израиля. Будь на то воля Садата, он дал бы подобные гарантии еще в 50-е годы. Поэтому, очевидно, Насер, по признанию Садата, и

не доверял ему. Насер, в частности, скрыл от него решение о национализации компании Суэцкого канала в 1956 году. Даже в том, что Египет оказался «на грани прямой конфронтации с США», когда на Ближнем Востоке разразилась война, Садат опять же обвинял Насера, а не Тель-Авив и Вашингтон.

Основную вину за неудачи в июньской войне 1967 года он тоже возлагал на Насера. Весьма примечательно, что вскоре после его смерти Садат поспешил амнистировать подлинных виновников поражения. Все это дает основания предположить о причастности Садата к заговору египетской реакции, которая хотела избавиться от Насера еще в июне 1967 года.

Бессильное балансирувание

Американцы быстро нашли подходы к Садату. Еще до окончания траура по Насеру, в ноябре 1970 года, Каир срочно посетил сводный брат саудовского короля и его специальный советник по вопросам безопасности Камаль Адхам. Он выступал как доверенное лицо короля Фейсала и посредник американцев. Надо полагать, именно по их поручению он в беседах с Садатом затронул вопрос о советско-египетских отношениях, и в частности о «присутствии русских в Египте». Этот демарш, инспирированный США, стал одним из первых звеньев нового курса так называемой «сбалансированной» американской политики на Ближнем Востоке.

По словам Хейкала, президент Садат заявил Адхаму в ответ, что «в случае окончания первого этапа вывода израильских войск он мог бы дать обещание избавиться от русских». Садат даже не возражал против того, чтобы эмиссар Фейсала подготовил американцев к возможному прекращению миссии советских военных специалистов в Египте.

Затем сам Садат информировал государственного секретаря Роджерса о готовности пойти на свертывание военного сотрудничества с Советским Союзом. Между тем, по признанию многих египетских политических и военных деятелей, пребывание в Египте советских военных специалистов способствовало повышению его обороноспособности. Они были направлены в Египет по просьбе президента Насера. Эта просьба неоднократно подтверждалась затем и Садатом. Советские специалисты находились в египет-

ских войсках в соответствии со специальным соглашением с правительством Египта. Советский военный персонал помог египетской армии овладеть современной боевой техникой и значительно повысить боевое мастерство личного состава вооруженных сил, что нашло впоследствии убедительное подтверждение в успешном форсировании Суэцкого канала.

Вашингтон учел полученные от Садата авансы. Принимая их во внимание, Никсон решил убедить Голду Меир несколько смягчить свою позицию по крайней мере в вопросе о возобновлении миссии Г. Ярринга. Предварительно Тель-Авиву, чтобы его задобрить, предоставили 90 миллионов долларов для покупки американского оружия. Израильяне, «умиротворенные», по выражению Киссинджера, этой подачкой, сделали вид, что сами вроде проявляют инициативу в возобновлении миссии Г. Ярринга. Однако Израиль по-прежнему настаивал в первую очередь на заключении «мира», в то время как Египет требовал предварительного вывода израильских войск, то есть ликвидации последствий войны. Вместе с тем руководство Египта, идя навстречу пожеланиям генерального секретаря ООН, приняло решение продлить срок прекращения огня еще на один месяц, начиная с 5 февраля 1971 года. Вашингтону стало также известно, что Садат готов пойти даже на заключение мирного договора с Израилем вместо простого обязательства о прекращении с ним состояния войны. Такая позиция была затем официально подтверждена в египетском ответе Г. Яррингу.

С предложением Садата заключить промежуточное соглашение о разъединении египетских и израильских войск вдоль Суэцкого канала американцы ознакомились заранее по каналам, которые заработали сразу вскоре после того, как Садат стал президентом. Используя их, американцы заверили Садата, что они намерены предпринять «решительную попытку» добиться урегулирования в 1971 году. Эти заверения и дали, очевидно, Садату, основание сделать в феврале громогласное заявление, что 1971 год будет «годом окончательного решения». Однако подлинный смысл этого заявления раскрылся позднее.

Киссинджер с циничной откровенностью излагает причины, помешавшие состояться сепаратной сделке на предлагаемых Садатом принципах. Ни Вашингтон, ни Тель-Авив не могли доверять полностью Садату, зная о существовании сильной оппозиции верных приверженцев курса Насера. Но была еще и другая причина. Американско-

правительство просто не видело «никакого стратегического смысла» ни в продвижении «плана Роджерса», ни в реализации предложений Садата. До тех пор, пока в Египте оставались русские, откровенничает Киссинджер, Вашингтон не хотел «предавать своего союзника» (то есть оказывать какой-либо давление на Тель-Авив) в интересах Каира.

«Моей целью,— продолжает Киссинджер,— было создать тупик, сохраняя его до тех пор, пока Москва не попросит компромисса или — что еще лучше — пока какое-нибудь здравомыслящее арабское правительство не решит, что путь к успеху лежит через Вашингтон».

Цель — завести дело ближневосточного урегулирования в тупик — была достигнута. Выход из него Садат стал искать в завоевании доверия Вашингтона на пути постепенного отхода от курса Насера и предательства арабской освободительной борьбы. Но дело было не только в Садате.

Сравнительно быстрое поправление египетского режима во внутреннем плане и изменение его внешнеполитического курса с резким креном в сторону США не были результатом лишь его волюнтаристских шагов. Более важное значение имели определенные объективные условия, которые облегчили Садату после смерти Насера постепенное свертывание египетской революции и реставрацию капитализма в Египте. Это было обусловлено прежде всего половинчатостью и незаконченностью многих социально-экономических и политических преобразований, которые в период Насера проводились не всегда с достаточной решительностью и последовательностью.

Социально-классовую опору режима Насера составляли хотя и сравнительно многочисленные, но разрозненные и плохо организованные три группы населения: рабочие государственного сектора, небольшая прослойка передовой интеллигенции и сравнительно незначительная часть крестьянства, которая получила в результате аграрной реформы землю. Однако многие феллахи, будучи, как правило, неграмотными и политически пассивными, по-прежнему оставались в большой зависимости от местных феодалов и кулаков. Как отмечали позднее прогрессивные деятели Египта, признаки кризиса, проявлявшегося в экономической, социальной и политической сферах, давали себя знать еще до смерти Насера. Примерно с 1966 года национальная буржуазия вместе с другими контрреволюционными силами образовали своего рода «блок имущих против

неимущих». Они-то и развернули, по выражению египетского социолога и экономиста И. С. Абдаллы, «подлинный идеологический террор» против Насера. Но дело не ограничивалось лишь «идеологическим террором». Они делали все возможное, чтобы помешать углублению социально-экономических преобразований в стране.

Садат сознавал, что быстрее всего он мог бы завоевать доверие Вашингтона и Тель-Авива на пути свертывания советско-египетского сотрудничества. Для этого, однако, нужно было в первую очередь расправиться с оппозицией — сторонниками Насера. Контрреволюция стала осуществляться исподволь, шаг за шагом, под демагогическими лозунгами «демократизации» общества и «либерализации» экономики.

Уже летом 1971 года Садат начал проводить политику «инфитаха», то есть «открытых дверей». Стали активно поощряться иностранные инвестиции в экономику Египта. Для облегчения «сближения» с Западом возмещались все убытки, понесенные иностранцами в ходе проведения аграрной реформы, выплачивались им компенсации за национализированные предприятия. Под предлогом «повышения рентабельности» государственного сектора были разработаны мероприятия, направленные на его ограничение. Параллельно проводилась широкая чистка в государственно-партийном и военном руководстве страны. Кульминацией этой кампании стало смещение в середине мая 1971 года наиболее близких соратников Г. А. Насера, включая вице-президента Али Сабри, военного министра М. Фавзи, министра внутренних дел Ш. Гомаа. Объявив о несогласии с проводимым Садатом курсом, они коллективно подали в отставку. Вскоре они все были арестованы. Вслед за ними ушли в отставку также председатель Национального собрания Л. Шукейр и ряд министров. Они тоже заявили о «расхождении во взглядах» с Садатом как по проблемам внутреннего, социально-экономического развития страны, так и по принципиальным вопросам урегулирования ближневосточного конфликта. Газета «Нью-Йорк таймс» 15 мая 1971 года многозначительно намекала, что «Иерусалим и Вашингтон не должны игнорировать значение одержанной Садатом победы».

От новой ориентации правительства выиграли в первую очередь городская и сельская буржуазия, спекулянты, торговцы, маклеры... Из числа наиболее богатых и влиятельных их представителей сформировался так называемый «новый отряд нового класса». Он включал в себя более ста

миллионеров. Вновь обретя силу, толстосумы в конечном счете сравнительно легко взяли под свой контроль государственный аппарат. Быстро начали восстанавливаться и укрепляться связи Египта с Западом и консервативными арабскими государствами, в первую очередь с Саудовской Аравией. Удаление из руководства страны наиболее последовательных сторонников Насера и явилось, очевидно, тем кульмиационным «решением», которое обещал принять Садат в течение 1971 года. Именно после этого во внешней и внутренней политике Египта появились новые тенденции отхода от курса Насера. Постепенно процесс такого отхода приобретал все более широкие масштабы и охватывал различные сферы. Он находил отражение и в советско-египетском сотрудничестве, и в межарабских отношениях. Это наглядно проявилось также в свертывании египетско-ливийского сотрудничества. Несмотря на очевидные для Египта выгоды предложенного ливийским лидером М. Каддафи плана объединения двух стран, Садат отказался от сближения с Ливией. Он знал, что его капитулянтские планы встретят противодействие М. Каддафи.

Политика постепенного свертывания сотрудничества с социалистическими странами, отхода от единства с Ливией проводилась Садатом в рамках «нового курса» на сближение с Западом и реакционными режимами на Ближнем и Среднем Востоке. Этот курс осуществлялся сразу по нескольким направлениям. На дипломатическом поприще предпринимались попытки заручиться «благосклонностью» Вашингтона, чтобы уговорить его оказать соответствующее воздействие на Израиль. В военной сфере Садат пытался добиться «диверсификации», то есть разнообразить источники получения оружия если не за счет поставок из США, то на первых порах из стран Западной Европы. В экономической области Садат старался получить компенсацию от потери «нефтяных миллиардов», которые сулило Египту объединение с Ливией, добиваясь финансовой помощи от нефтяных монархов.

Американцы не могли дать сразу все, что от них надеялся получить Садат. Они не хотели, как яствует из мемуаров Киссинджера, авансировать Садату какие-либо реальные сдвиги ни в частичном, ни тем более во всеобъемлющем урегулировании ближневосточного конфликта. Это стало ему ясно из состоявшегося в начале мая 1971 года первого визита в Каир государственного секретаря США Роджерса. Этот визит случайно — или намеренно — сов-

пал с проведенной Садатом чисткой своего кабинета от сторонников Насера. Наверное, он надеялся, что американцы после этого помогут ему добиться хотя бы чисто символического успеха на дипломатическом фронте. Однако поиски путей даже для заключения частичного временного соглашения об одновременном отводе войск от Суэцкого канала превратились, по выражению Киссинджера, в «перипетии детективного романа».

«Неспособность американцев,— пишет он,— претворить в жизнь предложения хотя бы о временном соглашении (после того, как египтяне выдвинули его, как им представлялось, с нашего благословения) усилили разочарование Каира в американской дипломатии. Египтяне решили, что мы либо некомпетентны, либо их обманываем».

Такое убеждение могло укрепиться еще больше в результате проходивших в Вашингтоне переговоров египетского представителя А. Горбала с Киссинджером. Выяснилось, что американцы, как свидетельствует М. Хейкал, вообще «далеки от готовности сделать что-либо большее для Египта, чем они делали раньше». Но это не помешало заложить тогда основу сотрудничества на трех выдвинутых Г. Киссинджером условиях: «Никакого обмана, взаимное доверие и абсолютная секретность». Эти условия, хотя и не до конца, Садат старался соблюдать не только в ходе закулисной дипломатии после октябрьской войны 1973 года, но и в период ее подготовки. Сами американцы, однако, ни одно из этих условий не соблюдали. Они продолжали не доверять Садату и обманывали его, как только могли. Что же касается «абсолютной секретности», то она использовалась ими главным образом для того, чтобы за ширмой закулисных переговоров с Каиром щедро вооружать Тель-Авив.

Американцы, по словам Голды Меир, «проявляли понимание сущности военных нужд Израиля даже сверх всех наших ожиданий». Как бы в насмешку над Садатом в ответ на каждую его просьбу оказывать давление на Тель-Авив американская администрация направляла новую партию оружия в Израиль безвозмездно или в счет выделяемых кредитов для оплаты этих поставок.

В июле 1971 года на Ближний Восток направился помощник госсекретаря Дж. Сиско с целью подготовить условия для «промежуточного урегулирования». Но авансом Вашингтон поспешил заверить Тель-Авив в готовности продать Израилю еще 110 «Фантомов» на сумму около

полумиллиарда долларов. Естественно, что израильтяне после этого не хотели и слышать ни о каком урегулировании. Сиско стало ясно, что ему бесполезно заезжать в Каир.

Вместе с тем Вашингтон с помощью различных средств, в том числе дипломатических, стремился ослабить ставшие уже традиционными узы дружественных отношений и тесного сотрудничества, связывавшие Египет, а также другие арабские страны с Советским Союзом. Это делалось исподволь, под прикрытием американских намерений установить добрые отношения с Египтом и посредничества в арабо-израильском конфликте. В качестве приманки пускались в ход обещания американских кредиторов, экономической помощи, инвестиции американского капитала. Но при этом американцы не забывали о своем «стратегическом союзнике».

Вскоре вслед за Дж. Сиско в июле 1971 года Израиль посетил директор ЦРУ США Хелмс. Он детально обсуждал с израильскими руководителями «новую ситуацию в Египте», сложившуюся после смерти Насера. Хелмс добивался более тесной координации планов Израиля с планами США и НАТО на Ближнем Востоке. Арабские политические наблюдатели отмечали тогда, что именно после визита Хелмса в Израиль значительно увеличились не только поставки, но и число различных специалистов еврейского происхождения, прибывавших из США под вывеской «добровольной эмиграции». Они оказывали прямую помощь израильской армии в противоборстве с арабами.

1 декабря 1971 года с «неофициальным» визитом в Вашингтон направилась Голда Меир. На переговорах с президентом Р. Никсоном она достигла нового соглашения о «взаимопомощи по решающим вопросам стратегии и тактики». Кроме того, они договорились о том, чтобы поиски путей к всеобъемлющему ближневосточному урегулированию «на время были приостановлены». Их решили заменить поэтапным продвижением к сепаратному частичному соглашению между Израилем и Египтом. И опять Никсон решился «умиротворить» Израиль новым кредитом на покупку американского оружия. Кроме ежегодной военной помощи Израилю (она составила в 70-х годах более 8,5 миллиарда долларов) Вашингтон стал оказывать Израилю еще так называемую «помощь на поддержание безопасности». Она тоже предназначалась на финансирование военных поставок и создание военно-экономических инфраструктур, в том числе строительство аэродромов,

военных баз, портов, стратегических дорог. По этой программе Израилю дополнительно стали выделять около 800 миллионов долларов ежегодно.

В год президентских выборов Никсон, не желая рисковать голосами американских сионистов, дал указание государственному департаменту заморозить всякую дипломатическую инициативу по Ближнему Востоку до конца 1972 года. Киссинджеру теперь поручили лично «вмешаться» в ближневосточные дела ради, как он выражается, «сохранения спокойствия», то есть замораживания там тупиковой ситуации. Но это замораживание не коснулось дальнейшего развития военного сотрудничества с Израилем. Уже в феврале 1972 года Никсон одобрил продажу Израилю 42 «Фантомов» и 82 «Скайхоков». Тогда же был подписан специальный меморандум, по которому США обязались не предпринимать никаких инициатив по ближневосточному урегулированию и не настаивать на полном выводе израильских войск как составной части любого «промежуточного» соглашения.

В результате закулисной дипломатии, в которую Вашингтон постепенно втягивал Садата, все более становилось ясно, хвастается Киссинджер с присущим ему самомнением, что «дело зашло именно в тот тупик, который я и пытался создать». Предлагавшаяся Киссинджером «стратегия» выхода из этого тупика состояла приблизительно в том, чтобы «отделить вопрос о безопасности Израиля от вопроса о суверенитете» (Египта или какой-либо другой арабской страны). Иными словами, эта «стратегия» заключалась в том, чтобы в обмен на возвращение арабам псевдосуверенитета над оккупированными Израилем территориями без права содержать там арабские вооруженные силы позволить Тель-Авиву сохранить на них «некоторые узлы обороны», то есть «ограниченное» израильское военное присутствие.

Однако и такой вариант не устраивал тогда израильских руководителей. На встрече с Киссинджером министр обороны М. Даян заявил, что Израиль может согласиться на открытие Суэцкого канала только в том случае, еслиши один египетский солдат не перейдет па его восточный берег. Вдобавок он сделал еще одну оговорку. Состояние прекращения огня должно быть гарантировано по крайней мере до 1974 года, а «ориентация на окончательное урегулирование должна оставаться неопределенной».

Подобный американо-израильский «суэцкий вариант» означал бы согласие Египта на фактическое закрепление

на неопределенный срок оккупации Израилем захваченных территорий. Каир после двухкратного продления срока соглашения о прекращении огня (в ноябре 1970-го и феврале 1971 года) объявил, что с марта Египет больше не считает себя связанным этим соглашением.

Первая попытка Вашингтона наладить при американском посредничестве сепаратные египетско-израильские переговоры по «суэцкому варианту» закончилась безрезультатно. Этот провал американцы объясняли тем, что Израиль занял слишком жесткую позицию. Но дело было не только в Израиле. Вашингтон мечтал не столько о всеобъемлющем урегулировании ближневосточного конфликта, сколько об удалении Советского Союза или максимальном ослаблении его позиций на Ближнем Востоке.

Советский Союз, проводя курс на осуществление выдвинутой XXIV съездом КПСС программы борьбы за мир и международную безопасность, настойчиво и последовательно добивался ликвидации опасного очага напряженности на Ближнем Востоке. Он активно поддерживал справедливую борьбу против израильской агрессии и империализма, оказывая конкретную помощь и содействие в укреплении экономики и обороноспособности арабских государств.

Придерживаясь именно этой принципиальной позиции, Советский Союз заключил с Египтом в мае 1971 года Договор о дружбе и сотрудничестве. Советский Союз исходил при этом прежде всего из уверенности, что договор будет способствовать дальнейшему развитию арабо-советского сотрудничества, поднимая его на новый, более высокий уровень. Последующий ход событий показал, что этот договор значительно сужал к тому же возможности для маневров как сил империализма и сионизма, так и режима Садата. В то же время договор, независимо от субъективных намерений и двурушнической политики Садата, способствовал укреплению не только политических позиций самой крупной арабской страны, но и ее обороноспособности. В условиях продолжающейся агрессии Израиля это имело жизненно важное значение и для других арабских народов.

Дальнейшее развитие арабо-советских связей нашло отражение также в заключении Договора о дружбе и сотрудничестве с Ираком (апрель 1972 года), а также ряда новых соглашений о расширении сотрудничества с Сирией, Алжиром, НДРЙ, Ливией и другими арабскими странами.

В 1972 году и в первой половине 1973 года, несмотря на определенные колебания в политической позиции АРЕ, обусловленные американским влиянием, Советский Союз продолжал оказывать Египту, а также другим арабским странам — жертвам агрессии всестороннюю политическую и экономическую поддержку. В совместных советско-египетских коммюнике о переговорах в Москве президента Садата в феврале и апреле 1972 года подчеркивалось, что в условиях, когда агрессивные силы стремятся сорвать политическое урегулирование и принудить арабов к капитуляции, страны — жертвы агрессии «имеют все основания использовать и другие средства для возвращения захваченных Израилем арабских земель».

Однако Садат все еще принимал за чистую монету подбрасываемые из Вашингтона чисто теоретические концепции всевозможных временных соглашений с Израилем. На самом деле Белый дом и госдепартамент, создавая видимость дипломатической активности, выдерживали ту общую тупиковую линию, которая была согласована между Р. Никсоном и Г. Меир. Она координировалась лично Киссинджером.

Используя полученные от Никсона гарантии и воодушевляясь новыми поставками американского оружия, Тель-Авив проявлял все большую агрессивность. Дело дошло до того, что Израиль специально приурочил очередное вторжение своих войск в Южный Ливан в феврале 1972 года к началу визита Ярринга в Иерусалим.

Садат постепенно стал догадываться, что все «пробные шары» представителя США в Каире Дональда Бергуса, периодические наезды в Египет высокопоставленных чиновников госдепартамента, в том числе официальный визит в египетскую столицу госсекретаря Роджерса,— все эти контакты по официальным, или, как выражался Киссинджер, по «фронтальным, каналам» осуществлялись Вашингтоном только для отвода глаз.

Еще в период правления Насера американцы не раз давали понять, что они предпочитают вести двойную дипломатию: официальную — через госдепартамент и секретную — через ЦРУ или непосредственно через Белый дом. В начале апреля 1972 года по каналам разведки Садат дал знать американцам о желательности установления прямой связи на президентском уровне, в обход официальных ведомств, занимающихся иностранными делами. Для организации такого канала связи Садат пригласил посетить Каир Киссинджера или директора ЦРУ Хелмса. Белый

дом, однако, не решился на такой шаг из-за опасения вызвать недовольство сионистского лобби в год президентских выборов. Тогда Садат в качестве альтернативного варианта предложил направить в Вашингтон своего советника по вопросам национальной безопасности Хафеза Исмаила. Этот зондаж был специально проведен Садатом перед визитом в Москву, который он надеялся использовать как средство нажима на американцев и как возможный повод для начала свертывания военного сотрудничества с Советским Союзом под предлогом недовольства результатами переговоров.

По возвращении из Москвы Садат получил желанный ответ из Вашингтона. Администрация Никсона информировала о своей заинтересованности в «негласных встречах на высоком уровне» и с этой целью предлагала направить в США личного представителя египетского президента.

В ходе многочисленных контактов египтян с американцами, которые активно проводились по официальным и секретным каналам, египетское руководство пришло к заключению, что Вашингтон придерживается шести принципов в ближневосточной политике:

— по возможности «удерживать» Советский Союз за пределами этого района и не допустить его активного участия в ближневосточном урегулировании,

— добиться не комплексного, а частичного урегулирования конфликта на двусторонней основе Израиль — Египет, Израиль — Сирия, Израиль — палестинцы, «если это когда-нибудь станет возможным»,

— проводить урегулирование поэтапно,

— возвращение к границам 1967 года невозможно,

— свести палестинскую проблему к проблеме палестинских беженцев,

— американский вариант урегулирования должен гарантировать интересы США в этом районе.

Последующие события показали, что большинство этих принципов оказались приемлемыми для Садата. За «услуги» Вашингтона Садат выражал готовность свернуть сотрудничество с Советским Союзом, пожертвовать национальными правами палестинцев и вообще препенебречь интересами других арабских государств — жертв израильской агрессии.

Садат предложил торг. Он подтвердил свою готовность «заставить русских уйти», если Вашингтон сумеет помочь хотя бы сдвинуть с места израильтян. При каждом удобном случае Садат — сначала в узком кругу, как бы строго

конфиденциально, а затем и публично — льстил американцам.

— Я уверен,— не раз повторял Садат,— что именем Соединенные Штаты держат в своих руках если не все, то по крайней мере 99 процентов карт в игре, называемой ближневосточным урегулированием.

Но словесные авансы на американцев не действовали. Тогда Садат, склонный ко всякого рода театральным жестам и сенсациям, решил не только поразить американцев, но и удивить своих близких коллег. Не посоветовавшись даже с представителями египетского высшего командования, Садат 7 июля 1972 года объявил об окончании миссии советских военных специалистов в Египте. Это было сделано в оскорбительном требовании о немедленном их отзыве из египетских вооруженных сил.

Узнав об этом «сенсационном решении» Садата, американцы, как пытается убедить в своих мемуарах Киссинджер, были «поражены». Но на самом деле они лишь изобразили мину удивления. Не по поводу, конечно, самого решения Садата. Как профессионального политического торгаша, Киссинджера удивило другое: почему Садат не попытался заранее выторговать у него какой-либо награды за такой «подарок». У Садата была своя логика. Он наивно рассчитывал, что американцы заставят Тель-Авив сделать какую-либо уступку.

В Белом доме, однако, рассудили по-другому. Раз Садат расщедрился на такой подарок, то за него можно и не спешить расплачиваться. Тель-Авив же сразу расцепил это как добрый сигнал готовности Садата к сепаратному торгу. Израильское правительство уже в июле 1972 года предложило Садату «встретиться как равные». Оно сделало даже туманный намек, будто Израиль «не собирается замораживать современное состояние в регионе». Подлинный смысл этого намека раскрыл несколько позднее генерал Даян, который рассматривал сложившуюся новую ситуацию на Ближнем Востоке после отъезда из Египта советских военных специалистов как весьма благоприятную для усиления военного давления на арабские страны.

«Находившиеся в Египте советские военные специалисты,— писал Даян,— оказывали значительную помощь египетской армии. После их отъезда Израиль получил не просто передышку, но и возможность вывести часть своих вооруженных сил с Синайского полуострова».

Цель подобной передислокации израильских войск раскрылась довольно быстро. К сентябрю 1972 года израиль-

ская военщина усилила вооруженные провокации против Ливана и Сирии. Они приняли столь широкие масштабы, что Совет Безопасности ООН вынужден был вновь собраться 11 сентября на срочное заседание, чтобы пресечь опасное развитие событий на Ближнем Востоке. И вновь американский представитель при голосовании резолюции, осуждавшей Израиль и требовавшей немедленного прекращения военных действий, применил право «вето». Он выдвинул свой проект резолюции, которая оправдывала Израиль и содержала призыв «прекратить поддержку палестинских организаций». Даже газета «Вашингтон пост» назвала тогда такую позицию в «большой степени произраильской, чем могла быть позиция самого Израиля».

Воодушевленные такой поддержкой, израильтяне 16 сентября вторглись в южные районы Ливана, не скрывая своих планов распространить на них свой контроль, а по возможности и режим оккупации.

Советский Союз сделал тогда серьезное предупреждение Израилю, потребовав немедленного вывода его войск с территории Ливана. Усилившееся к тому же на Тель-Авив давление мирового общественного мнения заставило израильскую военщину убраться восвояси. Но и после этого израильтяне продолжали совершать вооруженные провокации против Сирии, Ливана, Иордании и других арабских государств.

Начиная с ноября 1972 года чуть не каждый день вспыхивали бои на Голанских высотах Сирии или на израильско-ливанской границе. 8 января 1973 года бой между израильскими и сирийскими войсками происходил весь день. Большинство вооруженных столкновений, перераставших иногда в сражения, как правило, разыгрывались на северном фронте. Садат явно уклонялся от действенной координации политики с Сирией и с другими арабскими странами, а также от оказания конкретной помощи палестинцам в противоборстве с Израилем.

В феврале 1973 года над Синайской пустыней был сбит гражданский самолет ливийской авиакомпании. На созванной тогда в Каире пресс-конференции представитель египетского правительства сообщил, что самолет был атакован четырьмя израильскими истребителями в момент, когда он готовился к посадке на каирский аэропорт. Погибло 110 пассажиров — граждан различных стран: Ливии и Сирии, Египта и Иордании, Ливана и Судана, ФРГ и Франции. Среди них было 14 женщин и 17 детей. Это произошло всего лишь в 25 милях от Каира. Самолет находился в

воздушном пространстве Египта, лишь на несколько минут потеряв ориентацию из-за пылевой бури, очутился не над чужой, а над оккупированной Израилем египетской территорией — Синайским полуостровом. Именно там он и был сбит израильскими стервятниками.

Через шесть месяцев Израиль совершил новый акт бандитизма: два израильских истребителя перехватили пассажирский самолет ливанской авиакомпании МЕА. И снова (18-й раз после 1967 года) Израиль был осужден Советом Безопасности ООН. В марте 1973 года израильские десантники совершили налет и временно захватили остров Зукар в Красном море.

Так называемое состояние «ни войны — ни мира» все более изживало себя. Американские «мирные инициативы», которые проводились в рамках «плана Роджерса», выдохлись. Усиленное заигрывание Садата с американцами тоже не давало положительных результатов.

Это нашло наглядное подтверждение в результатах переговоров, которые поочередно велись в Вашингтоне в феврале — марте 1973 года с королем Иордании Хусейном, личным представителем египетского президента Хафезом Исмаилом и израильским премьером Голдой Меир.

В беседах с арабскими руководителями Киссинджер ограничивался лишь общими обещаниями «проявить понимание» и оказать содействие в урегулировании ближневосточного конфликта с учетом «обоюдных интересов» конфронтующих сторон.

На состоявшихся 24—25 февраля 1973 года секретных переговорах с Х. Исмаилом Киссинджер недвусмысленно дал понять, что «уступки», которые ожидают от Египта, должны быть... «политическими и территориальными». От египтян требовалось поступиться частью своего суверенитета для обеспечения «материальной основы безопасности» Израиля. Киссинджер считал необходимым разъяснить, что США не могут «налагать какие-либо обязательства на Израиль, хотя и имеются способы оказать на него давление».

Но тут же он сделал оговорку: «Если будут для этого моральные основания...»

Тем не менее возможность египетско-израильского примирения даже на этих унизительных для арабов условиях обсуждалась в общей абстрактной форме.

Зато прибывшей в Вашингтон вслед за арабскими гостями Голде Меир администрация Никсона дала вполне конкретные обещания поставить Израилю очередную партию американского вооружения. С Израилем подписали новый

контракт о поставках ему большого количества современного оружия, включая самолеты «Фантом» и «Скайхок». Кроме того, американцы обещали ускорить выполнение подписанных ранее с Израилем других военных соглашений. Вскоре Израиль получил обещанные самолеты, сотни танков и бронеавтомобилей, артиллерийские орудия и минометы, зенитные комплексы и самонаводящиеся бомбы, ракеты и другую боевую технику.

По мере роста поступлений нового американского оружия росло и число вооруженных провокаций израильской военщины против арабских стран, несмотря на все намеки Садата о готовности пойти на сепаратный сговор с Тель-Авивом при посредничестве Вашингтона.

Американский разведчик Уилбур Ивлэнд в своих мемуарах напоминает слова одного из резидентов ЦРУ в Каире, Джеймса Энглтона, который любил часто повторять, что стоит только убрать Насера и все дела на Ближнем Востоке уладятся сами собой. Однако сам Ивлэнд, разъезжая в те годы как постоянный представитель американских нефтяных компаний по ближневосточным странам, имел возможность лично убедиться в заблуждении своего бывшего шефа. Оттого, что объявивший себя «другом США» Садат стал всячески угождать Вашингтону, Израиль отнюдь не стал более покладистым.

Наглость Тель-Авива в агрессивных действиях против арабов и, мягко говоря, его строптивость и дерзость в отношении своих покровителей все более возрастали. По рекомендации ЦРУ в Израиле была создана специальная служба «мицвах элохим» («божий гнев») для уничтожения палестинских руководителей, которую возглавил ушедший к тому времени в отставку начальник военной разведки генерал А. Ярив. До октябрьской войны 1973 года молодчики Ярива провели более 20 операций по уничтожению палестинских и других арабских политических деятелей в различных странах мира. Иногда подобные операции принимали масштабы дерзких налетов и открытых вооруженных интервенций. Таким было, например, бандитское нападение израильских террористов на штаб-квартиру ООП в Бейруте 10 апреля 1973 года, которое подробно позднее описал земляк Ивлэнда американский публицист Стивен Стюарт в книге «Мастера шпионажа Израиля».

За несколько дней до операции в Бейрут различными авиарейсами из Парижа, Лондона и Рима прибыли под видом иностранных туристов шесть агентов «Моссад». Они арендовали несколько легковых машин и сняли квартиры

в тихих районах Бейрута. В ночь с 9 на 10 апреля к одному из пустынных бейрутских пляжей подошли шесть резиновых лодок с выключенными моторами. С них высадилось тридцать боевиков «Моссада». На берегу их встретили «коллеги», прибывшие тремя днями раньше. Разбившись на группы по пять человек, они сели в машины и через 15 минут были в пути. Одна из групп остановилась у трехэтажного дома на Рю аль-Хартум. Здесь жили член Исполкома ООП Мохаммед Юсуф Наджар и известный палестинский лидер и поэт Камаль Насер. Пулеметной очередь диверсанты сняли охрану у двери дома. Наджар был убит в своей квартире. Заодно были убиты его дети и жена, которая пыталась своим телом прикрыть мужа. Камала Насера убили за письменным столом с пером в руке.

Тем временем другая группа завязала настоящий бой у семиэтажного здания, где располагалась штаб-квартира ООП. Бандиты ворвались в здание, стреляя из автоматов в каждого, кто им встречался на пути. Они врывались в комнаты, взламывали столы и сейфы. Захватив часть бумаг, диверсанты взорвали дом. Затем они отправились в северный пригород Бейрута, где находились склады палестинцев. После недолгой схватки склад был также взорван. Только после этого группа «Моссад» по радио вызвала вертолеты и катера, находившиеся недалеко у берега. Привив раненых, диверсанты вскоре скрылись.

Дело не ограничивалось только диверсиями и террористическими актами. Тель-Авив, поощряемый Вашингтоном, не прекращал вооруженные провокации против соседних арабских государств, в том числе и против Египта. Используя отъезд советского военного персонала из Египта, Тель-Авив стал предъявлять Каиру все более наглые ультимативные требования о капитуляции. Одновременно Даян предложил Пентагону и руководителям НАТО представить им необходимые базы и аэродромы на оккупированных арабских землях.

У. Ивлэнд, продолжая выполнять задания ЦРУ и наблюдая за опасным развитием событий в регионе, убеждался, что созданная совместными усилиями израильских агрессоров и американских «миротворцев» так называемая ситуация «ни войны — ни мира» все ближе подводила Ближний Восток к новой войне. Политика балансирования США между Тель-Авивом и Каиром в значительной степени усугубляла создавшийся тупик, ибо, как считает Ивлэнд, с помощью режима Садата уже тогда подогревались

совершенно необоснованные надежды на то, что американское «посредничество» приведет к изменению агрессивного курса Израиля и признанию законных прав арабских народов на суверенное существование.

Но США вовсе не собирались оказывать помощь арабам. Напротив, после «ухода» британских вооруженных сил из зоны Персидского залива они стали предпринимать энергичные шаги для замены английского военного присутствия американским. Соединенные Штаты использовали ослабление позиций британского колониализма и израильскую агрессию на Ближнем Востоке в своих корыстных интересах, затягивая кризис и распространяя очаг напряженности на все новые районы арабского мира — зону Персидского залива, Аравийский полуостров, Ливан, Северную Африку. Вашингтон сознательно вел дело к дальнейшему нагнетанию напряженности. Такого же мнения придерживались многие американские дипломаты, в том числе и помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Альфред Атертон.

Американская политика «балансирования» между Тель-Авивом и Каиром с приходом к власти Садата приближала Ближний Восток к новой катастрофе. В середине сентября 1973 года израильские самолеты глубоко вторглись в воздушное пространство Сирии. Это было сделано, очевидно, с той же целью, что и перед началом июньской войны 1967 года,— проверить боеготовность сирийских ВВС и эффективность противовоздушной обороны. В бою было сбито больше сирийских, чем израильских, самолетов. Несмотря на достигнутое к тому времени соглашение между Сирией и Египтом о тесной координации действий в военной и политической области, Египет на эту агрессивную акцию Израиля против Сирии фактически не отреагировал. Сделанный из этого в Тель-Авиве вывод о пассивности и неэффективности возможной поддержки Египта в новом раунде военной конфронтации оказался в какой-то мере правильным. Однако Тель-Авив и Вашингтон не учли два обстоятельства.

Надежность и эффективность арабо-советского сотрудничества основывались на незыблемых принципах солидарности Советского Союза с народами, борющимися за свою свободу и прогресс, независимо от всех политических зигзагов и закулисных маневров Садата.

Вашингтон и Тель-Авив недооценили силу патриотического подъема и размах солидарности арабских народов, спутавших карты закулисной игры Садата.

Он сам позднее признавал, что вынужден был прибегнуть к военным средствам давления на Израиль главным образом для того, чтобы облегчить себе последующий торг с Западом и заключение сепаратной сделки с Израилем. Но арабские патриотические силы, в том числе в самом Египте, требовали перевести разговоры о необходимости вооруженной борьбы в практическую плоскость, видя в ней законное средство противодействия разбою и насилию.

Унизительные требования Вашингтона поступиться «частью суверенитета» Египта во имя «материализации безопасности» Израиля и непрекращающиеся провокации израильской военщины ускорили принятие Садатом решения прибегнуть к военному нажиму на Тель-Авив. В этом он видел один из наиболее верных способов «разморозить» ситуацию и подготовить «моральные основания», чтобы привести в действие американские рычаги давления на Израиль.

К принятию такого решения Садата побуждали и другие причины. В народе и в армии назревало недовольство. Падал личный авторитет Садата как руководителя, который, отступив от основных принципов политики Насера, не сумел добиться ни реальных сдвигов в освобождении оккупированных земель, ни улучшения жизни народа. Экономика не выдерживала огромных военных расходов. Но эти большие жертвы никак не оправдывались. Египетские солдаты и офицеры не могли бесконечно сидеть в окопах и взирать на восточный берег бездействующего Суэцкого канала. Тем более что большинство из них сознавали: свертывание военного сотрудничества с Советским Союзом отнюдь не способствовало укреплению военного потенциала Египта.

НА АРЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ

Осень 1973 года была в Израиле необычно жаркой. Предвыборная кампания вступала в завершающий этап. От того, как обновится в октябре состав кнессета, зависела и судьба правительства Голды Меир. Возглавляемая ею Партия труда бессменно находилась у власти более четверти века. В эти последние перед выборами дни нужно было развивать не по ее преклонному возрасту кипучую деятельность, чтобы вновь обеспечить своей партии победу.

Богатый политический опыт научил Голду Меир осторожности и изворотливости. В патриархальном израильском обществе она первая из женщин сумела подняться на вершину партийной и государственной пирамиды. Мало кто из женщин мог бы решиться принести в жертву политике семью. Бросить в Америке мужа, детей, самой уехать в Палестину. Выбивать у еврейских и американских толстосумов деньги на нужды сионистских организаций. Выполнять деликатные миссии за рубежом, которые только назывались дипломатическими. Ведь Голде, особенно на дипломатической работе в Москве, приходилось чаще выступать не столько в роли посла, сколько в роли эмиссара сионистских и разведывательных служб.

Даже такие опытные карьеристы, как Даян и Аллон, всю жизнь соперничавшие между собой то в армии, то в партии за лидерство, не стали препятствовать «твёрдой» Голде занять место покойного Эшколя вскоре после окончания «шестидневной войны».

Шефы израильских секретных служб знали и о других «заслугах» Голды Меир. Об «атомных секретах» Израиля не принято было говорить вслух. Голда Меир, став премьером, взяла под свой личный контроль осуществление атомной программы. Возглавить «атомный шпионаж» в Соеди-

иенных Штатах было поручено генералу Яриву, который занял там пост военного атташе. Перед командировкой его инструктировали Моше Даян и Голда Меир.

— Если атомная бомба будет в наших руках,— разъясняла она Яриву,— то мы сможем ею не только шантажировать арабов, но и оказывать нажим на американцев.

Прочитав недоумение в глазах собеседников, Голда пояснила:

— Мы их поставим перед альтернативой: или давайте нам самое современное оружие обычных видов, или мы будем вынуждены пустить в ход атомную бомбу. Вот почему надо сделать все возможное, чтобы добиться помощи у наших друзей, не испрашивая у них официального разрешения.

Друзья Израиля в США оказали Яриву немало официальных и еще больше тайных услуг в достижении поставленных Голдой Меир целей. Возглавляемая Яривом израильская резидентура в США специализировалась на атомном и на обычном военно-промышленном шпионаже. Ярив позднее сам хвастался, что ему удалось завербовать многих влиятельных американцев. Некоторые сенаторы и министры оказали Израилю неоценимую, хотя и хорошо оплаченную, помощь в осуществлении ядерной программы. Не без их содействия и посредничества Израиль вместе с ЮАР провел потом, как сообщала западная пресса, и совместное испытание ядерного устройства в одном из районов южной акватории Атлантики.

Искusшение

В последние дни сентября из различных, в том числе американских, надежных источников поступали все более тревожные сообщения. На основе их анализа специалисты приходили к заключению о военных приготовлениях в Египте и Сирии. Вместе с тем начальник израильской разведки высказал твердое убеждение, что речь, очевидно, идет о проведении арабами очередных учений. Такой же оценки придерживалась и американская разведка. Конечно, можно было и с израильской стороны провести новые маневры и для этого призвать даже резервистов. Но Голда, вспомнив критику оппозиции за недавние военные игры, стоявшие в мае 1973 года несколько миллионов долларов, решила перед выборами не давать своим противникам нового повода для обвинения в «расточительстве».

Выступая 4 октября перед своими избирателями на заполненном до отказа баскетбольном стадионе, Голда Меир решила поэтому прибегнуть к обычной форме угрозы по отношению к арабам:

— Что бы ни предпринимали арабы, до тех пор, пока не наступит мир, мы не сдвинемся с того места, где находимся сейчас! Будь то на севере, на юге или на востоке,— заключила она свою речь под аплодисменты своих обожателей.

За день до этого начальник генерального штаба Давид Элазар высказался на церемонии перед парашютистами куда определенное:

— Противник должен знать, что у израильской армии длинная рука. Она способна дотянуться до глубин вражеской территории. И тогда эта рука превратится в кулак!

Но сыпать угрозами легче, чем принимать быстрые решения, особенно когда дело касается объявления новой мобилизации и нанесения «превентивного» удара по противнику, на чем настаивал Элазар. Меир на всякий случай дала указание своему секретарю созвать срочное заседание кабинета. На него пригласили и начальника генерального штаба. Тут же она продиктовала шифротелеграмму для находившегося в Нью-Йорке министра иностранных дел Эбана. Ему поручалось немедленно посетить госсекретаря Киссинджера и уведомить американцев о «готовящемся нападении» Египта и Сирии на Израиль. Киссинджер, однако, уже успел получить аналогичную депешу от американского посла в Израиле Кеннета Китинга. Выслушав Эбана, Киссинджер пообещал связаться с некоторыми арабскими послами и генеральным секретарем ООН Куртом Вальдхаймом, чтобы проинформировать их о сложившейся «серезной ситуации». Сам Киссинджер не проявлял, однако, особой нервозности. Вспыхнет война сейчас или несколько позже — он заранее был уверен в ее исходе. Если предыдущая война закончилась в течение недели, то на этот раз, по его твердому убеждению, она продлится не более трех-четырех дней и завершится еще более внушительной победой Израиля.

Война, как считал Киссинджер, позволит сдвинуть с мертвой точки замороженный процесс ближневосточного урегулирования. Если же Египет в первые часы несколько и потеснит израильтян, то это лишь создаст благоприятный моральный фактор для более успешных переговоров. Главное — во что бы то ни стало удержать пока Израиль от каких-либо «превентивных действий».

Получив еще одну сверхсрочную депешу от Голды Меир, госсекретарь позвонил израильскому поверенному в делах Шалеву (посол Диниц находился в это время в Тель-Авиве) и потребовал, чтобы тот передал своему правительству просьбу президента ни в ком случае не начинать войну первыми. Аналогичную «личную» просьбу Никсона поручено было передать Голде Меир и американскому послу в Тель-Авиве Китингу.

Перед тем как прийти на вечернее заседание «малого кабинета», генерал Элазар с одобрения министра обороны Даяна утром 5 октября 1973 года все же отдал приказ о приведении армии в полную боевую готовность. Как бы ни колебались политики, но израильские вооруженные силы по первому сигналу должны быть готовы начать войну. И лучше всего начать первыми. Но политики все еще колебались. Даже «хитрая лиса» Даян в последнюю минуту переметнулся на сторону Голды Меир, которая ратовала за «выдержку».

После окончания бурного заседания «малого кабинета» Голда Меир не была уверена в том, что у нее самой хватит этой выдержки. Конечно, предложение Элазара «ударить, не дожидаясь» было очень соблазнительным. Но Элазар отвечает за боеготовность армии и поэтому считает, что лучше перестраховаться. Даян изворачивается, подозревая, что Голда может знать нечто такое, о чем с ним могла и не делиться. Ведь недаром «старуха» все эти годы так ревниво следила за тем, чтобы все важные контакты с Белым домом, госдепартаментом и даже с Пентагоном осуществлялись только с ее ведома. Еще чаще она занималась этим лично, не доверяя ни Эбану, ни Даяну. Даже шифропереписка израильского посла и военного атташе в Вашингтоне велась, как правило, напрямую с премьер-министром. Это, очевидно, подчеркивало особо высокий уровень отношений между США и Израилем.

Никто не удивлялся и частым визитам посла США Китинга к израильскому премьер-министру. Тем не менее в этой нервозной обстановке неожиданный звонок от американского посла среди ночи взбудоражил Голду. Китинг просил срочно его принять для передачи «личной просьбы» президента. Беседа затянулась на несколько часов. В ходе этого необычного ночного визита Китинг, мягко говоря, оказал на Голду «дружеское давление». Содержание их беседы долго сохранялось в строгой тайне. Но, когда стали разбираться в сюрпризах и тайнах разразившейся вскоре войны, многие дипломатические тайны пришлося понево-

ле рассекретить. Во всяком случае, и Киссинджер, и многие израильские руководители признавали позже в своих мемуарах, что главная цель ночного визита Китинга состояла в том, чтобы убедить израильское правительство отказаться от намерения нанести «превентивный» удар по арабам. В противном случае Израиль будет выглядеть в глазах мирового общественного мнения «агрессором». Посол дал понять, что США окажутся тогда в затруднительном положении при оказании Израилю военной и другой поддержки.

Эти аргументы были еще недостаточно убедительными для Голды. Словно догадываясь об этом, американский посол решил поделиться прогнозами некоторых осведомленных ведомств США о возможных результатах нового раунда арабо-израильской войны.

— Во-первых,— начал Китинг,— Вашингтон уверен, что Израиль сумеет сокрушить арабские силы за несколько дней даже без «превентивного» удара. Во-вторых, вам не следует опасаться союза Египта с Сирией. Они преследуют совершенно различные цели. Дамаск будет воевать за освобождение всех оккупированных арабских земель и требовать решения палестинской проблемы. Каир же война нужна в первую очередь, чтобы «разморозить ситуацию на Ближнем Востоке».

Эти аргументы возымели свое действие.

Отправляясь на утреннее заседание правительства 6 октября, Голда Меир сумела окончательно подавить в себе искушение отдать приказ о нанесении «превентивного» удара. Оставалось теперь убедить в этом же других членов кабинета, особенно военных.

Прозрачные намеки американцев на то, что «политическая выдержка» Тель-Авива будет полностью ему компенсирована Вашингтоном, несомненно, оказали, как писал позднее М. Даян, «сдерживающее влияние» на большинство министров. Однако политики руководствовались своей логикой, а военные — своей. Что касается самого Даяна, то он всегда считал себя и политиком и военным. Именно поэтому он не стал возражать против принятого накануне Элазаром решения о проведении с утра 6 октября 1973 года всеобщей мобилизации резервистов.

Радиостанции, которые должны были в субботу по случаю большого религиозного праздника йом-киппур («судного дня») прекратить передачи, каждые четверть часа посыпали в эфир загадочные фразы: «Морской волк!», «Прекрасная дама!», «Мясные котлеты!»

Кодовые слова относились к различным группам резервистов, которым срочно надлежало прибыть в свои воинские части. Эти мероприятия, призванные позднее Элазар, лишь завершали военные приготовления, которые проводились в израильской армии в течение предыдущих десяти дней. Так что ни о какой «внезапности» нападения арабов говорить не приходилось. И дело было даже не только в политических соображениях. О чисто военных причинах, повлиявших на отказ от идеи нанесения «упреждающего» удара по арабским странам, откровенно поведала созданная позже правительственная комиссия, возглавляемая прокурором Ш. Агранатом, по расследованию причин неудач в октябрьской войне 1973 года. Она пришла к выводу, что любая подобная попытка патолкнулась бы на «степу из ракет» советского производства, которыми были оснащены системы ПВО Египта и Сирии.

И все же главными были политические доводы Киссинджера. Они основывались на уверенности Вашингтона, что Садат в ходе войны лишь создаст видимость взаимодействия со своими арабскими союзниками. На самом же деле будет координировать и военные и политические действия с Соединенными Штатами Америки.

Киссинджеру хорошо были известны подлинные цели, преследовавшиеся Садатом в войне. Они во многом совпадали и с замыслами Вашингтона. Если госсекретарь считал, что война «разморозит ситуацию», то Садат говорил о необходимости «встряхнуть обстановку». Он не верил в большой успех своей армии. К тому же Садат и не собирался вести вооруженную борьбу за освобождение всех оккупированных территорий. Вот почему он заранее всячески старался дискредитировать военное сотрудничество Египта с Советским Союзом. За любой неуспех в войне он хотел тут же взвалить «вину» на Москву. Если же Москва стала бы предпринимать срочные шаги по урегулированию конфликта политическими средствами и настаивать на прекращении военных действий, то Садат намеревался использовать это в качестве повода для полного отхода Египта от сотрудничества с Советским Союзом. Вместе с тем развязанный конфликт должен был помочь быстрее вмешаться в него американцам. Конечно, они будут больше помогать Израилю, а не Египту. Но и в случае поражения Египта американцы попытаются спасти Садата, ибо он уже успел им доказать свою «полезность». Таковы были планы Садата, о которых догадывался Киссинджер.

После утреннего заседания кабинета Голда Меир информировала Китинга, что Израиль сознательно идет на «крупную военную жертву» во имя дружбы с Соединенными Штатами. Он решил не наносить первого удара, надеясь, что все издержки этого решения будут ему компенсированы американцами.

Однако это «утешительное сообщение» от американского посла пришло в Нью-Йорк и Вашингтон с опозданием. Когда Эбан связался из нью-йоркского отеля очередной раз по телефону с Иерусалимом, их разговор с генеральным директором МИД был внезапно прерван. Через несколько минут ему зачитали краткую записку, полученную непосредственно из зала заседания правительства. В ней было лишь два слова: «Война началась...»

Сюрпризы

Октябрьская война готовилась заблаговременно и, естественно, ожидалась не только в Египте и Сирии. За несколько недель до начала военных действий начальник генерального штаба вооруженных сил Египта С. Шазли по поручению Садата посетил Алжир и Марокко. Информировав президента Бумедьена и короля Хасана II о принятом решении начать боевые действия в ближайший месяц, Шазли согласовал с ними конкретные вопросы оказания военной помощи Египту.

Бумедьен сдержал свое обещание, направив сразу после начала войны на египетский фронт три эскадрильи самолетов и одну бронетанковую бригаду. Марокко направило также по одной бригаде в Сирию и Египет.

— Решение начать войну,— сказал Бумедьен, прощаюсь с Шазли,— это, конечно, очень трудное решение. Но еще труднее находиться в унизительном положении, в котором вот уже несколько лет пребывают арабы. Больше терпеть унижения нельзя.

Аналогичная договоренность заранее была достигнута с Ираком, который направил не только несколько своих соединений (одну бронетанковую и одну пехотную дивизии) в Сирию, но и выделил еще две эскадрильи самолетов, принимавших участие в боях на сирийском и египетском фронтах. Значительную помощь войсками и авиацией оказала также Ливия.

О подготовке арабов к войне против Израиля в Вашингтон поступали сигналы не только от некоторых арабских

монархов, но и от агентов, работавших в Египте. Еще в 1971 году египетские органы безопасности арестовали египетского гражданина Раидопуло, работавшего в секции по защите американских интересов в Египте. Этот египтянин греческого происхождения собирал военную информацию для американской и израильской разведок. Добываемые сведения он передавал израильской шпионке Свейн Харрис. Она тоже была арестована, но вскоре по ходатайству американцев Садат приказал ее освободить.

Прямые «рабочие контакты» между египетской и американской спецслужбами были установлены на самом высоком уровне. Начальник египетской разведки генерал Ахмед Исмаил, назначенный Садатом непосредственно перед войной военным министром, поддерживал вплоть до самой войны прямую связь с президентом ЦРУ в Каире Юджином Троном. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между двумя странами, Трону разрешили выполнять свои функции под крышей секции по защите интересов США в Египте. Незадолго до начала октябрьской войны американская разведка значительно активизировала сбор военной информации о Египте и при содействии дипломатов стран НАТО. Американцы, по убеждению М. Хейкала, были осведомлены о подготовке египтянами «сверхсекретной» военной операции против Израиля уже в мае 1973 года. Они даже подталкивали Садата на ее проведение.

Киссинджер сам признает в своих мемуарах, что в ходе двух секретных встреч в начале 1973 года с египетским представителем Хафезом Исмаилом американцы подводили Садата к главным двум выводам: арабская программа максимум о полном выводе израильских войск невыполнима; быстрое урегулирование (имеется в виду сепаратное египетско-израильское) не может быть достигнуто Каиром с позиций слабости.

За две недели до начала войны Каир посетил президент «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер. К удивлению Садата, он высказал мысли, аналогичные тем, которые совсем недавно египтяне выслушивали от Камаля Адхама. Признавая, что неурегулированность арабо-израильского конфликта остается серьезной помехой на пути развития деловых отношений с Египтом, Д. Рокфеллер выразил от имени «здравомыслящих американцев» мнение о полезности «немного приструнить» Израиль.

Тучи собирались, и гром ожидался. Но, как это часто бывает, когда он все же разразился, для многих это оказа-

лось неожиданным. Сюрпризом явилось не само возобновление войны, а ее характер, продолжительность, размах, интенсивность и исход боевых действий. Полной неожиданностью, особенно для Израиля, были результаты первого же удара значительно окрепших за шесть лет после июньской войны вооруженных сил Египта и Сирии.

Вопреки ожиданиям израильского командования боевые действия начались 6 октября 1973 года массированным артобстрелом не вечером, а днем, через два часа после полудня. Около 4 тысяч орудий на широком фронте вдоль Суэцкого канала и 1500 орудий на израильско-сирийском фронте открыли шквальный огонь по израильским войскам. Затем на позиции противника несколько тысяч бомб и ракет обрушили более 300 боевых самолетов Египта и Сирии. Тысячи лодок и плотов с египетскими солдатами форсировали в первый же час Суэцкий канал, а через несколько часов были наведены уже понтонные мосты. По ним сотни египетских танков устремились на восточный берег канала.

Операция форсирования Суэцкого канала была осуществлена почти молниеносно. Возведенные израильтянами громадные 20—30-метровые песчаные валы были размыты водометами. Проделанные в них проходы быстро расширили бульдозерами. Практически через шесть часов боевые порядки египетских войск сумели закрепиться на восточном берегу канала на фронте шириной около 170 километров. В последующем несколько тысяч египетских солдат 12 волнами переправились на Синайский полуостров и, продвинувшись на глубину от 3 до 4 километров, начали закрепляться на захваченных опорных пунктах «линии Барлева» (генерал Барлев — бывший начальник генерального штаба Израиля). Почти вся знаменитая «линия Барлева», включавшая в себя разветвленную систему опорных пунктов, которая строилась в течение 70 дней и ночей (она обошлась Израилю в сотни миллионов долларов), пала за несколько часов. Увы, она так и не обеспечила «безопасность» далеко выдвинутых вперед новых границ Израиля.

Успешное форсирование Суэцкого канала было неожиданным не только для израильского командования, но и для самого Садата. Возвратившись в президентский дворец из подземного командного пункта скорее в полу парадной, чем в полевой форме главнокомандующего вооруженными силами Египта, Садат не скрывал своей радости и тут же по телефону выразил советскому послу В. М. Виноградову пожелание срочно с ним встретиться.

— Победа! Какая победа! — восторженно воскликнул Садат.— Передайте в Москву, что именно советское оружие совершило это чудо переправы. Оно выше всяких похвал! Это отличное, блестящее оружие!

Пренебрегая по такому радостному случаю запретами мусульманского поста Рамадан, Садат закурил и даже сделал несколько глотков виски.

— Представьте,— продолжал он,— пресловутые израильские вояки в страхе бегут при виде ваших бронированных машин. Наши солдаты поливают израильтян пулеметным огнем и бьют противотанковыми ракетами. А как точно попадают ваши зенитные ракеты! Настанет день, когда я перед всем миром расскажу о великой помощи советского народа! — привычно клялся Садат, все более распалившись.

Однако он не только не сдержал своей клятвы перед советским послом, но и обманул ожидания многих египетских патриотов.

На следующий день после форсирования канала английский военный обозреватель газеты «Санди таймс» сообщал из Каира: «За шесть коротких, стремительных часов 6 октября Египет продемонстрировал, как военное искусство в сочетании с современной техникой смогли разрушить стратегию Израиля».

Да, эти шесть часов поистине были кульминацией успеха египетской армии. Недаром уже после окончания октябрьской войны, которая продолжалась около трех недель, в Египте долго предполагали ее называть «шестичасовой войной». Последующие часы и сутки не были, однако, столь удачными для Египта. А ведь имелись все возможности развить этот первоначальный успех.

Египетские войска расширяли и укрепляли захваченный на восточном берегу плацдарм, нанося противнику значительные потери. За первые сутки через канал было переправлено более 500 танков, а к концу 8 октября на восточном берегу находилось уже более тысячи египетских танков. Всего за эти дни было переправлено пять дивизий и ряд вспомогательных частей общей численностью более 80 тысяч египетских солдат. С воздуха они надежно прикрывались средствами противовоздушной обороны. Если в первые сутки было уничтожено около 30 израильских самолетов и 70 танков, то к 11 октября потери Израиля исчислялись сотнями танков и самолетов.

Именно в этот, казалось бы, приближающийся решительный момент войны Садат отдал приказ прекратить

далнейшее наступление и ожидать подхода резервов. Из-за этого странного приказа, противоречащего всем канонам военной науки, египетское командование не сумело полностью использовать фактор внезапности для удержания инициативы и достижения стратегических целей в короткие сроки. Вместо того чтобы развивать первоначальный успех, египтяне вынуждены были сосредоточить основные усилия на отражении сначала слабых, а затем все более решительных атак противника. Это решение Садат принял «самостоятельно», руководствуясь чисто политическими соображениями той закулисной игры, которую он уже начал тогда вести.

На сирийском фронте, хотя события развивались и не так стремительно, как на Суэцком канале, успешное наступление арабских войск продолжалось в течение двух суток. Сломив упорное сопротивление противника, сирийские войска продвинулись на 5—6 километров, а на отдельных участках до 20 километров.

В последующие дни израильтяне, воспользовавшись пассивностью египетского командования, подтянули к сирийскому фронту резервы и перешли в контрнаступление. На каменистых плато между Эль-Кунейтрай и Дамаском в течение семи дней шли ожесточенные бои. Израильские самолеты подвергали бомбардировкам экономические и хозяйствственные объекты в глубине страны. И здесь, как и в Египте, самым лучшим образом проявило себя советское оружие. Потери израильтян в течение первых двух недель войны на сирийском фронте оказались еще более значительными, чем на Синайском полуострове. Это заставило израильское командование из имеющихся у него 36 бригад на четвертый день войны сосредоточить на сирийском фронте 12 бригад.

Сирийцы неоднократно, но тщетно взывали к Садату за помощью. Однако египетское высшее командование проявляло странную медлительность. Она не оправдывалась никакими военными соображениями. Моральный дух египетской армии был, как никогда, высок. Солдаты и младшие командиры, воодушевленные успешным форсированием Суэцкого канала, сами рвались в бой и недоумевали по поводу наступившей так называемой «оперативной паузы».

Израиль впервые за всю историю своего существования столкнулся с войной на два фронта и был лишен возможности широкого стратегического маневра. Значительная часть его сил была скована на сирийском фронте. Часть

резерва находилась на границе с Ливаном, где, все более координируя свои действия с арабскими армиями, стали проявлять повышенную активность подразделения Армии освобождения Палестины и другие палестинские формирования.

После сдачи большинства укрепленных позиций на «линии Барлева» израильянне не могли закрепиться на новых рубежах в Синайской пустыне. Там не было ни серьезных природных препятствий, ни укрытий, ни источников воды. Именно поэтому оперативный план «Гранит-2» предусматривал дальнейшее развитие наступления вплоть до горных перевалов Гидди и Митла. Овладение перевалами Гидди и Митла означало бы, по существу, освобождение всего Синая.

Паника в те дни охватила не только израильских солдат. В правительстве Израиля царило не меньшее смятение. Кабинет министров заседал ежедневно лишь с короткими перерывами.

Первым делом Голда Меир отправила срочную телеграмму министру иностранных дел Эбану с указанием, чтобы он в Совете Безопасности ни в коем случае не соглашался на прекращение огня до восстановления статус-кво. Израильскому послу Диницу она приказала немедленно возвращаться в Вашингтон и напомнить там о тех гарантиях США, о которых так распинался американский посол Китинг. Однако отправленный с ним первый список с заявками Израиля был весьма скромным. Он включал лишь около 200 тонн военного имущества. Первоначальная скромная заявка Тель-Авива укрепила Киссинджера в его убеждении, что через три-четыре дня после мобилизации резервов Израиль сумеет нанести противнику решительный удар и победоносно закончить войну.

Американская дипломатия сделала все возможное, чтобы на заседании Совета Безопасности, который собрался лишь спустя двое суток после начала военных действий, не была принята неугодная Израилю резолюция. Поддержав предложение о прекращении огня, представитель США Джон Скали призвал вместе с тем стороны вернуться на исходные рубежи, то есть на довоенные позиции 5 октября. Американская инициатива была настолько неприемлемой и абсурдной, что ее даже не поставили на голосование. Когда же Советский Союз вместе с неприсоединившимися странами выдвинули новое предложение о немедленном прекращении огня на занимаемых воюющими сторонами местах, Киссинджер после консультаций с Израилем от-

верг это предложение. Тель-Авив явно рассчитывал с помощью США взять реванш за свои первые поражения и перехватить у арабов военную инициативу.

Однако через три-четыре дня, даже после отмобилизации резервов, перелома в обстановке на фронте не наблюдалось. Израильских руководителей охватило смятение. Голда Меир беспрерывно бомбардировала своего посла в Вашингтоне телеграммами. Диниц по несколько раз на день связывался с Киссинджером, требуя от него ускорения обещанных военных поставок самолетов, танков, ракет, боеприпасов. Госсекретарь на словах возмущался устраиваемой Пентагоном волокитой. Отпускал даже крепкие словечки по адресу министра обороны Шлесингера. На самом же деле Киссинджер с Шлесингером разыгрывали «ссору», что называется, липь на публику. Линия же у них была общая, которую полностью одобрял и Белый дом.

Администрация Никсона, хотя и подтвердила 9 октября свое решение об оказании срочной помощи Израилю, считала, что она не изменит решающим образом положение на фронтах. В то же время эти поставки в политическом плане могут оказать негативную роль, нанеся ущерб будущим отношениям США с арабскими странами. Вот почему и Киссинджер, и Шлесингер ограничивались пока лишь заверениями в солидарности с Израилем. Киссинджер, как он сам признает в своих мемуарах, был убежден, что, если ему удастся водить израильского посла Диница за нос в течение еще нескольких дней, война успеет закончиться. Это позволит США выйти сухими из воды или, во всяком случае, остаться незапятнанными в глазах арабов.

Голда Меир раньше своего посла раскусила, что американцы кормят его обещаниями. Последнюю надежду она возлагала на запланированную еще в третий день войны успешную операцию по прорыву израильских войск на западный берег Суэцкого канала. По этому поводу она созвала даже заседание кабинета. Однако поступившие из генерального штаба донесения вызвали еще большую панику в правительстве. Небольшая оперативная группа израильских десантников, едва достигнув восточного берега Суэцкого канала, тут же была отброшена назад и понесла значительные потери.

Чем неутешительнее шли вести с фронта, тем все более шумно проходили заседания израильского кабинета. Когда Даян информировал, что боеприпасы тают с невероятной быстротой, а танки, можно сказать, используют уже свои последние снаряды, в зале установилась гробовая ти-

шина. Министры недоуменно уставились на Даяна, а потом на Голду Меир. Та, не зная, что ответить, ехидно заметила:

— О чём вы думали раньше, генерал? Или вы рассчитывали на этот раз только на трехдневную войну?

— Не я один, наверное, рассчитывал на это. А сейчас надо подумать хотя бы об обмундировании солдат. Особенно о зимнем белье...

— Это что же получается? — не удержавшись, стукнул кулаком по столу министр финансов Пинхас Сапир.— У вас, выходит, даже нет нижнего белья! Уж не хотите ли вы сказать, генерал, чтобы вам его тоже срочно перебросили на американских транспортных самолетах «Гэлакси»?

— Я лично пока обойдусь, а вот наши солдаты скоро застучат зубами от холода, а может быть, и от голода,— огрызнулся Даян.

Голда Меир, чувствуя, что скандал становится неуправляемым, решила закрыть заседание.

— Министерскими баталиями мы войны не выиграем,— примирительно проворчала она.— Я отправлюсь сама в Вашингтон, чтобы открыть глаза нашим друзьям. Кажется, время напомнить им о гарантиях.

Отпустив всех министров, Голда попросила задержаться только Даяна.

— Я думаю, генерал, заодно настало время и вспомнить о нашем оружии Судного дня. Во всяком случае, имеющиеся ядерные заряды надо привести в полную боевую готовность. Будем молить бога, чтобы нам не пришлось их пускать в ход на военном фронте. Но на политическом они, наверное, произведут впечатление, особенно на наших друзей за океаном. Я почти уверена, что они об этом разнюхают... Это заставит их быстрее принять альтернативное решение,— с зловещей улыбкой заключила она.

Простившись с Даяном, Голда тут же позвала секретаря и продиктовала шифровку для Диница в Вашингтон. Ему предписывалось немедленно связаться с Никсоном и Киссинджером для согласования с ними даты ее визита, не откладывая это на слишком отдаленный срок. Визит должен сохраняться в строгой тайне, дабы арабы не проводали об отчаянном положении Израиля.

В Белом доме ее запрос произвел переполох. Принять в разгар войны руководителя одной из конфронтующих сторон почти равнозначно объявлению войны другой. Этот визит мог вызвать беспрецедентный скандал.

Киссинджер понял, что нужно хотя бы сохранить возможность для продолжения двойной игры. Тем более негласная связь с Садатом уже установлена. Садат понимает, что он не столько воюет с израильтянами, сколько втягивает в игру американцев. Недаром египетская армия, форсировав Суэц, продолжает топтаться на месте. Однако на Садата все более нажимали сирийцы и другие арабы. Прогнозы Киссинджера и ЦРУ о быстрой победе Израиля не сбылись. Вашингтону не удалось сыграть роль «миротворцев» после «дозированной» победы Тель-Авива в июне 1967 года. Теперь важно не упустить момент, чтобы вовремя вступить в политическую игру, используя «дозированное» поражение Израиля. С одной стороны, нужно определить допустимость такого оптимального поражения, которое выглядело бы достаточно впечатляющим для арабов. Оно должно поднять их дух и помочь избавиться от «комплекса неполноценности» как результата всех их предыдущих поражений. С другой стороны, такое поражение не должно позволить Советскому Союзу завоевать еще больший авторитет в глазах арабов. Для Израиля это должно быть не поражение и не победа. Нечто среднее, что вынудило бы его сесть за стол переговоров, но в то же время не уничило бы настолько, чтобы правительству Голды Меир пришлось привести себя в жертву.

Был еще один немаловажный фактор. Никсон уже получил два послания от короля Саудовской Аравии Фейсала с предупреждением, что если США установят воздушный мост для переброски оружия Израилю, то арабы приведут в исполнение свою давнишнюю угрозу о прекращении нефтяных поставок Соединенным Штатам. Но король Фейсал далеко, и его угрозы весьма проблематичны. А друзья Израиля под боком, и они атакуют Белый дом со всех сторон. Наконец, президент в присутствии нескольких влиятельных американских сионистов во главе с председателем конгресса американских евреев А. Герцбергом попытался взвалить всю вину за задержку поставок Израилю непосредственно на Киссинджера.

— Вы помните, Генри, что уже на четвертый день войны, когда мне предложили послать Израилю пять самолетов, я сказал, что если нужно отправить пять, то давайте немедленно пошлем пятьдесят. Разве не так было дело, Генри?

Киссинджеру пришлось публично подтвердить слова президента и тут же попытаться найти других козлов отпущения. На следующий же день, 12 октября, он принял

Эбана в сопровождении Диница и Шалева. Киссинджер, разыграв перед ними шумную сцену скандала по телефону с Пентагоном, доверительно сообщил, что задержка с отправкой оружия Израилю — это дело рук, паверное, заместителя министра обороны Уильяма Клементса. Затем Киссинджер позвонил своему помощнику генералу Скаукрофту и приказал проследить, чтобы с завтрашнего дня транспортные самолеты «С-130» с необходимым военным имуществом взяли курс на Израиль.

— Если и этот приказ не будет выполнен, то поверте мне, Клементсу не сносить головы. Ему придется вернуться в свой родной Техас. Передайте Голде Меир, что мы начинаем и будем поставлять Израилю столько боевой техники, пока не создадим новой реальности...

Но прежде чем получить эти успокоительные заверения Киссинджера, в тот же день Голда Меир направила еще одно отчаянное послание в Вашингтон непосредственно Никсону. Президент созвал срочное заседание Совета национальной безопасности. На нем был подтвержден недвусмысленный приказ президента об организации массовых поставок Израилю оружия как морем, так и по воздуху с посадкой транспортных самолетов не только непосредственно в израильском порту Лод, но и на удерживаемых израильтянами египетских аэродромах на Синае. Вечером 13 октября Эбан и Диниц каждый по своему каналу сообщили в Тель-Авив об отправке первых 67 американских транспортных самолетов с оружием и боевой техникой.

Тем временем израильские войска несли все большие потери на Голанских высотах и не сумели добиться существенного перелома в боевой обстановке на Синае. Чтобы выиграть время, Голда Меир направила в Нью-Йорк Эбану указание немедленно согласиться с отвергнутым же ею педавним предложением о прекращении огня на занимаемых сторонами позициях.

В тот момент, по свидетельству израильского публициста Голана, Голда Меир, Даян и начальник генерального штаба Элазар готовы были уже «выбросить белый флаг». Они ожидали только результатов голосования Совета Безопасности ООН, где должна была ставиться на голосование английская резолюция о прекращении огня. Однако именно в этот момент как манна небесная на их голову посыпалось американское оружие. Это был поистине бесценный и своевременный подарок. Пришли к тому же и добрые вести с Синайского фронта.

После почти пятидневной «оперативной паузы» танковые войска по приказу Садата начали выдвигаться вперед. До этого Садат объяснял бездействие египетских войск тем, что он ждет на подготовленных позициях подхода израильтян с севера, с тем «чтобы начать их перемалывать». Но получилось все наоборот. Переброшенные с севера на юг израильские войска устроили в одном из узких проходов на Синае ловушку египтянам и уничтожили там несколько сот танков. Таким образом, по истечении первой недели войны Садат, фактически сам отказавшись от военной победы, сделал Тель-Авиву сюрприз не менее ценный, чем американский воздушный мост.

Перелом обстановки позволил Тель-Авиву сделать кругой поворот на 180 градусов и в Организации Объединенных Наций. На следующий день, 14 октября, Эбан получил из Тель-Авива инструкции не поддерживать никакие инициативы — от кого бы они ни исходили — о прекращении огня. Израиль жаждал теперь реванша.

Волнения и страхи

Воздушный мост из США в Израиль, открывшийся вечером 12 октября, работал с все нарастающими темпами. Разгрузка доставлявшихся в Израиль и на Синай воздухом и морем американской военной техники, боеприпасов и... даже теплого белья, о котором вдруг вспомнил Даян, шла днем и ночью. Всего за период с 12 по 24 октября было поставлено 128 боевых самолетов, 150 танков, 2 тысячи противотанковых снарядов, кассетных бомб. Поставлялись и новинки, которых ранее вообще не было на вооружении израильской армии. Среди них вертолеты с противотанковыми ракетами, снаряды и ракеты точного наведения, в том числе ракеты «воздух — воздух» и «воздух — земля». За это время американцы по воздушному мосту перебросили в Израиль более 27 тысяч тонн военных грузов. Американская военная поддержка Израиля приняла такие масштабы, что президент Садат вынужден был признать, что в последние десять дней войны египтяне практически «непосредственно столкнулись с военной мощью Соединенных Штатов». Это, впрочем, не помешало ему через несколько месяцев называть США своим «самым надежным другом».

Американцы в одностороннем порядке осуществляли массовые переброски военных грузов в Израиль не только из-за океана, но и со своих баз в Западной Европе. При

этом они не находили нужным даже консультироваться со своими союзниками по НАТО. Под воздорным предлогом начавшейся якобы переброски советского ядерного оружия в Египет США привели (24—26 октября) в повышенную боевую готовность свои вооруженные силы, хотя эта мера явно не вызывалась никакой необходимостью.

Советский Союз, откликаясь на просьбу Египта и Сирии, государств — жертв агрессии, в те тяжелые дни войны вновь оказал им быструю и решительную поддержку. Жители Каира и Дамаска шутили, что могут сверять свои часы по звуку приземлявшихся советских самолетов, которые через ровные интервалы доставляли все необходимое для египетских и сирийских солдат, чтобы они могли оказывать достойный отпор израильским агрессорам.

Президент Садат восторженно тогда отзывался о высокой эффективности советской военной поддержки.

— Придет время,— воскликнул он в кругу близких ему людей,— и я всем расскажу о том, как мы стали во время войны свидетелями открывшейся новой блестящей страницы в истории египетско-советских отношений. Я поведаю всему миру о бескорыстной братской помощи Советского Союза...

Время, однако, отбило память у Садата! Не прошло и двух дней, как египетский президент попытался грубо извлечь всем хорошо известные факты. Недаром Садат называл свою книгу воспоминаний «В поисках самого себя». Действительно, нужно было потерять элементарную человеческую порядочность, чтобы, сбросив маску фальшивого дружелюбия, в которую он рядился многие годы, написать в этих «мемуарах», будто за все дни октябрьской войны Советский Союз прислал Египту лишь... чемодан с запчастями.

Эта ложь потребовалась Садату для того, чтобы фальсифицировать подлинные события, которые по вине в первую очередь Садата озабоченовали печальный этап, получивший название «проигранной победы».

Правда же заключалась в словах бывшего в то время начальником генерального штаба вооруженных сил Египта генерала Шазли:

— Мы никогда не сможем забыть все то,— заявил он,— что сделал для нас Советский Союз не только до, но и после октябрьской войны. Без советского вооружения арабские страны просто не смогли бы бороться за свои права.

Да и сам Садат признает в своих «мемуарах» не только эффективность советского оружия, но и значительно

возвращую благодаря советской помощи боеспособность египетской армии, а также изменившееся в пользу арабов общее соотношение сил в октябрьской войне.

По оценкам Лондонского института стратегических исследований, Израиль к четвертому дню войны, когда все его бригады были отмобилизованы, располагал вооруженными силами общей численностью более 300 тысяч человек, в их составе имелось около 2 тысяч танков, 480 самолетов, более 80 вертолетов и 43 боевых корабля.

В составе же египетских войск насчитывалось около 415 тысяч человек, 2 тысячи танков, 420 боевых самолетов, более 190 вертолетов, более 100 боевых кораблей. Но этим силам Израиль мог противопоставить только часть своих войск.

Более трети своих вооруженных сил Израиль должен был использовать против Сирии, войска которой насчитывали около 140 тысяч человек, на их вооружении находилось 1350 танков, около 400 боевых самолетов, 60 вертолетов и 24 боевых корабля.

Таким образом, Египет превосходил Израиль не только по численности личного состава, но и по танкам, артиллерийским орудиям, минометам, зенитным ракетным комплексам и почти не уступал по количеству боевых самолетов. Что же касается качества оружия, находившегося на вооружении египетской армии и поступавшего в Египет во время войны, то оно, по оценке многих иностранных военных экспертов, отвечало всем современным требованиям, а по своим тактико-техническим данным ничем не уступало соответствующим образцам западной военной техники.

У египетской армии, делает вывод М. Хейкал, имелось и вооружение самое лучшее, и войска были полностью обучены умению им пользоваться.

Следовательно, главные причины неудач Египта в военной кампании в октябре 1973 года, последовавших за успешным форсированием Суэцкого канала, были в плохом руководстве войсками и в политических закулисных маневрах Садата. Египетское командование под его руководством не умело наладить координацию действий не только с Сирией, но и четкое взаимодействие даже между своими соединениями. Оно «грешило, — как пишет Хейкал, — излишней осторожностью во время разработки и осуществления своего оперативного плана... а также недооценивало силы противника, который смог ввести в сражение не 11 танковых бригад, как предполагало египетское коман-

дование, а 17 таких бригад». В значительной степени из-за этих «оплошностей» Садата сорвалось наступление египетских войск на Синая 14 октября, а израильяне прорвались на западный берег Суэцкого канала, что привело к окружению 3-й египетской армии.

Израильяне убедились воочию и получили, очевидно, соответствующее подтверждение от Киссинджера, что Садат не будет преследовать решительные цели в войне. Уже в то время за спиной египетских и сирийских солдат он вел политический торг с Вашингтоном. Прямая связь между Каиром и Вашингтоном заработала с первых же дней октябрьской войны. 11 октября Садат получил личное послание от Киссинджера, в котором выдвигались условия переговоров о прекращении огня и урегулировании других спорных вопросов между Египтом и Израилем на сепаратной основе.

Сам факт установления в ходе войны секретных контактов Садата за спиной своих арабских союзников с союзником Израиля был, как признает Киссинджер, «весьма рискованным делом». Рискованным, ибо его могли расценить — так потом и квалифицировал это сирийский президент Хафез Асад — как «акт военного предательства». И для такого вывода у сирийцев было достаточно оснований.

Вашингтон, как пишет Хейкал, в ходе закулисных контактов с Садатом выяснял, в частности, на каких условиях Египет мог бы прекратить боевые действия, независимо от складывающейся обстановки на сирийском фронте. Об этих закулисных контактах Садат, естественно, не информировал ни Советский Союз, ни Сирию. Но о них вполне могли знать или догадываться в Тель-Авиве.

Между тем обстановка на восточном берегу Суэцкого канала менялась не к лучшему для египетских войск, продолжавших занимать выжидательную позицию. Садат явно не учел, что «замороженная ситуация» на войне еще более противоестественна, чем в политике. Садат считал своей заслугой, что он помог госдепартаменту «разморозить» обстановку на Ближнем Востоке. Но те же американцы не захотели оставаться в долгу перед своим стратегическим союзником Израилем. Именно Пентагон и ЦРУ помогли ему в критический момент «разморозить» военную ситуацию на египетском фронте.

В течение всей военной кампании, свидетельствует бывший начальник израильского генштаба Элазар, Израиль тесно сотрудничал с американцами. Как только

началась война, израильский генштаб держал Пентагон в курсе всех событий на фронте и регулярно консультировался с Комитетом начальников штабов США. Совершенно по-другому поставил дело Садат, который, по словам С. Шазли, фактически лишил Советский Союз возможности что-либо советовать и как-либо влиять на положение на фронте. Египетскому командованию строго было приказано «не сообщать русским больше того, что написано в официальных военных коммюнике».

Для израильского командования, регулярно получавшего и оценивавшего разведывательные данные из источников ЦРУ и НАТО, не составило большого труда обнаружить, что на Синае между 2-й египетской армией на севере и 3-й армией на юге образовалось неохраняемое «пустое пространство» шириной около 40 километров. Стыки правого фланга 2-й армии и левого фланга 3-й армии не были прикрыты. Фланги разъединяли лишь Большое и Малое Горькие озера, входящие в систему Суэцкого канала.

Вечером 15 октября небольшая израильская группа с танками из дивизии генерала Шарона беспрепятственно прошла к заранее определенному месту на канале у северной оконечности Большого Горького озера и без единого выстрела ночью переправилась через канал. Вскоре на западный берег канала переправились танки и пехота. К утру 16 октября на западном берегу, в тылу египтян, уже было 30 израильских танков и более 2 тысяч человек пехоты.

В тот же день Голда Меир выступила с экстренным сообщением в кнессете.

— В этот самый час, когда мы собирались в кнессете, израильские войска уже действуют на западном берегу канала. Мы в Африке! — патетически воскликнула она, надеясь, очевидно, сорвать бурю аплодисментов.

Но никто не решался высказать шумного восторга и ликования. Многими владела скорее не радость, а тревога за судьбу кучки израильских солдат, невесть как очутившихся на африканском берегу Египта, где их могла ожидать лишь участь смертников или заложников авантюризма Шарона. Многие тогда расценили это как рискованный политический трюк Голды Меир, который мог бы привести к военной катастрофе. Ведь израильский премьер, по существу, выдала сведения, которые для самого Садата оставались еще «военной тайной». Египетское командование не осмеливалось дурными вестями портить настроение

своего верховного главнокомандующего. Когда же ему доносили о прорыве, Садат отмахнулся от этого как от недостойной его внимания мелочи.

Зато, выступая в тот же день, Садат метал громы и молнии. Он обвинил Соединенные Штаты в оказании прямой помощи агрессору, который по воздушному и морскому мостам получает из-за океана новые танки, самолеты, орудия, ракеты, электронное оборудование. Но Египет, несмотря ни на что, не пойдет на прекращение огня, пока израильские войска не будут выведены со всех оккупированных в 1967 году территорий. И это должно быть сделано, заявил Садат, под международным контролем.

Как бы отвечая Садату, Голда Меир в своей речи в кнессете тоже отвергла возможность в создавшейся ситуации прекращения огня.

— Это может наступить лишь после того, как будет сломлена мощь противника,— декларировала Голда Меир, словно специально для того, чтобы дезавуировать свои же недавние инструкции Эбану соглашаться в ООН на немедленное прекращение огня.

В другой обстановке израильский премьер заговорила бы другим тоном. Но в Каире все еще делали вид, будто ничего не произошло. Военный обозреватель Каирского радио комментировал прорыв противника как попытку израильтян «проникнуть» на западный берег канала с одной-единственной целью, «чтобы дать Голде Меир возможность выступить с сенсацией в кнессете!»

А между тем израильтяне беспрепятственно орудовали в тылах египтян. Не встречая почти никакого сопротивления, по наведенным в месте переправы понтонным мостам широким потоком хлынули на западный берег свежие силы противника с танками и противовоздушными средствами. А Садат все еще отказывался принимать решительные меры, ссылаясь то на «плохую связь» с войсками, то на отсутствие соответствующих данных аэрофотосъемок. Но в обоих случаях Садат лицемерил. От места израильского прорыва до Каира было немногим более 100 километров. Связь поэтому можно было наладить даже с помощью велосипедистов, не говоря уже о других, более быстроходных средствах передвижения. Что же касается отсутствия данных о противнике, то начальник египетского генштаба С. Шазли прямо пишет в своих мемуарах, что Садат и здесь лжет.

После прорыва на западный берег канала, по мнению авторитетных египетских, да и западных, военных специа-

листов, израильтяне могли быть сметены скоординированным ударом обеих армий. Для этого им нужно было только сокрушить клещи. К тому же прорвавшиеся на западный берег израильские танки и пехота могли быть уничтожены артиллерийским и минометным огнем находившейся поблизости 1-й армии, которая могла быть подкреплена частями 2-й армии, бездеятельно стоявшей на Синае.

Однако Садат не отдал такого приказа, хотя размеры израильского прорыва и его угроза вырисовывались уже довольно ясно. В книге «Дорога к Рамадану» Хейкал обращает внимание на тот факт, что форсирование израильтянами канала происходило в том месте, где по непонятным причинам все еще оставался не тронутым израильский укрепленный пункт. Прорыв не остался незамеченным египтянами. О нем немедленно было доложено высшему командованию. Реакции, однако, не последовало.

Для жителей Каира известие о переправе израильтян на западный берег стало широко известным уже 17 октября. Об этом открыто говорили в городе. Богатые люди спешно оставляли свои особняки и виллы. Вереницы автомашин потянулись в Александрию и на юг.

Между тем израильские войска на западном берегу повернули на юг и повели наступление на Суэц, вдоль канала. Создалась реальная угроза окружения 3-й армии на Синае. На карту, таким образом, была поставлена судьба 20-тысячной египетской группировки.

Октябрьскую войну называют «войной тактики», поскольку войска воюющих сторон ограничивались в основном действиями в тактической глубине. Но для Садата, как показали его действия, она была «войной тактики» и в политическом смысле. Свои «промахи» на военных фронтах Садат надеялся компенсировать с помощью США на дипломатическом фронте. Но за эти «промахи» пришлось дорого расплачиваться египетским солдатам.

Очутившись в окружении и неся большие потери, 3-я армия в районе Суэца оказалась в роли заложника закулисной политики Садата.

В те дни, как позднее признал Садат, Вашингтон нашел возможность категорически предостеречь Египет от попыток нанести решительный удар по израильской группировке на западном берегу канала. И, судя по всему, Садат прислушался к этому предостережению. По оценке многих военных специалистов, фронт после создания израильского плацдарма на западном берегу представлял

собой «слоеный пирог». К 21 октября в сложном положении находилась не только 3-я армия на восточном берегу, но и прорвавшиеся на западный берег израильтяне, которые хотя и создали там довольно крупную группировку, тем не менее имели весьма уязвимые коммуникации со своими основными силами на Синае. Если бы египтяне решили отрезать израильскую группировку от переправы, то созданный ею «выступ» превратился бы в «котел». Но этого не произошло.

Израильское командование постаралось нанести как можно больший урон египетским вооруженным силам. В этих условиях Садат был занят не столько тем, чтобы совершить наиболее целесообразный военный маневр, а тем, чтобы сменеврировать политически. В результате он оказался заложником одновременно Израиля и США. Неудивительно, что именно в этот момент резко ослабла дипломатическая активность США в ООН. Американцы теперь уже не требовали отвода войск сторон к положению до начала конфликта. Египет как бы наказывали за излишнюю ретивость и успехи в первые дни наступления. Между тем обстановка и на западном берегу после израильского прорыва была еще отнюдь не безнадежной. Отдельные подразделения египетской парашютной бригады, состоящие из добровольцев-десантников, сумели достичь израильской переправы и готовы были взорвать понтонные мосты. Однако командир бригады получил вдруг из Каира строгий запрет на осуществление этой операции. Верховная ставка, возглавляемая Садатом, запретила также продолжать артиллерийский обстрел израильских местов и переправы, по которым уже велся огонь египетскими батареями. Командующие артиллерией 2-й и 3-й армий вынуждены были, как пишет М. Хейкал, «неохотно отнять руку от горла израильтян, которых готовы были уже задушить».

Садат испугался полученного тогда предупреждения Киссинджера, что США не потерпят поражения израильтян. Вместе с тем Садат не захотел прислушаться к предостережениям Советского Союза и все еще уповал на обещания американцев оказать Египту политическую поддержку в ООН.

Государственный секретарь США непосредственно перед отъездом 20 октября в Москву, куда он был приглашен Советским правительством для консультаций по быстрейшему урегулированию ближневосточного кризиса, заверил израильтян, что он «не будет слишком торопиться

в деле организации прекращения огня» на Ближнем Востоке. Даже после достижения в Москве договоренности о представлении в Совет Безопасности совместного советско-американского проекта резолюции о прекращении огня на местах Киссинджер, сделав на обратном пути краткую остановку в Тель-Авиве, благословил израильтян на продолжение агрессии, пока будут вестись дискуссии в ООН.

Когда собралось расширенное заседание израильского кабинета, Киссинджер сразу постарался рассеять дурные предчувствия Голды Меир.

— Все ваши требования максимально учтены! — поспешил он успокоить израильских руководителей.

Тут в дело вступили приглашенные на заседание правительства израильские генералы. Они обвинили Киссинджера в том, что именно он не позволяет им «дожать Египет до конца».

— Ну сколько же вам потребовалось бы еще дней, чтобы завершить окружение 3-й армии? — поинтересовался Киссинджер.

— Не более двух-трех дней! — отрубил командующий ВВС генерал Пелед.

— Во всяком случае, не более недели, — более осторожно уточнил начальник генерального штаба Элазар.

— Ну, не знаю, как насчет недели, а о двух-трех днях стоит ли торговаться? Любая резолюция не была еще претворена в жизнь в точности в то время, которое было согласовано.

Для израильских генералов это было равнозначно косвенному разрешению продолжать военные действия.

Согласия не было достигнуто лишь относительно сроков возможного созыва совещания для начала переговоров. Голда Меир возражала против немедленных переговоров, ссылаясь на перенесенные на конец декабря 1973 года выборы в кнессет. Киссинджер настаивал на конце ноября.

В конце концов, как он и предвидел, Голда Меир после некоторого колебания согласилась с его предложением, быстро оценив явные выгоды, какие обеспечило бы начало переговоров для правящей партии Израиля. Главное — до переговоров надо как можно больше унизить противника. Ведь Киссинджер обещает помочь в том, чтобы «дожать» Садата. После этого церемония открытия переговоров будет выглядеть как акт капитуляции, по крайней мере для Египта. Затем за Египтом поодиночке можно будет «дожать» и всех остальных. Если же это не удастся, то Изра-

илю не так трудно будет торпедировать конференцию. Так что возглавляемая Голдой Мейр правящая партия ничего не потеряет.

Разбой под занавес

Представитель Израиля в ООН Иосеф Текоа, получив от председателя Совета Безопасности австралийца Макинтайра уведомление о срочном созыве заседания по совместной инициативе США и Советского Союза, понял, что речь идет опять о немедленном прекращении огня. Зная об успехах израильян на западном берегу Суэца, Текоа сообразил, что его задача попытаться сначала отсрочить заседание, а затем как можно дольше затянуть его. Во всяком случае, он должен любыми путями помешать быстрому принятию резолюции. О ее содержании нетрудно было догадаться. Раз США и СССР выработали совместный проект, египтяне наверняка на грани разгрома. Каждый час затяжки продвигает израильскую армию все ближе к Каиру, а каждая минута может решить судьбу окруженной 3-й армии.

Заседание Совета Безопасности было назначено на 16 часов 21 октября. Текоа связался с Макинтайром и признался, что ему ничего не известно о содержании обсуждаемого проекта. Посему он должен ждать инструкций из Тель-Авива. Он надеется их получить с минуты на минуту.

Австралиец согласился отсрочить начало заседания не более чем на полчаса. Когда и это время истекло, Текоа послал своего представителя в резиденцию Совета Безопасности с поручением информировать Макинтайра, что переговоры с Тель-Авивом все еще продолжаются и он прибыть на заседание пока не может. Австралиец решил не жертвовать святой святых англичан — «пятичасовым чаем», а заодно не рисковать и ужином. Он согласился перенести открытие заседания на 22 часа.

Представитель СССР в Совете Безопасности Яков Малик, однако, категорически воспротивился линии проволочек. Он предложил американскому представителю Джону Скали в качестве инициаторов выдвинутой резолюции перейти к немедленному ее голосованию, а затем дать возможность выступить всем присутствующим делегатам. Подобные precedents уже бывали в практике работы Совета Безопасности, когда требовалось принятие им каких-либо срочных решений.

Перед такой перспективой Текоа прибег к старому, уже не раз испробованному израильскими представителями приему. Он заявил, что должен сделать «важное сообщение». Ничего важного, тем более нового, для сообщения у него не было. Он просто напомнил, что Израиль — «воюющая сторона» и поэтому, дескать, находится на «особом положении». Отказ ему в слове будет якобы противоречить «традициям ООН». Расчет израильтянина оправдался. Стали требовать ответного слова и делегаты арабских стран, а затем и представитель Китая. Завязалась острые дискуссия. Австралиец все более терял контроль над заседанием. В конце концов, когда он вынужден был объявить перерыв и опустил молоток председателя, как пишет Голан, «телекамеры зафиксировали на лице Текоа удовлетворенную, едва скрываемую улыбку».

На следующий день, 22 октября, Совет Безопасности ООН возобновил свою работу ближе к обеду. Представитель Израиля старался опять навязать дискуссию по поводу выдвинутых им поправок к совместной советско-американской резолюции. Израиль особенно нажимал на то, чтобы упоминаемая ссылка на резолюцию № 242 интерпретировалась так, как понимают ее израильтяне, в смысле ухода их войск с «оккупированных территорий», а не «всех территорий». Однако на этот раз Текоа не удалось достичь своих целей. Новая резолюция Совета Безопасности № 338 была принята единогласно при одном воздержавшемся.

Резолюцию одобрили в том виде, в каком она была представлена Советским Союзом и Соединенными Штатами. Предусматривалось прекращение всех военных действий в течение 12 часов после ее принятия с оставлением войск на занимаемых ими позициях; призывалось начать сразу же после прекращения огня практическое претворение в жизнь резолюции № 242 в полном объеме; предполагалось также начать переговоры между заинтересованными сторонами, «направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке».

Казалось, все было предусмотрено, при наличии добродушной стороны можно было приступить к реализации этой резолюции. Но такого желания у израильтян не было. Задачу нашли не в каком-то «неясном пункте», а в отсутствии специальной оговорки, которая определяла бы, под чьим контролем будет осуществляться эта резолюция.

Отсутствием такого контроля израильтяне не замедлили воспользоваться. Через два часа после истечения уста-

новленного резолюцией срока израильские войска стали быстро продвигаться в направлении Суэца. Цель этого продвижения была предельно ясна: побыстрее овладеть городом и завершить окружение 3-й армии. Это делалось с молчаливого согласия Киссинджера. Однако в его планы не входило уничтожение окруженной 3-й армии. Это, во-первых, могло бы привести к усилению давления со стороны Советского Союза, тем более что он ясно дал понять о своей готовности решительно пресечь разбой израильтян, если они посмеют пренебречь резолюцией № 338. Во-вторых, Киссинджер считал 3-ю армию, по выражению генерала Шазли, чем-то вроде американо-израильского «зажимника». В последующих переговорах с Садатом «вызовление» 3-й армии обусловливалось требованием, чтобы египетский президент выступил инициатором отмены арабского нефтяного эмбарго, введенного против США за их открытую поддержку Израиля в октябрьской войне.

Киссинджер вместе с тем старался удержать израильтян от «уничтожения 3-й армии», опасаясь, как он позднее признался, «конфронтации с Советским Союзом».

В последние дни войны Киссинджер вызвал к себе израильского посла Диница и строго его предупредил:

— Передайте Голде Меир, что если Израиль будет продолжать войну, то пусть больше не рассчитывает на получение военной помощи от Соединенных Штатов. Вы хотите обязательно заполучить 3-ю армию. Но мы вовсе не собираемся из-за вас начинать третью мировую войну!..

Голда Меир, прочитав шифротелеграмму от своего посла в Вашингтоне, попросила Даяна и Элазара доложить обстановку. Ничего радостного на этот раз они сообщить не смогли. Израильтянам удалось лишь достигнуть окраин Суэца. Здесь они были остановлены упорным сопротивлением египтян. В уличных боях участвовали не только солдаты, но и население города. Израильские войска несли большие потери.

— В таком случае, может быть, приказать Шарону остановиться? — задала вопрос Голда Меир скорее самой себе, чем своим генералам.

— Но вы же прекрасно знаете Шарона, он никого не слушается, — используя удобный случай, решил уколоть своего давнишнего соперника Даян. — Ведь его недаром называют бульдозером. Ломать не только дома арабов, но и все наши планы — это его хобби.

— Боюсь, как бы из-за него нам самим не поломали бока. Русские уже предупредили американцев о своей решимости добиваться выполнения резолюции... Надо и нам, хотя бы на словах, подтвердить нашу готовность выполнять принятую резолюцию Совета Безопасности. А ответственность за ее нарушение мы можем возложить на египтян.

«Хитрости» Израиля никого, однако, уже не могли обмануть. Совет Безопасности, повторно собравшись на срочное заседание, принял новую резолюцию № 339, в которой содержалось требование отвести войска на рубежи 22 октября. На этот раз в ней четко также предусматривалось и создание специального органа наблюдения за прекращением огня. Однако израильские войска и после этого продолжали двигаться в направлении к Каиру и рваться к центру Суэца. И тут египетский президент забил тревогу. Он стал слезно просить о помощи не только Соединенные Штаты, но и Советский Союз. Тем не менее Садат все еще надеялся, что именно Киссинджер заставит Тель-Авив подчиниться если не резолюции Совета Безопасности, то окрику из Вашингтона. Большие надежды Садат возлагал на установленный секретный канал связи с Киссинджером. Информировав его о своей просьбе к руководителям нефтедобывающих арабских государств отменить эмбарго на поставку Западу нефти, Садат рассчитывал, что США взве-мен немедленно «нажмут» на Израиль. Однако Садат опять ошибся. И эта ошибка могла бы стать роковой для Египта, если бы не решительные акции Советского Союза по немедленному пресечению разбоя Израиля. Именно в эти дни Советский Союз направил в Египет по просьбе его руководства группу представителей для наблюдения за осуществлением резолюции о прекращении огня. Температура на международной арене, по выражению израильского публициста Голана, в любой момент «могла вскоре достигнуть точки кипения».

В Вашингтоне с тревогой встретили совместное предложение ряда неприсоединившихся стран о направлении на Ближний Восток советско-американских войск для наблюдения за прекращением огня. Киссинджер тут же поспешил информировать посла Советского Союза в США А. Ф. Добринина, что США категорически против такого плана и в случае официального выдвижения наложат на него «вето».

— Вы понимаете,— распинался тогда Киссинджер,— что направление на Ближний Восток объединенных войск

великих держав стало бы со временем бомбой замедленного действия...

Об этом напоминает в своей книге Голан. Однако сам Киссинджер предпочел об этом эпизоде не вспоминать. Ведь через пять-шесть лет именно американцы выступили инициаторами посылки на Ближний Восток воинских контингентов США и других стран НАТО под флагом так называемых «многонациональных сил по поддержанию мира». Так сознательно Вашингтон заложил сначала на Сирию, а затем и в Ливане «бомбы замедленного действия», которые неоднократно вызывали не только угрозу пожара, но и сами взрывы.

В ответ на решительную позицию Советского Союза Белый дом объявил, по существу, ядерную тревогу, приведя в повышенную боеготовность американские войска, оснащенные ядерными средствами, якобы ввиду «вероятности односторонних шагов СССР на Ближнем Востоке». Этот шаг американской администрации создал серьезную угрозу международной безопасности. Вместе с тем решение, которое Никсон принял без каких-либо предварительных консультаций даже со своими союзниками по НАТО, вызвало недовольство и тревогу многих западноевропейских стран.

Необоснованность действий администрации США была убедительно показана на открывшемся в Москве Всемирном конгрессе миролюбивых сил, на котором Советский Союз подчеркнул свою готовность участвовать в любых многосторонних инициативах по восстановлению мира на Ближнем Востоке. Такая линия полностью соответствовала принятой 25 октября новой резолюции Совета Безопасности № 340, которая предусматривала создание Чрезвычайных вооруженных сил ООН (ЧВС ООН-II) в составе примерно 7 тысяч человек из воинских контингентов неприсоединившихся стран, в том числе Швеции, Финляндии, Австрии, Индонезии и других. Командующим этими силами был назначен финский генерал-майор Энсио Сийласвуо. На следующий день после этого была отменена и повышенная боевая готовность в американских войсках. Прибывшая в Египет первая группа наблюдателей ООН приступила к исполнению своих обязанностей.

Но израильские вояки и после этого всячески старались помешать выполнению функций ЧВС ООН, усиливая кольцо вокруг 3-й армии. Они продолжали вооруженные провокации под предлогом «неустановленности»

лии 22 октября, где должны были остановиться, выполнения резолюцию о прекращении огня.

Для немедленного и последовательного выполнения резолюции Совета Безопасности требовалось прежде всего добиться отвода израильских войск на позиции по состоянию на 22 октября. 3-я армия оказалась бы деблокированной. Город Суэц беспрепятственно мог бы снабжаться по оставшимся открытым дорогам. Правда, израильским войскам в «мешке», который легко завязывался на севере, было не очень уютно, особенно с наступлением зимних холодов. Такое положение не устраивало израильтян. Не очень оно было выгодно и Киссинджеру, лишившемуся возможности выдавать себя за «спасителя» одновременно израильтян и египтян. Именно поэтому Киссинджер с «пониманием» относился к выдвигаемым израильтянами доводам о том, что «никто не знает, где были эти позиции 22 октября». Этим отговоркам никто не мог, конечно, поверить.

Однако Садат не стал настаивать на выполнении известных резолюций Совета Безопасности ООН. Киссинджер впоследствии пытался объяснить такую непонятную пассивность Садата чисто психологическими мотивами. Именно ими якобы руководствовался Садат, начиная вести секретный торг с израильтянами и закулисную игру с американцами. Но подлинные причины такой линии Киссинджера хорошо были известны. Садат мало заботился тогда о быстрейшем разводе израильских и египетских войск. Он больше мечтал о «выгодном браке» с американцами. В качестве «приданого» Садат претендовал не столько на «территориальные уступки» от Израиля, сколько на постоянную поддержку и щедрую помощь Соединенных Штатов. Более того, он хотел стать их «фаворитом», по возможности отодвинув на задний план Израиль. Цели — недостижимые, как миражи в Синайской пустыне.

Американцы были не прочь завести «дружбу» с Садатом, но вовсе не собирались ослаблять связи с Израилем. Первая задача для Киссинджера состояла в том, чтобы освободить из суэцкого «мешка» забравшихся туда «победителей». Вторая, попутная, задача состояла в том, чтобы создать видимость, будто американцы стараются облегчить положение 3-й армии. У нее были и боеприпасы, и продовольствие, и вода. В торге, который должен был начаться в рамках египетско-израильских переговоров на 101-м километре от Каира, на поверку оказалось, что нужно было спасать в большей степени израильтян, чем помогать египтянам.

Позднее, в конце 1975 года, Садат в беседе с советскими учеными И. П. Беляевым и Е. М. Примаковым, разоткровенничавшись, признал, что египетская армия вполне была в состоянии нанести удар по израильтянам на завершающем этапе войны. У египтян, по словам Садата, был, по крайней мере, двойной перевес в артиллерии, танках и вообще все необходимое, чтобы уничтожить израильскую группировку на западном берегу Суэцкого канала. Но этому категорически воспрепятствовал Киссинджер. Он предупредил Садата, что «если советское оружие одержит победу над американским, то Пентагон этого никогда не простит».

— В таком случае,— заявил, раскрывая перед египетским президентом свои карты, Киссинджер,— наша «игра» с вами будет кончена.

Такова была подоплека «двойной игры» Вашингтона с Тель-Авивом и Каиром, которую вел Киссинджер за кулисами последнего акта октябрьской войны.

«Печальная ничья»

Три недели войны достались Голде Меир нелегко. Ни сама Голда Меир, ни ее генералы не решались называть себя победителями. Не ощущалось атмосферы победы и во всей стране. В глазах большинства израильтян светилась не радость, а застыло выражение какой-то тревоги. Глаза людей словно вопрошали: как это все могло случиться? чем все может кончиться? кто и как за это будет отвечать?

Вопросы нелегкие. Вряд ли на них сумеет полностью ответить и создаваемая по решению кнессета специальная комиссия для расследования причин неудач и ошибок в ходе октябрьской войны.

Конечно, легче всего быть сейчас в оппозиции. Вот для старика Наума Гольдмана все ясно. Виновато прежде всего правительство Израиля за то, что оно «проводило нереалистическую политику». За то, что всеми силами хотело сохранить после июньской войны статус-кво. Оно надеялось, что арабы в конце концов примирятся с таким положением. Гольдман, который сам десятилетия возглавлял Всемирную сионистскую организацию, питавшуюся американскими дарами, осмеливается теперь обвинять Соединенные Штаты за то, что они поощряли подобную политику Тель-Авива.

У Голды Меир есть свои претензии к Вашингтону. Но позволить себе подобную дерзость она, естественно, не может. Израиль не смог бы без Соединенных Штатов продержаться и более двух недель. Да и после войны, которая обошлась казне не менее 7 миллиардов долларов, Израиль без американской помощи протянет ноги. Так что, дабы этого не произошло, волей-неволей надо опять ехать туда на поклон с протянутой рукой.

Израиль эту войну не проиграл, но и не выиграл. Это была трудная «ничья». На этот раз Израилю не удалось в результате войны сколько-нибудь значительно расширить территориальные приобретения. В первые дни войны он даже потерял важные плацдармы на восточном берегу Суэцкого канала и на Голанских высотах Сирии. Зато в последние дни кампании ему удалось захватить сравнительно большую территорию на западном берегу Суэцкого канала. Кое-какие приобретения, правда незначительные, имеются в Сирии. С точки зрения людских потерь и боевой техники Израиль потерял в октябрьской войне только убитыми и ранеными около 12 тысяч человек. Правда, арабские страны понесли более тяжелые людские потери — около 28 тысяч убитыми и ранеными. Тем не менее жертвы Израиля пропорционально общей численности населения намного превосходят потери арабов. Кроме того, он лишился около половины всех своих самолетов и танков. В стратегическом плане Израилю тоже нечем похвастаться. Тель-Авив не сумел закончить войну «молниеносно» и ценой минимальных жертв.

Миф о непобедимости Израиля, усердно раздувавшийся все предыдущие годы, оказался развеянным. Теперь арабам стало ясно, что Израиль может быть побежден в военной схватке.

Голда Меир нанесла визит в Вашингтон через несколько дней после окончания войны. Для реализации принятых Советом Безопасности резолюций израильский премьер настаивала на прямых переговорах с Египтом без каких-либо посредников. Ей хотелось, чтобы они проходили обязательно на политическом, а не на военном уровне. Однако Киссинджер с ходу отклонил ее предложение. Он, видите ли, заранее знал, что такой вариант не приемлем для египтян. Можно было подумать, что он действительно печется об интересах Египта. А ларчик открывается просто. Если Меир встретится с Садатом или хотя бы встретятся их министры, то Киссинджер останется ни при чем. А ему обязательно хочется войти в историю «мирот-

ворцем-примириителем». Но, пока условия для этого не созрели, Киссинджер предложил вести переговоры при посредничестве представителя ООН. Однако израильяне ссылались на имевшийся уже прецедент прямых переговоров с арабами о перемирии после войны 1948 года. В то же время Тель-Авив соглашался, чтобы на первом этапе переговоры шли только между военными представителями. Хитроумный советник Голды, директор ее канцелярии Мордехай Газит, выдвинул компромиссный вариант о проведении этих встреч не при посредничестве, а «под эгидой» ООН. Киссинджер, чтобы не ссориться с израильянами «в самом начале пути», не стал возражать. Пусть, решил он, отклоняют это предложение сами египтяне. Но, к его величайшему удивлению, положительный ответ Садата пришел в Вашингтон буквально через несколько часов после получения израильского предложения. Уже тогда, пишет Хейкал, Киссинджер выразил недоумение такой «податливостью» Садата, который даже не попытался навязать какой-либо вариант для укрепления своих позиций, используя результаты октябрьской войны.

Место первой встречи было определено тоже израильянами на 105-м километре шоссе Каир — Суэц. Она должна была состояться 29 октября в 15 часов. Однако в назначенное время израильская делегация не прибыла. В Тель-Авив послали срочный запрос из Вашингтона: почему израильяне не прибыли на встречу? В конце концов все прояснилось.

Израильяне остались верны себе: они и под мирные переговоры решили прихватить еще четыре километра, установив палатки на 101-м километре. Глава израильской делегации генерал-майор Аарон Ярив все свалил на «ошибку топографов».

В результате встреча состоялась все-таки на 101-м километре около часа ночи уже 30 октября.

Египетскую делегацию на переговорах возглавил начальник оперативного управления генштаба генерал-лейтенант Абдель Гани эль-Гамаси. Он не только лично отвечал за планирование войны, но и сам организовывал форсирование Суэцкого канала. Переговоры шли в сооруженной для этой цели просторной полевой палатке, где был установлен длинный стол. Египтяне и израильяне сидели лицом друг к другу по обеим сторонам стола. Во главе стола, символизируя «эгиду ООН», восседал финский подполковник Аулис Кемпленен.

Ярив, поприветствовав египтян по-английски, тут же широким жестом преподнес им «подарок», объявив о разрешении прохода одного конвоя с продовольствием для «плененной» З-й армии. Израильяне как бы авансом делали «гуманный шаг» по отношению к египтянам. После такой «уступки» Ярив изложил требования Израиля, далеко выходящие за рамки компетенции военных представителей. Два из них касались вопросов обмена военнопленными и возвращения тел солдат, убитых на территории противника. Однако другие пункты явно носили скорее политический, чем военный характер. Во-первых, Израиль настаивал на прекращении египетской блокады Баб-эль-Мандебского пролива у входа в Красное море. Во-вторых, израильяне вместо отхода войск на линию 22 октября предложили их разъединение путем отвода на противоположные берега Суэцкого канала. Иными словами, предлагалось вернуть не только обе армии, но и враждующие страны на довоенные позиции. Как будто не было ни октябрьской войны, ни форсирования Суэцкого канала, ни израильского отступления, ни «мешка» на западном берегу канала.

Израильский генерал был наделен, по существу, неограниченными полномочиями в отношении выдвигаемых им требований. Гамаси же в ответ не мог даже назвать конкретных рубежей, на которые должны были отойти израильяне, соблюдая линию прекращения огня 22 октября. Деликатность положения состояла еще в том, что египетский генерал получил строгие указания от Садата не призывать масштабы израильского продвижения 23 и 24 октября. В противном случае нужно было бы признать факт окружения З-й армии, что Садат тщательно скрывал от народа своей страны.

Дальнейшие переговоры на 101-м километре сосредоточились главным образом на процедурных вопросах о порядке эвакуации раненых и обмене военнопленными. Для облегчения решения других проблем Гамаси был назначен помощником военного министра по политическим вопросам. Генерал Ярив не нуждался в таком повышении. Занимая в течение многих лет пост начальника военной разведки, Ярив после начала войны стал специальным помощником начальника генерального штаба. На деле же он выполнял скорее роль военного советника при премьер-министре и политического консультанта при начальнике генерального штаба.

На последней встрече Гамаси в доказательство, очевидно, политической значимости своего нового поста сам

проявил инициативу в обсуждении вопроса о порядке разъединения войск на восточном берегу Суэцкого канала. Ярив был немало удивлен, что египетский генерал — на верняка с санкции Садата — впервые заявил о своем согласии с принципом «ограниченного размещения» там вооруженных сил АРЕ, а затем и поэтапного разъединения войск. Гамаси допускал даже возможность того, что на восточном берегу египтяне вообще не будут иметь танков и ракет, ограничиваясь лишь размещением там моторизованной пехоты.

— Все эти вопросы мы могли бы обсудить детально наедине, вне рамок всяких международных конференций, — доверительно сказал Гамаси Яриву во время одной из прогулок в перерыве между заседаниями. — Но Израилю необходимо только смириться с главным принципом, что он должен в конце концов эвакуировать весь Синай.

Ярив, как старый разведчик, сразу насторожился и решил поставить вопрос ребром:

— И что же будет потом — «сулых» или «салям»? Я знаю, что эти арабские слова обозначают разные оттенки мира. Первое — это окончательное примирение с полным прощением. Второе же — нечто вроде примирения, отказа от войны.

— Пусть будет сначала «салям», — улыбнулся Гамаси. — Тем более израильяне, как и арабы, чаще произносят это слово, но на свой манер: «шолом».

Ярив, пропустив мимо ушей шутку египтянина, рискнул пойти еще дальше.

— Так не организовать ли нам для обсуждения всех этих вопросов прямую встречу Садата с Голдой Меир?

— Ну, для этого надо сначала успешно решить наши вопросы на 101-м километре, чтобы двигаться потом дальше. После этого можно организовать и такую встречу.

Голда Меир выслушала доклад своего советника как будто даже рассеянно. Но последнюю деталь, которую Ярив преподнес как шутку, Голда решила обдумать потом как следует. Генералу же она посоветовала об этой «шутке» никому не рассказывать.

— Пусть она, мой Агарон, останется нашим секретом. А завтра вместо очередной встречи с Гамаси я предлагаю вам составить мне кампанию в поездке в Вашингтон.

Голда уже тогда решила, что их «секрет» с Яривом может стать со временем очень большим козырем в длинном раунде ближневосточной игры.

Рукопожатия и выкручивание рук

Самолет с израильской делегацией прибыл в Вашингтон поздно вечером. Голда Меир с трудом спустилась по трапу, поддерживаемая Яривом. Еще большего труда ей стоило изобразить улыбку для прибывших ее встречать представителей госдепартамента и израильского посла Диница. Она тут же про себя отметила, что у Киссинджера почему-то не нашлось времени ее встретить.

Посол Диниц, словно прочитав ее мысли на мрачном лице, молча подал ей свежий номер вашингтонской газеты. С первой полосы во весь рост радушно улыбался президент Никсон, протягивая руки... египетскому министру иностранных дел Исмаилу Фахми. Голда восприняла это как оскорбление. Наверняка, пока она обменивалась на аэрордроме рукопожатиями с клерками государственного департамента, ее «друг» Генри кланяется в верности египетскому министру.

Впрочем, Голда не могла жаловаться на недостаток к ней внимания. На следующее утро ее принял в Белом доме президент Никсон. Он щедро расточал ей похвалы. И как «старому другу», и как «мудрому государственному деятелю», и даже как... женщине, перед которой всегда «испытывает трепет».

Положив руку на руку Голды Меир, Никсон как можно мягче и проникновеннее сказал:

— Я думаю, вы не сомневаетесь в надежности гарантий, которые Америка всегда подтверждала и готова вновь подтвердить Израилю. Само существование государства Израиль и выдержанные им испытания — лучшее доказательство эффективности этих гарантий. Но сейчас создались реальные возможности, чтобы мы могли гарантировать не только безопасность Израиля, но и мир на Ближнем Востоке. Основа для этого уже создана. Теперь нужно на ней воздвигнуть прочное здание. Это — нелегкое и длительное дело, которое потребует немало усилий и жертв. В том числе и со стороны Израиля.

Сделав небольшую паузу, Никсон наконец решился высказать и самое неприятное:

— Для этого Израилю следовало бы, очевидно, пойти на некоторые территориальные уступки... А кроме того, вы должны понять и наше положение. Мы не можем пойти на риск опасного столкновения с русскими из-за непреодоленного Израилем соблазна уничтожить египетскую

3-ю армию. Понимаете, я не могу каждый день подвергаться такому риску.

Никсон покосился в сторону сидевшего поодаль Киссинджера в надежде, очевидно, что тот поддержит и расцветит его идеи. Но Киссинджер предпочел промолчать. Он энергично продолжал протирать очки, делая вид, что без них он не только ничего не видит, но и не слышит. Никсону пришлось еще раз повторить то, что уже содержалось в письменном предостережении, переданном несколько дней назад израильскому правительству через госдепартамент.

— Я хочу вас не предупредить, а подготовить. Если в Совете Безопасности повторно будет выдвинута резолюция, призывающая израильские войска отойти на линию 22 октября, вы не можете рассчитывать на наше автоматическое «вето».

Голда Меир сидела со скучающим видом, с каким обычно слушают лекцию, которая хотя и не содержит ничего нового, но произносится слишком высокопоставленной персоной, чтобы можно было ею пренебречь.

— Дело в том,— продолжал Никсон,— что находящийся сейчас в Вашингтоне Исмаил Фахми уже привез с собой в портфеле проект новой резолюции для ООН. Нам с Киссинджером, признаюсь, с большим трудом удалось убедить египтянина повременить до выяснения результатов наших с вами переговоров.

Так и не дождавшись какой-либо реакции Голды Меир, Никсон заключил:

— Я, конечно, не настаиваю на немедленном ответе. Я надеюсь, что у вас состоится еще одна беседа с Генри. С ним, как мне известно, вы легко находите общий язык.

Они обменялись рукопожатиями, правда, не столь тепло, как при встрече. Тем не менее Никсон остался доволен, что ему удалось облечь в дипломатическую форму едкое, как он считал, замечание по поводу нелегких торгов Киссинджера с Голдой Меир.

Госсекретарь должен был продолжать жесткую линию в беседах с Голдой Меир. Киссинджер был убежден в том, что, как он любил повторять, израильянам «нужно помочь спасти их от самих себя». Для этого надо иногда на них нажать ради их же блага.

«Сейчас,— размышлял Киссинджер,— был именно тот случай, когда, чем жестче им постелешь, тем мягче будет спать. Но, к сожалению, многие израильские руководители, приобретя министерские портфели и генеральские титулы,

не набрались ума. Все они мыслят категориями «Великого Израиля». А у генералов на уме только «безопасные рубежи», которые им хотелось бы выдвинуть как можно дальше от границ Израиля. Будь их воля, они, наверное, попытались бы «навечно» закрепиться и на западном берегу канала. Шарону ведь так льстит придуманный его подчиненными титул «царя Израиля и Африки». До них, очевидно, не доходит, что израильтяне сами там могут оказаться в любой момент пленниками. Даже наиболее умный из них — Агарон Ярив — недаром он столько лет руководил израильской разведкой — оказался на поверку заносчивым хвастуном. По крайней мере, если его оставить «главным дипломатом» в палатке на 101-м километре, ничего, кроме новой войны с Египтом, не произойдет».

Киссинджер уже тогда подумал, не попытаться ли, используя одновременное пребывание в Вашингтоне Исмаила Фахми и Голды Меир, наладить между ними контакты при американском посредничестве. У него даже появился непреодолимый соблазн испытать нечто вроде «челночной дипломатии» здесь, в Вашингтоне, не выезжая на Ближний Восток.

По свидетельству близкого к госдепартаменту профессора Э. Шихана, Киссинджер приступил сразу к проведению такого эксперимента. Он неутомимо сновал между государственным департаментом, где встречался с Фахми, и «Блейр-хаузом», официальной резиденцией Голды Меир. Но позиции бывших противников оставались слишком не-примиримыми. Для того чтобы их сблизить, требовалась сначала «индивидуальная обработка каждого». Как ни странно, американцы сознавали, что наиболее трудными собеседниками будут их союзники-израильтяне.

Тель-Авив хотел, чтобы Соединенные Штаты проводили сразу две, как считали в Вашингтоне, почти взаимоисключающие линии. С одной стороны, полностью поддерживали израильскую позицию на переговорах, продолжая играть «роль адвоката Израиля». С другой стороны, Израиль рассчитывал на то, что Вашингтон сумеет «завоевать доверие арабов». В то же время израильтянам не хотелось, чтобы США вступали в столь тесные отношения с арабским миром, которые ослабили бы американскую поддержку Израиля как своего «единственного друга» на Ближнем Востоке.

«Хотя для этих опасений,— пишет Киссинджер,— не было никакой почвы, они тем не менее становились все более неотступными. Если исходить из обычных норм меж-

государственных отношений, мы и так оказывали помощь Израилю до беспрецедентных размеров как во время войны, так и в послевоенное беспокойное время».

Встретившись с Голдой Меир, Киссинджер поставил вопрос ребром. Израильяне должны не просто обеспечить проход к 3-й армии. Они обязаны передать под постоянный контроль египтян или ООН одну из дорог, по которой могло бы осуществляться снабжение этой армии.

— По крайней мере, Садат ни за что не согласится, чтобы такая дорога контролировалась бы израильянами, — заключил Киссинджер.

— Я приехала сюда, чтобы выяснить не только существование, но и обстоятельства некоторых вопросов... — возразила Голда Меир. — Нам необходимо быть в курсе обсуждаемых вами с египтянами планов. Мы должны знать, что мы получим и что произойдет с нами, после того как они будут разработаны другими... Уж не прикажете ли нам плясать под дудку Египта и делать все, что он захочет? Если Америка может позволить себе любые эксперименты, то для Израиля любая ошибка может быть чревата катастрофой.

Голда Меир не хотела понимать, что ее непреклонность может сорвать основной замысел Вашингтона. Она снова пыталась упрекать госсекретаря за его поездку в Москву, о которой Израиль не был заранее информирован. Именно в этом Голда усматривала «начало всех бед».

— Если бы вы были более искренними, нам не пришлось бы сейчас расхлебывать кашу, которую вы сами заварили. Во всяком случае, ваше поведение дает нам мало оснований доверять вам и вашему правительству, — ледяным голосом заключила Голда.

Киссинджеру на этот раз отказалась его хваленая выдержка.

— Что же, если между нами нет доверия, то, может быть, поручим продолжить переговоры нашим представителям. Пусть разговаривают ваш посол Диниц и мой помощник Сиско.

Только после этого Голда постаралась сохранить самообладание. Киссинджер, похоже, тоже сумел взять себя в руки, когда они встретились вечером — уже третий раз за день. Он рассчитывал взять ее измором. Это была его излюбленная тактика — дожимать собеседника вочные часы, когда его сопротивление от усталости ослабевало. Однако на этот раз Киссинджеру то и дело приходилось самому переходить в оборону. Израильский премьер

попыталась доказать своему хозяину, что тоже умеет читать лекции не хуже любого профессора. Она начала с изложения основ иудаизма и истоков сионизма. Затем остановилась на основных этапах истории государства Израиль — от «исхода евреев из Египта и восстания Маккавеев до уничтожения евреев в фашистской Германии и решения ООН о разделе Палестины». Киссинджеру уже не впервые приходилось выслушивать подобные лекции. Остановить поток слов «страстной Голды» было просто невозможно.

Дождавшись наконец своей очереди, Киссинджер предпочел обойтись без истории. Начал он с запугивания ее всеми ужасами, которые ожидают Израиль, если она будет продолжать упрямиться.

— Во-первых, — начал он, — вы должны согласиться, что положение Израиля незавидное! Нет, я не говорю, что вы во всем виноваты. Я констатирую лишь то, что есть на самом деле. Вы восстановили уже против себя чуть ли не весь мир. И Европа и даже Япония против вас. Последствия нефтяного бойкота все еще дают себя знать. Во-вторых, нельзя забывать о русских...

Киссинджер оседлал своего любимого конька. В отмечстку за лекцию Голды он заставил прослушать ее до конца сочиненную им длинную сказку под названием «русский медведь в Африке и песках Аравийской пустыни».

— Вы представляете, что может произойти, если египтяне не получат свой коридор к 3-й армии. Немедленно появятся русские. Они прорубят этот коридор своей авиацией. Их десантники начнут садиться вам на голову. Ну, а что из этого выйдет? Вы начнете по ним стрелять сами? Или начнете звать Соединенные Штаты? А что в таком случае делать нам? Объединяться с ними? Или предоставить им возможность действовать самостоятельно? Нет, мы не можем этого допустить! Мы не хотим, чтобы русские стали героями и спасителями арабского мира. А чтобы этого не произошло, нам пришлось бы самим отправлять вертолеты с грузами для 3-й армии. Вы можете себе представить развитие событий во всей их совокупности и хитросплетениях?

Тем временем американцы предприняли обходной маневр. Министр обороны Шлесингер, принимая израильскую делегацию, ясно дал ей понять, что объем американской военной помощи Израилю непосредственно будет зависеть от его готовности помогать США в решении вопросов политического развития на Ближнем Востоке,

Нажим Пентагона на израильтян возымел некоторое действие. Но даже такой могучий рычаг не заставил Голду отказаться от торга. На следующей встрече Киссинджер повторил почти все свои прежние доводы. Когда не оставалось уже ничего, что могло бы заставить Меир пойти на уступки, Киссинджер решил «разжалобить» ее откровенным признанием. Напомнив о своей предстоящей поездке на Ближний Восток, он пожаловался:

— Вы не даете мне ничего, с чем я мог бы поехать в Каир. Мне просто нечего будет предложить Садату.

— Пентагон нам тоже пока не дает ничего, с чем я могла бы вернуться в Тель-Авив,— огрызнулась Меир.

— Это лишний раз доказывает, что ваше упрямство вредит интересам Израиля,— парировал Киссинджер.— Если для вас так важно решить вопрос о военнопленных, то вы должны быть тоже справедливы. Справедливой хотя бы к тем, кто ждет возвращения своих близких домой.

Киссинджер нашупал наконец слабое место. Для Голды проблема военнопленных была наиболее чувствительной. Общественность Израиля, где многие знают друг друга и близко воспринимают потери не только своих родственников, но и знакомых, была особенно взбудоражена большими жертвами в октябрьской войне. Если нельзя воскресить мертвых, то надо постараться быстрее компенсировать эту утрату, хотя бы возвращением военнопленных. Эта проблема непосредственно влияла на престиж партии перед выборами.

После долгих препирательств израильтяне в конце концов согласились пойти на частичную уступку.

— Хорошо,— со вздохом произнесла Меир.— З-я армия получит коридор. Но он будет контролироваться израильскими войсками. Единственно, на что мы можем согласиться,— это инспекторский пост ООН в начале этого коридора.

После ряда встреч с Фахми и трудных переговоров с Меир Киссинджер решил ускорить свой отъезд в Египет. Ему хотелось как можно быстрее продвинуть дело не с той, так с другой стороны. В последний день пребывания израильской делегации в Вашингтоне Голда это тоже почувствовала на себе. Она стала подвергаться усиленной «обработке». С раннего утра 4 ноября в «Блейр-хауз» начались телефонные звонки. Меир не сомневалась, что большинство из них были инспирированы Киссинджером.

Первым позвонил помощник президента Александр Хейг. Как «давнишний друг» Израиля он «доверительно» сообщил ей, что «президент в ярости» и она, если хочет

что-то получить, должна пойти на уступки. Затем раздался звонок Нельсона Рокфеллера. Он тоже советовал «не упираться».

Но были и люди, которые придерживались другого мнения. Посетившие резиденцию Голды Меир бывший представитель США в ООН Артур Голдберг, а затем профсоюзный босс Джордж Мини настойчиво советовали ей «не сдаваться».

— Пусть Генри выкручивает руки Садату, а у вас достаточно здесь верных людей, которые в трудную минуту протянут вам руку дружбы,— успокоили они ее на прощание.

«Смотрины» самообольщения

Когда Киссинджер вступил впервые на египетскую землю, он был настроен крайне пессимистически. Из Вашингтона приходили все более тревожные вести. Один из сенаторов от правящей партии 5 ноября поставил вопрос об отставке Никсона в связи с уотергейтским скандалом. Это требование поддержали и некоторые влиятельные американские газеты. Президент, припертый в угол, похоже, решил контратаковать своих противников с «ближневосточного фланга». Большие надежды он возлагал на успех миссии Киссинджера. Вместе с тем на последнем заседании правительства Никсон строго конфиденциально информировал о «вызывающей непреклонности» Голды Меир. Президент заранее обратился к членам кабинета с «просьбой о понимании и поддержке», если США вынуждены будут прибегнуть к «некоторым методам давления» на Израиль. Ясно, что эта деликатная и малоприятная миссия будет возложена на Киссинджера.

Первая же встреча с Садатом убедила госсекретаря, что в Каире он найдет большее взаимопонимание, чем во время бесед с израильтянами. Хотя соратники президента настойчиво рекомендовали ему не вести переговоры с Киссинджером наедине, Садат все же решил говорить с госсекретарем с глазу на глаз. Ему хотелось придать этим беседам неофициальный доверительный характер, чтобы легче было добиться американских «щедрых подарков». Он встретил Киссинджера с распластанными объятиями.

— Добро пожаловать! — радушно воскликнул Садат с таким видом, словно они старые друзья, встретившиеся после недолгой разлуки,

«Я тоже,— вспоминает Киссинджер,— старался делать вид, что нет ничего необычного в нашей встрече через две недели после окончания войны, в которой мы вооружали врагов Египта, а потом, объявив о повышенной боевой готовности, угрожали ему военным вмешательством. Никто из нас не хотел показывать, что мы многое поставили на карту, даже тогда, когда мы осознали, что скоро начнем переговоры, которые можно было бы назвать зародышевыми».

Садат сам проявил инициативу в том, чтобы слишком не затягивать официальные «смотрины». Как только фотографы удалились, Садат сразу дал понять, что он не только готов принять выдвинутый в Вашингтоне американский план, но и выдать его за собственный. .

— Я очень ждал этого визита,— признался Садат.— У меня тоже есть для вас план. Если хотите, можете назвать его и «планом Киссинджера»,— попытался пошутить Садат.

Садат хотел, очевидно, уладить полюбовно чуть ли не сразу, одним махом все накопившиеся проблемы. Он поэтому почти не слушал перипетии переговоров американцев с Голдой Меир об условиях разъединения египетских и израильских войск. Когда Киссинджер попытался было обещать улучшить или смягчить некоторые положения проекта соглашения, Садат перебил его:

— Нам нужно выработать общую стратегию на Ближнем Востоке. Тогда все второстепенные вопросы решатся сами собой.

Садат, по свидетельству Хейкала, тут же постарался вылить ушат грязи на Советский Союз, очернить все «социалистические преобразования», которые пытался осуществить в Египте Насер. Высказав мысль о возможности окончательного примирения с Израилем, он договорился даже до того, что главным врагом стал называть Советский Союз.

— Все ближневосточные проблемы можно решать и контролировать с помощью лишь одной великой державы — Соединенных Штатов,— воскликнул Садат.

На первой же встрече Садат выразил готовность пойти на прямые сепаратные переговоры с Израилем после разрешения некоторых неотложных проблем и «тщательной психологической подготовки».

Садату казалось, что стоит только выработать «общую стратегию с США», как израильтяне сразу же уйдут с западного берега канала. Месяцев через шесть они оставят и Синай. Затем можно будет созвать и международную

конференцию с участием в какой-либо форме и палестинцев. Ну и, само собой разумеется, как наивно полагал Садат, через некоторое время будут осуществлены и все положения резолюции № 242. И только на последнем этапе он допускал, как это предусматривалось резолюцией № 338, советско-американский контроль или их совместные гарантии. Главное же — Садату грезились щедрые американские кредиты и неограниченные капиталовложения в экономику Египта. Некий ближневосточный вариант «плана Маршалла», с помощью которого Египет мог бы стать не только основным клиентом, но и верным союзником США, оттеснив на задний план Израиль.

Садата, однако, ожидало разочарование. Выслушав, не перебивая, все его проекты и мечты, Киссинджер тут же опустил Садата на землю.

— Послушайте, господин президент, я предпочитаю вести разговор на серьезной основе. Я могу обещать лишь то, что в силах выполнить. Не думайте, что я волшебник, — пошутил он, изобразив застенчивую улыбку.

Далее Киссинджер профессорским тоном по пунктам стал излагать Садату, что следует и что не следует делать Египту в этот «переходный период». Садат не должен выдвигать свои требования Израилю «ультимативным языком резолюции № 242», ибо в этом случае израильтяне не сдвинутся ни на дюйм. Это первое. Если Египет будет настаивать на обязательстве Израиля о выводе его войск с занятых территорий до того, как начнутся переговоры, то мирная конференция вряд ли вообще состоится. Это второе. Напрасно Садат рассчитывает получить сразу весь Синай. Такая постановка вопроса нереальна без учета «понятной израильской настойчивости» обеспечить свою безопасность. Это третье.

Киссинджер посоветовал придерживаться линии «взаимно согласованных границ», которая могла бы в конечном итоге «примирить» требование Египта о суверенитете со «стремлением Израиля к безопасности». Пути и средства этого примирения могут быть выработаны лишь со временем на завершающем этапе переговоров или мирной конференции.

— Но прежде всего, — резюмировал Киссинджер, — мой вам совет — добиться взаимного доверия с Израилем. Оно должно стать движущей силой переговоров. Придавать импульс их каждому новому этапу. Мы должны продвигаться поэтапно, шаг за шагом, закрепляя каждый из них соответствующим соглашением...

— Но как сделать эти первые шаги вперед, если Израиль отказывается отойти даже на несколько шагов назад, на линию 22 октября? — пожаловался Садат.

— Ну что вам далась эта линия 22 октября! Никто точно не знает, где она проходит, — возразил Киссинджер. — Если я истрачу весь пар в спорах с Израилем на согласование каждого пункта о прекращении огня, то у меня ничего уже не останется для мирной конференции. А нам надо беречь пар, чтобы мы могли вместе протрубить о более значительных успехах.

Киссинджер старательно протер очки, словно он собирался уже сейчас обозреть все этапы и препятствия, которые предстояло ему преодолеть вместе с Садатом.

— Дайте мне, мой друг Анвар, еще несколько недель, и я попытаюсь договориться о разъединении войск вдоль Суэцкого канала, — медленно, как будто все еще колеблясь, произнес наконец Киссинджер. — Может быть, мне удастся не только удалить израильтян с западного берега, но и отодвинуть их в глубь Синая. В противном случае никто не может дать гарантiiй, сколько израильтяне собираются сидеть на западном берегу канала и что они могут еще предпринять в дальнейшем.

Так Киссинджер, показав Садату «американский приятник», тут же попытался припугнуть его «израильским кнутом». В их беседу, по словам Шихана, «вплеталась, подобно едва видимой нити, косвенная угроза Киссинджера напустить израильтян на 3-ю армию, если Садат не согласится с его предложениями».

Медленно раскуривая трубку, президент взвешивал все «за» и «против» предложенного ему плана. Он чувствовал, что «друг Генри» от посул и оказания давления переходит к угрозам. Садат не знал, как поступить. Ведь ему приходилось учитывать и нетерпение, проявляемое его некоторыми коллегами, особенно генералами. Они требовали быстрейшего освобождения всего Суэца и деблокирования 3-й армии. Назначенный недавно министром иностранных дел Исмаил Фахми против каких-либо уступок израильтянам, считая, что Египет недостаточно эффективно использует поддержку Советского Союза и арабских стран. Хейкал, которого Садат пытался приблизить к себе как доверенного друга покойного президента Насера, даже осмелился выразить явное недоверие к «личной дипломатии» Садата. Садат не мог сбрасывать со счетов усиливающуюся оппозицию внутри страны и в арабском мире. Ему все труднее становилось пренебрегать арабским общественным

мнением. Ведь американские миллионы, тем более миллиарды, на которые он надеется,— это еще журавль в небе. А арабские «нефтидоллары», которые в Египет поступают ежегодно по государственным и частным каналам из Саудовской Аравии, Ливии, Ирака, Кувейта и некоторых других нефтяных арабских эмиратах,— это весьма солидное подспорье. Нечто большее, чем маленькая синица в руке. Многие арабы и так обвиняют Садата в закулисной игре. Если же он теперь полностью доверится американцам, то у арабов, особенно палестинцев, будут все основания обвинить его в предательстве. К тому же Египет имеет договорные обязательства с Советским Союзом. По всем важным международным вопросам, тем более по ближневосточному урегулированию, Каир обязался консультироваться с Москвой. Не будет ли двусторонняя сделка Садата с Киссинджером расценена как шаг, не столько подготовляющий, сколько подрывающий работу предстоящей международной конференции в Женеве? Ведь Египет обещал на ней проводить согласованную с СССР и арабскими государствами единую линию...

Садат не случайно отверг предложение Хейкала привлечь кого-либо к переговорам с Киссинджером. Он всегда предпочитал приимать серьезные решения, не советуясь со своими приближенными. Так было накануне войны, когда он удалил советских военных советников. Многократно Садат принимал ответственные, а еще чаще безответственные единоличные решения и в последующем. Недаром ставший позднее президентом США Дж. Картер на основании многих личных встреч с Садатом сделал в своих мемуарах вывод, что «Садат всегда стремился принимать решения от имени Египта единолично, ни с кем не советуясь, и не любил, когда рядом с ним находится кто-то из его помощников».

Так произошло и на этот раз. Садат, не попытавшись как следует взвесить возможные последствия американского предложения, решил полностью довериться Киссинджеру. Авантуризм азартного игрока в нем слишком часто брал верх над рассудительностью осторожного политика. Но, сознавая все-таки серьезность последствий такого шага, Садат тут же сделал американскому госсекретарю неожиданное предложение. Даже для Киссинджера, имевшего богатый опыт по спасению марионеток в различных странах, при разных ситуациях, это предложение прозвучало как беспрецедентное.

Садат попросил Киссинджера, чтобы Соединенные Штаты отныне — еще за пять лет до Кэмп-Дэвида! — взяли на себя ответственность за обеспечение его «личной безопасности». Свою просьбу, как пишет Хейкал, Садат обосновал тем, что, дескать, он уверен, будто вскоре после этого против него «будут осуществляться заговоры со стороны Советского Союза, арабов и некоторых подрывных элементов внутри Египта».

Получив, надо полагать, такие заверения от Киссинджера, Садат как бы взамен согласился на полное восстановление дипломатических отношений с США, которые были прерваны еще при Насере за соучастие Вашингтона в развязанной Израилем в июне 1967 года агрессии против арабских стран. Это было сделано шесть лет спустя после «шестидневной войны» 1967 года и буквально через несколько недель после того, как президент Садат в разгар октябрьской войны обвинил США, что они «являются прямыми соучастниками агрессии Израиля».

Только в самом конце беседы Садат наконец вернулся к предложениям, которые Киссинджер обсуждал с Голдой Меир в Вашингтоне. Американский госсекретарь, сознавая неприемлемость некоторых пунктов этих предложений для Египта, обещал, что он попытается убедить израильтян изменить некоторые формулировки таким образом, чтобы они удовлетворяли Египет. Однако Садат, бегло пробежав все шесть пунктов израильских предложений, сразу же отодвинул их в сторону и, к удивлению Киссинджера, небрежно произнес:

— Хорошо, я согласен!

Через несколько часов на созванной пресс-конференции представитель госдепартамента Р. Макклоски объявил, что в ходе состоявшейся встречи государственного секретаря Киссинджера и президента Садата стороны договорились возобновить дипломатические отношения между США и Египтом в полном объеме в течение двух недель.

Кроме того, на этой же пресс-конференции было сообщено, что сопровождающие Киссинджера помощник госсекретаря Джозеф Сиско и эксперт по Ближнему Востоку в Совете национальной безопасности Гарольд Сондерс немедленно отправляются в Израиль.

Несколько позже египетский президент на свой лад разъяснил журналистам причину поездки высокопоставленных американских дипломатов в Тель-Авив. Оказывается, им предстоит там согласовать выдвинутые Садатом

шесть пунктов будущего египетско-израильского соглашения.

— Я надеюсь,— заявил он не моргнув глазом,— что эти мои шесть пунктов лягут в основу соглашения, которое будет вскоре выработано.

Садату' нетрудно было прогнозировать. Американские эмиссары Сиско и Сондерс предложили израильтянам принять их же шесть пунктов с незначительными корректировками Садата. Они касались главным образом установления инспекторских постов ООН на дороге. Меир, посоветовавшись с Даином, Эбаном, Аллоном, Элазаром и Яриром, отказалась принимать эти поправки. Потребовалось срочное вмешательство Никсона, чтобы израильтяне сняли свои возражения. Решающими доводами при обсуждении послания Никсона на заседании израильского правительства были аргументы тех министров, которые доказывали, что Израилю «необходимо американское оружие, очень много оружия, и нужна к тому же в течение долгого времени дипломатическая поддержка США».

Израильское правительство решило не упрямиться. Взамен Израиль потребовал, чтобы Египет снял блокаду Баб-эль-Мандебского пролива. Хотя этот пункт и не имел никакого отношения к соглашению о разъединении войск, Киссинджер тем не менее заверил израильтян, что на этот счет он уже добился принципиального согласия Садата. Последнее препятствие к подписанию соглашения наконец было устранено.

Церемония подписания состоялась 11 ноября на 101-м километре в той же просторной полевой палатке, где неоднократно встречались египетский генерал Гамаси и израильский генерал Ярив, а затем генерал Таль. Обе делегации заняли места, как обычно, друг против друга. Однако на этот раз во главе стола «осуществлял эгиду» сам командующий чрезвычайными силами ООН генерал Сийласвуо. Так было предусмотрено специальным приложением к соглашению. Как вытекало из подписанного соглашения, стороны обязывались продолжить переговоры о возвращении войск на позиции 22 октября. Израиль обещал не препятствовать эвакуации всех раненых из Суэца и «ежедневной доставке снабженческих грузов» (продовольствия, воды и медикаментов), а также не создавать никаких помех транспортировке невоенных грузов на восточный берег канала, то есть подразделениям 3-й армии. На дороге Каир — Суэц было решено заменить израильские контрольно-пропускные пункты аналогичными пунктами ООН.

После установления КПП на всей дороге стороны соглашались произвести обмен всеми военнопленными, включая раненых.

Однако выполнение этого соглашения сразу же натолкнулось на препятствия со стороны израильтян. Израиль ультимативно потребовал в первую очередь обмена военнопленными как предварительного условия реализации всех остальных пунктов соглашения. И снова Садату пришлось пойти на уступки Тель-Авиву. Соглашение вступило в силу — и то не в полном объеме — только в конце ноября.

С МАГИСТРАЛИ— К КРАЮ ПРОПАСТИ

Две недели, в течение которых Киссинджер обещал Садату «договориться» о разъединении войск и попытаться удалить израильтян с западного берега, истекали, а израильские войска оставались на прежних позициях, не проявляя никакого стремления найти «линию 22 октября».

Посетив после Каира столицы Иордании и Саудовской Аравии, Киссинджер убедился, что арабы ожидают от американцев давления на Израиль. Монархи этих государств сдержанно высказывались по поводу перспектив разъединения египетских и израильских войск при дипломатическом содействии Соединенных Штатов. Они не без оснований опасались, как бы это разъединение не завершилось сепаратной сделкой Египта и Израиля, после чего Соединенные Штаты начнут навязывать другим арабским странам аналогичные соглашения с Тель-Авивом. Король Хусейн и король Фейсал не могли обойти палестинского вопроса. К тому же они живо интересовались и проблемой Иерусалима, о которой Израиль вообще не хотел слышать.

Саудовский монарх, от которого в значительной степени зависел успех миссии Киссинджера, в самом остром для администрации Никсона вопросе отмены нефтяного эмбарго высказывал убеждение, что урегулирование всех ближневосточных проблем зависит прежде всего от готовности США оказать давление на израильтян.

— Израиль отойдет назад,— осторожно, но с твердостью произнес король Фейсал,— как только увидит, что вы более не защищаете его и не нянчитесь с ним.

В Израиле приближались выборы в кнессет. Израильские руководители наотрез отказывались от каких-либо уступок, особенно в вопросах всеобъемлющего ближневосточного урегулирования в рамках резолюций № 242 и 338. В Израиле предпочитали вообще о них не упоминать.

Сепаратные переговоры при посредничестве американцев зашли в тупик в самом начале пути. Единственным выходом из этого тупика был созыв под эгидой ООН международной конференции по вопросам ближневосточного урегулирования на основе достигнутой уже договоренности между Советским Союзом и США. Тем не менее американцы с самого начала рассматривали ее лишь как очередной тактический ход на шахматной доске поэтапной дипломатии.

Позитивный сдвиг

Конференция открылась 21 декабря 1973 года в Большом зале Дворца наций в Женеве с участием СССР, США в качестве сопредседателей, а также Израиля, Египта и Иордании. На ее открытии выступил генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм.

Уже сам созыв вскоре после окончания октябрьской войны Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, на которой противостоящие в длительном конфликте стороны впервые за десятилетия встретились за столом переговоров, явился успехом мирной дипломатии. Он был обеспечен сочетанием конструктивного курса Советского Союза на продолжение разрядки международной напряженности с решительной поддержкой справедливой борьбы арабских стран против израильской агрессии, а также неожиданными для США и Израиля военными итогами октябрьской войны 1973 года. После этого трудно было наезживать Советскому Союзу и арабам переговоры с позиции силы. Вашингтон и Тель-Авив под влиянием именно этих факторов вынуждены были не только согласиться на созыв этой конференции, но и пойти на ряд уступок, которые наметили на первом этапе определенный сдвиг в урегулировании ближневосточного конфликта. Как на ход октябряской войны, так и на процесс урегулирования конфликта не мог не оказывать воздействие начавшийся в 70-х годах процесс разрядки международной напряженности. Именно благодаря политике разрядки стало возможным пресечь военные действия, осуществить ряд важных мероприятий по разъединению противостоящих войск на Синайском полуострове и в районе Голанских высот. В этом сыграли гораздо большую роль созданные этим процессом объективные условия, нежели личная «челночная дипломатия» Киссинджера и других участников сепаратных торгов.

При открытии конференции глава советской делегации А. А. Громыко изложил принципиальную позицию Советского Союза, которой последовательно и твердо придерживается наша страна в урегулировании ближневосточного конфликта.

«...По твердому убеждению Советского Союза,— заявил А. А. Громыко,— необходимо неукоснительно провести в жизнь основополагающий принцип международной жизни — принцип недопустимости приобретения территории путем войны... До тех пор, пока израильские войска находятся на этих [арабских.— Авт.] территориях, мира на Ближнем Востоке не будет»¹. Отметив необходимость обеспечения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств этого региона, советский министр иностранных дел особо подчеркнул, что это подразумевает и ограждение законных прав арабского народа Палестины².

Следующим выступил государственный секретарь США Г. Киссинджер. Стараясь произвести впечатление «беспристрастного посредника», он коснулся большинства острых проблем: и признанных границ, и гарантий, и мер по обеспечению безопасности, и даже путей обеспечения «законных интересов палестинцев». Но все эти проблемы Киссинджер пытался округлить или притупить таким образом, чтобы из них не следовало никаких конкретных шагов и даже предложений. Единственно, на чем сделал акцент госсекретарь США, это на приверженности резолюции № 242. Однако он особо при этом подчеркнул, что путь к миру через ее осуществление будет «очень длинным» и продвигаться к нему следует «поэтапно».

Но то, что обошел молчанием или «сгладил» Киссинджер, намеренно заострил министр иностранных дел Израиля Эбан. В его выступлении прозвучали ультимативные требования Тель-Авива: немедленное открытие Суэцкого канала для свободного судоходства, установление «безопасных границ», обеспечивающих Израилю оборону, сведение палестинской проблемы к проблеме палестинских беженцев, которая должна решаться с участием стран — производительниц нефти, никакого палестинского государства, для которого нет места в этом регионе, Иерусалим был и остается «воссоединенной столицей Израиля», вмес-

¹ Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи, М., 1978, с. 299.

² См., там же, с. 300.

то вывода израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий возможен лишь частичный их отход в рамках опять же «частичных», то есть сепаратных, соглашений. Эбан категорически возражал против участия в конференции палестинцев, а следовательно, и против обсуждения самой палестинской проблемы. Такая позиция Израиля была логическим продолжением достигнутой ранее с Киссинджером предварительной договоренности ограничить рамки работы конференции главным образом обсуждением вопросов о разъединении войск конфронтующих сторон.

Цель предварительных переговоров Киссинджера дозыва Женевской конференции заключалась как раз в том, считает израильский дипломатический корреспондент газеты «Гаарец» М. Голан, «чтобы обойти необходимость вести переговоры о границах и окончательном урегулировании». А между тем сами же Соединенные Штаты в Совете Безопасности ООН проголосовали за резолюции № 242 и 338, предусматривающие вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий. Американский учёный Э. Шихан отмечал, что само согласие Израиля на участие в Женевской конференции было получено Киссинджером буквально накануне ее открытия. Это ему удалось только после того, как израильтянам был вручен «секретный и весьма значительный меморандум о взаимопонимании», в котором фактически признавалось право «израильского вето на участие ООП» в конференции. Шихан в связи с этим подчеркивает, что, «исключая ООП с самого начала, Киссинджер исключал из процесса установления мира существование арабо-израильского конфликта».

Перед самым открытием Женевской конференции Сирия решила из-за отсутствия единой позиции арабских делегаций воздержаться от участия в Женевской конференции, во всяком случае на первой ее стадии.

На первом этапе работы конференции, длившемся два дня, был достигнут консенсус в отношении создания военной и других рабочих групп, которые могут быть образованы.

С первых дней работы конференции стало просматриваться желание американцев помешать обсуждению кардинальных проблем ближневосточного урегулирования и всячески затянуть их рассмотрение. Уже после 22 декабря по настоянию американцев и израильтян конференция была отложена на несколько дней ввиду наступавших рождественских праздников и ожидаемых парламентских

выборов в Израиле. Сопредседателями конференции были назначены со стороны Советского Союза посол В. М. Виноградов, со стороны США посол Э. Банкер. Одновременно было принято решение о продолжении деятельности военного комитета, который начал заниматься разъединением войск на египетско-израильском фронте. В дальнейшем американский сопредседатель покинул Женеву. Вскоре за ним, следуя указаниям Садата, последовала и египетская делегация. Египтяне тем временем возобновили прямые переговоры с израильтянами при посредничестве Киссинджера. Усилия их участников сосредоточились лишь на работе военного комитета в составе представителей Египта и Израиля, а также командующего чрезвычайными вооруженными силами ООН на Ближнем Востоке. Созданию же других рабочих групп оказывалось всяческое противодействие.

Дипломатия США уже тогда стремилась к тому, чтобы дальнейшие решения принимались не в рамках Женевской конференции, а в обход ее, на основе сепаратных соглашений. Ее целью, как признал позднее Киссинджер, было «использовать многостороннюю конференцию как основу для преимущественно двусторонней дипломатии».

«Брак» при разводе

Дипломатия США никогда и не ставила целью разрешение кардинальных проблем ближневосточного урегулирования. Это особенно наглядно проявилось в ходе многочисленных «челночных операций» Киссинджера на Ближнем Востоке. С ноября 1973 года по сентябрь 1975 года он совершил 12 поездок на Ближний и Средний Восток. За это время он посетил более 20 раз Тель-Авив и Каир. Позднее, уже уйдя с поста государственного секретаря, Киссинджер объявлял себя чуть ли не родоначальником «челночной дипломатии», претендую на роль некоего «чудотворца», заложившего основы «американского мира» на Ближнем Востоке.

Но это было вовсе не так. Элементарную форму «челночной дипломатии» использовал гораздо эффективнее еще в 1949 году специальный представитель ООН Ральф Банч. Он добился тогда заключения арабо-израильских соглашений о перемирии без головокружительных турне по столицам ближневосточных государств, ограничившись посредничеством между израильской и арабскими делегациями,

которые находились лишь в различных отелях на острове Родос. Все это делалось под эгидой ООН и без всяких театральных представлений.

Киссинджер неоднократно подчеркивает в мемуарах свою чуть ли не выдающуюся роль «искусного дипломата» или по крайней мере «честного маклера» в сближении позиций сторон и достижении между ними если не полного согласия, то хотя бы частичных соглашений.

Однако другие участники этих переговоров придерживались другого мнения. В госдепартаменте не без ехидства называли Г. Киссинджера «летучим голландцем». Он руководил работой своего ведомства в тот период не столько в Вашингтоне, сколько с борта личного самолета «Боинг» или из отеля «Царь Давид» в Иерусалиме. Госсекретарь США потратил тысячи часов на переговоры по ближневосточным проблемам, но вместо кардинального решения загнал их в тупик сепаратных сделок. В ходе переговоров он пускал в ход и лесть, и посулы, и обман. Чаще же всего он прибегал к политическим маневрам и тактике выкручивания рук. Его беседы, будь то с египетскими или с израильскими лидерами, могли бы дать, по словам М. Голана, немало примеров «обмана и невыполненных обещаний, которые заставили бы покраснеть даже таких кумиров Г. Киссинджера, как Меттерних и Кестльри».

Совершая в ходе «челночной операции» поочередные посадки то в Асуане и в Иерусалиме, то в Аммане и в Эр-Рияде, Киссинджер, по его представлению, открывал для Соединенных Штатов шире дверь в арабский мир. Большую роль играли и внутриполитические соображения, поскольку Никсон продолжал связывать успех «челночных операций» Киссинджера на Ближнем Востоке с надеждами отвлечь внимание от уотергейтского скандала. Кроме того, причастность к «поэтапным переговорам» о разъединении войск конфликтующих сторон позволяла Киссинджеру добиваться ослабления, а затем и полной отмены арабского эмбарго на поставку нефти Соединенным Штатам и другим западным странам.

У Садата тоже были личные и политические мотивы для продолжения, как он считал, весьма перспективного «романа» с Киссинджером. Никакая строгая цензура и хитрости самого Садата не могли спрятать от египтян правду. Продолжение оккупации израильтянами западного берега канала и фактическая блокада Суэца вместе с 3-й армией воспринимались всеми как национальный позор. В стране

росло недовольство, в армии наблюдалось тоже брожение. Усиливалась изоляция Садата и в арабском мире. К тому же ему все труднее было объяснять Советскому Союзу свою «странную» пассивность на Женевской конференции.

По мере «постепенного» продвижения к сепаратному урегулированию конфликта с Израилем Садат рассчитывал заинтересовать американцев «взаимовыгодным политическим браком». Каир поможет им шире открыть дверь на Ближний Восток, а Вашингтон посодействует широкому притоку американских и других иностранных капиталов в Египет.

Киссинджеру нетрудно было догадаться о воображаемых целях и скрытых страхах Садата. Заметив давнишнюю его слабость приписывать себе чужие идеи и предложения, Киссинджер в один из своих визитов в Асуан пожаловался египетскому президенту на «строптивость» израильян.

На вопрос Садата, что же намеревается предпринять госсекретарь во время своего следующего визита в Иерусалим, Киссинджер с наигранным отчаянием признался в туниковой ситуации.

— Попытаюсь,— сказал он со вздохом,— выжать из израильян какое-нибудь новое предложение, с которым можно было бы вернуться в Женеву для продолжения переговоров.

Уловка Киссинджера удалась. Садат не скрывал своего испуга и тут же предложил:

— А не лучше ли было бы завершить это дело прямо здесь?

— То есть где? Прямо на Ближнем Востоке, не возвращаясь в Женеву? — с простодушным удивлением уточнил американский госсекретарь.

— Совершенно верно,— ответил Садат.

Так была дана «зеленая улица» «челночным поездкам» Киссинджера, которые все дальше уводили в сторону от магистрального пути, намеченного в Женеве.

Продвижение к соглашению о разъединении египетских и израильских войск достигалось ценой главным образом уничижительных уступок Садата, которые вызывали недовольство даже его ближайших соратников — министра иностранных дел Фахми и начальника генерального штаба Гамаси. Выдвинутые Израилем условия сам Садат называл «уничижительными». Но в конце концов Садат, попросив Фахми и Гамаси оставить его наедине с Киссинджером, согласился принять израильский план. К тому же он сам пред-

ложил, чтобы американские разведывательные самолеты осуществляли периодические полеты над районом разъединения сил.

Киссинджер пишет в своих мемуарах, что сами израильские руководители были «поражены» столь быстрым «успехом» и заявили о согласии с этим планом.

— Да, это поистине большая победа — заставить Израиль принять свое собственное предложение,— сострил по этому поводу Киссинджер.

— Но если вы сумеете добиться еще новых уступок от египтян, мы обещаем вам вручить премию имени Бен-Гуриона,— пошутил Аллон.

Изнурительные переговоры, напоминавшие скорее торги, чем дипломатическую процедуру, привели наконец к заключению соглашения о разъединении израильских и египетских войск. О достигнутом соглашении в Вашингтоне и Иерусалиме узнали 17 января 1974 года, подписано же оно было на следующий день на 101-м километре от Каира. По этому случаю Голда Меир устроила в честь Киссинджера и сопровождавших его помощников торжественный обед. На нем присутствовали и все члены израильской делегации, принимавшие участие в двухнедельных переговорах.

Киссинджер чувствовал себя новым «мессией», посланным для спасения народов, веками живущих и воюющих между собой на древней библейской земле.

— Еврейский народ заслуживает того, чтобы жить в мире и спокойствии на этой святой библейской земле! — провозгласил Киссинджер. Увлекшись, он забыл, что как посредник-«миротворец» не должен был отказывать в таком же праве и арабским народам, живущим на той же земле.

Перемены без перемен

Вдохновленный первым триумфом, Киссинджер на следующий же день отправился в Дамаск. Он рассчитывал, что сумеет навязать сирийцам — пусть не столь быстро и легко, как Садату,— аналогичное сепаратное соглашение с Израилем. Однако, пробыв в Дамаске 20 января всего лишь несколько часов, Киссинджер сообщил, что возвращается прямым путем в Вашингтон. Запланированный визит в Израиль отменялся. Госсекретарь встретился с израильскими руководителями в тель-авивском аэ-

ропорту для простого обмена мнениями. Поднявшись в его самолет Эбану и Аллону Киссинджер заявил, что Дамаск заинтересован договориться о разъединении войск, но на таких условиях, которые вряд ли согласится принять Израиль.

— Я предчувствую, что это будет затяжной и трудный процесс.

К «челночным операциям» были подключены и израильские министры Даян и Эбан. Они по очереди совершали турне из Иерусалима в Вашингтон для доверительных переговоров с Киссинджером. Сам государственный секретарь появлялся то в Иерусалиме, то в Дамаске, стараясь сблизить позиции сторон. Но сирийцы твердо придерживались своих требований об оставлении израильскими войсками районов, оккупированных ими в октябре 1973 года, а также разрушенного города Эль-Кунейтра, удерживаемого израильтянами с июня 1967 года.

В Израиле под влиянием неутешительных итогов последней войны все больше нарастало недовольство против «старой сионистской гвардии». Уволенные из армии военнослужащие и возвратившиеся из египетского плена солдаты требовали отставки Даяна. На него и некоторых его выдвиженцев-генералов израильская общественность возлагала главную ответственность за «позор Судного дня» и все другие неприятные издержки начавшейся в этот «святой день» октябрьской войны. Во время одной из траурных процессий, когда хоронили умерших от ран израильских солдат, родственники покойных и многие участники похорон стали плевать на автомобиль, в котором ехал Даян. Через несколько дней после этого Даян заявил, что он отказывается войти в новое правительство, которое после одержанной Партией труда в декабре 1973 года победы вновь было поручено формировать Голде Меир. Пост министра обороны в новом правительстве предложили занять бывшему начальнику генштаба и израильскому послу в США генералу Ицхаку Рабину. Но это не успокоило оппозиционеров и критиков, в том числе внутри самой правящей партии. Под их давлением Голда Меир сама решила подать в отставку. Правительственный кризис продолжался почти полтора месяца. Кнессет, принявший 11 апреля 1974 года повторную отставку Голды Меир, поручил тем не менее продолжать ее кабинету выполнять свои функции. При этом предполагалось, что переходное правительство будет оставаться у власти до окончания переговоров с Сирией.

Все это, естественно, отразилось на «челночной дипломатии» Киссинджера. Теперь ему приходилось иметь дело не только со «старой гвардией», но и новыми лидерами, в частности Рабином, ставшим единственным кандидатом на пост премьера, и Пересом, который должен был занять пост министра обороны. Поскольку специальная комиссия возложила главную ответственность за неудачи в войне непосредственно на Элазара, то к переговорам подключился его преемник — новый начальник генерального штаба генерал Гур.

Когда Киссинджер прибыл 2 мая в Иерусалим для продолжения второго раунда «челночной дипломатии», он был несколько шокирован таким составом новой «сборной команды» Израиля. Каждый из ее «игроков» стремился продемонстрировать более жесткую игру. Киссинджер, представив израильтянам свою супругу Нэнси, с которой обвенчался лишь месяц назад, попытался хоть как-то скрыть свое замешательство, пошутив, что он тоже решил несколько «укрепить» свою команду. И в самом деле, Нэнси отныне неотступно сопровождала Киссинджера в его «челочных поездках» по Ближнему Востоку. Но переговоры от этого не ускорились. Представленные израильянами предложения с обозначением на карте пунктов, которые они отказывались возвращать Сирии, были решительно отвергнуты сирийцами. Киссинджер предпринял несколько поездок в Эр-Рияд, в Каир и Александрию, надеясь упросить саудовского короля и Садата повлиять на сирийцев. Однако даже Садат охарактеризовал подготовленную Израилем карту как «скандальную». Переговоры были на грани срыва. На одной из последних встреч с израильскими руководителями сорвался и сам Киссинджер.

— Торговаться подобным образом недостойно американского государственного секретаря! — возопил Киссинджер. — Я мотаюсь туда и обратно, как жалкий старьевщик, и торгуясь из-за каких-то ста или двухсот метров! Как мелкий торговец на базаре! И за то, что я пытаюсь вас спасти, вы подвергаете меня таким унижениям!

Но воздействовать на эмоции прожженных политиков и ципичных генералов было не так-то легко. Тогда Киссинджер, пытаясь их образумить, пускал в ход политические и военные аргументы.

— Вы представляете, что произойдет, если сирийцы отвергнут окончательно ваши предложения. Последствия будут ужасающими! Вам предстоит тогда новая война на изнурение! И не только с Сирией. Неизбежно общее уси-

ление напряженности на всем Ближнем Востоке. В результате может опять вспыхнуть и настоящая война, в которую вынужден будет вступить и Египет. В международном плане ужасающее положение Израиля еще более ухудшится. Весь мир только и ждет того удобного повода, чтобы заставить Израиль вернуться к границам 1967 года. И тогда все наши труды, все политические достижения США на Ближнем Востоке, доставшиеся нам такой дорогой ценой, пойдут насмарку!.. Поймите, есть только один способ предотвратить такое развитие событий! Надо доказать арабам, что опора на США принесет реальные плоды! Нужно всеми силами перетянуть арабов на сторону западного мира. В крайнем случае оторвать хотя бы их от Советского Союза.

Принципиальная и твердая позиция сирийского руководства, действовавшего в постоянном контакте с Советским Союзом, значительно сузила возможности для маневров американской дипломатии и Тель-Авива. На заключительном этапе переговоров Киссинджер сам проявил 7 мая инициативу к встрече на Кипре с возвращавшимся из Дамаска советским министром иностранных дел А. А. Громыко, которого просил оказать содействие в заключении соглашения о разъединении сирийских и израильских войск в рамках Женевской конференции по Ближнему Востоку.

И это соглашение было в конце концов достигнуто. Официальная церемония его подписания состоялась 31 мая 1974 года во Дворце наций в Женеве в присутствии делегаций Советского Союза и Соединенных Штатов, а также представителя ООН генерала Сийласвуо. Поскольку Сирия ранее не участвовала в Женевской конференции, ее делегация официально входила в состав так называемой Объединенной египетско-сирийской рабочей группы. Израиль был представлен тоже военной делегацией. Это были первые и последние шаги со стороны Израиля и Египта в направлении возобновления работы этого международного форума.

При сопоставлении военных и политических результатов разъединения войск конфронтующих сторон на египетском и сирийском фронтах особенно видны бесперспективность «челночной дипломатии» и неиспользованные возможности, которые открывала Женевская конференция в долгосрочном плане. Даже подписанное 18 января 1974 года фактически в обход Женевы при посредничестве США первое соглашение о разъединении на израильско-египет-

ском фронте было достигнуто на основе резолюций Совета Безопасности ООН и под позитивным воздействием первых результатов Женевской конференции.

Принципиально другой характер по сравнению с этим документом носило соглашение о разъединении сирийских и израильских войск, подписанное 31 мая 1974 года в Женеве. Оно было выработано в тесной координации с Советским Союзом. Об этом свидетельствовали неоднократные консультации сирийских и советских руководителей по вопросам ближневосточного урегулирования. В период с марта по май 1974 года Сирию трижды посещал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, а в апреле 1974 года в ходе официального визита в Москву сирийской партийно-правительственной делегации во главе с президентом САР Хафезом Асадом состоялось несколько встреч на высшем уровне. На них всесторонне обсуждалась установка на Ближнем Востоке и намечались меры по дальнейшему укреплению обороноспособности САР.

Есть еще и другая важная особенность соглашения о разъединении сирийских и израильских войск. Она предусматривала вывод израильских войск не только с захваченных ими в 1973 году сирийских земель, но и из той части территории Сирии (например, район Кунейтры), которая была оккупирована в 1967 году. Общая площадь освобождающейся территории Сирии (663 квадратных километра, в том числе 112 квадратных километров, захваченных в 1967 году) намного превышала площадь той территории Египта, откуда были выведены израильские войска по первому сиайскому соглашению.

Сирийско-израильское соглашение выгодно отличалось от сиайского еще и тем, что предусматривало размещение в зоне разъединения не чрезвычайных вооруженных сил (ЧВС) ООН, а специальных сил ООН по наблюдению за разъединением. Их численность определили в 1250 человек, в то время как численность ЧВС ООН на Синае уже в апреле 1974 года превысила 6700 человек. К тому же статус специальных сил ООН в Сирии предусматривал их подчинение сирийским законам. После выполнения возложенных на них обязанностей наблюдатели ООН не имели права вмешиваться в деятельность местных органов гражданского управления. Сирия при подписании этого соглашения впервые заставила Израиль признавать резолюцию о прекращении огня как составную часть трех основных пунктов резолюций Совета Безопасности № 338 и 339. Они как бы напоминали Тель-Авиву о необходимости полного

вывода израильских войск и обеспечения законных прав арабского народа Палестины. Все это явилось результатом последовательной и принципиальной позиции Сирии, а также решительной поддержки, оказанной ей Советским Союзом. На XXV съезде КПСС было в связи с этим особо отмечено, что между СССР и Сирией установилось «хорошее взаимопонимание», которое, в частности, нашло проявление в том, что обе страны действовали «согласованно по многим международным проблемам, и прежде всего ближневосточной»¹.

Такая согласованность действий стала еще более эффективной после подписания в 1980 году Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР. Он не только поднял на новый качественный уровень отношения между двумя странами, но и стал хорошей основой для служения « дальнейшему развитию советско-сирийской дружбы и делу достижения справедливого мира на Ближнем Востоке»².

В условиях начавшегося сепаратного сговора режима Садата с Тель-Авивом Сирия сумела, опираясь на поддержку Советского Союза, противостоять усилившемуся написку империализма, сионизма и реакции. Это обстоятельство в значительной степени помешало американской дипломатии, как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, «превратить этот сепаратный антиарабский сговор в более широкое соглашение капитулянтского типа»³.

Головоломки «челночной дипломатии»

Разразившийся в Вашингтоне уотергейтский скандал завершился в конце концов отставкой Никсона. Летом 1974 года сменилось и правительство Г. Меир. Но прежде чем замаливать свои грехи, каждый старался хоть как-то их умалить. Голда Меир и ее «команда» на свой лад «проявляли твердость» в переговорах, чтобы компенсировать просчеты в октябрьской войне. Администрация Никсона из кожи лезла вон, дабы «миротворческими успехами» в ближневосточной политике нейтрализовать уотергейтский скандал. Неотвратимые перемены властей в Вашингтоне и Тель-Авиве не могли, однако, привести к большим переменам в их политике.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 12.

³ Там же, с. 14.

Генерала Ицхака Рабина, заменившего на посту премьер-министра Голду Меир, хорошо знали в Вашингтоне. Генерал, правда, не отличался большой смелостью. В Израиле публично предъявили Рабину обвинение в том, что он накануне «шестидневной войны» испытывал острый приступ страха, а в период боевых действий перенес нервный кризис. Зато в Вашингтоне, куда Рабин был вскоре назначен послом Израиля, он проявил себя гибким политиком и покладистым собеседником. Установленные им тесные деловые и личные контакты в Соединенных Штатах сыграли, очевидно, не последнюю роль в назначении Рабина премьер-министром. Немаловажное значение при этом имело и другое обстоятельство. В свои пятьдесят с небольшим лет Рабин успел приобрести необходимый опыт на высоких военных и политических постах.

Но Рабин не сумел стать таким полновластным хозяином положения, каким долгое время удавалось быть Меир. После ухода Меир разногласия в Партии труда стали еще более острыми. При голосовании на съезде партии Рабин с трудом одержал победу над своим соперником Шимоном Пересом, считавшимся человеком Даяна. В новом правительстве Пересу поэтому отдали пост министра обороны. Представитель же другой фракции Игал Аллон стал министром иностранных дел.

Теперь все дела решались триумвиратом, где чаще всего тон задавал Перес. Премьер-министру приходилось еще вдобавок оглядываться на входящих в коалиционное правительство представителей Национально-религиозной партии. Зажатый с двух сторон «ястребами», Рабин чувствовал себя их пленником. Он решил тоже не проявлять «уступчивость» в переговорах с арабами. Не только лидеры Национально-религиозной партии, но и сторонники Даяна в Партии труда выступали против какого бы то ни было «отступления» из районов западнее реки Иордан. Теперь их почти официально переименовали в Иудею и Самарию, как они назывались еще в библейские времена.

Через две недели после приведения 3 июня 1974 года к присяге кабинета Рабина ему была оказана особая честь, которой до того не удостаивалось еще ни одно израильское правительство. Президент США Никсон посетил Израиль и принес свои поздравления Рабину. Это было сделано в рамках нового тура «челночных поездок» Киссинджера по Ближнему Востоку. Президент в сопровождении Киссинджера и многочисленной свиты кроме Тель-Авива и Каира посетил также Эр-Рияд, Дамаск и Амман. Однако мысли

его были далеко от Ближнего Востока. Своей поездкой он хотел не просто приобщиться к «челночной дипломатии». Гораздо важнее ему было хоть как-то поднять свои акции, чтобы избежать импичмента, грозящего позорной отставкой.

Делать, однако, хорошую мину за границей при плохих делах в собственном доме оказалось не так-то легко. Никсону ничего не оставалось, как подыгрывать противоречивой и бесперспективной дипломатии своего госсекретаря. Арабам он говорил, что США выступают если не за полный, то по крайней мере «существенный израильский уход» к границам 1967 года. В Иерусалиме Никсон вынужден был выражать понимание озабоченности своих собеседников о «безопасности границ» Израиля, который поэтому не может возвратить все оккупированные арабские земли.

Никсон, одолеваемый дурными предчувствиями нависшими над ним опасности в Америке, чувствовал себя неуверенно. Перед телекамерами и на глазах людей ему еще как-то удавалось поддерживать оживленную беседу с Садатом. Но сопровождавшие президента журналисты видели, что это лишь театральная игра. Оставаясь наедине, оба президента с трудом подыскивали слова. Никсон не мог обещать Садату, что сумеет добиться быстрого ухода израильтян с Синайя. Поэтому он ограничился лишь посулами увеличить Египту американскую помощь и предоставить ядерный реактор.

Никсон и Киссинджер покинули Израиль, так и не заручившись каким-либо определенным обязательством его руководителей относительно их позиции в переговорах с Иорданией. Тем не менее, прибыв в Амман, Киссинджер пообещал королю Хусейну, что США окажут серьезный нажим на Израиль для «достижения следующей фазы переговоров» с Иорданией. Короля попытались обнадежить, что в самом недалеком будущем можно уже ожидать заключения «временного соглашения» с Израилем.

Для ускорения дела еще до возвращения в Вашингтон Киссинджер попробовал снова создать видимость оказания давления на Израиль. Военное ведомство получило указание несколько замедлить поставки оружия Израилю. Заместитель госсекретаря Сиско по поручению Киссинджера сделал к тому же двусмысленное заявление о возможности возобновления работы Женевской конференции и появления там представителя ООП. Для «выяснения отношений» в Вашингтон срочно был командирован министр иностран-

ных дел Аллон. Его приезду предшествовало официальное заявление израильского правительства, в котором указывалось, что Израиль предпримет шаги в направлении переговоров о заключении весьма проблематичного «мирного соглашения с Иорданией». Это означало отклонение предложения Киссинджера о заключении «временного соглашения» с Иорданией.

Киссинджер решил попробовать все же «обработать» Аллона, своего бывшего студента, слушавшего его лекции в Гарвардском университете. Он пригласил израильского гостя провести с ним уик-энд на вилле в Кэмп-Дэвиде. Аллону доверительно было сказано, что уклонение Израиля от переговоров с королем Хусейном — это «сущее безумие».

— Ваш Рабин просто слепец, если не видит, что результат будет прямо противоположным тому, чего он добивается. Скоро Рабин не сможет разговаривать с королем Хусейном, даже если пожелает, — предупредил Киссинджер.

Аллон, в душе соглашаясь со своим бывшим профессором, возразил все же, используя официальные аргументы Рабина:

— Но вы должны понимать, что всякое соглашение с Иорданией будет означать проведение всеобщих выборов. В таком случае нельзя никак быть уверенным, что нынешнее правительство одержит победу. Неужели в Вашингтоне хотят, чтобы к власти пришел экстремистский блок «Ликуд» во главе с Менахемом Бегином?

Киссинджер решил прозондировать хотя бы условия возможного нового соглашения с Египтом по Синаяю. Но и здесь израильтяне выдвигали совершенно неприемлемые для Садата требования о взятии им обязательства по «прекращению войны» с Израилем. Это было равносильно заключению сепаратного мирного договора в обмен лишь на частичный уход с Синая. Киссинджер понял, что и здесь предстоят еще длительные торги.

Было решено поэтому продолжить переговоры во время запланированного на сентябрь визита Рабина в Вашингтон. Вместе с тем Аллон получил заверение, что США воздержатся от окончательного решения иорданского вопроса без дополнительных консультаций с Израилем.

В середине августа 1974 года, через несколько дней после отставки Никсона, Вашингтон однажды за другим посетили египетский министр иностранных дел Фахми и иорданский король Хусейн. Сменивший Ричарда Никсона на президентском посту Джеральд Форд заверил их о «равном

приоритете» разъединения войск как на Синае, так и в Иорданской долине.

Рабин в начале сентября поспешил в Вашингтон. Свой первый официальный визит в США израильский премьер использовал не только для личного знакомства с Фордом. Гораздо важнее было получить от нового американского президента заверения в неизменности поддержки Соединенных Штатов, особенно в вопросе о военных поставках.

По подсказке Киссинджера Форд попытался увязать этот вопрос с «достижением прогресса» в политических переговорах с Иорданией. Однако Рабин не проявил ожидаемой дипломатической гибкости. По выражению сопровождавших его лиц, он вел себя с дипломатической точки зрения «как слон в посудной лавке». Никаких практических результатов в политической сфере во время визита Рабина достигнуто не было. Тем не менее новая американская администрация обещала Израилю поставить все обещанные ранее виды оружия. Со своей стороны израильский премьер лишь благословил новую поездку Киссинджера на Ближний Восток, состоявшуюся в начале октября 1974 года.

И этот тур не принес ничего нового, хотя госсекретарь выдвигал и в Каире, и в Аммане, и в Иерусалиме немало, как казалось ему, «новых идей». Предлагались «отступления горизонтальные и вертикальные», различные «символические уступки» и «отвлекающие шаги в сторону». Киссинджер соглашался даже выступить посредником не только между Иорданией и Израилем, но и между королем Хусейном и руководителями ООП, чтобы вновь припугнуть строптивых израильских руководителей. Но все его уговоры, посулы, заклинания и обещания повисли в воздухе. То, чем он пытался чисто гипотетически запугать израильских руководителей, сбылось раньше, чем могли предполагать в Вашингтоне.

Созванное 26 октября 1974 года в Рабате совещание в арабских верхах признало Организацию освобождения Палестины единственным законным представителем палестинского народа. Решение это было принято единогласно. Даже Садат, несмотря на настойчивые просьбы Киссинджера помешать такому развитию событий, не осмелился тогда противопоставить себя всему арабскому миру. Король Иордании Хусейн тоже не выступил против этого решения. Мало того, что американский план сепаратного иордано-израильского соглашения отвергался Тель-Авивом, он перечеркивался и Амманом. Теперь от имени палестинцев на

всех арабских и международных форумах, в том числе и с высокой трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, будут выступать руководители Организации освобождения Палестины. Они получили право говорить от имени не только двух поколений палестинцев, выросших в лагерях беженцев, но и от арабского населения, живущего под игом израильской оккупации на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Конечно, при желании добиться подлинно справедливого урегулирования ближневосточного конфликта решение Рабатского совещания как раз давало ключ к урегулированию одной из кардинальных его проблем, а именно палестинской. Но в том-то и дело, что и Тель-Авив, и Вашингтон делали все возможное, чтобы не допустить не только полной, но даже «частичной» палестинской автономии. Именно поэтому Рабат и его отзвуки привели не только израильских, но и американских руководителей в ярость. Каждый на свой лад жаждал отмщения и искал виновников «беды». Киссинджер во всеуслышание ругал Рабина за то, что тот пренебрег его предостережениями и заставил платить слишком большую цену за отсрочку якобы неизбежных выборов в Израиле. В Тель-Авиве, напротив, склонны были винить Киссинджера за то, что он «помог выпустить палестинского джинна из бутылки».

Рабат стало крупным поражением Киссинджера. Его поэтапная дипломатия после этого увязла в болоте. Даже Садат терзался теперь подозрениями по поводу намерений Киссинджера. Когда вскоре Киссинджер вернулся в Каир, Садат, больной гриппом, принял его в спальне своей резиденции без всякого энтузиазма.

Киссинджер, однако, не собирался бросать опасно нахренившийся «челн арабской политики», хотя тот и получил серьезную пробоину в Рабате. После обычных просьб о «доверии» Киссинджер обещал вплотную заняться израильским отходом на Синае. Но Садат, извлекший выводы из Рабатского совещания, не настроен был идти на большие уступки. Он требовал возвращения перевалов Митла и Гидди, а также нефтяных месторождений Абу-Рудайс на Синае.

В Аммане Киссинджера приняли тоже довольно холодно. Он знал, что в Рабате король Хусейн на вопрос, что конкретно американцы могут сделать для израильского ухода с западного берега Иордана, выразительно протянул лишь пустые руки. Оплакивая перед королем Хусейном свою неудачу, Киссинджер вынужден был признать:

— Очевидно, мы переоценили свои способности к маневрированию...

Киссинджер не скрывал, что и сейчас он не может обещать иорданцам ничего конкретного.

Форд и Киссинджер пришли к выводу, что с Иорданией можно повременить. Было решено форсировать заключение нового египетско-израильского соглашения. Уроки же Рабата Киссинджер предложил использовать как один из рычагов для «нажима» на Израиль, чтобы убедить его пойти на уступки Египту.

Трудные перевалы

Киссинджер заранее предчувствовал, что даже символический «нажим» на Тель-Авив чреват серьезными последствиями, которые еще неизвестно как аукнутся в Вашингтоне. По собственному опыту он знал, что за самые небольшие «уступки» Израиля приходится делать ему все новые поблажки. Так повторилось и на сей раз.

Израильский премьер-министр решил не просто попутать карты Киссинджеру, но и вести свою игру «в открытую». За несколько дней до очередного визита Аллона в Вашингтон Рабин 3 декабря 1974 года в интервью израильской «Гаарец» цинично раскрыл не только самые сокровенные секреты о позиции Израиля, но и на весь мир возвестил его цели и мотивы, которыми намерен руководствоватьсь в переговорах с Египтом.

Во-первых, Рабин подтвердил, что одна из главных задач Израиля — и здесь он рассчитывает на полную поддержку США — это расколоть арабский фронт, вбив клин между Египтом и Сирией. Во-вторых, постараться затянуть переговоры до окончания президентских выборов в США в 1976 году. Израильтяне не скрывали, что в долгосрочном плане их основная цель — выиграть такой период времени, который необходим Соединенным Штатам и Западной Европе для освобождения от зависимости от арабской нефти. В течение этого срока (примерно семь лет) Израиль будет всячески избегать всеобъемлющего ближневосточного урегулирования.

Позднее преемники Киссинджера, давшие Израилю в 1981 году, то есть именно через семь лет, «зеленый свет» для развязывания новой широкомасштабной агрессии в Ливане, по достоинству оценили пророчества Рабина. Да и сам Киссинджер попытался потом вписать развязанную

Израилем в 80-х годах «пятую арабо-израильскую войну» в американскую глобальную стратегию и политику на Ближнем Востоке, в которую он вложил свою лепту.

Однако в тот момент, когда Киссинджеру показали интервью израильского премьера, он не поверил собственным глазам.

— Не понимаю,— пробормотал он, качая головой.— Зачем он это сделал? Может быть, Рабин сошел с ума?

Но, поразмыслив, Киссинджер нашел и плюсы в предложенной Рабином игре «в открытую». Когда Аллон вручил в Вашингтоне израильские предложения, включавшие 10 требований к Египту в обмен на отход израильских войск всего лишь на 30—50 километров в Синайской пустыне (исключая нефтепромыслы Абу-Рудайс и перевалы Митла и Гидди), Киссинджер, заявив ему, что эти условия невыполнимы, потребовал от Израиля выступить с новыми предложениями, которые могли бы стать основой для дальнейших переговоров.

Возвратившись в феврале 1975 года на Ближний Восток, Киссинджер обнаружил, что позиции египтян и израильтян не сблизились. В течение трех недель сначала в Иерусалиме, а затем в Вашингтоне он призывал израильтян пойти Садату на уступки. Но его собеседники оставались глухими. Один из израильских руководителей, отведя Киссинджера в сторону, доверительно ему сказал:

— Генри, вы не должны строить никаких иллюзий. Израиль никогда не уйдет с синайских перевалов за меньшую цену, чем взятие Египтом обязательства о выходе из военной конфронтации.

Но Киссинджер совершил в марте еще одну «челночную операцию», надеясь все же убедить израильтян отказаться от чрезмерных требований. Чтобы облегчить госсекретарю переговоры, Форд направил Рабину личное послание с предупреждением об ущербе, который в случае срыва соглашения может быть нанесен американо-израильским отношениям.

В субботу, 22 марта, состоялись две заключительные беседы, затянувшиеся до глубокой ночи. Кроме Рабина, Аллона и Переса в переговорах участвовали начальник генерального штаба Гур и посол Израиля в США Диниц. По обе стороны от Киссинджера сидели его помощники Дж. Сиско, А. Атертон и Г. Сондерс. Присутствовал также и американский посол в Израиле К. Китинг. (Для него это были последние подобного рода переговоры. Вскоре от нервного перенапряжения он скончался в Тель-Авиве.)

Киссинджер пустил в ход все свое красноречие.

— Не исключено,— припугнул Киссинджер своих строптивых союзников,— нам придется опять отправиться в Женеву... Это настоящая трагедия. Мы попытались прибрать нашу поддержку Израиля с нашими другими интересами на Ближнем Востоке... Наша стратегия заключалась в том, чтобы спасти вас от необходимости иметь дело с многими противниками и принимать все решения сразу. Если бы мы хотели границ 1967 года, мы могли бы добиться их вместе со всем мировым общественным мнением, которое поддержало бы нас. Наша стратегия была направлена на то, чтобы защитить вас от этого. Нам удалось уклониться от планов всеобщего урегулирования. Теперь я предвижу растущее давление, чтобы вернуть вас к границам 1967 года...

Но все это мало действовало на израильских лидеров. У них был свой опыт политических торгов с Вашингтоном. Их расчеты оправдались и на этот раз.

Произраильская кампания, поднятая в США, возымела действие. В конце мая более 70 сенаторов направили президенту Форду коллективное письмо в поддержку требований Израиля о «безопасных» границах, а также его просьб об оказании экономической и военной помощи. Под их давлением почти все запросы Израиля о новых американских военных поставках и кредитах на общую сумму 2,5 миллиарда долларов в виде компенсации за «территориальные уступки» Тель-Авива были удовлетворены.

Условия для возобновления «поэтапной дипломатии» становились все более благоприятными. Министр финансов Израиля Егошуа Рабинович открыл глаза членам кабинета на бедственное экономическое положение страны, которой грозит катастрофа, если она не получит срочной американской помощи. Рабин, Перес и Аллон наконец поняли, какой опасный оборот принимает дело, если они не пересмотрят своей позиции. Как и предполагал Киссинджер, они склонны были принять его «план мира» в обмен на американскую помощь в укреплении мощи Израиля для новой войны.

Существенную ленту в возобновление «поэтапной дипломатии» внес и Садат. Словно в ознаменование очередной годовщины израильской агрессии, он объявил 5 июня 1975 года об открытии Суэцкого канала. Это был многообещающий шаг в сторону сепаратных переговоров.

В начале июня Садат встретился в Зальцбурге с Фордом и официально подтвердил свою готовность к возобнов-

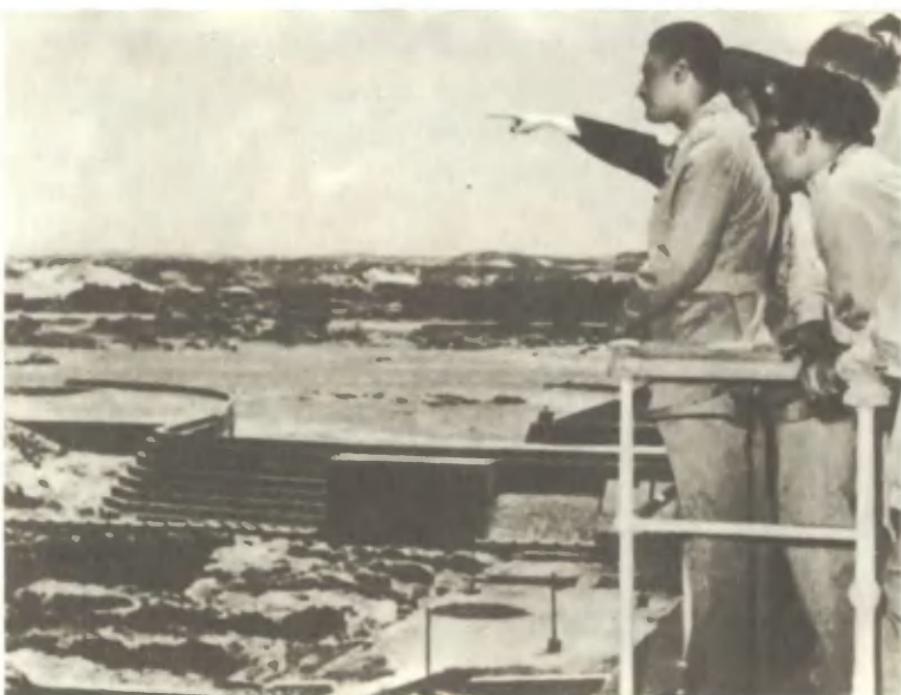
Председатель Совета руководства революцией Г. А. Насер подписывает соглашение 1954 г. об эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала.

Антони Иден и английский посол в Египте Ральф Стивенсон пытаются склонить Насера вступить в Багдадский пакт.

Президент США Д. Эйзенхауэр на встрече с Г. А. Насером в 1960 г. клянется в «дружбе и приверженности к миру» на Ближнем Востоке.

1948 год. Израильские поселенцы в американской амуниции и с западноевропейским оружием приступают к расширению «жизненного пространства» в Палестине.

1956 год. Вторгшиеся на Синай израильские войска в роли инициатора развязывания «тройственной» агрессии против Египта.

Насер на стройке Асуанской плотины, которую он назвал «символом арабо-советской дружбы» и «напоминанием недружественного отношения США к Египту.

Генерал Моше Даян проходит стажировку в действующей американской армии во Вьетнаме незадолго до развязывания Израилем в июне 1967 г. агрессии против арабских стран.

Израильские военные катера устанавливают контроль над проливом Тиран в июне 1967 г.

На поле бейрутского международного аэропорта после разбойниччьего налета израильского десанта в декабре 1968 г. Фото автора.

Похороны палестинских лидеров, убитых в Бейруте израильскими террористами в апреле 1973 г.

Президент Г. А. Насер инспектирует египетские позиции во время учений по отработке форсирования Суэцкого канала.

Посещение Голдой Меир зоны Суэцкого канала и «линии Барлева» незадолго до октябрьской войны 1973 г. Начальник генерального штаба Барлев убеждает ее в «неприступности линии», названной его именем.

«Линия Барлева» пала! Египетский солдат на восточном берегу Суэцкого канала.

Египетские генералы докладывают Садату обстановку на фронте после форсирования Суэцкого канала, пытаясь убедить его уничтожить прорвавшуюся израильскую группировку на западном берегу Суэцкого канала. Садат остался глух к этим призывам.

Кэмп-дэвидская сделка заключена: Картер, Садат и Бегин скрепляют ее подписями.

Разгон демонстрации протеста в оккупированном Иерусалиме.

Под американскими и израильскими бомбами и снарядами в Бейруте погибло более 4 тысяч детей. Один из оставшихся в живых свидетелей американского «миротворчества» — этот плачущий малыш рядом с неразорвавшимся снарядом.

Эвакуация палестинских бойцов из Западного Бейрута. Они уходили с оружием, развернутыми знаменами Палестины и с верой в победу.

Более двух суток продолжалась кровавая резня в палестинских лагерях Сабра и Шатила в сентябре 1982 г. И несколько дней извлекались из руин и земли трупы убитых...

Американские интервенты в Ливане не могли укрыться и в траншеях.

Здание американского посольства в Бейруте после взрыва.

**Демонстрация протesta в Бей-
руте против американо-израиль-
ского разбоя на арабской земле.**

лению переговоров с Израилем. Вместе с тем он выдвинул идею об установлении на господствующей высоте Умм-Хашиба в центре Синайской электронной станции раннего предупреждения, которая обслуживалась бы американцами. Это открывало широкие перспективы не только для поэтапной политики, но и для стратегических планов США на Ближнем Востоке.

Неделю спустя Форд встретился с Рабином. Израильский премьер поспешил в Вашингтон, чтобы обсудить предварительные условия возобновления торга. Теперь израильяне требовали к обещанным 2,5 миллиарда долларов добавить еще один миллиард на приобретение нового американского оружия и преодоление экономических трудностей. Торги продолжались более двух месяцев. Прежде чем дать окончательное согласие на новое «явление Киссинджера» в библейских краях, израильяне представили свой проект секретного «Меморандума о взаимопонимании», который Соединенные Штаты должны были приложить к новому соглашению.

Новый проект меморандума поднимал фактически сотрудничество между США и Израилем на качественно новый уровень. Ознакомившись с этим документом, один из ответственных сотрудников госдепартамента, не удержавшись, воскликнул:

— Уму непостижимо! Это просто невероятно! То, что нам предлагают, равнозначно формальному политическому и военному союзу между Израилем и США. А это будет означать, что Израиль получит право вето на будущую американскую политику на Ближнем Востоке.

Тем не менее, хотя некоторые пункты израильского проекта были тогда отвергнуты в Вашингтоне, впоследствии они все же были включены в аналогичные меморандумы, которые в 80-х годах оформили, по существу, военно-политический союз Израиля и США.

Перед отъездом на Ближний Восток Киссинджер послал на Синай ответственного сотрудника ЦРУ. Ему было поручено уточнить новую линию развода израильских и египетских войск на Синае, а заодно произвести рекогносцировку местности для установки станций и размещения американского персонала.

С 20 августа по 3 сентября 1975 года Киссинджер совершил третью «челночную операцию» на Ближнем Востоке. Пока госсекретарь метался между Иерусалимом, Каиром и Александрией, где находилась летняя резиденция Садата, помощник Киссинджера Атертон оставался в Израиле.

В ходе торгов израильский проект был переименован в «меморандум о соглашении». Атертон всячески старался хоть как-то смягчить слишком категоричные пункты, на которых настаивали израильтяне. Атертон провел две ночи подряд без сна, добиваясь изменения текста главного соглашения и военного приложения. И все же окончательный текст «меморандума» даже в измененном виде был, по признанию ближайших сотрудников Киссинджера, «умопомрачительным». Американский профессор Шихан метко назвал его «брачным контрактом», по которому одна из сторон брала в основном обязательства, а другая — вырывала права.

Подписанное 4 сентября 1975 года второе синайское соглашение, хотя и изображалось как некая «большая уступка» Израиля, отказывавшегося якобы от перевалов, на самом деле стало не только тактическим, но и крупным стратегическим триумфом Тель-Авива. Это был, по выражению Хейкала, перевал на пути к капитуляции Садата. Определяя новую дислокацию египетских и израильских войск на Синае, соглашение далеко не пропорционально ограничивало там военное присутствие Египта и Израиля. Оно открывало израильтянам Суэцкий канал взамен возврата египтянам незначительной части (5,5 процента) территории Синайского полуострова. Большая же его часть по-прежнему оставалась под контролем Израиля. Главное же, с точки зрения Тель-Авива, состояло в том, что Египет взял на себя обязательство не использовать силу для решения конфликтных вопросов и дал согласие на присутствие американского персонала на нескольких радиолокационных станциях раннего оповещения в буферной зоне. Станция, построенная американцами в Умм-Хашибе, позволяла Тель-Авиву быть в курсе любых передвижений египетских войск.

Хотя стороны соглашались решать конфликт «мирными средствами», Израиль, по существу, продолжал использование военных методов для удержания большей части Синайского полуострова и других оккупированных арабских земель. Полоса с ограниченным вооружением после развода войск у Израиля была определена в два раза меньше, чем у Египта. Вместе с тем Египет в соответствии с соглашением не вправе был устанавливать зенитные ракеты не только на оставленной израильскими войсками части полуострова, но и на расстоянии менее 10 километров от западного берега Суэцкого канала, что практически оставляло незащищенными такие важные центры страны,

как Порт-Саид, Суэц и ряд других городов в зоне канала».

Израиль обусловил заключение сиайского соглашения предоставлением ему дополнительной военно-экономической помощи со стороны США, которые в последующем ежегодно стали выделять Израилю более 2 миллиардов долларов в виде кредитов и безвозмездной помощи, из них больше половины — на закупку военных материалов.

Сиайское соглашение сопровождалось и специальными «заверениями правительства США» обоим договаривающимся сторонам. В них содержались важные гарантии и политические обязательства Вашингтона по отношению к Каиру и Тель-Авиву. Практически сиайское соглашение представляло собой трехстороннюю пакетную сделку по ряду комплексных проблем американской политики на Ближнем Востоке. Оно значительно расширило возможности Соединенных Штатов для прямого вмешательства в арабо-израильский конфликт.

Хотя предусмотренное тремя соглашениями разъединение войск на Синае и на Голанских высотах Сирии к концу 1975 года было завершено, по существу, процесс всеобъемлющего ближневосточного урегулирования даже не был начат. Сиайское соглашение зато обозначило начало другого опасного процесса. Оно вывело Египет из военной конфронтации с Израилем и противопоставляло его всем другим арабским странам. Оно усилило процесс изоляции Каира и раскола арабской антиизраильской коалиции. Вместе с тем оно дало импульс новым сепаратным сделкам Садата.

Не случайно Рабин в прощальной речи, обращенной к Киссинджеру перед его отъездом из Иерусалима, счел необходимым прозрачно намекнуть именно на это обстоятельство.

— Быть может, господин госсекретарь,— заявил он,— теперь, когда вы испытали столько трудностей в своих «челночных поездках», вы станете в будущем поддерживать прямые переговоры между Израилем и арабскими государствами.

Сиайское соглашение в арабском мире вызвало волну протестов и осуждений. Его подвергли резкой критике многие трезвомыслящие политические деятели и в самом Египте. Они понимали, что сепаратный путь решения ближневосточных проблем ведет в тупик.

Вскоре после подписания сиайского соглашения египетский публицист Хейкал, критикуя «постепенную дипло-

матию» Киссинджера, в беседе с американским профессором Шиханом сказал:

— У Киссинджера нет иной стратегии, как расчленить арабо-израильский конфликт на кусочки. Но одинокий Египет, хотя он и самый значительный кусок арабского мира, не будет иметь большой ценности для Соединенных Штатов. Ведь он не сможет даже справиться со своей собственной нищетой. Оставшись в изоляции и лишившись помощи арабских стран, Египет будет обузой для американцев. Израиль же, заручившись неограниченной поддержкой Соединенных Штатов, станет еще более несговорчивым. Американские доллары и оружие — только разжигают его экспансионизм.

Киссинджер тоже в узком кругу соглашался с тем, что неуступчивость Тель-Авива и его все более разгорающийся аппетит растут по мере увеличения ему американских субсидий и поставок оружия.

Прозрение в дыму

Последний раз Ивлэнд прилетел в Бейрут весной 1975 года. Царившее, несмотря на позднее время, оживление в международном аэропорту показалось ему необычным и даже настораживающим. На поле аэродрома, в здании аэропортового терминала и на привокзальной площади сновали вооруженные люди. Здесь же он встретил и нескольких сотрудников американского посольства. От них он узнал о том, что с минуты на минуту в бейрутском аэропорту ожидался специальный самолет Киссинджера. Он совершал очередной тур «челночных поездок» по Ближнему Востоку.

— Похоже, что наш Генри не там ищет пожар,— мрачно пошутил американский дипломат, давний друг Ивлэнда.— Пока он разводит египтян и израильтян на Синае, того и гляди, здесь опять загремят выстрелы. И боюсь, что не только в Ливане!..

Скоро Ивлэнд убедился, как был прав его друг. На первый взгляд Бейрут, казалось, не изменился. Но это впечатление было обманчивым. Город жил, словно на вулкане. Его извержения можно было ожидать в любой момент. Бейрут задыхался не столько от влажности моря и выхлопных газов автомобилей, сколько от тесноты. Но он все продолжал расти, не признавая никакой логики, не зная пределов. Пределов богатства и пределов нищеты. Дельцы откры-

вали новые магазины, строили доходные дома и гостиницы.

Ультрасовременные многоэтажные дома вырастали на месте сносившихся лачуг бедноты, а на склонах живописных гор строились богатые загородные виллы и дворцы. Однако более половины населения города — около 600 тысяч человек — ютилось в трущобах. Сотни тысяч лишенных родины палестинцев были выброшены и здесь за пределы города, где они прозябали в лагерях палестинских беженцев. Вместе с «бидонвиллями» ливанской бедноты они создавали вокруг Бейрута «пояс нищеты». Тысячи безработных слонялись по шумным улочкам восточных базаров и бойким улицам столицы, соглашаясь на самую низкооплачиваемую работу. С каждым годом росла дороговизна. Увеличивалась пропасть между богатством и нищетой. Забастовки и волнения давали себя знать чаще и ощутимее, чем подземные толчки, которые время от времени регистрировала ливанская сейсмическая станция. По стране катились волны демонстраций. В университетских аудиториях и дворах митинговали студенты. Все чаще их колонны запруживали улицы и площади города, происходили стычки между студентами и полицией. Волнениями вскоре оказался охвачен и Американский университет в Бейруте. Студенты требовали от ректора университета Сэмюэля Кирквуда не только повышения стипендии, но и изменения учебной программы. Они захватили административное здание и выставили у ворот свои пикеты. Стены университета испещряли лозунги: «Учебная программа должна отвечать интересам народа, а не ЦРУ!»

— Соединенные Штаты не будут давать деньги на содержание университета, если его студенты перестали интересоваться наукой и погрязли в политике,— заявил ректор университета на переговорах с делегацией студентов.

Центр подготовки проамериканских кадров на Ближнем Востоке стал рассадником антиамериканизма. К такому выводу пришло посольство США в Ливане. Администрация Американского университета, связавшись с Вашингтоном, приняла решение временно прекратить занятия на весь учебный год.

Поступавшие из Бейрута тревожные вести вселяли серьезное беспокойство не только в официальном Вашингтоне, но и в американских деловых кругах. Поэтому, очевидно, бизнесмены и решили вместо «ополитизированного» Американского университета создать в Бейруте колледж по подготовке технических специалистов. Его выпуск-

ники, работая в американских компаниях и фирмах на Ближнем Востоке, должны были составить ядро хорошо оплачиваемых друзей США. Именно с такой миссией и был направлен в Бейрут Уилбур Ивлэнд, который, как бывший сотрудник ЦРУ, должен был знать, с чего начинать и на какие пружины нажимать.

Ивлэнд, как обычно, остановился в одном из аристократических отелей, «Сан-Жорж», расположенном чуть поодаль от шумной набережной. С его балкона создавалась полная иллюзия путешествия на океанском лайнере, отплывающем или причаливающем к порту.

В Бейруте находились одновременно кухня и аукцион новостей, стекавшихся сюда со всего Ближнего Востока. Здесь, шутя говорил знакомый Ивлэнду американский журналист, все доступно, как нигде на земле. Не надо мотаться по всему Ближнему Востоку в погоне за информацией. Ее можно получить в баре отеля «Сан-Жорж», в магазинах на улице Хамра или в игорных залах «Казино дю Либан», где арабские шейхи веселятся с европейскими блондинками. Из Бейрута можно было также оказывать через надежных деловых людей влияние на политику и на бизнес во всем арабском мире.

Одним из таких влиятельных деловых и давно уже «хорошо оплачиваемых друзей» Америки был экс-президент Ливана Камиль Шамун. Ему-то Ивлэнд и решил нанести первый визит, чтобы посоветоваться, как лучше организовать в Бейруте новый американский колледж.

Шамун принял Ивлэнда в своем родовом имении в Саадии. Как и прежде, в Саадии и теперь довольно часто наведывались американские дипломаты и дельцы. Шамун, хотя заметно постарел, все еще не оставлял тщеславных помыслов вернуться к кормилу власти. Он на чем свет стоит ругал палестинцев и особенно «коммунистов». К ним он относил и друзей, и шиитов, и вообще чуть ли не всех мусульман Ливана. Волнения среди крестьян, забастовки рабочих, демонстрации студентов — все это Шамун объяснял «подстрекательством» палестинцев и «происками» коммунистов. Его особенно бесило, что ливанская беднота и палестинцы все чаще выступают совместно и при отражении израильских налетов, защищая свои жилища в Южном Ливане, и во время забастовок, отстаивая свои законные права.

Эта солидарность наглядно проявилась в ходе шестидневных боев с израильскими интервентами у приграничной деревни Кфар-Шуба в первые дни 1975 года. Она бы-

ла продемонстрирована и в городе Сайде во время забастовки рыбаков, поднявшихся против произвола компаний, возглавляемой Камилем Шамуном. Их поддержало население, в том числе палестинцы. В боях против израильтян на юге Ливана армия предпочла остаться в стороне. Зато в Сайде Шамун добился того, чтобы не только полиция, но и солдаты использовались для разгона демонстраций. В результате кровавых стычек несколько человек было убито, среди них один депутат парламента. Его хоронили завернутым в палестинский флаг. В Бейруте тоже начались забастовки и демонстрации с участием ливанцев и палестинцев. Они выкрикивали лозунги: «Армия должна бороться с интервентами, а не с народом!»

Лидер правохристианской партии «Катаиб» Пьер Жмайель организовал контрдемонстрацию фалангистов в поддержку армии и своего союзника Шамуна. Но ливанские патриоты дали отпор фалангистам.

Тель-Авив, координируя при участии Вашингтона свои действия с правыми христианами, начал осуществлять своеобразную операцию «клещи». Наряду с продолжающимися вооруженными акциями Израиля в южных районах Ливана все чаще стали провоцироваться вооруженные столкновения с палестинцами в Бейруте и других ливанских городах.

Сначала за кулисами, а потом и на арене этих событий действовали агенты израильского «Моссада» и американского ЦРУ.

Шамун, конечно, знал о многих готовившихся антипалестинских акциях. Вместе с Жмайелем он их разрабатывал и осуществлял. Но в душе ревновал американцев к фалангистам, считая, что ЦРУ снабжает их более щедро. Выслушав планы Ивлэнда, касающиеся открытия нового американского колледжа в Ливане, Шамун дал ему понять, что положиться можно только на него. Но реализацию задуманных планов придется, очевидно, отложить на неопределенное время.

— В ближайшие дни,— сказал Шамун,— здесь могут произойти бурные события. Боюсь, как бы весь Ливан не превратился в школу по подготовке ваших недругов, а не друзей.

Прогнозы Шамуна подтвердили Ивлэнду и его соотечественники в баре отеля «Сан-Жорж».

— Ливан катится к национальному самоубийству,— пессимистически предсказал разъездной корреспондент газеты «Вашингтон пост» Джонатан Рэндал.

Он приехал в Бейрут почти одновременно с Ивлэндом. Рэндал уже давно специализировался по «горячим точкам» планеты.

— Не знаю, продуманно или ненамеренно, но Вашингтон подталкивает Ливан к этой пропасти,— сказал Рэндал после некоторого раздумья.— В «челночной дипломатии» Киссинджера, мне кажется, Ливану отводится роль громоотвода... А вернее сказать, клапана для выпускания пара. А может быть, и крови. Все, кто завязан в конфликте на Ближнем Востоке, могут проводить в Ливане пробу сил. Проливать сколько угодно крови, но не перерезая друг другу вены. Вот в чем «ценность» ливанской арены боя...

Так Ивлэнд узнал о приближении бури еще до того, как разразились первые удары грома. Сначала его раскаты доносились издалека. На следующий вечер в том же баре «Сан-Жорж» он узнал об убийстве короля Саудовской Аравии Фейсала. Об этом ему сообщил знакомый американский журналист, который очень точно прокомментировал сенсационное событие:

— Этот выстрел убил веру в Соединенные Штаты на Ближнем Востоке.

В обстановке, разжигаемой тогда Вашингтоном антиарабской кампании и угроз по адресу нефтедобывающих государств, в том числе Саудовской Аравии, большинство людей в Бейруте и других арабских столицах было уверено в причастности ЦРУ к этому убийству. Палестинцы, с горечью следившие в те дни за сепаратным египетскоизраильским торгом, посредником которого выступал Киссинджер, прямо говорили, что берут решение палестинской проблемы в свои руки. В ответ на террор Тель-Авива им ничего не оставалось делать, как тоже взяться за оружие.

Шамун в своих мемуарах признает, что начало гражданской войны в Ливане связано с убийством около 30 безоружных палестинцев. Это произошло в воскресенье 13 апреля 1975 года в восточных окрестностях Бейрута во время церемонии открытия новой церкви в присутствии лидера фалангистов Пьера Жмайеля. Это преступление Шамун пытается представить как «ответную акцию» на инцидент в Айн-Раммане, где выходившие из церкви христиане были обстреляны неизвестными людьми из машины, после чего она тут же скрылась из виду. Шамун утверждает, будто это были палестинцы. В то же время он проговаривается, что ни номер машины, ни тем более личности тех, кто в ней находился, так и не удалось установить.

Вслед за этим «инцидентом» начались вооруженные столкновения, которые вскоре, охватив всю страну, переросли в гражданскую войну. Шамун утверждает, что это была война между ливанцами и палестинцами, которых якобы поддерживали «коммунистические элементы всего арабского мира». На этом основании он делает вывод, что междуусобная война в Ливане была если не продолжением, то одним из следствий иордано-палестинского конфликта 1970 года.

Однако в Ливане ситуация в значительной мере была более сложной, чем в 1970 году в Иордании. Ливансское правительство не могло опереться на армию, ее командование было представлено в основном христианами, а большинство рядовых военнослужащих составляли мусульмане. Буржуазная правохристианская партия «Катаиб» («фаланги»), созданная Пьером Жмайелем в 1936 году, насчитывала в своих рядах около 50 тысяч человек, из которых несколько тысяч были сведены в регулярные вооруженные формирования фалангистов. Кроме фалангистов на стороне правых выступали также вооруженные формирования «тигров» от национально-либеральной партии, возглавляемой К. Шамуном, правоэкстремистская военная организация Фронт защиты кедра во главе с Ф. Шимали, организация маронитских (католических) монастырей, возглавляемая епископом Ш. Кассисом, часть ливанской армии, доукомплектованная христианскими добровольцами, под командованием полковника А. Бараката.

Конфронтация вылилась в кровопролитную и разрушительную войну. Она разразилась бы в любом случае независимо от палестинцев. Присутствие в стране их вооруженных формирований сыграло лишь роль катализатора в ливанском кризисе. Он созревал и развивался под влиянием как объективных внутренних факторов, так и под воздействием внешних причин, прежде всего неурегулированности арабо-израильского конфликта в целом. С одной стороны, он был следствием арабо-израильского конфликта, с другой — накладывался на него, еще более запутывая и тугу затягивая его в сложный ближневосточный узел. В рамках самого ливанского кризиса США, их некоторые союзники по НАТО, Израиль, а также арабская реакция, несомненно, преследовали не только собственные цели. У них была и общая установка — ликвидировать или значительно ослабить палестинское движение и национально-патриотические силы Ливана. Вот почему они полностью поддерживали правохристианские силы, добивавшиеся раскола Ливана.

Новое обострение ливанского кризиса в начале 1976 года, несмотря на неоднократные договоренности о прекращении огня в Ливане, было спровоцировано американским ЦРУ и израильской агентурой с целью отвлечь внимание общественности от заключения Садатом второго сиайского соглашения с Израилем. После этого они стали проводить курс на расширение гражданской войны в Ливане.

С ноября 1975 года начались широкие поставки американского оружия правым христианам. Его общая стоимость оценивалась американскими дипломатами в 250 миллионов долларов. Шамун в своих мемуарах признает, что на вооружении правохристианских формирований к началу 1976 года имелись легкие танки, бронетранспортеры, зенитные установки, артиллерийские орудия, минометы различных калибров. ЦРУ осуществляло поставки оружия в Ливан и через Израиль, и через командование ливанской армии, и через частную фирму «Интернэшил армамент корпорейшн», которая заключала прямые сделки с лидерами правых христиан.

Шамун, хотя и не занимал никакого поста в ливанском правительстве, регулярно поддерживал контакты с американскими официальными представителями в Ливане — сначала с послом Фрэнсисом Мэлоем, затем с чрезвычайными американскими эмиссарами в Ливане Дином Брауном, Филипом Хабибом и Морисом Дрейпером. В переговорах и консультациях с американскими дипломатами обсуждались вопросы координации не только политики, но и конкретных действий. Чаще всего вслед за такими консультациями следовали новые кровавые события то в одном, то в другом районе Ливана. Расширялись и вооруженные провокации Израиля в приграничных районах.

В одной из бесед с Шамуном ночью 29 марта 1976 года американский поверенный в делах информировал, что Израиль «внимательно следит» за развитием событий в Ливане и в случае выхода их из-под контроля готов принять «соответствующие меры по обеспечению безопасности».

Проведя серию встреч с правохристианскими лидерами, американский эмиссар Браун в конце апреля 1976 года срочно отправился в Лондон для консультаций с находившимся там Киссинджером. Затем он посетил Вашингтон, где уже непосредственно с президентом США обсуждал положение в Ливане.

Сразу же по возвращении в Бейрут Браун информировал о результатах своих консультаций в Вашингтоне Пьера Жмайеля, Шамуна и епископа Кассиса. Он согласился с

их выводами о невозможности быстрого урегулирования ливанского кризиса, пока в стране находится «палестинская армия». Браун пообещал, что после президентских выборов в США новая американская администрация попытается сдвинуть с места решение палестиńskiej проблемы и добиться в целом ближневосточного урегулирования. В то же время Браун счел необходимым предупредить, что Израиль «косо смотрит» на присутствие сирийских войск в Ливане.

— Имейте в виду,— заключил Браун,— что запас терпения Израиля не так велик.

Эти слова американского эмиссара были предназначены вовсе не для того, чтобы запугать правохристианских лидеров, а скорее наоборот, чтобы их подбодрить. Вскоре после ввода в июне 1976 года по решению Лиги арабских стран сирийских войск в Ливан израильтяне с помощью своей агентуры спровоцировали ряд новых вооруженных столкновений в стране. После этого гражданская война приобрела еще более ожесточенный характер.

Основные силы правых христиан устремились в кварталы бедноты и лагеря палестинских беженцев в пригородах Бейрута — Телль Заатар, Сабру, Шатилу, Карантин. Фалангисты Жмайеля, «тигры» Шамуна совместно с «христовым воинством» епископа Кассиса и дезертирами под командованием полковника Бараката, используя танки и артиллерию, в течение многих дней и ночей подвергали их обстрелу и устраивали там кровавые побоища. Почти две недели продолжалась осада палестинского лагеря Телль Заатар. На него обрушились тысячи снарядов и мин. У осажденных не хватало продовольствия. Они лишены были воды, медикаментов. Жители лагеря сопротивлялись и отстреливались до последнего патрона. Более 3 тысяч человек погибло во время осады. Еще больше было раненых. Лишь незначительная часть жителей лагеря, в котором когда-то проживало более 30 тысяч человек, сумели найти убежище в приморской полосе. На месте бывших аристократических пляжей в Бейруте появились новые лагеря палестинцев и беженцев из Южного Ливана.

...Дым окутывал остовы так называемых больших гостиниц — «Сан-Жорж», «Фенисия», «Холидей-инн». Сначала Ивлэнд, надеясь на скорое прекращение войны, поочередно менял эти гостиницы в поисках безопасного убежища. Но вскоре он убедился, что в Бейруте нельзя нигде чувствовать себя в безопасности. Глядя на дымящиеся обломки зданий некогда неповторимо красивого города, на

их продырявленные снарядами и выбитые осколками стены, видя, как из выбитых окон гостиниц стреляют вслепую обезумевшие от страха и ненависти люди, Йвлэнд готов был согласиться с пессимистическими пророчествами Рэндала, что Ливан толкают в пропасть.

Прогнозируя возможные последствия гражданской войны 1975—1976 годов и тем самым раскрывая цели тех, кто содействовал ее разжиганию, американские ученые эксперты по Ближнему Востоку Журейдин и Маклорин предсказывали:

— Наиболее вероятным вариантом представляется нам превращение Ливана в конфессиональную федерацию. В ней наиболее крупные общины могут пользоваться полной автономией. Христиане — в восточной части Бейрута и Горном Ливане. Мусульмане-шииты — в долине Бекаа и районах Южного Ливана. Мусульмане-сунниты — в Западном Бейруте, Сайде и Северном Ливане. Мусульмане-друзы — в районе Шуф-Алей в Горном Ливане... Но в любом случае из Ливана, если он сумеет остаться на карте Ближнего Востока в прежних границах, должны быть выселены если не все, то большая часть мусульман-палестинцев.

Так мечтали в Вашингтоне. Но это были не только мечты. Именно в этом направлении действовали американские дипломаты и разведчики, а также израильская агентура в Ливане. Те же американские эксперты намекали на возможность раскола не только Ливана, но и Сирии, где они тоже рекомендовали вести дело к созданию «автономных мини-государств» суннитов, алавитов, друзов, христиан.

— При такой ситуации, — словно подсказывали они американской администрации и израильским руководителям, — положение на Ближнем Востоке коренным образом изменится. Религиозные меньшинства — христиане, друзья, алавиты — могут оказаться под протекцией Израиля. Сирия в таком случае перестанет существовать как ближневосточная держава... Трудно переоценить возможное развитие событий после того, как Израиль будет иметь санитарный кордон из буферных государств, которые отделят его от противников. Дипломатическая, экономическая и социальная изоляция Израиля на Ближнем Востоке будет тогда окончательно разорвана.

Таков был дальний прицел у Вашингтона, который, по убеждению Рэндала, заботясь о «безопасности» Израиля, часто действовал вопреки национальным интересам США.

Вооруженные столкновения в Ливане удалось ненадолго приостановить лишь после того, как в Ливан ввели специальные «межарабские силы безопасности», костяк которых составили сирийские войска численностью до 30 тысяч человек. Однако ни центральное правительство Ливана, ни межарабские силы так и не сумели надежно стабилизировать положение в стране.

В ходе гражданской войны 1975—1976 годов и спровоцированных позднее правоэкстремистскими силами новых вооруженных столкновений погибло около 60 тысяч ливанцев и палестинцев. Еще больше было ранено. Не менее 500 тысяч человек, лишившись кровя и средств к существованию, вынуждены были покинуть свои родные места. Материальный ущерб страны оценивался в несколько миллиардов долларов, то есть составлял сумму, превышавшую годовой доход Ливана. Страна, не зная, как выбраться из кипящей лавы разбушевавшегося политического вулкана, была снесена к краю пропасти экономического краха.

Прежде чем окончательно покинуть Бейрут, Ивлэнд вынужден был признать правоту Джонатана Рэндала, который говорил, что «США убивают Ливан». Да, Вашингтон не сумел добиться своих целей на Ближнем Востоке с помощью «доктрины Эйзенхауэра» и «дипломатии авианосцев», прибегнув к вооруженной интервенции в Ливан летом 1958 года. В последующие годы американцы, говоря словами Рэндала, продолжали все время держать поблизости от ливанских берегов свои авианосцы, отводя роль «политического авианосца» Израилю, а «экономического авианосца» — прозападному буржуазному Ливану. Теперь Соединенные Штаты вместе с Израилем делают все возможное, чтобы потопить этот «экономический авианосец».

— Катастрофа Ливана,— сделал для себя вывод Ивлэнд,— это в большей мере результат подрывной деятельности США и их стратегического альянса с Израилем.

Ивлэнд нашел в себе мужество прийти к заключению, что значительная доля вины не только за пожарища Бейрута, за кровавые события в Ливане, но и за все то безумие и хаос, которые охватили Ближний Восток, ложится на Белый дом, на ЦРУ, на Пентагон, на госдепартамент, на нефтяные и другие компании. Ивлэнд долгие годы служил во всех этих ведомствах и компаниях, а следовательно, и имел самое непосредственное отношение к их грязным трюкам на Ближнем Востоке.

Соединенные Штаты всегда стремились плести в арабских странах всевозможные заговоры, создавать там воен-

ные базы, сколачивать с их участием блоки и пакты, которыми хотели окружить Советский Союз. Но все «доктрины», провозглашавшиеся союзы оказались «карточными домиками», или, как говорят в Америке, «веревками из песка». Пески Ближнего Востока богаты нефтью, но вить из них веревки — бесполезное занятие.

В охваченном пожарищем Бейруте, в городе, где начиналась и, судя по всему, закончилась служба Ивлэнда, он решил написать обо всем этом честную книгу. Он так ее и назвал — «Веревки из песка: Проказы США на Ближнем Востоке».

Ивлэнд был свидетелем лишь первых действий многоактной ливанской трагедии. Ее продолжение наблюдал и довольно правдиво описал Джонатан Рэндал. Он стал свидетелем кровавого апофеоза американо-израильского альянса на Ближнем Востоке. Из репортажей, относящихся к гражданской войне 1975—1976 годов и к периоду новой тройственной — американо-наторвско-израильской агрессии в Ливане, он составил книгу, которую озаглавил «Идя до конца: Христианское воинство, израильские авантюристы и война в Ливане». Она дополнила книгу Ивлэнда, подтвердив ее главные выводы: «миротворчество» Вашингтона на Ближнем Востоке и путь сепаратных сделок при американском посредничестве не привели и не могли привести к установлению прочного мира в этом регионе.

В ПОРОЧНОМ КРУГУ

Сменившая в начале 1977 года республиканцев новая администрация демократов во главе с Джимми Картером оказалась на Ближнем Востоке в том же порочном кругу, который она на словах осуждала.

Отправным пунктом «нового» курса администрации Картера должен был стать вывод о том, что «частичные меры» так называемой «поэтапной дипломатии» исчерпали себя. К тому времени и сам творец этой дипломатии Г. Киссинджер тоже признавал, что «следующим логическим шагом на Ближнем Востоке должно быть всеобъемлющее урегулирование». Но новая американская администрация так и не сделала этого шага. Она опять пошла на поводу у Израиля, где впервые за всю историю Партия труда после поражения на парламентских выборах вынуждена была весной 1977 года уступить власть блоку оппозиционных правых партий «Ликуд» во главе с Менахемом Бегином.

Несостоявшийся «пересмотр»

В первый год пребывания в Белом доме Дж. Картер предпринял все же несмелые попытки отказаться от курса частичных сделок. В программном выступлении 16 марта 1977 года в Клинтоне президент США изложил даже принципиальную схему урегулирования на Ближнем Востоке, которую он предлагал взять за основу переговоров в рамках Женевской мирной конференции. Она предусматривала прекращение состояния войны и признание арабами Израиля в качестве «постоянной реальности» в регионе, отход Израиля с оккупированных в 1967 году арабских территорий на «взаимосогласованные, безопасные и признанные границы». Не исключалось и предоставление «национального отечества» палестинцам, связанного, впрочем, в

той или иной мере с Иорданией. Иными словами, это не отождествлялось с созданием суверенного палестинского государства.

Хотя ряд положений этой схемы, особенно касавшихся неполного вывода израильских войск и палестинской проблемы, был явно неприемлем для арабов, в целом она содержала некоторые элементы компромисса. Такая позиция администрации Картера, пожалуй, в большей степени, чем это делали Р. Никсон и Дж. Форд, обязывала Тель-Авив смягчить его прямолинейно-жесткую политику с учетом долгосрочных целей и интересов США на Ближнем Востоке.

Весь предыдущий опыт, извлеченный из сепаратных сделок и безуспешных попыток возродить «поэтапную дипломатию», подвела администрацию Картера и к признанию того, что Советский Союз и США, как это было отмечено в совместном советско-американском сообщении об итогах переговоров А. А. Громыко с госсекретарем С. Вэнсом 18—20 мая 1977 года, должны направлять совместные усилия на возобновление Женевской конференции в течение осени 1977 года. Признавая важность тщательной подготовки этой конференции, стороны условились тогда действовать в этом направлении и в своих контактах со сторонами, непосредственно вовлечеными в конфликт.

В конце сентября 1977 года в Вашингтоне и Нью-Йорке состоялся новый раунд переговоров министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с американскими руководителями. В результате их было согласовано совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года. В этом документе Советский Союз и Соединенные Штаты высказались в пользу такого урегулирования, которое «должно быть всеобъемлющим, охватывающим все заинтересованные стороны и все вопросы».

Но буквально через несколько дней Соединенные Штаты отказались фактически от своих договоренностей с СССР. Именно в вопросах ближневосточного урегулирования особенно быстро и ясно проявились двуличие и непоследовательность администрации Картера. Очень скоро она вернулась, как говорится, «на круги своя» и пошла на поповду у сионистского лобби. Дело, конечно, не ограничивалось только одними сионистами. Вашингтон не раз доказывал свои возможности влиять на Тель-Авив и даже приструнивать в нужный момент местных сионистов.

Тем не менее, встретившись с Бегином 5 октября 1977 года, американские руководители пошли на попятную.

Тогда-то на свет и появился «рабочий американо-израильский документ», который перечеркивал основные положения совместного советско-американского заявления.

Хорошо осведомленный американский журналист С. Цион и связанный с израильской разведкой публицист У. Дан в книге «Тайны ближневосточного мира» приводят любопытную запись беседы Дж. Картера с израильским министром иностранных дел Даляном. Покинув Генеральную Ассамблею в Нью-Йорке, Даян спешно прибыл в Вашингтон сразу после опубликования советско-американского заявления.

На вопрос президента, что «не устраивает» Тель-Авив в этом заявлении, Даян однозначно ответил:

— Всё!

— Но давайте разберем его по пунктам! — предложил Дж. Картер.

— Бесполезно! — отрезал Даян. — Достаточно, что вы опять вводите в игру русских. Вы должны знать, что Израиль никогда не согласится на независимое палестинское государство, как бы оно ни называлось, и ни за что не сядет за стол переговоров в Женеве с каким бы то ни было представителем ООП!

В свою очередь Бегин при встречах и беседах в Вашингтоне не скрывал, что главная цель выдвинутого им тогда «мирного плана» состояла в том, чтобы не допустить возобновления работы Женевской конференции. Так называемый «план Бегина» был в то время «категорически отвергнут» Садатом как «неприемлемый» в своей основе для ближневосточного урегулирования. Единственное, что импонировало Садату в «плане Бегина», — это стремление избежать созыва Женевской конференции и предельно уменьшить роль Советского Союза в ближневосточном урегулировании. Общая основа антисоветизма стала одним из отправных пунктов последующего сепаратного египетско-израильского сговора.

Новый импульс ему дал «неожиданный» визит Садата в Иерусалим в конце 1977 года.

Позорное паломничество

О своей готовности посетить Иерусалим Садат объявил 9 ноября, выступая в Каире перед депутатами парламента. Ни депутаты, ни журналисты, ни приглашенные на заседание парламента иностранные гости не восприняли

всерьез чисто риторический, как всем тогда показалось, клич Садата:

— Ради того, чтобы добиться мира, я готов поехать хоть на край света! Даже в Иерусалим, чтобы обсудить там мой план мира с депутатами израильского кнесета!..

В Вашингтоне и Тель-Авиве заявление Садата произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Оно сразу же было преподнесено как «историческая» сенсация. И Картер, и Бегин сделали вид, будто они удивлены и даже ошеломлены подобным «непредвиденным шагом» Садата.

Администрация Картера попыталась позднее представить дело так, будто именно этот «экспромт» египетского президента заставил ее якобы отойти от согласованной с Советским Союзом позиции, которая нашла отражение в советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года.

Между тем этот «экспромт» был заранее тщательно подготовлен израильской и египетской спецслужбами с подключением высокопоставленных доверенных лиц Бегина и Садата. И делалось это не без участия Вашингтона. Как признал позднее Садат в своих мемуарах, мысль о паломничестве в Иерусалим ему подсказал лично Картер, от которого в начале сентября 1977 года он получил строго конфиденциальное послание. Садату передал его прибывший из Вашингтона египетский дипломат, сын покойного министра обороны Исмаила Али. В ответном письме, отправленном тоже в обход официальных дипломатических каналов, Садат «строго по секрету» информировал Картера о намерении «попытаться предпринять смелый шаг в поисках выхода из ближневосточного тупика». Надо полагать, что Картер все же поделился этим «секретом» с Бегином и дал ему, очевидно, некоторые советы. Недаром израильский премьер горячо впоследствии благодарил Картера за его личный вклад в создание «исторического момента», который без американской помощи «просто не мог бы произойти».

Американское ЦРУ и израильский «Моссад» заранее создали для личной встречи Садата с Бегином благоприятную «психологическую атмосферу». Они сфабриковали «секретные данные» о готовящемся якобы Ливией заговоре против Садата. По совету Бегина эти сведения шеф израильской разведки передал своему египетскому коллеге, организовав с ним секретную встречу в Марокко. Это была не первая и не последняя встреча представителей сек-

ретных служб Израиля и Египта. Однако прежние контакты не приносили ощутимых результатов.

На этот раз шеф «Моссада» генерал Хофи да и сам Бегин имели все основания быть удовлетворенными. В Каире начались повальные аресты лиц, значившихся в списках, которые были составлены в «Моссаде». Через несколько дней после этого Садат отдал приказ о вторжении египетских войск в приграничные районы Ливии. Бегин с трибуны кнессета вдруг стал клясться в том, что Израиль не предпримет ничего, чтобы сковать египтян на Синае, пока они действуют в Ливии.

Садат по достоинству оценил «благородство» Бегина. Он решил продолжить тайные контакты с Тель-Авивом на более высоком уровне. Решение это помогло ему принять и «дружеское письмо» Картера.

В середине сентября 1977 года Садат санкционировал встречу в Марокко своего личного представителя в ранге министра Хасана Тухами с израильским министром иностранных дел Моше Даяном. Эта секретная встреча была проведена словно по сценарию детективного фильма. Даян проделал даже трюк с переодеванием, прилепив усы и надев большие черные очки вместо слишком заметной черной повязки. Для отвлечения внимания он отправился в путешествие со своей женой Рэчел. Однако из Брюсселя в Нью-Йорк она летела почему-то одна, хотя Даяна там ожидали к открытию Генеральной Ассамблеи ООН. Не обнаружив его ни в брюссельском, ни в нью-йоркском аэропорту, репортеры решили, что Даян по соображениям безопасности летит в другом самолете.

Даян, проведя в Марокко секретную встречу с Тухами, тут же возвратился на частном самолете в Тель-Авив для личного доклада Бегину о результатах своих переговоров с представителем Садата. Как явствует из книги хорошо осведомленных публицистов С. Циона и У. Дана «Тайны ближневосточного мира», Даян сделал из своих переговоров очень важное заключение: «Садат готов конфиденциально встретиться с Бегином для обсуждения соглашения о прекращении войны, а возможно, и сепаратного мирного договора между Египтом и Израилем».

По существу, вывод Даяна подтвердил и Садат в доверительной беседе с шахом Ирана, которого он навестил в Тегеране в конце октября 1977 года. Он давно уже делился с шахом самыми сокровенными мыслями, особенно после того, как они решили учредить тайный политический клуб «Сафари». Садат и шах достигли даже договорен-

ности о проведении ряда совместных тайных операций и политических акций на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке. Конечно, предусматривалась при этом координация действий и с американским ЦРУ, и с секретной службой Франции. Не исключалось и привлечение к некоторым акциям, особенно в Африке, «Моссада». Шах поэтому полностью поддержал идею Садата об установлении прямых контактов с Бегином. О готовящемся визите Садата в Иерусалим решили, однако, никого, кроме американцев, не информировать.

После объявления Садатом на заседании парламента своего «исторического решения» госдепартамент и ЦРУ развили бурную деятельность. По свидетельству израильских публицистов Э. Хабера, З. Шиффа и Е. Яари, авторов книги «Год Голубя. Иерусалим 1977—Кэмп-Дэвид 1978», американцы сразу же выступили организаторами встречи Садата с Бегином. В Каир одна за другой направлялись американские делегации. Они убеждали Садата не откладывать слишком надолго задуманный визит. Эти же делегации после Каира посещали Тель-Авив, готовя к будущей встрече Бегина.

Американцы добились своего. 15 ноября Бегин выразил готовность направить Садату официальное приглашение посетить Иерусалим и выступить в кнессете. Это приглашение было передано через послов США в Тель-Авиве и Каире. Одновременно американцы старались хоть как-то нейтрализовать оппозицию со стороны других арабских стран. Впоследствии президент Картер в своих мемуарах писал:

«Как только стало ясно, что президент Садат собирается в Иерусалим, мы немедленно стали использовать наше влияние, с тем чтобы убедить другие страны не осуждать этого решения».

Усилия Вашингтона не принесли ожидаемых результатов. Зондаж, который провел сам Садат с целью заручиться если не поддержкой, то хотя бы «пониманием» арабских руководителей его «смелого шага», тоже не давал оснований для оптимизма. Президент Сирии Х. Асад откровенно высказал прибывшему в Дамаск Садату свое «недоумение» по поводу его готовящегося «политического паломничества» в Иерусалим.

— Неужели вы на самом деле намерены осуществить то, о чем говорили в своей недавней речи в парламенте? Я просто отказываюсь этому верить, — такими словами встретил в Дамаске Хафез Асад Садата.

Сирийский президент надеялся лично от Садата услышать то, что ему доложил накануне министр иностранных дел А. Х. Хаддам, после возвращения с конференции министров иностранных дел арабских государств в Тунисе. На аналогичный вопрос сирийского министра его египетский коллега Исмаил Фахми ответил, что заявление Садата — это просто тактический ход с целью «загнать в угол Бегина». Через несколько дней Фахми, убедившись в своей ошибке, подал в отставку.

Садат подтвердил Асаду серьезность своего намерения. После бесплодной четырехчасовой дискуссии с сирийским президентом, пытавшимся отговорить Садата от такого опрометчивого шага, они холодно расстались. На прощание Садат высокопарно поклялся:

— Клянусь, я совершу этот визит, чего бы он мне ни стоил! Если же меня ожидает неудача, я признаю вашу правоту. В таком случае я подам в отставку!

Садат не сдержал этой клятвы ни по возвращении из Иерусалима, ни позже, когда всем уже стал очевиден провал его капитулянтской политики.

Садат все же попытался хоть как-то уменьшить степень риска. В официальном коммюнике визит Садата в Иерусалим был мотивирован его желанием принять участие в молебне по случаю мусульманского праздника Ид-аль-Адха в святой мечети Аль-Акса. При этом ссылка была сделана на полученное от президента Картера послание, к которому было приложено «приглашение израильского правительства». Однако все эти протокольные хитрости никого не ввели в заблуждение.

Посол США в Израиле Сэмюэл Льюис сообщил «важную новость» Бегину в 6 часов утра, подняв его с постели. Американский посол решился на столь ранний визит, считая, что сообщение о «наступающей эре мира» на Ближнем Востоке не менее важно, чем то, с которым явился среди ночи его предшественник Китинг к Голде Меир, чтобы предупредить ее о готовящемся наступлении арабов в октябре 1973 года.

Посол, не имея еще официального ответа Садата, тем не менее «рискнул» заверить Бегина, что египетский президент прибудет в Иерусалим не позднее 19 ноября. Бегин воспринял это сообщение без особого энтузиазма, хотя Льюис сам был свидетелем, как тот торжественно оглашал в кнессете официальное приглашение израильского правительства, переданное Садату американским послом в Каире Германом Эйттсом.

Опубликованное в утренних израильских газетах интервью близкого к военным кругам журналиста И. Харела с начальником генерального штаба Мордехаем Гуром помогло Льюису понять колебания Бегина. Этот влиятельный генерал во время октябрьской войны 1973 года находился на посту военного атташе Израиля в США. Теперь он открыто выступал против приглашения Садата в Иерусалим. Гур, очевидно, высказывал не только личное мнение. Генерал выражал опасение, что Садат прослынет «голубем», а израильские руководители в случае неудачи переговоров предстанут в глазах общественного мнения как «ястребы». На заседании израильского правительства недолго до сенсационного заявления Садата серьезно обсуждался вопрос о целесообразности еще одной «превентивной войны» против Египта. Военные доказывали, что Египет после разрыва договора с Советским Союзом и выхода из общеарабской коалиции не в состоянии оказывать серьезного сопротивления.

— Если пам предстоит еще воевать, то это надо делать немедленно, не позднее 1978 года,— заявил министр обороны Эзер Вейцман.

Бегин и сам придерживался такого мнения. Чтобы положить конец дискуссии, он согласился отдать приказ о приведении израильской армии в повышенную боевую готовность.

Больше всего в Вашингтоне боялись, как бы Садат в последнюю минуту не передумал, не желая подвергать себя «опасному риску». Посол Диниц заверил, что израильское правительство сделает все возможное, чтобы «уменьшить степень риска» и сделать безопасным пребывание Садата.

За день до прибытия египетского президента в Иерусалим и его окрестностях были проведены широкие аресты среди палестинцев, подозреваемых в сочувствии Организации освобождения Палестины. В израильской полиции временно отменили отпуска. К аэропрому Бен-Гуриона в Лоде, где ожидали самолет Садата, стянули специальные армейские подразделения и дополнительные силы полиции. Встрече Садата в Иерусалиме присвоили кодовое название «Шаар» («Заветный час»).

19 ноября, в день прибытия Садата в Иерусалим, наиболее популярный в США телекомментатор Уолтер Кронкайт вел прямой репортаж с аэропрома. Как только египетский президент сошел с американского «Боинга» и ступил на красную ковровую дорожку под залпы салютовавших ему орудий, Кронкайт воскликнул:

— Человек ступил на Луну, Садат прибыл в Иерусалим — вот два главных события нашей эпохи.

Садат и впрямь не знал, то ли он на Луне, то ли на земле. Он первый из арабских руководителей удостоился такого пышного приема и поистине королевских почестей в стране, которая все еще находится в состоянии войны почти со всем арабским миром. Израильские орудия, которые совсем недавно обстреливали египетские позиции, теперь салютуют Садату.

Президент Израиля Эфраим Кацир двинулся к нему навстречу с протянутой рукой. Затем Садат обменялся рукопожатиями с Бегином и израильскими министрами. На минуту он остановился около Шарона, доставившего Садату особенно много тревог в дни октябрьской войны, когда тот со своими танками начал двигаться к Каиру.

— А я ведь хотел вас взять в плен! — попытался пошутить Садат.

— Я тоже! А теперь готов ответить вам гостеприимством на гостеприимство, — двусмысленно ответил Шарон.

К Даюну Садат обратился по имени, как будто они давно были знакомы:

— Моше, вы, кажется, сказали в июне 1967 года, что ждете от нас телефонного звонка, вот мы и прибыли.

Даян самодовольно улыбнулся, вспомнив, что под телефонным звонком он подразумевал тогда полную капитуляцию.

Поприветствовать Садата прибыли и бывшие израильские руководители, в том числе Голда Меир. По такому случаю ее специально вызвали из Соединенных Штатов, где она проходила курс лечения.

— Я ведь давно хотел встретиться с вами! — напомнил ей Садат вполголоса.

— Но вы, очевидно, тогда не решились!.. — съехидничала Голда.

Несмотря на неприятные напоминания и колкие любезности израильских руководителей, Садат, обходя перед объективами фотоаппаратов, кино- и телекамер выстроенный в его честь почетный караул, хотел верить, что держит в руках ключ к миру.

Очень скоро ему пришлось, однако, убедиться, что «мир», за которым он совершил паломничество в Иерусалим, не приемлют даже арабы, живущие под оккупационным режимом Израиля. Никто из арабских мэров и влиятельных граждан городов на Западном берегу Иордана не захотел приехать, чтобы приветствовать Садата на аэропорту.

Для подтверждения официальной версии визита в Иерусалим Садат на следующий день присутствовал на праздничной службе в мечети Аль-Акса, расположенной в оккупированной части города. Это одна из самых почитаемых и больших мечетей в мусульманском мире. По праздникам здесь собиралось обычно до 20 тысяч человек. С Аль-Аксой связаны не только легенды мусульман, но и живая история. Именно в этой мечети в 1951 году был убит иорданский король Абдалла за то, что пытался заключить сепаратный мир с Израилем. Боясь, как бы Садат не стал очередной жертвой, которую могли бы принести мусульмане в свой святой праздник жертвоприношения, власти приняли чрезвычайные меры по обеспечению его безопасности. На службе присутствовало лишь несколько сот человек. Недопущенные в мечеть взирали на Садата из-за железных решеток с нескрываемой неприязнью и даже ненавистью.

Выражая их чувства, имам мечети саркастически произнес вместо приветствий полные горечи слова:

— Мы ждали Аладина, но приехал ты, Садат. Без огня, без факела, без волшебной лампы. С одной лишь коптящей свечой. Но ее дрожащий свет только умножает призраки беспокойства и недоверия, которые омрачают арабский мир.

Имам кончил свою проповедь заклинанием, чтобы Садат не отрекался от Иерусалима, второй святыни мусульман после Мекки, чтобы он действовал сообща с другими арабскими руководителями, защищая попранные права палестинского народа.

Когда Садат направился к выходу, кто-то из толпы выкрикнул:

— Мы готовы пожертвовать нашей кровью и нашей жизнью за освобождение святой Аль-Аксы! Помни, Садат!

Как ни старался Садат выдать себя за Аладина, «чудотворца-волшебника» из него не получилось. Бегин в первой же беседе с Садатом дал понять, что речь может идти только о сепаратном египетско-израильском «мире». Палестинской проблемы лучше не касаться.

Появление Садата на трибуне кнессета съехавшиеся гости встретили аплодисментами. Подавляющее большинство депутатов кнессета сидели в креслах, скрестив руки на коленях. То, о чем собирался говорить Садат, не внушило им большого доверия. Садат, вняв советам американцев и пожеланиям Бегина, убрал из текста своей речи хоть какое-либо упоминание об Организации освобожде-

ния Палестины. Но саму палестинскую проблему он никак не мог исключить.

— Никто не может отрицать палестинскую проблему, — провозгласил Садат в заключение своей речи. — Она является сердцевиной не только конфликта, но и мира, который может быть установлен между Израилем и арабскими государствами. Сепаратный мир между Израилем и Египтом не может быть прочным и надежным. Для этого Израиль должен отказаться от оккупации арабских земель, захваченных в 1967 году, признать законные права палестинского народа, вплоть до его самоопределения и создания независимого государства.

Садат, уловив гробовое молчание в зале, решил подкрепить свои слова еще одним, на его взгляд, самым веским аргументом:

— Даже Соединенные Штаты, ваши самые ближайшие союзники, которые оказывают Израилю моральную, политическую и военную поддержку, выступая гарантами вашей безопасности и суверенитета, даже они, глядя в лицо реальным фактам, вынуждены признать, что без решения палестинской проблемы конфликт будет все более усугубляться, угрожая новыми взрывами и потрясениями... Никакое урегулирование невозможно без палестинцев. Решение может быть только одно — признать за ними право на свое государство...

В ложе для правительства раздалось шушуканье. Министр обороны Вейцман, наклонившись к Даюну, прошептал:

— Кажется, мы должны все же готовиться к войне...

Садат, как бы отвечая на эту реплику, воскликнул:

— Пусть прошедшая война станет последней! Скажите вашим сыновьям, что мы вступаем в новую эру — эру любви, процветания и мира!

Заключительные слова были встречены разрозненными робкими хлопками, потонувшими в гробовой тишине.

Бегин, поправив очки, занял место Садата на трибуне. Он тоже не скучился на высокопарные слова о мире и процветании, обильно цитировал наизусть изречения из Библии и Корана. Но он ни разу не упомянул ни об ООП, ни о палестинском народе. Бегин призвал обсуждать любые проблемы, но не питать иллюзий, что Израиль откажется от «вечно неделимого Иерусалима» и от своих «безопасных границ».

Из последующих бесед с израильскими руководителями Садат понял, что никто из них не принял всерьез его

декларации в кнессете. На одном из банкетов Вейцман доверительно признался Садату, что воспринял его выступление лишь как «первую цену на восточном базаре».

— Мы надеемся, что потом вы начнете сбавлять цену,— как бы шутя заметил Вейцман.

Садату ничего не оставалось, как выразить такую же надежду в отношении израильских требований. На заключительной пресс-конференции стороны подтвердили готовность продолжить переговоры. Однако на вопросы журналистов, где может состояться следующая встреча, Садат дал уклончивый ответ:

— Мы можем встретиться где-нибудь на Синае или в моей резиденции в Исмаилии.

Садат не мог быть уверен в безопасном пребывании в Каире не только Бегина, но и самого себя. Опасения Садата разделяли и израильские руководители. Вскоре после отъезда египетского президента Вейцман, отвечая на вопрос одного израильского генерала, как он оценивает обстановку после визита Садата, заявил:

— Я не пессимист, но и не оптимист. Трудно предугадать все опасности, которые подстерегают Садата. Во всяком случае, если бы я был владельцем страховой компании Ллойда, я не согласился бы на страхование жизни Садата.

Да и сам Садат после возвращения из Иерусалима не очень верил в способность египетской полиции обеспечить его личную безопасность. Он обратился к Картеру с просьбой прислать из США специалистов, которые могли бы организовать охрану президента. Но американцы заботились не столько о «страховании жизни» Садата, сколько о подстраховке задуманной ими сепаратной египетско-израильской сделки. Начался новый раунд «поэтапной дипломатии». На Ближнем Востоке слова членами администрации Картера засновали высокопоставленные чины администрации Картера. Они пытались скрестить «мирную инициативу» Садата с «мирным планом» Бегина.

Много шума без ничего

На очередном совещании в Белом доме помощник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский предложил выработать «новую ближневосточную стратегию», в пределах которой должны были поэтапно решаться вопросы ближневосточного урегулирования. Пер-

воочередная цель — добиться при посредничестве США сепаратного договора между Египтом и Израилем. Следующий этап — «подтянуть» к ним некоторые умеренные арабские страны, особенно Иорданию, Ливан и Саудовскую Аравию. На последующем — добиться изоляции Сирии, а затем «нейтрализовать» противодействие Организации освобождения Палестины.

Отправляясь в декабре 1977 года в очередное турне по Ближнему Востоку, государственный секретарь С. Вэнс должен был убедить других арабских руководителей присоединиться к запланированным в Каире египетско-израильским переговорам. Он хотел максимально помочь Садату создать хотя бы видимость защитника общеарабских интересов.

Но арабские руководители не захотели следовать примеру Садата. Бегин и его окружение отказывались смягчить свою позицию в ближневосточном урегулировании, особенно в палестинском вопросе.

Такую же жесткую линию проводила израильская делегация и на возобновленных в Каире в середине декабря 1977 года египетско-израильских переговорах с участием американцев.

Сначала их хотели как-то «втиснуть» в рамки Женевской конференции. Однако из этой затеи ничего не вышло. Тем не менее на фронтонае каирской гостиницы «Менахауз», где проходила первая египетско-американо-израильская встреча, решили вывесить флаги всех участников конференции в Женеве, в том числе Палестины. Израильскую делегацию доставил американский самолет, на фюзеляже которого крупными буквами на иврите и по-арабски было написано «Мир». Так заранее рекламировалась цель визита первой израильской делегации в Каир.

Садат не скрывал своего разочарования, ибо израильскую делегацию возглавил начальник канцелярии премьер-министра Бен-Элиазар, а не кто-либо из министров. В связи с этим Египет поручили представлять Абдель Магиду, египетскому послу в ООН, который имел достаточный опыт неофициальных контактов с израильтянами в Нью-Йорке. Учитывая «сниженный уровень» переговоров, Вэнс задержался в Израиле, а в Каир направил своего помощника А. Атертона.

Садат, стараясь хоть как-то поднять престиж каирской встречи, заранее самоуверенно заявил, что Египет однажды решит в течение месяца все вопросы, которые не смогла разрешить Женевская конференция.

Но в первый же день переговоры оказались под угрозой срыва. Глава израильской делегации Бен-Элиазар ультимативно потребовал снять флаг Палестины. Египтяне попросили американского представителя А. Атертона урезонить израильтян. Но Бен-Элиазар все же настоял на своем — флаг Палестины был снят. Инструкция, полученная от Даяна, включала три категорических запрета: не касаться палестинской проблемы, никаких компромиссов по территориальному вопросу, отказываться от возвращения на Женевскую конференцию. Израильская делегация была уполномочена обсуждать лишь «проект договора о мире» с Египтом. Но договор на таких условиях для Египта был равносителен капитуляции и признанию провала «исторического визита» Садата в Иерусалим.

Израильтяне, встретив препятствия в Каире, решили предпринять обходный маневр. Бегин, растолковав Вэнсу все 26 пунктов своего нового «плана мира», предложил принять его за основу египетско-израильских переговоров.

— Я хотел бы лично обсудить мой план с президентом Картером, — объявил Бегин.

— Я уверен, что президент будет рад вас видеть. Но его, очевидно, надо сначала подготовить, — ответил осторожно Вэнс.

— Наш посол Диниц уже имеет на этот счет указания. Он наверняка ознакомил президента с нашими идеями, — возразил Бегин.

— Когда же вы хотели бы вылететь?

— Если возможно, послезавтра. Меня будет сопровождать Даян. И пусть мой визит останется в секрете, — попросил Бегин.

К удивлению Вэнса, Картер согласился на все условия Бегина.

Разъясняя Картеру и Бжезинскому свой план, Бегин подчеркнул, что впервые за всю историю Израиль представляет американскому правительству «проект всеобщего урегулирования» на Ближнем Востоке.

«План Бегина» по многим пунктам — не только по палестинской проблеме, но и по условиям двустороннего соглашения с Египтом — принципиально расходился с предложениями Садата. Тем не менее ни Картер, ни Бжезинский не высказали никаких принципиальных возражений.

Когда же Бегин стал излагать свой вариант решения палестинской проблемы на основе предоставления населению Западного берега Иордана и сектора Газа «внутреннего самоуправления», Картер даже похвалил Бегина:

— Очень важная уступка с вашей стороны!

— Да, заметный прогресс! — согласился Бжезинский.— У меня только есть один вопрос: как будут называться жители этих самоуправляемых районов?

— Как они захотят,— ответил Бегин после некоторого колебания.— Могут называться иорданцами, могут — израильтянами, а могут и... местными арабами.

— А могут ли они представлять в кнессете?

— Нет! — отрезал Бегин.— Разве только те, которые примут израильское гражданство.

— Но это уже напоминает чем-то Южную Африку,— заметил Бжезинский.— Ведь, по существу, вы лишаете таким образом жителей права голоса...

— Мы никого и ничего не лишаем! — резко ответил Бегин, оскорбленный таким сравнением.— И мы ничего никому не навязываем!

После этой короткой перепалки Бегин сухо спросил у Картера:

— Господин президент, как ваше мнение, может ли стать мой план основой для дальнейших переговоров?

— Конечно же, конечно же! — быстро согласился Картер.

— Это очень хорошее начало,— более осторожно резюмировал Бжезинский.— Ваш проект во многом соответствует моему собственному плану. Я думаю, что предлагаемая вами формула самоуправления на последующем этапе может стать платформой и для прообраза палестинского государства.

Бегин явно не рассчитывал, что из его «плана» можно сделать такое заключение.

— Это, естественно, только наметки,— поспешил он сделать оговорку.— План еще должен быть утвержден израильским правительством.

В тот же день Белый дом поспешил информировать Садата о содержании «плана Бегина». Каково же было удивление американцев, когда через два дня Бегин попросил сделать в «плане» различные поправки, внесенные якобы членами правительства в Тель-Авиве. Картер согласился лично ходатайствовать перед Садатом, чтобы тот принял Бегина для обсуждения израильских предложений.

Просьба Картера застала Садата врасплох. Египетский президент сбивчиво объяснил американскому послу, что приезд Бегина в Каир в момент, когда израильские войска оккупируют часть египетской территории, нежелателен.

Он предпочел бы принять израильского гостя «подальше от толпы», в Асуане. Но в конце концов согласился на встречу с Бегином в Исмаилии.

Сначала для «подготовки почвы» в Исмаилию направился министр обороны Э. Вейцман, который должен был принять участие в работе военной комиссии. Для этой поездки американцы выделили Вейцману специальный военный самолет. Вместе с ним отправились в Египет начальник генерального штаба М. Гур и начальник военной разведки Ш. Газит. Пока члены делегации беседовали с египетским министром обороны Гамаси, Вейцман пытался выяснить отношение Садата к «плану Бегина». С его содержанием египетского президента успел заранее познакомить посол США Г. Эйтис. Садат явно был разочарован предложениями Бегина. Больше всего египетского президента настороживала нависшая над ним тень американо-израильского скворца за его спиной. По заключению израильских публицистов Э. Хабера, З. Шиффа и Е. Яари, Садат уже тогда пришел к выводу, что он сделал слишком «рискованный прыжок», не посмотрев, куда может упасть.

К огорчению Вейцмана, он не сумел добиться от Садата предварительного письменного послания к Бегину, прежде чем тот сам не прибыл в Исмаилию.

Бегина не встречали ни толпы людей, ни члены египетского правительства, ни иностранные дипломаты. По дороге в резиденцию Садата израильские гости не заметили ни транспарантов со словами «Добро пожаловать», ни портретов Бегина. Американский посол в Израиле Льюис предсказал, что Садат не решится принять «план Бегина». После первых же встреч с египетским президентом Бегин убедился, что Льюис был прав. Не помог и телефонный звонок Картера, который лично поздравил Садата и Бегина с наступающим Новым годом. В заключение он призвал их «преподнести миру рождественский подарок». Увы, «подарка» не получилось. Садат объяснил Бегину и сопровождающим его Даяну и Вейцману, что никак не может согласиться на сохранение израильского военного присутствия на Синае в любой форме. Ему нужна, кроме того, хотя бы видимость какого-то сдвига в решении палестинской проблемы. Без такой «ширмы» он не может пойти на сепаратное соглашение. Бегин к этому не был готов. Очередное действие спектакля «Много шума без ничего» закончилось без аплодисментов.

В первые дни 1978 года президент Картер отправился с мпогочисленной свитой, включая Вэйса и Бжезинского,

на Ближний Восток. Первую остановку они сделали 4 января в Асуане. Там они провели многочасовую беседу с Садатом. Позднее Бжезинский признавал, что в их задачу входило «протянуть руку» Садату, чтобы склонить его к принятию «плана Бегина». При этом они его «подталкивали, осторожно разворачивали, тактично подсказывали», где и как Садат мог бы уступить без особого риска для самого себя. В результате американцы добились лишь одного — согласия Садата продолжить переговоры с израильянами, если они снимут свои возражения против обсуждения палестинской проблемы.

Беседы Картера с королем Иордании и членами королевской семьи Саудовской Аравии носили в основном протокольный характер. Король Хусейн считал, что трудности на пути переговоров с Израилем неизмеримо большие, чем шансы на их успех. Саудовцы готовы были предоставить «свободу действий» Садату, но при условии, что он будет действовать в «общеарабских интересах», то есть не забывая палестинцев и проблему Иерусалима.

В Тель-Авиве Картер, Бжезинский и Вэнс старались убедить израильских руководителей помочь Садату «соблюсти лицо» перед арабами.

— Для этого вы должны хотя бы временно прекратить создание своих военизированных поселений на оккупированных землях, — просил Картер Бегина.

Его поддержал Бжезинский.

— И почему вы так стремитесь сохранить контроль над своими военными объектами на Синае? Ведь насколько бы вы ни раздвигали свои «границы безопасности», они не в состоянии компенсировать возрастающую в результате этого враждебность к вам арабов!

— Вот поэтому-то мы и против создания еще одного палестинского государства, — ответил Бегин.

— Что вы имеете в виду? — решил уточнить Вэнс.

— То, что одно палестинское государство уже существует, — поучительным тоном начал разъяснять Бегин. — Оно называется Иордания. Больше половины его населения составляют палестинцы. А Иудея и Самария на западном берегу Иордана — это наши библейские земли. Нам нечего обсуждать их статус. Мы можем говорить лишь о проживающем там населении.

— Но если вы так понимаете палестинскую проблему, то пусть она фигурирует хотя бы в такой постановке, — пошел на компромисс Бжезинский. — Ведь Садат в противном случае предстанет перед арабами в непрятливом виде.

Можно сказать, почти голым. А он просит сохранить ему хотя бы фиговый листок!

Бегин рассмеялся и протянул руку, как бы в знак согласия. Это дало американцам повод расценить переговоры как «обнадеживающие».

Не прошло, однако, и недели, как Израиль снова стал возражать против включения палестинской проблемы в повестку дня второго заседания политической комиссии. Она должна была возобновить работу в конце января 1978 года в Иерусалиме. Пришлось опять вмешаться американскому послу Льюису, а затем и госсекретарю Вэнсу. Но израильтяне все же настояли на том, чтобы вместо палестинской проблемы на заседании обсуждался «вопрос, касающийся Западного берега и сектора Газа». Однако обсуждение этого вопроса на очередной встрече египетских и израильских представителей опять завело переговоры в тупик. Садату не оставалось ничего другого, как отозвать египетскую делегацию из Иерусалима. Привал его «исторической миссии» становился все более очевидным.

В начале февраля 1978 года Садат прибыл в Вашингтон с официальным «ответным визитом», где услышал много обещаний и заверений. Но их подлинную цену Садат узнал очень скоро.

Посетивший вслед за Садатом Вашингтон израильский премьер Бегин добился гораздо большего. Американцы, хотя и пожурили его слегка за «иалишнее упрямство», заверили в неизменности поддержки Израиля и дали на этот счет твердые гарантии.

Свое слово американцы сдержали, несмотря на то что в середине марта Израиль провел «несанкционированное» Вашингтоном широкомасштабное вооруженное вторжение в Ливан. Садат попал в ложное положение. Он просил дать ему возможность использовать палестинскую проблему как «ширму» для ведения сепаратных переговоров с Израилем. В результате же получилось наоборот — переговоры с Садатом стали ширмой для подготовки и развязывания новой агрессии Израиля против палестинцев и ливанцев. И на этот раз Садат принял решение о прекращении работы заседавшей в Каире военной комиссии. Американцы вынуждены были снова «нажать» на Израиль. Взамен отвода израильских войск из Ливана Белый дом согласился на «временное военное присутствие» Израиля на Западном берегу и в секторе Газа. Но от Тель-Авива ответных «уступок» не последовало.

— Нельзя требовать,— сетовал Садат,— чтобы уступки делались в одностороннем порядке. Израильская позиция, по мере того как мы продолжали начатое, не только не смягчилась, а, напротив, стала еще более жесткой.

Однако стенания Садата ничего не изменили. Американцы не могли, а вернее, и не хотели нажимать на Израиль. У них поэтому оставался только один выход — заставить пойти на уступки Каир. И эти уступки были сделаны в самом главном вопросе — в палестинской проблеме. В мае 1978 года Садат недвусмысленно дал понять, что он готов во имя достижения сепаратного соглашения с Израилем фактически пожертвовать национальными правами палестинского народа и интересами Сирии.

На встрече в Зальцбурге с израильским министром обороны Э. Вейцманом Садат в июне 1978 года внес новые «модифицированные» предложения. Они, по существу, благословляли «временное военное присутствие» Израиля на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, а также сохранение там израильских военизированных поселений. Садат даже согласился на «некоторое изменение» существовавших до 1967 года границ этих территорий.

Но и этих уступок было недостаточно Тель-Авиву. От Садата требовались не уступки, а фактическая капитуляция. Это стало совершенно ясно на созданной по американской инициативе трехсторонней встрече министров иностранных дел Египта, Израиля и США, которая состоялась 18—19 июля в английском городке Лидсе. Несмотря на заверения египтян о готовности внести некоторые изменения в свои предложения, Израиль отказался сделать хотя бы чисто символические ответные шаги. Его позиция была настолько жесткой, что стороны не сумели выполнить возлагавшуюся на них и минимальную задачу: «разработать хотя бы механизм для продолжения переговоров».

Было очевидно: дал осечку весь механизм «сбалансированной» ближневосточной политики США. Но Вашингтон не сделал такого вывода. Он лишь направил ближневосточное урегулирование из одного тупика в другой.

Лабиринты Кэмп-Дэвида

В густых зарослях на живописных склонах гор Катоктин, в штате Мэриленд, в 115 километрах от Вашингтона, расположена загородная резиденция президента США —

Кэмп-Дэвид. Обычно здесь президенты отдыхают. Иногда в Кэмп-Дэвиде принимают высоких иностранных гостей. В такие дни аллеи парка и площадка перед президентской виллой в Кэмп-Дэвиде заполняются журналистами, фото-, теле- и кинорепортёрами.

Президент Картер в начале сентября 1978 года нарушил эти традиции. В своих мемуарах он подробно описывает кэмп-дэвидские торги. В Кэмп-Дэвиде в течение 13 дней и ночей не отдыхали, а вели «изнуряющие переговоры» по многу часов подряд, иногда даже за счет сна. Напряженно работали президент, государственный секретарь, их помощники. Не до отдыха было и гостям Картера — президенту Египта Садату и премьер-министру Израиля Бегину, которых сопровождали их министры иностранных дел.

Вся подготовка к новой встрече в верхах была окутана полной тайной. Приглашения направиться в Кэмп-Дэвид лично доставил Бегину и Садату госсекретарь Вэнс. Для соблюдения полной секретности и придания этим посланиям большего веса Картер их написал от руки — каждому на пяти страницах с личным грифом президента. Не только об их содержании, но и о самих приглашениях не были проинформированы даже американские послы в Тель-Авиве и Каире. Непосредственно перед вручением послания израильскому премьеру Вэнс ознакомил с его содержанием только своего специального представителя на Ближнем Востоке А. Атертона.

Бегин, прочитав письмо Картера, неожиданно быстро дал на него положительный ответ.

Послание Картера Вэнс зачитал Садату вслух на его вилле в Александрии. Садат, любивший воспринимать новые идеи, как он говорил, «не глазами, а ушами», сразу же после прочтения письма утвердительно кивнул головой. После этого Вэнс отправил президенту одну из самых своих коротких шифровок: «Ответ положительный».

Кэмп-дэвидские переговоры начались 6 сентября. Они проходили в обстановке полной секретности и даже таинственности. На этот раз журналистов и репортеров не допускали к Кэмп-Дэвиду и на пушечный выстрел. По словам «Вашингтон пост», это означало фактически «поворот почти на 180 градусов» в образе действий администрации Картера. Ведь не кто иной, как сам Джимми Картер, совсем еще недавно объяснял неудачи внешней политики США именно тем, что «американский народ держат в неведении о происходящем».

Когда же предали наконец гласности результаты проходивших в Кэмп-Дэвиде переговоров, подтвердилось — на этот раз уже документально, — что «поворот почти на 180 градусов» был сделан не только в протокольных вопросах, но и в рекламировавшейся ранее «новой» политике администрации Картера на Ближнем Востоке.

Как выяснилось позднее из мемуаров Картера, Бжезинского и Вэнса, туман таинственности, атмосфера секретности и неоднократное просачивание сенсационных слухов об угрозе срыва переговоров в Кэмп-Дэвиде инспирировались специально. Беспринципный торг хотели выдать за отстаивание сторонами каких-то мнимо важных принципов. Точно так же впоследствии намеренно драматизировались и возможные чуть ли не «катастрофические последствия» недооценки или бойкотирования достигнутых там соглашений.

— Никто, — заявил Дж. Картер по окончании переговоров, — не должен недооценивать историческое значение сделанного... Встреча на высшем уровне превзошла наши ожидания, позволив выработать поистине всеобъемлющие и справедливые рамки для мира на Ближнем Востоке!

Бегин попытался по-своему обосновать «историческое значение» переговоров в Кэмп-Дэвиде.

— Это уникальное совещание, возможно, одно из самых важных после Венского конгресса в XIX веке! — воскликнул он.

Еще более высокую оценку встрече в Кэмп-Дэвиде дал Садат, назвав ее «великой победой Египта, Израиля и всего человечества».

Подписанные в Кэмп-Дэвиде документы назывались «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Несмотря на все недомолвки участников сделки и намеренно туманные формулировки, содержащиеся в этих «рамках», всем было ясно, что они попадобились Вашингтону и Тель-Авиву для того, чтобы втиснуть в них ту самую «ширму», которая должна была скрыть антиарабскую сущность кэмп-дэвидских соглашений.

Вне «рамок» выработанной в Кэмп-Дэвиде иллюзорной схемы мира на Ближнем Востоке оставались главные требования арабов о выводе израильских войск с оккупированных в 1967 году территорий, об уважении их национальных и суверенных прав. Соглашения имели особенно ярко выраженную антипалестинскую направленность. В документах Кэмп-Дэвида ни слова не говорилось ни о палестин-

ском государстве, ни об Организации освобождения Палестины — единственном законном представителе палестинского народа. Упоминаемое же участниками торга в Кэмп-Дэвиде так называемое право палестинцев на самоуправление оказалось чистейшей фикцией, поскольку палестинские земли оставались под военно-политическим контролем Израиля, не говоря уже об Иерусалиме.

Хотя документы Кэмп-Дэвида отражали сепаратный характер сговора, они, по существу, имели и антиегипетскую направленность. Египту фактически были продиктованы условия заключения в трехмесячный срок сепаратного договора с Израилем, по которому он обязывался вывести свои войска не раньше чем через два-три года.

Капитулянтский, унизительный для Египта характер кэмп-дэвидских документов настолько бросался в глаза, что от них поспешил отмежеваться даже сопровождавший Садата в Иерусалим и в Кэмп-Дэвид министр иностранных дел М. Камель. По возвращении в Египет он подал в отставку. Садату пришлось провести реорганизацию правительства. Большинство министров и военных руководителей страны, в том числе министр обороны генерал Гамаси, были заменены.

Против кэмп-дэвидских соглашений решительно выступили все оставшиеся в живых члены Совета руководства революции, возглавившего июльскую революцию 1952 года в Египте, — А. Багдади, З. Мохи эд-Дин, Х. аш-Шафии, К. Хусейн. Кэмп-дэвидские документы они охарактеризовали как отступничество от основных принципов египетской революции, измену общеарабскому делу борьбы против империализма и сионизма, как попытку навязать Египту «фальшивый мир, ведущий к потере плодов прошлой борьбы и надежд на будущее».

В международной практике обычно не принято проявлять спешки в оценке дипломатических документов, тем более когда они касаются путей урегулирования длительного конфликта и заключения мира. На этот раз реакция общественности и правительства большинства арабских государств была мгновенной.

Руководители Алжира, Сирии, Ливии, НДРЙ и Организации освобождения Палестины резко осудили сговор в Кэмп-Дэвиде. На состоявшемся в Дамаске в сентябре 1978 года совещании глав арабских стран, создавших Национальный фронт стойкости и противодействия, его участники разоблачили цели этого заговора. Они призвали к укреплению арабского единства на антиимпериалистической

основе, расширению и развитию сотрудничества с государствами социалистического содружества, в первую очередь с Советским Союзом.

Правительство Ирака также осудило итоги переговоров в Кэмп-Дэвиде. О неприемлемости составленных в Кэмп-Дэвиде «рамок» ближневосточного урегулирования заявили Саудовская Аравия, Иордания, Тунис, Ливан, Кувейт, Катар, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты.

В Вашингтоне все же питали надежду на возможность подключения к кэмп-дэвидским соглашениям Иордании. Согласию короля Хусейна присоединиться к продолжению переговоров придавалось особенно важное значение. Большие надежды возлагались на запланированную на обратном пути из США встречу Садата с королем Иордании. Однако Хусейн отказался от этой встречи. Правительство Иордании недвусмысленно заявило, что любое окончательное и справедливое урегулирование непременно должно предусматривать уход Израиля со всех оккупированных арабских территорий и право палестинского народа на самоопределение в рамках всеобъемлющего урегулирования.

Реакция арабской общественности, особенно палестинцев, была еще более резкой и бурной. В Аммане, Багдаде, Бейруте, Дамаске, Кувейте и других арабских столицах состоялись массовые демонстрации протesta против заключенной в Кэмп-Дэвиде сделки за счет арабского палестинского народа. В Рамаллахе, Наблусе и ряде других городов на Западном берегу Иордана были объявлены всеобщие забастовки, закрыты все учреждения, школы и магазины. На улицах появились баррикады. Израильские войска снова были пущены в ход для «наведения порядка». Опять загремели выстрелы, и мостовые улиц обагрились кровью мирных жителей.

Волна протестов прокатилась по всему арабскому миру. В этих условиях даже правительства тех арабских государств, на благосклонное отношение которых особенно рассчитывали Вашингтон и Каир, не решились выступать с открытой поддержкой подписанных в Кэмп-Дэвиде соглашений. Переговоры государственного секретаря Вэнса в Аммане и Эр-Рияде закончились безреультатно.

Режим Садата после Кэмп-Дэвида оказался в арабском мире в еще большей изоляции, чем раньше. Главы арабских государств — участников Национального фронта стойкости и противодействия, принявшие еще на декабрь-

ском (1977 года) совещании в Триполи решение о разрыве всех отношений с Египтом, предупредили официальный Каир, что санкции против него в случае подписания египетско-израильского сепаратного договора примут общеарабский характер.

Это предупреждение подтвердили главы арабских государств и правительства, которые на созванном в ноябре 1978 года в Багдаде совещании единодушно выступили против сепаратного египетско-израильского договора. Совещание приняло решение о разрыве дипломатических и всех других отношений с Египтом, о приостановлении его членства в Лиге арабских стран, и оно было реализовано сразу после подписания сепаратного египетско-израильского договора.

Военизированный «мир»

Надвигавшаяся в Иране антимонархическая революция заставляла Вашингтон торопить события. Но они сами разивались с такой быстротой, что творцы «кэмп-дэвидского мира», как ни старались, не могли за ними угадаться. Тем более непосильной оказалась поставленная американцами задача опередить неприятные события, которые не поддавались контролю.

В Вашингтоне испытывали большой соблазн досрочно оформить заключение египетско-израильского «мирного договора». Для прибывших в начале октября в американскую столицу израильских и египетских высокопоставленных представителей был снова выделен дворец «Блейер-хаус», где с участием Вэнса шло оживленное обсуждение проекта договора. Американская печать поспешила оповестить о возможности подписания договора на месяц раньше назначенного срока. Называлась уже и определенная дата — 19 ноября 1978 года. Так планировалось отметить годовщину визита Садата в Иерусалим.

Но ожидания не оправдались. Представлявшие Израиль Даян и Вейцман отказывались делать какие-либо уступки «без согласования» с израильским правительством. Переговоры затягивались.

Не ускорило оформление сепаратного «мира» и присуждение Нобелевских «премий мира» бывшим террористам Бегину и Садату, что было воспринято мировой общественностью как «позорный парадокс». Инициаторов этой затеи публично осрамили.

Последний месяц 1978 года был назван «черным декабрям» американской, израильской и египетской дипломатии. Ни «челночные поездки» Вэнса между Каиром и Тель-Авивом, ни новая трехсторонняя американо-египетско-израильская встреча в Брюсселе в последние дни декабря не дали ощутимых результатов.

После рождественских праздников из Вашингтона был дан старт новому «марафону» высокопоставленных американских эмиссаров на Ближнем Востоке. Между столицами ближневосточных стран и Вашингтоном беспрерывно совершали турне помощник госсекретаря США Г. Сондерс, специальные представители президента послы А. Атертон, Р. Страус и С. Линовиц. Хотя разногласия носили тактический характер — спорили не об изменении содержания кэмп-дэвидских соглашений, а о наиболее приемлемой для Тель-Авива и Каира их юридической упаковке, — тем не менее это ставило под угрозу срыва посредническую инициативу Вашингтона. Такая перспектива крайне была опасна для администрации Картера, особенно после скандального провала политики США в Иране.

Свержение шахского режима в Иране вызвало противоречивые чувства за океаном и на Ближнем Востоке. Садат воспринял это как грозное предупреждение об опасности, которая угрожает режиму и даже собственной жизни со стороны мусульманских фундаменталистов, если он зайдет слишком далеко в своем сближении с США и Израилем. Это вынуждало Садата несколько ужесточить свою позицию на дальнейших переговорах и инсценировать даже отзыв египетской делегации из Вашингтона. Тель-Авив терял в лице шаха не только своего единственного тайного союзника и друга на Ближнем Востоке. С падением шахского режима Израиль лишился важного источника нефти на Ближнем Востоке. К тому же Тель-Авив опасался, что Садата тоже может ожидать участь шаха. У Вашингтона были не меньшие тревоги по поводу судьбы теперь уже окончательно обреченного блока СЕНТО и американских военных баз в этом районе. Нужно было предпринимать срочные меры, чтобы найти им замену и укрепить свое военное присутствие в Юго-Западной Азии. Для оправдания такого курса Бжезинский предложил называть зону «жизненных интересов» США в обширном регионе Африки, Ближнего и Среднего Востока «кризисной дугой».

Все эти соображения не могли не отразиться на «кэмп-дэвидском процессе». Вашингтон пытался использовать

иранскую революцию в качестве катализатора для завершения этого процесса. В то же время потеря Ирана давала веский аргумент в пользу создания нового «стратегического консенсуса» на Ближнем Востоке с участием Израиля, Египта и некоторых монархических арабских государств при опоре на США.

На Ближний Восток срочно был командирован министр обороны США Г. Браун, который в начале февраля 1979 года посетил Израиль, Египет, Саудовскую Аравию и Иорданию, где обсуждал планы создания нового прозападного блока, способного заменить СЕНТО. В Тель-Авиве и Каире Браун пытался, используя иранские события, по-торопить израильтян и египтян с заключением «мирного договора». Другой эмиссар Вашингтона А. Атертон совершил «челночные поездки» между Тель-Авивом и Каиром, подготавливая новый раунд египетско-израильских переговоров в Вашингтоне. Атертон провел более двух десятков встреч с израильскими и египетскими руководителями. Но ему так и не удалось преодолеть «барьер неуступчивости» Тель-Авива. Из Вашингтона последовало в конце февраля приглашение возобновить «кэмп-дэвидские посиделки» на уровне министров иностранных дел. Даян на них занял прежнюю позицию, ссылаясь на отсутствие полномочий выступать с какими-либо инициативами. Картер настоял на срочном визите Бегина в Вашингтон, чтобы обсудить «новые американские предложения». На этот раз американцы решили обойтись без Садата.

Бегин в беседе с Картером, Бжезинским и Вэнсом доказывал, что после падения шахского режима Израиль остался «единственным надежным союзником» Запада на Ближнем Востоке. Он категорически отказывался от увязки заключения египетско-израильского договора с решением палестинской проблемы. Бегин возражал также против использования самого термина «оккупированные Израилем земли» и требовал гарантий в бесперебойном получении синайской нефти.

После затянувшихся за полночь переговоров американцы на следующий день представили очередной компромиссный вариант, в котором все «камни преткновения» искусно обходились при помощи обтекаемых формулировок. Бегин согласился принять его за основу, если американцам удастся уговорить Садата.

В начале марта 1979 года президент Картер в сопровождении Бжезинского, Вэнса и других своих ближайших

помощников совершил завершающую «челночную поездку» между Каиром и Иерусалимом. Американцы добивались не столько «смягчения» позиции Израиля, сколько новых уступок от Садата. Торг велся главным образом вокруг военных обязательств и «гарантий» Вашингтона участникам сепаратной сделки. Выработка соответствующих «гарантийных писем» и «меморандумов» в виде конкретных военных соглашений требовала дополнительных переговоров и времени.

Финалом многоактного политического спектакля, начатого в Кэмп-Дэвиде и продолжавшегося более шести месяцев, явилась церемония подписания 26 марта 1979 года выработанных документов, под которыми поставили свои подписи египетский президент А. Садат и израильский премьер-министр М. Бегин, а также в качестве «свидетеля» и «гаранта» — президент США Дж. Картер.

В первом акте последнего действия Садат и Бегин подписали и обменялись соответствующими протоколами и приложениями, регламентирующими порядок отвода израильских войск с Синая, будущие отношения между договаривающимися сторонами и «сотрудничество в области развития и установления добрососедских отношений». Не забыты были и взаимные обязательства об «уважении и соблюдении прав человека и основных свобод».

Во втором акте, проходившем под открытым небом на северной лужайке перед Белым домом, стороны подписали в присутствии многочисленных гостей и журналистов сам текст «мирного договора» и обменялись тройным рукопожатием, которое должно было, очевидно, символизировать конец войны на Ближнем Востоке и наступление «новой эры мира».

Третий, заключительный акт, рассчитанный тоже на публику, состоялся после небольшого антракта уже на южной лужайке Белого дома под специально разбитыми для этой цели цирковыми шатрами, где был дан торжественный «государственный обед».

Главные «герои» этого представления — Садат и Бегин — произнесли тосты и славословили хозяина Белого дома за его усердие и щедрость, давали клятвы в преданности «миру», составленному по американскому рецепту, позировали фотокорреспонтерам, улыбались и театрально пожимали друг другу руки. Политики показали себя в тот день поистине старательными актерами. Их актерское искусство отметила даже Голда Меир, которая в те дни, недолго до смерти, ехидно сказала, что Бегина и Садата

следовало бы наградить не Нобелевской «премией мира», а высшей голливудской премией «Оскар».

На торжественных церемониях в Вашингтоне и в последующих речах участники сделки расхваливали друг друга за усилия, увенчавшиеся якобы наступлением «новой эры». Картер назвал ее «эрой мира», Садат — «эрой любви», а Бегин — «эрой вечной дружбы между Америкой, Египтом и Израилем». Но общественное мнение США, арабского мира и других стран оценивало совсем по-другому то, что произошло в тот день в Вашингтоне. Чтобы убедиться в этом, достаточно было перейти улицу от Белого дома в сторону Лафайет-сквера, где происходил митинг арабских студентов, обучающихся в США, и их американских единомышленников.

— Садат — предатель! Садат — предатель! Настоящий Египет — это Египет Насера, а не Садата! — скандировали студенты.

— На-сер! На-сер! — отвечала эхом толпа, продолжая скандировать: «Садат — предатель! Долой договор!»

Возможно, заключение сепаратного египетско-израильского договора и означало в краткосрочном плане достижение определенных конъюнктурных целей, которые преследовали участники этой сделки. Однако в долгосрочной перспективе договор противоречил национальным интересам всех государств этого региона, включая Египет и Израиль.

Договор не покончил с войной, а лишь подлил масла в огонь непотущенного очага ближневосточного конфликта. Об этом свидетельствовали усилившиеся вооруженные провокации Израиля против Ливана, военные демонстрации израильской военщины против соседних арабских стран, массовые репрессии и карательные операции против мирного населения на оккупированных арабских землях. Даже окончание состояния войны между Израилем и Египтом было зафиксировано только на словах. Вместе с тем за поэтапный отвод израильских войск с Синайского полуострова Египет поспешил фактически сразу в полном объеме установить дипломатические, экономические и культурные отношения, а негласно даже наладить военное сотрудничество с Израилем.

Так называемые «меры по обеспечению безопасности» после вывода израильских войск с Синай были далеко не равнозначными. Египет дал согласие на создание обширных демилитаризованных зон и размещение станций раннего оповещения на территории Синая. По другую же

сторону границы устанавливалась лишь небольшая полоса шириной до 3 километров с ограниченным размещением израильских войск. Но там почему-то не обусловливалась установка никаких радиолокационных станций контроля. Египет соглашался на дислокацию на Синае так называемых «многонациональных сил». Их костяк составил контингент интервенционистских войск США численностью около 1500 человек. Израиль же соглашался принять лишь наблюдателей этих «многонациональных сил». На большей части Синайского полуострова и даже в тех районах, которые были освобождены египетской армией во время октябрьской войны 1973 года, устанавливалось ограниченное размещение египетских войск и вооружений.

Ограничение войск и вооружений израильской стороны предусматривались на чисто символической полосе в 2—4 километра. Военные границы Египта в результате были установлены на расстоянии 50 километров от Суэцкого канала, то есть оказались отодвинутыми в глубь египетской территории и почти изолированными от государственной границы Египта. Войска Израиля могут вновь вторгаться на территорию Египта и беспрепятственно продвигаться на Синае. Для Тель-Авива «многонациональные силы» не препятствие.

Ни одно из мирных соглашений новейшего времени не сопровождалось такими масштабами гонки вооружений, которую она приобрела после Кэмп-Дэвида. Только в рамках официальных договоренностей США предоставили Израилю и Египту в качестве чрезвычайной военно-экономической помощи в общей сложности 4,8 миллиарда долларов, из коих 3 миллиарда предназначались Тель-Авиву и около 1,8 миллиарда долларов Каиру. Кроме того, Вашингтон подтвердил свои прежние обязательства по оказанию ежегодной помощи Израилю в размере около 2 миллиардов долларов и Египту — около 1 миллиарда долларов. Правительство Картера считало, что оно сделало «рекордный» вклад в развитие стратегического сотрудничества с Израилем. Оно выделило Израилю лишь на военные нужды 11 миллиардов из 21 миллиарда долларов, предоставленных ему с 1948 года. Иными словами, за четыре года правления администрации Картера Тель-Авив получил больше, чем за предыдущие 20 лет существования сионистского государства. Значительная часть этой суммы была израсходована на оплату поставок американского оружия в качестве «награды» за согласие Израиля участвовать в «кэмп-дэвидском процессе». Щед-

рость Вашингтона в отношении Тель-Авива явно не шла ни в какое сравнение с подачками Каиру.

Взятые Вашингтоном обязательства и далеко не эквивалентные гарантии перед Израилем и Египтом превратили США в соучастника не столько «мирного урегулирования», сколько самого непрекращенного конфликта на Ближнем Востоке. Эти опасные для Соединенных Штатов последствия, можно сказать, увеличивались в геометрической прогрессии по мере наращивания прямого военного присутствия США и их вооруженного вмешательства в дела ближневосточного региона.

«Решая отдельные аспекты проблемы,— писал бывший заместитель госсекретаря Дж. Болл в своей книге «Дипломатия в тесном мире»,— Соединенные Штаты явно ничего не смогут добиться. Если палестинцы и находящиеся на передовой линии фронта арабские государства окончательно потеряют надежду на урегулирование, мы рано или поздно столкнемся с таким взрывом, который обойдется гораздо дороже и будет гораздо опаснее, чем любой предшествовавший арабо-израильский конфликт». События в Ливане подтвердили этот прогноз.

Трудная дилемма

После Кэмп-Дэвида Израиль ужесточил свою позицию на переговорах о предоставлении автономии палестинцам. Кабинет Бегина утвердил состоящий из 22 пунктов аннексионистский план, еще более экстремистский, чем тот, который Бегин представил на переговорах в Исмаилии в январе 1978 года. Откровенно произраильская позиция Соединенных Штатов привела к падению престижа Вашингтона на Ближнем Востоке. Все более усиливалась его зависимость от Тель-Авива и сионистского лобби, будь то в международных или во внутренних делах. К такому выводу приходили многие политические наблюдатели на Западе в связи с вынужденным уходом в отставку под давлением сионистов в августе 1979 года постоянного представителя США в ООН Янга.

Один из активных проводников американской закулисной дипломатии на Ближнем Востоке, Г. Эйлтс, в течение многих лет бывший послом США в Египте, в конце концов пришел к выводу об опасности проводимого Вашингтоном курса в этом регионе. Перед тем как подать в мае 1979 года в отставку со своего поста, Эйлтс в совершен-

но секретном письме директору ЦРУ адмиралу С. Тэрнеру признал, что создавшееся после Кэмп-Дэвида положение вещей «становится невыносимым» как для Бегина, так и для Садата, ибо «время работает в ущерб и той и другой стороне».

Эйтлс высказывал серьезные сомнения в том, что Садат сумеет оправдать надежды Вашингтона. «Если Садату,— писал Эйтлс,— не удастся привлечь новые силы, способные обеспечить достижение целей американской политики, или если он окажется препятствием на пути привлечения новых арабских лидеров на сторону США, мы должны избавиться от него без малейших колебаний».

Эти рекомендации американского дипломата в свете последующих фактов прозвучали весьма многозначительно и в какой-то степени пророчески. Шаткость позиций Садата и ненадежность ставки на него сознавали как Вашингтон, так и Тель-Авив. Они поэтому — каждый на свой манер — заранее стремились «застраховать» себя на тот случай, если Садата постигнет участь шаха Ирана. Соединенные Штаты спешили утвердить и расширить свое военное присутствие на Ближнем Востоке. Израиль не только выдвигал все более наглые экспансионистские планы, но и форсировал их реализацию.

Милитаристская активность США и их союзников по НАТО в этом регионе стала после Кэмп-Дэвида стремительно возрастать. «Кэмп-дэвидский мир» стал одним из компонентов «новой» агрессивной стратегии США в глобальном масштабе.

Американская администрация сначала устами Картера, а затем и Рейгана без всяких околичностей провозгласила обширный район Юго-Западной Азии сферой «жизненно важных интересов» Соединенных Штатов. Излагая в начале 1980 года основные концепции стратегии США в послании «О положении в стране», президент Картер прямо заявил, что любая угроза американским интересам в этом районе «будет отражаться всеми необходимыми средствами, включая военную силу». В послании намеренно не уточнялось, что следует понимать под «попытками какой-либо посторонней силы установить контроль» в районе Ближнего Востока.

Если Картер, возрождая «холодную войну», считал себя в этом отношении наследником Гарри Трумэна, то позднее Рейган, сделав ставку на «прямое противоборство» и «заполнение силовых вакуумов», претендовал на роль продолжателя курса Эйзенхауэра.

Сложившаяся после Кэмп-Дэвида ситуация поставила военных стратегов США перед новой трудной дилеммой. Теперь нужно было либо идти дальше по пути наращивания прямого американского военного присутствия на Ближнем Востоке, либо перепоручить охрану нефтяных интересов Запада на Ближнем Востоке в еще большей степени Израилю. Для этого надо было настолько укрепить его, чтобы он был в состоянии самостоятельно выполнять полицейско-карательные функции в этом регионе.

Не отвергая вариант использования Тель-Авива в качестве дубинки против арабских стран, Вашингтон на основе расширявшихся после заключения сепаратного египетско-израильского договора новых возможностей стал уже не в теоретическом, а в практическом плане рассматривать идею создания специальных «сил вторжения», или так называемых «сил быстрого развертывания», для использования их в конфликтных районах, в первую очередь на Ближнем Востоке.

Еще до начала выполнения «мирного договора» Картер и Бегин в духе уже установившейся традиции подписали очередной «Меморандум о согласии между правительствами Соединенных Штатов и Израиля». В нем подтверждалась все прежние американские гарантии Израилю. Вместе с тем он носил такой откровенно антиарабский, оскорбительный даже для садатовского режима характер, что премьер-министр Египта Халиль, а затем и Садат сочли необходимым, хотя бы для проформы, заявить официальные протесты Вашингтону. Администрация Картера оставила эти протесты без внимания. Вслед за подписанием меморандума с США Бегин поспешил подтвердить, что Израиль никогда не выведет свои войска за пределы границ, существовавших до июньской войны 1967 года. О возвращении Иерусалима и создании палестинского государства на Западном берегу Иордана он вообще отказывался разговаривать. Для президента Картера такая позиция Тель-Авива не была большой неожиданностью. Ведь Картер собственноручно добавил к американскому и израильскому экземплярам текста договора примечание о своем согласии на то, что выражение «Западный берег» для израильского правительства означает «Иудею и Самарию», то есть провинции Израиля.

В январе 1980 года Садат и Бегин провели несколько дней в откровенных беседах с глазу на глаз на тихом живописном островке Элефантин посреди Нила в Асуане. Египетские и израильские газеты называли эту встречу,

как и кэмп-дэвидскую, «исторической»: она происходила в преддверии установления дипломатических отношений между двумя странами. Самы участники называли ее «дружеской». На устроенной в Асуане 10 января 1980 года пресс-конференции каждый обращался к своему собеседнику не иначе как «мой дорогой друг». На опубликованных в западной печати многочисленных фото можно было видеть Садата и Бегина то с протянутыми навстречу друг другу руками, то интимно шепчущими что-то друг другу на ухо, то с поднятыми бокалами... Официальные же органы пропаганды Египта и Израиля старались представить эту встречу как сугубо «деловую»: обе стороны надеялись, что на ней удастся наконец найти «приемлемую формулу» решения палестинской проблемы. Незадолго до встречи с Бегином Садат в интервью израильской газете «Маарив» утверждал, что без «всебъемлющего мирного урегулирования» Египту и Израилю невозможно будет наладить «широкое сотрудничество в стратегическом плане».

Увы, заклинания Садата не помогли. «Друг Менахем» остался глух к просьбам «друга Анвара». Никаких уступок по палестинской проблеме Садат не добился. Однако это не помешало перейти от слов к делу. Было объявлено об установлении прямой телефонной связи и об открытии авиалиний между Тель-Авивом и Каиром, о развитии туризма. Без лишнего шума стала налаживаться и торговля всевозможными товарами, особенно... контрабандными. Деловое сотрудничество между египетскими «жирными котами» и израильскими гангстерами установилось раньше, чем официальные дипломатические отношения. Незадолго до передачи Египту одного из районов Синайской пустыни там закопали в песке более сотни украденных израильскими контрабандистами автомобилей «Мерседес», которые затем продали по баснословным ценам на «черном рынке» в Египте.

Впрочем, Садат и Бегин, протаскивая контрабандой «кэмп-дэвидский товар» на Ближний Восток, тоже старались не отставать от деловых людей. Тупик, создавшийся в переговорах по «палестинской автономии», не мешал им строить планы «налаживания тесной координации» действий в вопросах «глобальной стратегии» и «региональной политики». Об этом довольно красноречиво говорило фото, запечатлевшее Садата и Бегина в роли «стрategов», склонившихся над картой районов Ближнего и Среднего Востока. Садат доказывал Бегину «важную роль», которую может играть Египет в «обеспечении стабильности и безопас-

ности» в этом регионе. Палец Садата указывал то на богатый нефтью район Персидского залива, куда он командировал своих военных специалистов помочь султану Омана спасти его трон, то на Афганистан, где действовали против революции подготовленные в Египте басмачи, то на Эфиопию, куда Садат направлял оружие и боеприпасы для эритрейских сепаратистов, то на Ливию, у границы которой концентрировались крупные контингенты египетских войск, то на Саудовскую Аравию, над пустынями которой в те дни проводили совместные полеты египетские и американские самолеты-разведчики. Вашингтон тогда объявил, что на египетскую военно-воздушную базу Кена около Луксора прибыли из США самолеты системы АВАКС и около 250 американских военнослужащих, обеспечивающих их полеты с целью ведения разведки над Аравийским полуостровом и зоной Персидского залива. Несколько позднее, в апреле 1980 года, эти же самолеты обеспечивали неудавшуюся военно-диверсионную операцию в Иране с участием американских десантников.

Садат убеждал Бегина, что с помощью американского оружия и при «понимании» со стороны Израиля Египет сможет заполнить пугающий «вакuum» в мусульманском мире. Однако Бегин рассеянно слушал Садата и, следя за движением его пальца, думал о чем-то своем. При виде карты ему по привычке прежде всего мерещились границы «Великого Израиля» от Нила до Евфрата.

Далеко идущие планы Садата — всего лишь воздушные замки. Прежде чем добиваться какого-то влияния в мусульманском мире, ему следовало подумать о прочности собственных позиций в своей стране. А добиться этого далеко не просто. Не потому ли на все доводы Садата Бегин отвечал с задумчивым видом весьма неопределенно:

— Я вас понимаю, мой друг Анвар, но...

Это многозначительное «но» осталось камнем преткновения как для творцов «кэмп-дэвидского мира» на Ближнем Востоке, так и для самого Садата в Египте.

Логика предательства такова, что оно никогда не остается безнаказанным...

Сpirаль предательства

После смерти Насера занявший не место, а только его пост Садат старался всех убедить, что они были не просто «друзьями», а «братьями-единомышленниками». Он клял-

ся, что будет верным продолжателем курса покойного президента. Но в конфиденциальных беседах, особенно с американскими руководителями, Садат был более откровенен.

— Люди смотрят на меня как на преемника Насера, но они ошибаются,— признался он как-то президенту Картеру.— Я управляю Египтом другими методами.

На первых порах он пытался выдать себя «за приверженца демократии». Потом ему больше стала импонировать роль нового и, возможно, как он сказал однажды Хейкалу, «последнего фараона в истории Египта».

Зная, что за ним давно укрепилась репутация «проамериканского человека», он всячески старался разубедить в этом Насера. Однажды, когда речь зашла о возможном преемнике президента, Садат воскликнул:

— Я вообще не представляю, кто может прийти после тебя. Во всяком случае, ему не позавидуешь! Для него, кажется, не осталось поприща, где бы он мог проявить себя...

— Неужели ты полагаешь, что американцы оставят Египет в покое после моего ухода? Я почти уверен, что они уже заранее готовят своего человека,— с едва уловимой иронией заметил Насер.

Насторожившись, Садат воскликнул:

— Если бы мне показали этого человека, я бы его задушил своими руками!..

Придя к власти, Садат поначалу с таким же пафосом заявлял о верности принципам Насера. Он публично поносил Соединенные Штаты. Клялся в дружбе Советскому Союзу. Говорил о диаметрально противоположных целях, которые они преследуют на Ближнем Востоке.

— Мы считаем,— заявил он в Национальном собрании вскоре после подписания в 1971 году Договора о дружбе и сотрудничестве между Египтом и Советским Союзом,— что США преследуют по крайней мере три неприемлемые для нас цели. Во-первых, они хотели бы вытеснить из этого района Советский Союз, в то время как мы видим в СССР друга в войне и друга в мире. Во-вторых, они стремятся оторвать Египет от арабского мира, но он как был так и останется частью арабской нации. В-третьих, они пытаются сорвать эксперимент построения социалистического общества в Египте. Однако мы остаемся верными нашему пути развития и пойдем по нему до конца!

Но Садат уже тогда начал проводить политику наведения мостов с Соединенными Штатами. Сначала он делал это скрыто. После октябрьской войны 1973 года Садат

на первой же встрече с Киссинджером, то есть ровно через два года после данных им клятв в Национальном собрании, фактически солидаризировался с Соединенными Штатами по всем основным направлениям американской политики на Ближнем Востоке.

Предпринятые Садатом шаги по сближению с Израилем были логическим продолжением его соглашательского курса в ближневосточном урегулировании, а также отступничества от главных принципов политики Насера.

Капитулянтству Садата предшествовала политика «открытых дверей» в экономической области, поощрение крупной буржуазии и реакции внутри страны, говор с ними на межарабской арене, разнужданная антисоветская кампания, ряд недружественных актов в отношении Советского Союза и других социалистических стран, разрыв в одностороннем порядке Договора о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Все это были витки одной спирали — от забвения принципов египетской революции к прямому предательству интересов всех арабских народов.

Для облегчения «сближения» с Западом Садат, став президентом, первым делом возместил «убытки», попесяненные иностранцами в результате аграрной реформы. Одновременно была выплачена компенсация за все национализированные предприятия. Затем в ущерб государственному сектору Садат освободил частных инвесторов — египетских и иностранных — от таможенных пошлин и налогов. Они получили право беспрепятственного перевода капиталов за границу, а также твердые гарантии, оберегающие их от любых попыток национализации в будущем.

От провозглашенной Садатом политики «открытых дверей» — так называемого «инфитаха» — выиграли в первую очередь капиталисты и помещики, спекулянты и маклеры — все те, кого египтяне называли «жирными котами». Буржуазия торжествовала, спеша насладиться жизнью: словно по мановению волшебной палочки, стали расти доходные дома-небоскребы, открываться фешенебельные рестораны, улицы заполнили шикарные лимузины и... толпы безработных.

В распахнутые Садатом перед иностранным капиталом «открытые двери» хлынули вовсе не инвестиции в важные отрасли экономики, а все беды и трудности, переживаемые миром капитализма: инфляция, дороговизна, безработица. Пропасть между бедностью и богатством стала еще шире. В стране с населением около 40 миллионов человек 5 миллионов семей, то есть по крайней мере более половины

населения, имели в среднем ежемесячный доход в пределах 30 долларов, или 5—6 долларов на человека. На эти деньги невозможно даже вести полуголодное существование. Зато при Садате миллионеров стало больше, чем при короле Фаруке. Раньше их насчитывалось несколько десятков. За первые пять лет правления Садата их стало около 500, а в 1981 году, по подсчетам одного из депутатов египетского парламента, число миллионеров достигло 17 тысяч. Они разбогатели на грязных махинациях и различного рода спекуляциях, выступая посредниками или компаниями иностранных фирм и банков. Иностранные компании вновь, как при короле Фаруке, стали соучастниками ограбления египетского народа. Как грибы после дождя, росли филиалы различных торговых фирм и банков, которые не столько вкладывали, сколько вывозили из страны капиталы. Экономика Египта, по выражению бывшего министра финансов Умри, напоминала корову, которую пасут на египетском пастбище, а доят за границей. «Удои», получаемые иностранными компаниями, росли из года в год, поскольку были освобождены от всех налогов. Так, американский банк «Чейз Манхэттен» за один год деятельности получил прибыль, превышавшую более чем в восемь раз вложенный в Египте капитал.

Американская «помощь» Египту оказалась тоже одной из форм его закабаления и ограбления. Она направлялась главным образом в сферу обслуживания. Значительная ее часть шла на подкуп египетских чиновников и на содержание многочисленного аппарата при американском посольстве в Каире, занимающегося распределением этой «помощи». Другая же часть инвестиций выделялась американским компаниям, связанным с так называемым Агентством международной помощи Египту. На поверхку все эти капиталы, как выразился египетский экономист Махмуд Вахба, могли быть квалифицированы как замаскированная помощь США самим себе.

Антимонархическая политика Садата, затронувшая коренные интересы населения, не могла не вызвать недовольство, в том числе даже в среде либерально настроенной буржуазии, не связанной с западными монополиями. «В Египте, — писал каирский журнал «Октябрь», — в обществе, где богатые становятся богаче, а бедные — беднее, где существует огромная пропасть между богатыми и бедными, где на роскошные дома взирают обитатели лачуг, могильных склепов и ветхих домишек, вынужденные вдесятером жить в одной комнате, эти люди, чувствуя себя чужими в своей

собственной стране, начинают искать «утраченную истину».

Одни искали эту истину, препоручая все воле аллаха, другие — в противодействии антинародному курсу политики Садата. Оппозиционным выступлениям Садат противопоставлял жестокие репрессии. Время от времени власти наносили удары то по различным мусульманским группировкам, связанным с «братьями-мусульманами», то — гораздо чаще — по левым, пронасеровским силам.

В январе 1977 года страну потряс мощный взрыв народного возмущения. Хотя в организации этих волнений Садат обвинял «коммунистов», газета «Нью-Йорк таймс» признавала, что в какой-то мере вдохновителем политики, приведшей к волнениям, являются Соединенные Штаты, самый влиятельный покровитель Садата. Именно кредиторы Садата — Международный валютный фонд, правительство Соединенных Штатов, частные американские банки — настояли тогда на этом повышении цен.

«Во время волнений,— констатировала газета,— не раздавалось возгласов «Долой Соединенные Штаты!», но, поскольку бунтари кричали «Долой Садата!» и «Да здравствует Насер!», они вынесли свое суждение об узах Садата с США».

Демонстрации протesta и забастовки состоялись почти во всех крупных городах: Александрии, Суэце, Асуане, Асьюте. В Каире остановилось движение городского транспорта, прекратились занятия в учебных заведениях. На многих улицах строились баррикады. Попытки разогнать демонстрантов приводили к кровавым столкновениям. За два дня в Египте более 800 человек было убито и ранено, более 2 тысяч арестовано. Январские события 1977 года называли «голодными бунтами» в Египте. Садат предпочитал презрительно называть их «бунтом воров». Но, как метко охарактеризовал эти события советский журналист Ю. Глухов, то был на самом деле бунт против воров. Этот бунт — лишь одно из проявлений назревавшего в стране недовольства политикой Садата, которое вылилось потом в открытый протест.

Садат в полной мере проявил себя как алчный делец. Лично за ним числилось около двух десятков роскошных вилл. За счет государственной казны он оборудовал себе более десятка официальных резиденций, в том числе несколько бывших королевских дворцов. Только на реконструкцию дворца Мунтаза в Александрии, в котором король Фарук провел свою последнюю ночь в Египте, было израс-

ходовано около 10 миллионов долларов. Дворцу придали тот же вид, который он имел в XIX веке, но оборудовали его в самом современном стиле. Все это объясняли необходимости принимать высокопоставленных иностранных гостей. Однако чаще там останавливался сам Садат, чем заезжие гости. В конце концов он вообще превратил Мунтазу в свою личную резиденцию, где часто останавливался в летние месяцы. Другая резиденция на берегу Средиземного моря была построена в Мерса-Матрух. После вывода израильских войск из западной части Синайского полуострова Садат приказал соорудить для себя новую виллу у подножия горы Синай, в оазисе Вади рака, где, по библейскому преданию, отдыхал пророк Моисей после перехода через Красное море. Здесь президент обычно имел обыкновение «уединяться для обдумывания важных решений».

Никто точно не знал и не оценивал личные сбережения и богатства Садата. Но известно, что они стекались к нему по многим каналам из разных источников. По семейным каналам текли миллионы в виде прибылей различных компаний и фирм, записанных на имя близких — жены, сына, дочери и брата Садата.

Семейство Садата создало нечто вроде смешанного сектора, который выступал посредником между иностранными компаниями и государством. Даже с ввозимых в страну по государственным каналам продовольственных товаров комиссионные поступали госпоже Джихан. Одна из дочерей Садата сочеталась браком с сыном крупного землевладельца Саида Марея, которого Садат сделал председателем парламента и своим личным советником. Другая дочь президента вышла замуж за сына самого богатого человека Египта Османа Ахмеда Османа, которого Садат назначил после октябрьской войны 1973 года министром восстановительных работ в зоне Суэцкого канала. Все эти работы выполняли строительные компании, принадлежавшие самому Осману. Эти же компании за счет государства строили и многочисленные виллы для Садата. «Подрядные работы» обогащали и Садата, и Османа.

Члены семейства Садата распоряжались казной и национальными богатствами, включая музеиные экспонаты, как своей собственностью. Обосновывалось это чаще всего «представительскими целями» или «высшими государственными соображениями». В своей книге «Осень гнева» Мухаммед Хейкал приводит далеко не полный список разграбленных Садатом национальных ценностей Египта.

Среди них упоминаются ожерелье из драгоценных камней, бронзовая статуэтка бога мудрости Тота и статуэтка Осириса, подаренные шахской семье в 1971 году по случаю 25-векового юбилея иранской монархии. Через несколько лет Садат вновь преподнес шаху Ирана деревянную голову одного из правителей Древнего Египта и ценную фигурку Осириса во весь рост. Генри Киссинджер удостоился при первой же встрече с Садатом в ноябре 1973 года цепной статуэтки бога мудрости. Супруге президента Никсона было отправлено золотое ожерелье с 17 драгоценными камнями. Сам Никсон на следующий год получил бронзовую статуэтку Изиды с глазами из драгоценных камней и т. д.

Садат не оставил без внимания многих ближайших и дальних родственников. Родной брат президента Исмат, который до 1973 года был всего лишь водителем автобуса, занимался спекуляцией дефицитными товарами, прибегая иногда и к открытому вымогательству. Он сколотил себе состояние в 124 миллиона египетских фунтов. От него старался не отстать и брат Джихан, некий Али Рауф, тоже сумевший через черный ход войти в клан египетских миллионеров. Многие из новоиспеченных миллионеров — после смерти своего покровителя — сели на скамью подсудимых. Они обвинялись в контрабандной торговле наркотиками, во взяточничестве, уклонении от уплаты налогов.

Садат, покровительствуя этой банде грабителей, и сам не отказывался от их «благодарственных преподношений». Но кроме внутренних были и внешние источники обогащения. Газета «Вашингтон пост» в феврале 1977 года, опубликовав материалы о платежах ЦРУ своим агентам на Ближнем Востоке, писала: «Время, усилия и деньги, которые ЦРУ вложило в создание сети тесных и взаимосвязанных отношений с влиятельными творцами арабской политики, по-видимому, вполне окупили себя». Газета имела в виду в первую очередь советника саудовского короля Камаля Адхама, главного посредника компаний «Боинг» и «Локхид», а также заодно связного ЦРУ на Ближнем Востоке. Через него не раз приходилось действовать многим работникам ЦРУ, в том числе Уилбуру Ивлэнду. Правда, Ивлэнд в своих мемуарах ставит под сомнение утверждения «Вашингтон пост», будто затраченные усилия и деньги ЦРУ полностью себя оправдали. Многих иждивенцев ЦРУ постигла судьба Садата — они в конечном счете стали жертвами справедливого возмездия истории.

Но кое в чем можно вполне доверять осведомленной Вашингтонской газете. «Было время,— откровенничает «Вашингтон пост»,— когда Адхам обеспечивал Садату, бывшему в то время вице-президентом Египта, постоянный частный доход».

Став президентом, Садат нуждался уже не столько в подачках, сколько в других, более важных услугах ЦРУ. Именно агенты этого ведомства уведомили Садата о якобы готовящемся против него «заговоре» вскоре после того, как он занял пост президента, что послужило поводом для арестов сподвижников Насера.

Идя все дальше по пути предательства и капитулянтства, Садат испытывал постоянный страх за свою жизнь. Для его охраны была выделена танковая бригада особого назначения, оснащенная самыми современными системами обнаружения и связи. В распоряжении Садата всегда имелись три вертолета, которые он периодически менял, чтобы запутать «заговорщиков». На переоснащение египетских органов безопасности и усиление личной охраны Садата американцы выделили 25 миллионов долларов.

Последние два года Садату везде мерещились заговоры. Арабская пресса утверждала, что в январе 1980 года в Исмаилии были предприняты две попытки расправы с Садатом. Первый раз в момент приземления бронированного вертолета Садата на посадочной полосе взорвалось мощное устройство. Перепуганный президент тут же повернулся назад. Когда же через несколько дней Садат прогуливался в саду своей резиденции в Исмаилии, из окна его дворца раздалось несколько выстрелов. Одна из пуль ранила личного секретаря президента. Охрана, открыв ответный огонь, ворвась во дворец, где обнаружила труп покушавшегося офицера.

По свидетельству Хейкала, между различными оппозиционными группировками велось «настоящее соревнование за право убить Садата». По «делу Садата» было арестовано не менее 700 человек, которым инкриминировались «попытки покушения» на президента. В июне 1981 года Садат попросил администрацию Рейгана поручить непосредственно ЦРУ организовать его личную охрану. Для обеспечения безопасности Садата было прислано около 600 американских специалистов.

Самый жестокий удар по оппозиции Садат нанес в сентябре 1981 года, через неделю после своего возвращения из Вашингтона. Тогда в тюрьмы было брошено более 3 тысяч человек. Большинство из них принадлежали к

различным мусульманским группировкам. В поисках оружия полиция совершила повальные обыски. Все 40 тысяч мечетей в стране Садат приказал взять под полицейский контроль. Преследованию подверглись также и патриотические организации страны. Среди арестованных находились члены Национально-прогрессивной (левой) партии, лидеры Социалистической партии труда, члены египетско-советского Общества дружбы во главе с его председателем Абдель Зайятом. За решеткой оказался и ближайший сподвижник Насера, бывший главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Мухаммед Хейкал. В общей сложности было арестовано около 250 политических и общественных деятелей, критиковавших кэмп-дэвидские соглашения и царящую в стране коррупцию. Как предлог для гонений против оппозиционных режиму сил власти использовали волнения на религиозной основе.

Анвар Садат, оправдываясь в парламенте, утверждал, будто репрессии диктовались необходимостью борьбы с «элементами, действия которых угрожали единству и безопасности» государства. Лиц, брошенных в тюрьму, Садат называл «негодяями». В его глазах почти все египтяне, по-видимому, казались такими потенциальными «негодяями».

Сознавая, что выдвинутые в парламенте доводы прозвучали неубедительно, Садат через несколько дней созвал специальную пресс-конференцию. Отвечая на вопросы журналистов, Садат все более раздражался. Он окончательно потерял самообладание, когда один американский корреспондент спросил:

— Господин президент, немногим более недели назад вы посетили Соединенные Штаты. Согласовывали ли вы свои планы с президентом Рейганом?

Судя по бурной реакции президента, вопрос, очевидно, попал в точку.

— Если бы Египет не был свободной страной, я бы тебя пристрелил! — заорал Садат.

Возмутительная выходка президента вызвала замешательство среди присутствующих. Шокированы были даже члены семьи Садата, находившиеся в зале. Дочь Садата в слезах покинула помещение, сгорая от стыда за «отца египетской демократии».

Стараясь сгладить этот скандал, Садат через неделю решил выступить по телевидению. Подражая американским президентам, он появился на телекранах в кресле у камина. Обстановка должна была создать атмосферу за-

душевной беседы. Но как только Садат завел речь об оппозиции, он снова перешел на брань. Хейкала он назвал «безбожником», который наживается на публикации «оскорбительных для Египта материалов». Почтенного религиозного шейха Махалауи, открыто критиковавшего Садата и его супругу за «бездожное поведение» и увлечение роскошью, он обругал «грязной собакой».

— Пусть этот паршивый шейх поваляется теперь, как и подобает собаке, в тюремной камере!

Садат надеялся, очевидно, запугать народ. Ему казалось, что после массовых арестов и жестоких репрессий против оппозиции он убережет себя от судьбы свергнутого шаха Ирана, которому он далубежище в Египте. Однако покровители Садата не разделяли таких иллюзий.

В Вашингтоне и Тель-Авиве беспокоились не столько за жизнь самого Садата, сколько за судьбу начатого совместно с ним «камп-дэвидского процесса». Именно поэтому израильский премьер-министр Бегин на последней встрече с египетским президентом 25—26 сентября в Александрии обещал Садату помочь в борьбе с различного рода заговорами. Но у Садата все чаще закрадывались сомнения в том, куда могут вести путь этих заговоров. Подозрения, что от него хотят избавиться, возросли после возвращения Садата в августе 1981 года из Вашингтона, где, как ему показалось, администрация Рейгана оказала «герою Кэмп-Дэвида» недостаточно радушный прием. Американские и западноевропейские журналисты продолжали досаждать Садату назойливыми вопросами, не ожидает ли его судьба иранского шаха. В ответ Садат клялся:

— Не бойтесь, у нас не будет Хомейни! Египет — это остров стабильности!

Однако Садат чувствовал, что ему не верят. Называя «глупцами» тех, кто пытался сравнивать его с шахом Ирана, он даже заявил о своих подозрениях, что в США ведется против него «ожесточенная кампания».

Но подлинная причина первозноти Садата была не в бес tactных напоминаниях журналистов о судьбе иранского шаха. Гораздо больше волновали и выводили его из себя прозрачные намеки политиков на то, что Садат изжил себя. В связи с широкой кампанией арестов в Египте, проводившейся по личному приказу Садата, новый начальник генерального штаба Израиля Эйтан не постыдился дать прогноз:

— В Египте большие неприятности... Вполне возможно, что Садату придется уйти...

Один из членов королевской семьи Саудовской Аравии, принц Абдалла, высказался еще более определенно:

— Песня Садата спета. Мы считаем, что он скоро сойдет со сцены...

Смертельный бумеранг

...Утром 6 октября 1981 года Садат чувствовал себя главным героем наступающего дня. По случаю праздника — дня форсирования Суэцкого канала — он вырядился в новый, спитый в Лондоне по его собственному эскизу голубой муандир с золотыми маршальскими эполетами и позуиментами. С помощью Джихан он перекинул через плечо зеленую шелковую ленту, рядом с которой красовалсяувестистый орден «Звезда Синая». Под тяжестью эполетов, орденов и медалей, с трудом размещенных на груди президента — не настолько уж широкой, чтобы вместить все его награды,— Садату нелегко было выпрямиться во весь рост, а тут еще Джихан уговаривала его одеть пулепропробиваемый жилет.

— Герои обура (форсирования канала) не боятся пули! — отмахнулся он от жены.

В этот торжественный день, когда по всему городу были развесаны его портреты, а по радио произносились аздравицы в его честь, ему нравилось говорить о себе в третьем лице. Он хотел выглядеть героем не только в глазах толпы, но и своих близких.

Собственно говоря, кого ему бояться? Оппозиционеры все за решеткой. Если кто и остался на свободе, то они не осмелятся и высунуть носа, размышлял Садат, следуя к месту парада в открытом черном бронированном «кадилаке» между плотными рядами полицейских и солдат, сдерживавших напор толпы. По бокам от президента и сзади него сидели личные телохранители.

Конечно, на вертолете к плацу парада на каирской окраине Гиае он мог бы добраться быстрее и безопаснее. Но не может он в такой день лишать свой народ и свою армию возможности видеть рабиса («отца нации»). К тому же он может чувствовать себя в безопасности за надежной живой стеной солдат и полицейских. И в толпе есть люди его личной охраны. Ну, а на плацу парада все взято под контроль особым подразделением, подготовленным американ-

скими специалистами, по борьбе с терроризмом. На трибуне будет находиться к тому же и американская военная делегация во главе с командующим «силами быстрого развертывания» генералом Кингстоном...

Садат, усевшись в высокое позолоченное кресло под натянутым над трибуной белым балдахином, дал команду начинать парад. Мимо главной трибуны прошла спачала конница, затем проплыли «корабли пустыни» — верблюды египетских сил безопасности. Стройными рядами проследовали колонны слушателей военных колледжей и пехотных училищ. Прогромыхали танки и бронетранспортеры. Пропеслись «джипы» с десантниками. За ними двинулись ракетные установки и артиллерийские орудия различных калибров и систем. Заглушая грохот и лязг боевой техники, с пронзительным ревом на малой высоте пронеслись американские «Фантомы» и французские «Миражи», оставляя за собой красные, голубые и зеленые шлейфы дыма. Следя за их полетом, Садат и гости не сразу обратили внимание, как в этот момент один из четырех движавшихся в ряду желто-зеленых тягачей со 120-миллиметровыми орудиями на прицепе неожиданно остановился перед трибуной. Из него выскочил офицер и бегом направился к трибуне. Садат, думая, что так предусмотрено программой, поднялся, чтобы принять воинские почести. Далее события разворачивались, как в захватывающем детективе. Офицер и спрыгнувшие за ним три солдата метнули гранаты и открыли стрельбу по трибуне. В это время два снайпера из тягача сделали несколько прицельных выстрелов по Садату. Одна из гранат разорвалась между тягачом и трибуной, другая упала у ног министра обороны Абу Газаля, но не взорвалась. Еще одна граната тоже без взрыва покатилась под кресло начальника генерального штаба Абель Раби эль-Наби. Но одна все же разорвалась на трибуне недалеко от Садата. Нападение было настолько неожиданным, что в течение первых 30 секунд нападавшие действовали беспрепятственно. Лишь только один из телохранителей, пытаясь спасти президента, обрушил на Садата обтянутое кожей кресло, сбив его с ног. Но было уже поздно. Около 30 пуль и осколков застряли в теле президента. Еще семеро других присутствовавших на трибуне были мертвы. Отброшенные в сторону телохранителями вице-президент Хосни Мубарак и министр обороны Абу Газаля, которые сидели рядом с Садатом, отделались легкими ранениями. Кроме них еще около 20 человек получили более тяжелые ранения, в том числе личный советник президента Саид

Марей и три американских офицера из делегации, прибывшей для подготовки военных учений.

Так впервые египтяне, пишет Мухаммед Хейкал, убили своего «фараона». Он пал жертвой бumerанга предательства...

Когда стрельба прекратилась, на трибунах поднялась невероятная паника. Обезумев от страха, высокопоставленные чиновники, приближенные к Садату «жиরные коты», бежали в разные стороны, давя друг друга. Паника охватила и тех, кто должен был охранять президента. Только через несколько минут они начали охоту на нападавших. В ходе завязавшейся перестрелки трое были ранены и схвачены. Остальным удалось скрыться, и их арестовали позднее.

Жена Садата Джихан находилась во время парада на примыкавшей к главной трибуне застекленной террасе. Засыпав стрельбу и взрывы на главной трибуне, она бросилась через опрокинутые стулья к месту, где находился Садат. Но его уже там не было.

— Где президент? Где президент? — расталкивая всех, кричала она.

Ее проводили в стоявший за трибуной вертолет, в кабину которого поместили носилки с Садатом. Он не проявлял никаких признаков жизни. Вертолет тем не менее направился к ближайшему госпиталю «Маади», до которого было не более 5 минут лета. Однако он приземлился там только через 40 минут после того, как покинул плац парада. Джихан, прия, очевидно, по дороге к выводу, что шансов на спасение президента нет, приказала сделать непродолжительную остановку у президентского дворца в Гизе. Стремглав бросившись в здание к телефону, она сделала оттуда два срочных звонка. Оба — в Соединенные Штаты. Один из них предназначался старшему сыну, который отдыхал во Флориде. Однако второй абонент Джихан остался неизвестным. Ясно было одно, пишет Хейкал, что она хотела узнать именно в Америке о том, что происходит и каких событий еще можно ожидать в Египте. Не исключается, что Джихан намеревалась получить от американских «компетентных лиц» столь нужные ей в эти критические часы советы. Только после этого таинственного разговора Джихан вернулась к своему умирающему супругу в вертолет, который направился к госпиталю «Маади». Там врачи после безуспешных попыток реанимации Садата, продолжавшихся более часа, констатировали смерть президента. Аналогия с судьбой иранского шаха

почти оправдалась: Садат умер в том же госпитале, где не- задолго до этого скончался от рака свергнутый и отвергнутый своим народом monarch Ирана Мохаммед Реза Пехлеви.

В медицинском заключении было сказано, что смерть Садата наступила «в результате шока, внутреннего кровоизлияния в грудной полости, поражения левого легкого и основных кровеносных артерий».

Позднее в обвинительном акте на закрытом судебном процессе главное обвинение в организации убийства президента предъявили старшему лейтенанту Халеду аль-Исламбули, непосредственно руководившему боевиками, которые совершили покушение. Они действовали от имени правоэкстремистских мусульманских организаций. Среди их руководителей были названы религиозный деятель Шукри Мустафа, инженер Абдель Салям Фараг, подполковник Абу аз-Зумр, преподаватель-теолог Омар Абдель Рахман. Представшие перед судом запертными в клетке участники покушения во весь голос изложили мотивы своих действий.

— Мы совершили это ради религии! — скандировали они.— Ради нее мы жили! Ради нее мы умрем! Ради нее мы ведем священную войну!

Египетские власти пытались сначала создать впечатление, будто покушение совершила изолированная группа мусульманских экстремистов. Но когда через два дня после покушения поднялся настоящий мятеж в городе Асьюте, где в ходе вооруженных стычек погибло более 40 полицейских, власти вынуждены были признать, что готовился широкий антиправительственный заговор, преследовавший цель свержения режима Садата. Если первая попытка убийства Садата закончилась бы неудачно, заговорщики замышляли повторить покушение в местечке Аль-Канатир, куда президент должен был прибыть на отдых. Третью попытку запланировали на каирском стадионе 17 октября. После убийства президента намечалось захватить здание радио и телевидения, чтобы зачитать заявление об «исламской революции». Такую попытку предприняла группа боевиков под руководством Фарага сразу вскоре после событий на параде. Но, встретив у здания радио и телевидения усиленную охрану, боевики отказались от нападения и скрылись. Обвиняемые признали, что они стремились устранить Садата, как «отступника от веры» и «предателя арабской нации». Но это были мотивы исполнителей, а не организаторов покушения на Садата.

Длившийся несколько месяцев закрытый суд над участниками заговора вынес смертный приговор всем четырем боевикам, которые остались в живых после перестрелки на параде.

Сколько всего участвовало в покушении на Садата, суду точно установить не удалось. Но есть более важные вопросы, которые так и остались открытыми после судебного процесса: кто направлял этот заговор? кто его готовил? кто был за его кулисами?

Версий на этот счет существует немало. Называлось сразу несколько мусульманских организаций, в том числе и «Братья-мусульмане», и «Ат-Такфир валь-Хиджра» («Искупление и исход»), и «Аль-Джихад аль-Джедид» («Новая священная война»).

Расходились мнения и относительно тех, кто направлял деятельность этих организаций. Одни указывали на Тегеран и Эр-Рияд, другие склонны были приписать это деятельности египетской оппозиции, находящейся за рубежом. Высказывались предположения и о возможной если не прямой, то косвенной причастности к устранению Садата секретных служб США и Израиля.

Но какая бы версия ни приобрела право войти в историю, убийство Садата сразу же получило правильную политическую оценку.

И лидеры египетской оппозиции, и многие арабские руководители, хотя и не оправдывали сами террористические методы борьбы, убеждены в том, что убийство Садата явилось одной из форм народного протesta против его капитулянтского курса, логическим финалом политики Кэмп-Дэвида.

Этот вывод лаконично и точно сформулировал в те дни премьер-министр Ливана Ш. Вазан, заявив:

— Садата убил Кэмп-Дэвид...

Физическая смерть Садата означала прежде всего политическое банкротство всей его политики. Именно к такому заключению должны были прийти и те немногочисленные «друзья» и покровители Садата, которые съехались вскоре в Каир для участия в его похоронах.

В отличие от всенародного горя по случаю кончины Насера, похороны Садата напоминали не столько траурную процессию, сколько протокольную церемонию с усиленным полицейским обеспечением. Садат, боясь египетского народа, в последние годы предпочитал летать над своей страной. И после смерти Садата гроб с покойником тоже поместили в вертолет, не рискуя везти его на машине даже по

пустынным улицам Каира. На всех перекрестках и площадях стояли военные грузовики с расчехленными пулеметами. Улицы города патрулировали солдаты с примкнутыми штыками. Несколько тысяч полицейских, сцепившись руками, образовали плотную стену, чтобы сдерживать толпу. Но толпы не было. В церемонии принял участие всего лишь несколько сот человек, в основном государственные служащие. Немного съехалось и официальных иностранных гостей проводить в последний путь «раиса». Отсутствовали представители почти всех арабских государств. По соображениям безопасности не решился приехать и президент США Рейган. В официальную американскую делегацию во главе с государственным секретарем А. Хейгом вошли лишь «друзья» Садата — бывшие президенты Никсон, Форд и Картер. Но и они поспешили вместе с израильским премьером Бегином покинуть Каир, не дожидаясь даже окончания церемонии погребения. Однако американские и израильские гости не сделали нужных выводов. Напротив, Вашингтон и Тель-Авив, испугавшись, как бы «кэмп-дэвидский процесс» не умер вместе с Садатом, попытались придать ему новый импульс. Ставка опять была сделана на силу.

Эхо выстрелов в Каире

Находившиеся на трибуне во время покушения на Садата члены американской военной делегации отделались кто легкими ранениями, а кто лишь испугом. Генерала Кингстона долго еще била нервная дрожь при мысли о превратности судьбы: его собственная жизнь могла «вернуться» прежде, чем успели бы как-нибудь среагировать вверенные ему «силы быстрого развертывания». Но если Кингстон был обуян понятным страхом за свою жизнь, то в Вашингтоне испугались за судьбу египетского режима и американских позиций на Ближнем Востоке. Пентагон немедленно отдал приказ о приведении в повышенную боевую готовность всех американских сил и средств, находившихся в Восточном Средиземноморье, в зоне Персидского залива и в прилегающих акваториях Индийского океана. Решено было ускорить подготовку крупномасштабных маневров «сил быстрого развертывания» под названием «Брайт стар-2». Уже через месяц маневры проводились на территории Египта, а также Судана, Сомали и Омана. Они вылились в демонстрацию силы против ряда соседних с

ними государств. Военные маневры проводились параллельно с дипломатическими. Администрация Рейгана подтвердила свое намерение добиваться в срок реализации кэмп-дэвидской сделки. С одной стороны, стало парашитаться прямое американское военное присутствие на Ближнем Востоке, в том числе и на Синае под видом так называемых «многонациональных сил». С другой стороны, Каиру дали понять, что на оставшуюся часть Синая, которую Израиль обещал возвратить к апрелю 1982 года, Египет может рассчитывать лишь в случае поддержки американских планов. Вновь усилился нажим и на другие арабские страны с целью подтолкнуть их к «стратегическому консенсусу» не только с Египтом, но и с Израилем на базе антисоветизма. Госсекретарь Хейг совершил для этого специальный вояж на Ближний Восток. Но уговоры, посулы и даже слегка прикрытие угрозы Хейга не произвели должного впечатления ни в Аммане, ни в Эр-Рияде... Более того, и в Каире новый президент Хосни Мубарак склонен был к проведению «более сбалансированной внешней политики». Он не проявлял большой охоты полностью следовать по стопам Садата. По его приказу были освобождены из-под ареста многие политические заключенные, в том числе представители прогрессивных кругов Египта. Приостановилась и враждебная пропагандистская кампания против арабских государств. Египетское правительство, хотя и подтвердило верность Кэмп-Дэвиду, не проявляло такой поспешности в уступках Тель-Авиву, как это делал ранее Садат.

Вашингтон в новой ситуации решил еще более укрепить свои «особые отношения» с Израилем. Вскоре после похорон Садата Бегин отправился за океан, чтобы обсудить с администрацией Рейгана «новую ситуацию» на Ближнем Востоке. В переговорах с американцами он, как обычно, сначала проявил «неуступчивость», затем «колебания» и в конечном итоге дал «согласие» на уход с Синай взамен на новые американские кредиты и поставки. Бегину объяснили, что возвращаемый Египту кусок Синая станет одновременно плацдармом для утверждения американского военного присутствия на Ближнем Востоке. Вместе с тем Белый дом и Пентагон не возражали и против того, чтобы Израиль имел «стратегическую свободу действий» на других флангах.

Достигнутая договоренность после уточнения и конкретизации взаимных обязательств нашла юридическое оформление в виде «Меморандума о взаимопонимании в обла-

сти стратегического сотрудничества» между США и Израилем. Меморандум подписали в Вашингтоне 30 ноября 1981 года министр обороны США К. Уайнбергер и его израильский коллега А. Шарон. Близкие к Белому дому круги не скрывали, что этот «меморандум» почти равнозначен американо-израильскому военному союзу.

Вашингтон в полной мере подтверждал свою причастность к любым агрессивным акциям Тель-Авива на Ближнем Востоке. Что же касается Израиля, то он в свою очередь выражал готовность быть участником любых авантюр, на которые могут пойти Соединенные Штаты в рамках не только стратегии «географической или горизонтальной эскалации конфликтов», но и планов развязывания «ограниченной ядерной войны».

Тель-Авив не замедлил воспользоваться предоставленной ему «стратегической свободой действий». Прежде чем отдать малое — оставшуюся часть Синая, — он, по своему обыкновению, решил «узаконить» захват гораздо большего. Ровно через две недели после подписания «меморандума», 14 декабря 1981 года, кнессет принял решение об анексии захваченных у Сирии Голанских высот. Вашингтон в ответ лишь заявил о временной якобы «приостановке меморандума». Но это были лишь слова. На деле же он продолжал поддерживать экспансионистский курс Тель-Авива. На заседании Совета Безопасности ООН, где большинство осудило незаконную анексионистскую акцию Израиля, представитель США использовал право вето, чтобы помешать принятию резолюции, содержащей соответствующие санкции против агрессора. Такая резолюция была все же принята несколько позднее на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ее одобрили подавляющим большинством голосов. Но США опять проголосовали против, а другой участник кэмп-дэвидской сделки — Египет воздержался.

Вскоре Пентагон, как бы поощряя Израиль на новые агрессивные «подвиги», решил увеличить ему военную помощь начиная с 1983 года до 1,7 миллиарда долларов, что на 700 миллионов превышало уровень 1980 и 1981 годов.

Израильские руководители пропустили мимо ушей чисто формальные «протесты» Вашингтона, но зато учли его чисто деловой вклад. Бегин с полным основанием заявил в апреле 1982 года в кнессете:

— Соединенные Штаты были и остаются с нами. Действие американо-израильского меморандума остается в силе. Оно никогда и не прекращалось!..

Бегин и Шарон сознавали, что завершенная ими эвакуация израильской армии с Синай в конце апреля 1982 года никак не ослабляла позиций Израиля. По существу, она заменилась лишь американской оккупацией, не ограниченной по сроку.

Обезопасив себя с юга, Тель-Авив обратил взор на север. Теперь ничто не мешало ему попытаться на свой манер решить палестинскую проблему, а заодно и отхватить часть Ливана.

«МИР», ДЫМЯЩИЙСЯ ВОЙНОЙ

Президент Рейган обычно любит покрасоваться перед журналистами на устраиваемых почти еженедельно в Белом доме пресс-конференциях. Чувствуя себя в родной стихии, он позирует, отпускает шутливые реплики и вообще не скучится на улыбки.

В тот раз, однако, улыбаться было неуместно. На Ближнем Востоке опять вспыхнула война. Судя по поступившим ночью 6 июня 1982 года первым сообщениям, ее никак нельзя было назвать обычной «карательной операцией» против палестинцев. Новую вооруженную интервенцию в Соединенных Штатах сразу поспешили окрестить «пятой арабо-израильской войной». Всех, естественно, прежде всего интересовало: когда об этом узнали в Белом доме?

— Что думает господин президент по поводу новой войны?

— Был ли об этом заранее предупрежден Вашингтон?

— Какова позиция Соединенных Штатов в новом кризисе?

— Чего можно ожидать дальше? — сыпались один за другим вопросы.

На большинство из них Рейган не знал, как ответить.

— Эти события нас захватили врасплох, — скороговоркой выпалил президент и, очевидно, для пущей убедительности добавил:

— Так же, как и всех остальных...

Кто-то в зале нетактично хихикнул. Президент явно попал впросак. Ведь никого эти события не застали врасплох! Их давно ждали. К ним давно готовились. Администрация Рейгана имела непосредственное отношение к подготовке этой агрессии. Она внесла в нее и свою немалую лепту.

«Изобретение колеса»

Вступая в 1980 году в предвыборную борьбу, Рейган сразу заверил Тель-Авив в особой к нему «симпатии и верности».

— Израиль,— заявил Рейган как претендент на президентский пост,— это наш самый надежный союзник. Мы должны его защищать и поддерживать, ибо это отвечает стратегическим интересам Соединенных Штатов. С ним связывалась безопасность США в прошлом и еще в большей степени это относится к будущему... Израиль является единственной устойчивой демократией, на которую мы можем опереться там, где может произойти новый Армагеддон,— патетически изрекал Рейган, косвенно намекая на свою готовность возглавить будущую «битву между добром и злом».

Назав Израиль «самым верным» стратегическим союзником среди «сил добра», возглавляемых Соединенными Штатами, Рейган благосклонно одобрил притязания сионистов на Иерусалим. Он «с пониманием» отнесся и к созданию ими новых поселений на Западном берегу Иордана, и к жесткой линии правительства Бегина в отношении палестинцев и Сирии.

Сионистское лобби помогло избранию Рейгана президентом. При комплектовании своей «команды» в Белом доме Рейган тоже постарался не остаться в долгу. Большинство министерских портфелей он распределил среди миллионеров, прочно связанных с еврейским капиталом.

Перебирая возможных кандидатов на пост государственного секретаря, Рейган не мог, конечно, не вспомнить и Генри Киссинджера. Но к тому времени тот успел слишком себя скомпрометировать: он оказывал тайные услуги как демократам, так и республиканцам. О махинациях Киссинджера стало известно из преданных гласности сенсационных материалов, которые впоследствии вошли в книгу Сеймура Херша «Цена власти: Киссинджер в никсоновском Белом доме».

Тем не менее Рейган решил все же предоставить Киссинджеру еще одну попытку продвинуть вперед явно застопорившийся «кэмп-дэвидский процесс».

В декабре 1980 года Киссинджер опять появился на Ближнем Востоке. Руководителям государств, куда он направлялся, заранее предложили обдумать приглашение присоединиться к «обновленной» кэмп-дэвидской «формуле мира». Но в ряде арабских столиц Киссинджера вообще

ще не пожелали принимать. В Эр-Рияде и Аммане его встретили подчеркнуто холодно. Саудовцы дали понять, что он просто-напросто банкрот. Король Хусейн назвал кэмп-дэвидскую дипломатию «дохлой клячей». Киссинджер возвратился в Вашингтон ни с чем. В команде Рейгана ему не нашлось места.

На пост государственного секретаря назначили бывшего главнокомандующего войсками НАТО в Западной Европе отставного генерала Александра Хейга. При Никсоне он был одним из помощников Киссинджера в аппарате Совета национальной безопасности. Хейг давно зарекомендовал себя «ястребом» и не скрывал своих давнишних симпатий к Тель-Авиву.

Военными делами Рейган поручил заниматься миллионеру Каспару Уайнбергеру, считавшемуся «суперястребом». Он долгое время возглавлял фирму «Бектел», которая занимается выполнением крупных строительных контрактов в арабском мире и в Африке.

Хотя Хейг и Уайнбергер вели конкурентную борьбу за влияние в Белом доме, вместе они должны были составить именно тот tandem, который наилучшим образом олицетворял бы «решительную» и вместе с тем «сбалансированную» стратегию Вашингтона на Ближнем Востоке и в других регионах мира.

Не теряя времени, Хейг отправился в апреле 1981 года в «ознакомительную поездку» на Ближний Восток в надежде заложить там основу нового стратегического альянса под руководством США. В ход опять былипущены послы крупных поставок американского оружия Египту, Саудовской Аравии и некоторым государствам Персидского залива. Взамен Хейг потребовал от них дать согласие на доступ американцев к наибольшему числу баз. Хейг при этом прибегнул к старому способу запугивания их «советской угрозой». Размахивая этим жупелом, который даже американская печать саркастически назвала « заново изобретенным колесом», Хейг хотел убедить ближневосточные страны отодвинуть на второй план все «региональные споры» во имя интересов «глобальной конфронтации между Востоком и Западом». Понимая, однако, что официальный союз между Израилем и арабами немыслим, Хейг предложил им выработать «единую стратегию» на двусторонней основе с Вашингтоном.

Эту теоретическую концепцию в случае реализации ее на практике предполагалось окрестить «доктриной Хейга». В беседах с арабскими руководителями государственный

секретарь доказывал, будто «обеспечение безопасности» на Ближнем Востоке и «поиски мира» между арабами и Израилем — это цели, которых можно добиваться параллельно. Во имя того, чтобы не допустить установления «господства Советского Союза», он призывал короля Иордании Хусейна последовать примеру Садата и установить мир с Израилем.

Но король возразил Хейгу, что ключ к стабильности и безопасности Ближнего Востока во всеобъемлющем урегулировании арабо-израильского конфликта. А этого невозможно добиться без справедливого решения палестинской проблемы.

— Американцы, — заключил Хусейн, — игнорируют главную проблему. Ваши гарантии поэтому ненадежны.

«Изобретенное» Хейгом колесо сломалось в ходе его первого же «ознакомительного пробега» по ближневосточным странам. «Доктрина Хейга» умерла, не успев родиться. Она развеялась, подобно миражу, при столкновении с ближневосточными реалиями.

Итоги визита Хейга на Ближний Восток показали, что у США, по существу, нет реальных шансов ни на воссоздание антисоветского нового блока, ни на получение баз, которыми раньше располагал в этом районе Запад. При обсуждении в сенате военной стратегии США на Ближнем Востоке стали все громче раздаваться голоса о возможном прямом военном вторжении с целью «реколонизации» некоторых ближневосточных стран.

— Поскольку нельзя гарантировать американским силам дружественный прием, — угрожающе предупредил сенатор Коэн, — Соединенные Штаты должны быть готовы силой закрепиться в этом районе.

«На круги своя»

В Вашингтоне репили вернуться «на круги своя». Но прежде чем «закрепиться силой» на Ближнем Востоке, нужно было обеспечить себе плацдармы, пусть даже не на постоянной основе.

У израильских руководителей Хейг нашел полное понимание выдвинутых им идей. Израильтяне были горячими сторонниками того, чтобы американцы разместили на Ближнем Востоке как можно больше своих войск. Между Хейгом и израильскими руководителями состоялся откровенный обмен мнениями по широкому кругу вопросов. Кос-

нулись они и положения в Ливане. Хейг намекнул, что операция в Ливане будет оправдана при достижении двух основных целей:

— Первое — сломить сопротивление палестинцев, уничтожив их военную и политическую структуру в Ливане. Второе — вытеснить оттуда сирийский контингент межарабских сил. Вашингтон, — уточнил Хейг, — не считает Сирию стабилизирующим фактором в Ливане.

Взаимопонимание было настолько широким и глубоким, что израильские руководители предложили Хейгу зафиксировать это в специальном меморандуме. Пока израильский посол Моше Аренс согласовывал в Вашингтоне с Хейгом и Уайнбергером статьи и положения нового меморандума, Тель-Авив успел воспользоваться предоставленной ему свободой действий и заодно проверить степень «взаимопонимания» с Вашингтоном.

Вскоре после визита Хейга в Иерусалим израильские самолеты, в том числе недавно полученные из США F-15 и F-16, бомбили жилые кварталы Бейрута. Затем они совершили налет на ядерный научно-исследовательский центр в Багдаде с демонстративным нарушением воздушного пространства соседних арабских стран — Иордании и Саудовской Аравии.

Это было специально приурочено к очередной встрече Бегина с Садатом, чтобы испробовать «верность» кэмп-дэвидских компаний. Садат промолчал. Администрация Рейгана сделала лишь вид, будто отмежевывается от агрессивных акций Тель-Авива. Израильского посла Аренса госдепартамент символически предупредил о временном приостановлении Израилю поставок американских самолетов. Но очень скоро этот «запрет» был снят.

Возобновление поставок Тель-Авиву американского оружия обусловливалось не только подготовкой меморандума о «стратегическом сотрудничестве». Было другое, более важное обстоятельство. В августе 1981 года министром обороны Израиля стал генерал Ариэль Шарон, который ознакомил американцев с подготовленным планом израильского вторжения в Ливан. Израилю срочно увеличили поставки американского оружия. С подписанием 30 ноября 1981 года меморандума о «стратегическом сотрудничестве» авантюризм израильских заправил получил новый импульс. Вслед за объявлением Иерусалима «единой и вечной столицей» Израиля они решились на следующий экспансионистский шаг. 14 декабря 1981 года они объявили об аннексии оккупированных Голанских высот Сирии. Аме-

рижанская администрация сначала выразила «неодобрение» действиям Тель-Авива, а затем — робкий «протест» с намеком о возможном разрыве «стратегического сотрудничества» с Израилем. Но тут же по закрытым каналам Тель-Авиву объяснили, что это чисто тактическое отмежевание. Бегин понял, что Израилю предоставляется полная свобода действий. Он не замедлил этим воспользоваться.

В марте 1982 года правительство Бегина издало распоряжение о насильственном распуске муниципалитетов и смещении мэров ряда городов на Западном берегу Иордана. Их функции передали военной и гражданской администрации Израиля. На оккупированных территориях ширилось движение протesta, которое стало перерастать в народное восстание. Власти Израиля для разгона демонстраций в Иерусалиме и других городах прибегли к применению оружия и широким арестам. Сотни людей были убиты, тысячи получили ранения иувечья, около 35 тысяч палестинцев оказались в тюрьмах и концлагерях. Однако жестокими репрессиями не удалось выбить почву из-под ног Организации освобождения Палестины, на что рассчитывал Тель-Авив.

Тогда с благословения Вашингтона решили перенести центр тяжести удара по палестинцам в Ливан. По мере наращивания бандитских налетов на палестинские лагеря в Ливане и расширения террористических акций против палестинских руководителей за рубежом сионистская пропаганда разворачивала шумную кампанию против «терроризма» арабов, угрожавшего якобы существованию Израиля.

Генерал Шарон, вспомнив о рекомендациях Хейга, информировал Вашингтон о намерении расширить масштабы израильского вторжения за пределы районов проживания палестинцев в Южном Ливане. Осведомленный о многих тайнах Тель-Авива и Вашингтона, военный обозреватель израильской газеты «Гаарец» Зеев Шифф, раскрывая суть этого плана, писал, что Шаронставил своей целью не только удаление Организации освобождения Палестины из Бейрута, но и сирийских войск со всей территории Ливана. Согласие на осуществление этого плана Шарон получил сначала от госсекретаря А. Хейга, а затем и министра обороны К. Уайнбергера.

Израильское руководство нуждалось еще, однако, в получении дополнительных гарантий Вашингтона. Как и в преддверии «шестидневной войны» 1967 года, для этого за океан срочно вылетел шеф израильской разведки генерал

Егошуа Саги. О результатах переговоров с ним Уайнбергер и Хейг не замедлили подробно доложить хозяину Белого дома.

«Ретроспективно этот визит,— заключает Шифф,— несомненно, был первой израильской попыткой сделать США партнером в своих планах в отношении Ливана... Саги ничем не удивил Хейга и других американских лиц во время своих встреч в Вашингтоне. Американцы были обо всем хорошо информированы».

Вскоре израильские военные планы в отношении Ливана во всех деталях предали гласности американские средства массовой информации. Эта «утечка» была организована тоже специально для подготовки мирового общественного мнения.

После подписания в Вашингтоне меморандума генерал Шарон тайно посетил в январе 1982 года Бейрут. Этот визит он предпринял не столько для рекогносцировки на местности, сколько для увязывания плана израильского вторжения в Ливан с действиями правохристианских экстремистов. От них Шарон получил точные сведения о расположении палестинских лагерей и объектов, по которым намечалось наносить основные удары.

В последних числах апреля 1982 года израильская военщина провела новый «зондаж боем». Самолеты ВВС Израиля подвергли массированной бомбардировке лагеря палестинцев и жилые кварталы Бейрута, а также его окрестности, где проживало в основном мусульманское население, поддерживающее палестинскую борьбу. В мае израильские самолеты совершили налеты на Сайду и Дамур, где находились палестинские лагеря.

Советский Союз в заявлении ТАСС обратил тогда внимание мировой общественности на явную подготовку израильского вторжения в Ливан. Что же касается Вашингтона, то госдепартамент предпочел «официально промолчать».

Если в Тель-Авиве и оставались какие-либо сомнения относительно американской реакции на готовящуюся агрессию, то они окончательно рассеялись после двух завершающих бесед в мае 1982 года в Вашингтоне — Шарона с Хейгом, а затем Хейга с израильским послом в США Аренсом. Шарон в разговоре с Хейгом, продолжавшемся более двух с половиной часов, не стал раскрывать все детали своего плана. Но после окончания этой беседы у Хейга, по мнению Шиффа, хватило воображения сделать вывод о том, что Израиль готовит не «ограниченную операцию»,

а крупномасштабную новую войну. Израилю предоставили право самому решать, когда и под каким предлогом развязывать войну для нового «размораживания» обстановки на Ближнем Востоке.

«Мир Галилее» — война Ливану

Вторжение в Ливан было осуществлено в полдень 6 июня 1982 года. Таким своеобразным способом Тель-Авив как бы отметил 15-ю годовщину июньской агрессии 1967 года. Новая война в Ливане была логическим продолжением этой агрессии.

Непосредственным поводом для ее развязывания послужила якобы попытка покушения на израильского посла в Лондоне Шлома Аргова. К этой провокационной акции Организация освобождения Палестины никакого отношения не имела. Официально отмежевавшись от ее организаторов, ООП старалась не давать и никаких других поводов для обвинения ее в нарушении достигнутой в июле 1981 года договоренности о недопущении вооруженных столкновений в приграничных с Израилем районах Южного Ливана. Большинство подобных террористических актов провоцировалось самими израильскими спецслужбами. Об этом, в частности, поведал Стюарт Стивен в книге «Израильские мастера шпионажа», вышедшей в Лондоне в конце 1982 года.

Вооруженная интервенция была тем не менее представлена как некая «превентивная» мера, направленная на «обеспечение безопасности» северных районов Израиля, называемых Галилей. Операции поэтому и было присвоено фарисейское название «Мир Галилее».

Для ее осуществления израильское командование бросило группировку численностью более 60 тысяч человек. Она насчитывала 12 пехотных и механизированных бригад, более 800 танков и около тысячи стволов артиллерийских орудий и минометов различных систем. Действия сухопутных войск поддерживались военно-воздушными и военно-морскими силами Израиля. Всего с учетом периодической замены личного состава в этой войне участвовало около 100 тысяч израильских военнослужащих.

Израиль в ходе интервенции преследовал цель (это провозглашалось официально) разгромить вооруженные формирования Палестинского движения сопротивления (ПДС) и Национально-патриотических сил (НПС) Лива-

на, а затем создать «зону безопасности» шириной до 50 километров вдоль израильско-ливанской границы.

На шестой день войны израильские войска вклинились в глубь территории Ливана на 60 и более километров. На девятый день израильские войска начали окружать Бейрут. Одновременно они завязали бои в долине Бекаа с находившимися там сирийскими частями из состава межарабских сил безопасности. Замышлявшаяся «блицоперация», которую Шарон намеревался закончить за 48 часов, вылилась на сей раз в одну из самых затяжных и кровопролитных войн на Ближнем Востоке.

По масштабам развернувшихся боевых действий ее пра-вомерно назвали «пятой арабо-израильской войной». Однако, если исходить из состава действительных участников этой войны, в которой по сравнению с другими войнами в наибольшей степени участвовали США и в наименьшей мере арабские государства, более точно было бы ее определить как американо-израильскую агрессию против ПДС и НПС Ливана, а также находившегося там контингента сирийских войск в условиях незавершенной гражданской войны в стране.

Неликвидированные последствия междоусобной борьбы в Ливане оказывали существенное влияние не только на ход боевых действий, но и на расстановку сил как в стране, так и на межарабской арене. Во время израильской интервенции ливанская реакция в лице правохристианских экстремистов объективно играла роль пособников, а иногда и прямых союзников агрессоров, а арабские государства с консервативными режимами фактически уклонились на этот раз от активной поддержки жертв агрессии. В отличие от предыдущих войн, Израилю так и не была противопоставлена в Ливане широкая арабская коалиция.

Углубившийся после Кэмп-Дэвида раскол арабского мира конечно же создал благоприятную обстановку для израильской интервенции в Ливане. Но были еще и другие, не менее важные обстоятельства, которые учили организаторы новой агрессии. Это прежде всего нахождение «многонациональных сил», особенно американского контингента войск, на Синае. К тому же Израиль продолжал удерживать несколько «спорных» участков египетской территории, видя в этом гарантию «нейтрализации» Египта.

Не могла не учитываться и продолжающаяся ирако-иранская война, взаимно истощающая Ирак и Иран. Из-за этого они не могли стать активными участниками антиизраильской коалиции или даже ее стратегическим резервом.

Вместе с тем Тель-Авив мог на этот раз рассматривать как свою надежную опору прямое военное присутствие США и других стран НАТО в Восточном Средиземноморье и в зоне Персидского залива. Там постоянно находились крупные группировки военно-морских сил, включая авианосные соединения с ядерным оружием и необходимыми средствами доставки.

Агрессивная американо-израильская акция стала одним из звеньев общего заговора международного империализма, в первую очередь воинствующих кругов США, направленного на возрождение «холодной войны». Благословив Тель-Авив на новую агрессию, Вашингтон попытался впервые проверить на практике провозглашенную администрацией Рейгана стратегию «прямого противоборства» с силами национально-освободительного движения в регионе Ближнего и Среднего Востока.

В отличие от всех предыдущих арабо-израильских войн, когда Вашингтон предпочитал оставаться за кулисами событий, на этот раз Соединенные Штаты оказывали Израилю прямую военную поддержку. На протяжении всего кризиса они действовали согласованно, допуская лишь чисто тактические разногласия в отношении путей осуществления намеченных задач. Вашингтон стремился, как можно эффективнее использовать дипломатические средства, рассматривая их как логическое продолжение израильских военных акций. У Тель-Авива были свои основания проявлять нетерпение и даже «непослушание» при эскалации вооруженной агрессии в Ливане. Он расценивал военную силу как лучший рычаг в американском «миротворчестве».

В ходе многоактной ливанской трагедии США не предприняли никаких действенных шагов для того, чтобы пресечь или остановить кровопролитие в Ливане. Вашингтон воздержался и от применения каких-либо предусмотренных американским законодательством санкций против Тель-Авива, когда он стал использовать полученное от США вооружение, в том числе фосфорные, шариковые и кассетные бомбы, против населения Бейрута.

В разгар кровопролития Белый дом сделал символический жест, заменив на посту госсекретаря А. Хейга за его излишнюю «самостоятельность», в том числе и в ближневосточных делах. На его место Рейган назначил Джорджа Шульца, который, в отличие от своего предшественника, предпочитал «слушать, а не говорить самому». Как и министр обороны К. Уайнбергер и бывший директор ЦРУ А. Маккоун, новый госсекретарь долгое время находился на

службе строительной корпорации «Бектел», а затем и возглавлял ее. Замена Хейга означала сведение счетов между различными группировками, соперничавшими за влияние в Белом доме. На ближневосточной политике США она никак не отразилась. Это стало ясно на следующий же день, 26 июня 1982 года, когда американский представитель наложил вето в Совете Безопасности на проект резолюции, предусматривавший прекращение огня и разъединение воюющих сторон в Бейруте, ибо он не устраивал Израиль.

Соединенные Штаты, не считая Израиля, были единственной страной, проголосовавшей 27 июня 1982 года и против резолюции, требовавшей вывода израильских войск из Ливана, хотя на Генеральной Ассамблее ООН ее поддержали почти все государства.

Через месяц Совет Безопасности ООН снова собрался, чтобы принять резолюцию с призывом к Израилю немедленно прекратить осаду Западного Бейрута. Представитель США не явился на это заседание. Израиль расценил это как сигнал к решительному наступлению. Оно завершилось захватом бейрутского международного аэропорта и других важных ключевых позиций в окрестностях Бейрута. При голосовании в Совете Безопасности резолюции о прекращении огня в Бейруте американский представитель предположил воздержаться.

«Воздержание» — это тоже знак согласия, решили в Тель-Авиве. На следующий же день Израиль «информировал» генерального секретаря ООН об отказе подчиняться резолюциям Совета Безопасности о выводе израильских войск из Западного Бейрута, пока они «не выполнят поставленных задач».

Советский Союз потребовал созвать 6 августа срочное заседание Совета Безопасности. На нем обсуждалась резолюция о немедленном прекращении израильской агрессии и размещении наблюдателей ООН в Бейруте для контроля за выполнением принятых ранее решений. Но Соединенные Штаты снова — уже третий раз — наложили вето на эту резолюцию.

Тем временем специальный представитель президента США Филип Хабиб прибыл на Ближний Восток. Под предлогом «миротворчества» он совершил «челночные поездки» между Иерусалимом, Бейрутом, Дамаском и некоторыми другими арабскими столицами, чтобы максимально способствовать достижению целей израильской агрессии. Эти переговоры служили ширмой для обмана общественного

мнения. Хабиб убеждал сирийцев, что Израиль не намерен наносить удар по их войскам в долине Бекаа. Через день после этого израильтяне атаковали там подразделения сирийского контингента межарабских войск.

Точно так же вероломно Тель-Авив нарушил достигнутое при посредничестве Хабиба соглашение об обеспечении безопасности населения Западного Бейрута и жителей палестинских лагерей после отвода в конце августа из ливанской столицы сирийских подразделений и палестинских отрядов. Защитники Западного Бейрута героически сражались в кольце осады более 80 дней. Они стойко держались, отбивая атаки противника под градом бомб и спарядов. У них не было в достаточном количестве продовольствия, медикаментов, даже воды. Агрессор не смог взять ливанскую столицу ни штурмом, ни измором. Впервые израильские вояки почувствовали себя бессильными. Среди них, писал в те дни американский журнал «Нью-сунк», не было героев, разве что за исключением тех офицеров и солдат, которые, набравшись смелости, отказывались вести «грязную войну» в Ливане.

Зато палестинские бойцы, не желая подвергать опасности мирных жителей столицы, покинули Бейрут как настоящие герои, с поднятым оружием в руках и развернутыми флагами Палестины как символом веры в свою победу.

Израильские захватчики и их союзники, оказавшись бессильными, прибегли к вероломству. Введенные в Бейрут натовские «многонациональные силы», костяк которых составили американские морские пехотинцы, должны были обеспечить безопасность мирных жителей ливанской столицы и ее окрестностей. Но вместо этого они стали обеспечивать безопасные условия для кровавого разбоя израильским агрессорам и их пособникам.

Из-за кулис на авансцену

Президент Рейган воспользовался достигнутым соглашением о прекращении огня в Бейруте для выдвижения 1 сентября 1982 года новой американской «ициативы» по Ближнему Востоку.

В ливанской столице и других городах не была ещемыта с мостовых кровь ливанцев и палестинцев, когда Рейган произнес речь, в которой изложил свой «план» ближневосточного урегулирования.

— Ливанская война,— заявил американский президент,— хотя и была трагической, создала для нас благоприятную возможность в отношении установления мира на Ближнем Востоке... Мы обещаем ливанцам помочь возродить их разрушенную войной страну, а народам Ближнего Востока — обеспечить и гарантировать мир.

Для пущей убедительности Рейган прибег к излюбленной им аргументации с помощью... Библии и бряцания оружием. Уилбур Ивлэнд, как и многие американцы, слушавшие выступления президента, не мог не обратить внимание на странную закономерность. К «священному писанию» Рейган апеллировал, желая предстать в роли «миротворца», к угрозам же прибегал, как правило, под предлогом «обеспечения безопасности» Соединенных Штатов и их союзников. В первом случае он выдвигал «планы» по обеспечению мира, в другом — выступал со всякого рода стратегическими концепциями и «доктринами».

Так произошло и на сей раз.

— Мне показалось,— вещал Рейган,— что в результате достижения договоренности в Ливане нам представился удобный случай для приложения далеко идущих мирных усилий в этом районе. Я полон решимости воспользоваться таким моментом, ибо, по словам Священного писания, пришло время для того, чтобы «добиваться вещей, созидающих мир»...

Рейган, по существу, предлагал Ливану и другим арабским странам закамуфлированный кэмп-дэвидский вариант «мира». Ливан должен был капитулировать перед Израилем. Палестинцам же давалось обещание предоставить «внутреннюю автономию» на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, откуда израильтянам предлагалось осуществить символический «ход» с сохранением там их военизованных поселений.

Американские предложения были специально выдвинуты накануне совещания глав государств и правительств арабских стран в Фесе (Марокко), с тем чтобы направить его работу в выгодное для США русло и получить одобрение «плана Рейгана».

Однако от арабского мира не укрылась подлинная суть американской схемы. На созданном в середине сентября 1982 года совещании в Фесе арабские руководители выдвинули свой план урегулирования ближневосточного конфликта. Они потребовали вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, включая Восточный Иерусалим; ликвидации всех израильских

поселений; создания палестинского государства и подтверждения статуса ООП как единственного законного представителя палестинского народа; признания роли Совета Безопасности ООН как гаранта не только установления мира между государствами региона, но и самого процесса перехода к нему в противоположность цинично зафиксированному в американских предложениях стремлению США установить свой контроль над этим процессом.

Арабские государства впервые сумели выработать единую позицию, которая по многим пунктам совпадала с неоднократно выдвигавшимися Советским Союзом предложениями по ближневосточному урегулированию.

Израильское правительство не только отвергло все арабские предложения, но и заявило о «неприемлемости» для него даже «плана Рейгана».

— Израиль никогда не станет на колени! — патетически воскликнул в кнессете Бегин.— Для нас раздел земли наших предков — это жизненно важный вопрос, тогда как для Соединенных Штатов это просто элемент внешней политики.

Закончил свое выступление Бегин все же на оптимистически-дружеской ноте, в тон Рейгану тоже не забыв упомянуть о боге:

— С божьей помощью мы полны решимости выиграть любой бой вместе с Соединенными Штатами.

И израильские вояки вместе с «христовым воинством» фалангистов при полном понимании Вашингтона ринулись в бой. Они действовали быстро, чтобы, как выразился Рейган, «продолжить и развить уже достигнутое». На всех этапах начавшегося кровавого «миротворчества» наблюдалась полная согласованность и взаимопонимание в действиях агрессора и его покровителя.

Новая ситуация потребовала и назначения нового американского эмиссара на Ближнем Востоке. Миссию Филиппа Хабиба было поручено продолжить Морису Дрейперу. Непотушенные пожарища Бейрута поспешили посетить и госсекретарь Дж. Шульц, и министр обороны К. Уайнбергер. Там побывали также многие высокопоставленные американские генералы и чины ЦРУ. Для обеспечения «мира» в Ливане они распорядились ускорить поставки американского оружия, а также направить своих военных советников и инструкторов.

Заодно генералы из Пентагона прощупывали возможность использования американскими вооруженными силами ливанских портов и аэродромов в интересах «сил быст-

рого развертывания». При этом они не скучились на обещания и надежные «гарантии мира» после ухода из Ливана «многонациональных сил».

Очень скоро ливанцы и палестинцы имели возможность убедиться в истинной цене подобных «гарантий».

Результаты американского «миротворчества» в Ливане оказались не менее кровавыми и разрушительными, чем итоги военного разбоя Израиля. К моменту провозглашения так называемого «плана Рейгана» руками израильских агрессоров и американским оружием были убиты и ранены десятки тысяч мирных жителей Ливана. Только за время осады Западного Бейрута там нашли смерть более 4 тысяч детей, которые в большинстве случаев погибли от фосфорных и кассетных бомб с клеймом «Сделано в США».

Едва закончилась эвакуация палестинских бойцов и подразделений межарабских войск из ливанской столицы, как там снова загремели взрывы и началась стрельба. Вечером 14 сентября Бейрут потряс мощный взрыв в штаб-квартире правохристианской партии «Катаиб». В результате этой диверсии был убит недавно избранный на пост президента Ливана младший сын лидера партии «Катаиб» Башир Жмайель. Политические противники нового президента, хотя и обвиняли его в сотрудничестве с Израилем, решительно отмежевались от этого террористического акта. Они резонно поставили вопрос: кому это выгодно? Выгодным это оказалось Тель-Авиву и Вашингтону. Они не замедлили этим воспользоваться сначала для массового убийства палестинцев, а затем для совместных карательных операций против ливанских патриотов.

Поставленный вопрос проясняется и событиями, которые предшествовали убийству Башира Жмайеля. За неделю до этого он отклонил требование Бегина и Шарона подписать с Израилем «соглашение о мире». Строптивость Башира Жмайеля пришла не по вкусу Тель-Авиву и Вашингтону.

Воспользовавшись удобным моментом, израильские войска ворвались в Западный Бейрут. Американские морские пехотинцы вместе с другими подразделениями «многонациональных сил» поспешили почему-то вдруг досрочно покинуть ливанскую столицу. Они сделали это словно специально, чтобы не мешать оккупантам «наводить порядок». В Бейруте начались массовые облавы и аресты. Кульминацией «правопорядка» по-американски стала кровавая бойня, учиненная 16 сентября в палестинских

лагерях Сабра и Шатила. Она была подготовлена и проведена под руководством начальника израильской военной разведки генерала Ярона и командующего израильскими войсками в Ливане генерала Дорри. Необходимые инструкции на этот счет они получили непосредственно от начальника генерального штаба генерала Эйтана и министра обороны Шарона. О ходе подготовки резни в палестинских лагерях Шарон докладывал с места событий премьер-министру Бегину.

Для расследования массовых убийств в палестинских лагерях Сабра и Шатила по требованию возмущенной мировой общественности в Израиле была создана специальная комиссия во главе с верховным судьей Каганом. Перед ней давали показания и израильские генералы, причастные к этой резне, а также благословивший ее премьер-министр Бегин. Генерал Эйтан признал, что, выслушав доклад о завершении кровопролития в Сабре и Шатиле, он одобрил действия обученных израильтянами головорезов. Эйтан действовал, как и его прямой начальник Шарон, с одобрения правительства.

Бегин и Шарон не стали в своих показаниях на заседании комиссии Кагана уточнять все детали подготовки и реализации различных этапов ливанской трагедии, чтобы не подводить своих американских компаньонов. Это позволило президенту Рейгану еще раз разыграть сцену, будто он узнал о кровавых событиях в Западном Бейруте из сообщений информационных агентств. Но американская администрация при всем желании не могла доказать свою непричастность к преступлениям израильской военщины в Ливане. Ведь недаром Шарон в конце августа по личному приглашению Уайнбергера посетил США и обсуждал с ним совместный план действий в Ливане. С солдафонской прямотой Шарон позднее признался интервьюировавшей его итальянской журналистке Фалачи, что все детали военной операции в Ливане он заранее изложил своему американскому коллеге.

— Я специально,— заявил Шарон,— предупредил тогда Уайнбергера: не делайте вид, будто вы потрясены, когда мы это сделаем!

Кровавая трагедия, разыгравшаяся в Сабре и Шатиле, совпала с работой очередной, XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи. Арабские государства добились включения в повестку дня этой сессии вопроса о праве Израиля оставаться членом ООН. Американская делегация заявила, что покинет сессию, если на ней будет принято решение об

исключении Израиля из ООН. Она даже пригрозила прекращением американских финансовых взносов в ООН. Но мировое сообщество не поддалось этому шантажу. Израильские агрессоры и их американские покровители оказались в полной изоляции. На VII чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинской проблеме Соединенные Штаты вместе с Израилем были единственными, кто голосовал против поддержанной 147 государствами резолюции с осуждением кровавой расправы над палестинцами и ливанскими жителями Западного Бейрута.

Вашингтон не мог пренебрегать растущим во всем мире, да и в самих Соединенных Штатах, гневом и возмущением в связи с творимыми израильской военщиной кровавыми преступлениями в Ливане. На Тель-Авив было оказано воздействие, чтобы создать хотя бы видимость если не эвакуации, то передислокации израильских войск в Ливане. Вероломно ворвавшиеся в Бейрут подразделения израильских оккупантов пришлось вывести. Их место заняли вновь высадившиеся в Бейруте американские морские пехотинцы. По настоянию Вашингтона Франция, Италия, а затем и Великобритания, демонстрируя «натовскую солидарность», тоже послали в Ливан свои воинские подразделения. Выступая под флагом «многонациональных сил», они, по сути дела, стали действовать заодно с оккупантами.

Израильские оккупанты, «многонациональные» интервенты вместе с американскими военными советниками в ливанской армии раздували огонь гражданской войны в стране. Правохристианские экстремисты и сепаратисты не преминули воспользоваться иностранной интервенцией для усиления своих позиций и расширения контролируемых зон в окрестностях Бейрута. Особенно ожесточенные бои происходили в горных районах Шуф и Алей. Израильские оккупанты принимали непосредственное участие в провоцируемых правыми христианами вооруженных столкновениях с ливанскими патриотами. Пламя партизанской войны против израильских оккупантов и их пособников все шире охватывало также и южные районы Ливана.

Американские эмиссары продолжали тем временем выкручивать руки брату Башира — Амину Жмайелю, избранному новым ливанским президентом. Его понуждали заключить сепаратный мирный договор с Израилем по аналогии с «кэмп-дэвидским соглашением». Затем к их усилиям подключился государственный секретарь Дж. Шульц. Весной 1983 года он совершил по примеру своих предше-

ственников несколько «челночных операций» на Ближнем Востоке. Они завершились подписанием 17 мая ливано-израильского «соглашения о мире». Однако все старания администрации Рейгана добиться хотя бы формального одобрения этого соглашения арабскими странами, особенно Сирией, оказались тщетными. Но главное, его решительно отвергли все патриотические силы Ливана.

Подобно «кэмп-дэвидскому договору», это соглашение тоже выдавалось за некий «правовой» документ по обеспечению мира и безопасности. Однако ни для Египта, ни для Ливана, ни для других арабских государств подобные соглашения не могли дать ни справедливого мира, ни надежных гарантий по обеспечению их безопасности. Словно в награду за совершенный и все еще продолжающийся разбой «соглашение о мире» с Израилем позволяло ему сохранять на неопределенное время оккупацию южных районов Ливана и фактический контроль над всей его территорией. Кроме того, Израиль оговаривал себе еще «право» оборудовать в долине Бекаа плацдарм для военного давления на Сирию.

Патриотические силы страны, создавшие Фронт национального спасения Ливана, еще шире развернули после этого вооруженное сопротивление израильским оккупантам и их пособникам. Эта борьба находила понимание и поддержку Сирии и других арабских государств. Отвергая навязанное Ливану кабальное соглашение, они требовали немедленного вывода из страны войск израильских агрессоров и «многонациональных» натовских интервентов как главное условие урегулирования ливанского кризиса.

Бумеранг агрессии

Насаждаемый Вашингтоном и Тель-Авивом «мир» в Ливане снова задымился войной. В столкновения между национально-патриотическими силами Ливана и правохристианскими формированиями на этот раз оказалась втянутой воссоздаваемая ливанская армия. Благодаря стараниям американских советников она получила «боевое крещение» в боях не с израильскими захватчиками, а с ливанскими патриотами.

В Западном Бейруте и его южных окрестностях возобновились бои между формированиями шиитской организации «Амаль» и ливанской армией. В Горном Ливане израильтяне провоцировали вооруженные столкновения меж-

ду друзьями — сторонниками лидера Прогрессивной социалистической партии Ливана Валида Джумблата — и правыми христианами, которых часто поддерживали израильские войска. В долине Бекаа, а затем и на севере Ливана израильская агентура разжигала междуусобную борьбу между различными палестинскими группировками и ливанским населением.

На юге Ливана не проходило дня без столкновений с партизанами. Подозреваемых в сопротивлении оккупантам палестинцев и ливанцев израильские власти ссыпали в концентрационный лагерь Ансар. Многие из них подвергались пыткам, некоторые после этого бесследно исчезали.

Но никакими репрессиями подавить сопротивление не удавалось. Патриоты устраивали засады на дорогах, обстреливали израильские патрули. На минах взрывались танки и автомашины с израильскими солдатами. Взлетела на воздух штаб-квартира израильской военной администрации в Тире. Вслед за этим прогремела серия взрывов в Сайде. Оккупанты вынуждены были перевести штаб военного командования на юг от Сайды, поближе к границе.

В Горном Ливане и в долине Бекаа израильские войска, участвовавшие в карательных операциях против ливанцев, несли все возрастающие потери. Такое «поддержание мира» в Ливане обходилось Тель-Авиву дорого. За время агрессии (с июня 1982 года до середины 1984 года) израильская армия потеряла, по официальным данным командования, около 4 тысяч человек убитыми и ранеными. Более тысячи были выведены из строя уже после объявления о завершении якобы в сентябре 1982 года боевых действий в Ливане. Ливан становился новым Вьетнамом для Израиля. Все чаще не только израильские солдаты, но и старшие офицеры отказывались проходить военную службу в Ливане. Массовый характер стало приобретать дезертирство из оккупационной армии. С учетом дезертиров и «деморализованных» военнослужащих, не желавших принимать участие в «грязной войне», общие потери израильской армии оценивались руководством ООП не менее чем в 20 тысяч человек. В Израиле ширилась кампания протesta под лозунгами «Нет — войне!», «Мир — сегодня!».

Недовольство стали высказывать даже некоторые представители правящей элиты.

Покушение на израильского посла в Лондоне Шлома Аргова было использовано в свое время Тель-Авивом как повод для развязывания агрессии в Ливане. Испытывая,

очевидно, угрызения совести, Аргов подверг в газете «Гарец» резкой критике ливанскую авантюру и тех, кто пытался ее как-то оправдать.

— Тем, кто замышлял эту войну и навлек ее беды на наши головы,— заявил Аргов,— следовало бы не один и даже не два раза задуматься о том, чем нам придется за нее платить, особенно в плане человеческих жертв.

Высмеивая политику стратегов, доказывающих «целесообразность войн», Аргов назвал их «шарлатанами».

— Только человек, побывавший на поле боя и вернувшийся с него,— сказал бывший израильский посол,— знает, до какой степени глупо говорить о пользе войн. Война в Ливане — тому убедительное доказательство. Она была абсолютно бесполезной. Мы не можем ставить подобные эксперименты в надежде на то, что один из них вдруг окажется удачным. Ведь за подобные «удачи» надо расплачиваться дорогой ценой.

С каждым днем в Израиле усиливалось антивоенное движение. По призыву созданного там Комитета против войны в Ливане в начале июля 1982 года в Тель-Авиве состоялись массовые антиправительственные манифестации с участием более 100 тысяч человек. После же кровавого преступления в Сабре и Шатиле комитет провел 25 сентября 1982 года невиданную в истории страны антивоенную демонстрацию, в которой на этот раз приняло участие уже 400 тысяч человек. Коммунистическая партия Израиля с первых дней войны решительно осудила кровавую авантюру в Ливане, потребовала немедленного и безоговорочного вывода оттуда израильских войск, отставки правительства Бегина.

Бумеранг агрессии все ощутимее бил по Израилю. «Победы» в Ливане влекли за собой цепь поражений для правящего в Израиле блока «Ликуд». Чтобы избежать катастрофы, Тель-Авив предпринял ряд скоординированных с Вашингтоном военных и политических маневров.

После новых консультаций и разыгранных «споров» было решено «сократить» израильское военное присутствие в Ливане, передав часть полицейско-карательных функций в Ливане американским морским пехотинцам и другим военным контингентам из «многонациональных сил» НАТО. Часть израильских войск отвели из районов боев в Горном Ливане на рубеж реки Авали. Военная передислокация, которую пытались представить как некий политический шаг «поэтапного урегулирования» ливанского кризиса, на самом деле преследовала отвлекающие цели:

Тель-Авив и Вашингтон хотели добиться закрепления израильской оккупации в южных районах Ливана и расширения военного присутствия США и некоторых стран НАТО.

Израиль, укрепив свою группировку войск на юге Ливана и в долине Бекаа, получал возможность не только усиливать военный нажим на Сирию, но и подготовить плацдарм для наращивания вооруженного вмешательства «многонациональных сил» НАТО на Ближнем Востоке. Для того чтобы сбить волну недовольства, была проведена некоторая «передислокация» и в верхних эшелонах военной и политической власти Израиля. Под давлением мировой и израильской общественности Бегин принес «в жертву» своего ближайшего соратника генерала Шарона. Однако такая «жертва» не спасла и самого Бегина. Вскоре он должен был уйти с поста главы правительства.

Но эти «передислокации» в израильском руководстве тоже носили характер отвлекающих маневров. Шарон сохранил пост министра без портфеля. Министром обороны был назначен «суперистреб» Моше Аренс. В качестве израильского посла в США он в течение последних лет осуществлял прямые контакты с администрацией Рейгана.

Бегина заменил на посту главы правительства его давний сообщник по терроризму Ицхак Шамир. Действуя когда-то под разными фамилиями (Ежи Езерницкий, Моррис Монн), он возглавлял вместе с Бегином сионистские террористические организации «Штерн» и «Иргун». Шамир непосредственно руководил массовыми убийствами палестинских арабов. Став в кабинете Бегина министром иностранных дел, он немало потрудился на поприще государственного терроризма.

После произведенных перегруппировок войск и перемещений в израильском кабинете государственный секретарь Шульц предложил «вновь вовлечь Израиль во все аспекты действий в Ливане». Глава американской дипломатии выступил решительным сторонником применения военной силы в качестве главного орудия дипломатии на Ближнем Востоке. Он ратовал за еще более эффективную поддержку Израиля, чтобы поставить его в «фокус американской политики» в этом регионе.

Администрация Рейгана назначила новым американским эмиссаром на Ближнем Востоке высокопоставленного сотрудника Белого дома бывшего полковника морской пехоты Роберта Макфарлейна. Он проявил себя в большей

степени военным, чем политическим эмиссаром. Оценив, очевидно, его заслуги по достоинству, Рейган вскоре назначил Макфарлейна своим помощником по национальной безопасности. На Ближний Восток был командирован новый политический эмиссар с еще большим военным опытом — бывший министр обороны Дональд Рамсфельд.

Без маски

Американские морские пехотинцы, осуществляя на свой манер роль «гарантов мира» в Ливане, начали вести необъявленную войну против жителей этой страны. В столице и ее окрестностях вновь стала литься кровь ливанцев и палестинцев. Израильская агрессия, начатая при соучастии Вашингтона под названием «Мир Галилее», вылилась в коллективную интервенцию с участием Израиля, США и стран НАТО. Новую операцию можно было назвать «Война Ливану». Американские морские пехотинцы и натовские вояки, заняв в Бейруте позиции израильских агрессоров после их символической передислокации, приняли у них эстафету карателей. В совместной карательной операции под кодовым названием «Железная маска» американские «миротворцы» и сами окончательно сбросили с себя маску.

«Стратегическое взаимопонимание» между Израилем и США поднялось на еще более высокий уровень после визитов в США осенью 1983 года президента Израиля Х. Герцога, а затем премьер-министра И. Шамира и министра обороны М. Аренса. Визиты завершились фактическим оформлением военно-политического союза между Вашингтоном и Тель-Авивом.

«Такое сближение США с Израилем,— уточнял тогда обозреватель американского Эй-би-си,— означает «новую эру» в ближневосточной политике Соединенных Штатов». Раскручиваемая в ходе совместного разбоя против арабов спираль «стратегического сотрудничества» выпрямилась теперь в агрессивную ось Вашингтон — Тель-Авив.

Прежде чем прямо ввязаться в войну для поддержки «стратегического союзника» в Ливане, Соединенные Штаты провели в Восточном Средиземноморье и в ближайших районах демонстрацию военной силы под предлогом учений «Брайт стар». Почти целый месяц из-за океана на аэродромы и базы Египта, Судана, Сомали и Омана перебрасывались различные компоненты «сил быстрого развертыва-

ния», включая стратегические бомбардировщики, авиапосцы с ядерным оружием на борту, истребители и самолеты-разведчики системы АВАКС. Более 10 тысяч морских и воздушных десантников отрабатывали задачи по захвату новых плацдармов и «отбрасыванию» невидимого, по подразумевавшегося противника.

Но «учебных» стрельб и бомбометаний, очевидно, было недостаточно, чтобы запугать арабских патриотов. В конце августа 1983 года Пентагон с благословения Белого дома отдал приказ морским пехотинцам в Ливане открыть уже не учебную, а боевую стрельбу. Те самые морские пехотинцы, которые недавно стояли лицом к морю и «дублеными затылками» к полуразрушенному Бейруту, как бы символизируя равнодущие ко всему, что происходит на многострадальной ливанской земле, открыли огонь по мирным жителям столицы.

Давно, однако, известно: любое насилие сталкивается с решительным отпором. Для ливанских патриотов нет большой разницы между израильскими оккупантами и любыми другими империалистическими интервентами. Гробы с убитыми стали все чаще прибывать не только в Израиль, но и в Соединенные Штаты и во Францию. Не успел конгресс США отштамповать решение о продлении срока пребывания морских пехотинцев в Ливане еще на полтора года, как почти одновременно в штаб-квартирах американского и французского контингентов «многонациональных сил» в Бейруте раздались мощные взрывы.

Ранним воскресным утром 22 сентября грузовик, начиненный взрывчаткой, на полной скорости промчался мимо охраны и врезался в четырехэтажное здание, в котором размещался штаб американских морских пехотинцев, занимавших позиции вдоль побережья в районе бейрутского аэропорта. Под обломками взорванного здания погибли и получилиувечья около 300 американских морских пехотинцев.

Три минуты спустя в другом районе города еще один грузовик с взрывчаткой врезался в девятиэтажный дом, в котором находился штаб французского контингента «многонациональных сил». Из-под его развалин было извлечено около 100 убитых и раненых солдат.

Мусульманская организация, взявшая на себя ответственность за эти взрывы, объявила в тот же день о гибели двух своих членов, которые взорвали «резиденции американского и французского империализма в Ливане».

Бейрутские взрывы, констатировала газета «Нью-Йорк таймс», привели к одновременной гибели наибольшего числа американских морских пехотинцев со временем войны во Вьетнаме. Ливанская авантюра стала оборачиваться «новым Вьетнамом» не только для Израиля, но и для Соединенных Штатов.

В Вашингтоне, однако, не сделали из этого правильных выводов. После экстренного заседания Совета национальной безопасности Рейган отдал приказ о расширении вооруженного вмешательства в Ливане. Из штата Северная Каролина в Ливан срочно отправили новые подразделения морских пехотинцев. Американские истребители с авианосцев «Индепенденс» и «Джон Ф. Кеннеди» стали совершать налеты на мирные ливанские города и села, а также на позиции сирийских войск в долине Бекаа. Корабли 6-го флота вместе с линкором «Нью-Джерси» открыли огонь по селениям Горного Ливана и жилым кварталам южных окраин Бейрута.

Но разрывы бомб и снарядов лишь усиливали пламя бесперспективной войны в Ливане. Американские конгрессы, недавно голосовавшие за продление срока пребывания морских пехотинцев в Ливане, начали призывать к их быстрейшему возвращению. Лидер республиканского большинства в сенате Бейкер направил Рейгану письмо с настояющей рекомендацией быстрее решить вопрос об отзыве американских морских пехотинцев. В американской печати все громче стали критиковать ближневосточную политику Белого дома.

— Я просто напуган бесцеремонностью администрации Рейгана,— заявил бывший заместитель госсекретаря США Дж. Болл.— Она забывает уроки, которые Америка должна извлечь из своего прошлого жестокого опыта. Роль хранителя мира в Ливане явно не подходит для Соединенных Штатов!..

Ось Вашингтон — Тель-Авив быстро вступила в действие, ибо американо-израильские переговоры на высшем уровне проходили как бы в развитие подписанный 29 октября 1983 года президентом Рейганом «секретной директивы № 111». Она, как отмечала «Вашингтон пост», предусматривала более тесную координацию стратегических действий с Израилем на Ближнем Востоке. Впрочем, ничего секретного в «секретной директиве» не было. Ее засекретили только потому, что неудобно было официально признавать провал «плана Рейгана». Для камуфляжа этого «секрета» Дж. Шульц, выступая в американском городе

Атланте, пытался доказать «неизменность ближневосточной политики США». Но совершенно иное Шульц говорил на заседании Совета национальной безопасности, который решил коренным образом пересмотреть эту «неизменную политику». Отныне она передавалась на услужение военной стратегии «прямого противоборства». Иными словами, ближневосточная политика США становилась частью американской стратегии, получившей название «доктрины Рейгана».

Американская администрация попыталась превратить «временное» пребывание так называемых «многонациональных сил» в безвременное. Военное присутствие США и некоторых стран НАТО на Ближнем Востоке планировалось значительно расширить, а израильскую оккупацию арабских земель закрепить на неопределенный период для оправдания «миротворческих» функций натовских интервентов. Хотя районы размещения «многонациональных сил» находились далеко за пределами соответствующих «зон ответственности» НАТО, их воинские контингенты в Ливане попытались переподчинить командующим различных регионов Североатлантического блока. По этой «логике» Ливан и Сирия оказались включенными в южноевропейскую зону НАТО, а не в сферу действия Центрального командования США — СЕНТКОМА, распространявшего свою «власть» на всю Юго-Западную Азию и значительную часть Африки.

С заключением нового американо-израильского союза углубилось и расширилось их «стратегическое сотрудничество». По аналогии с НАТО был создан совместный военно-политический комитет, который, по признанию Шамира, сразу же занялся «разработкой основ израильско-американского сотрудничества и координацией действий в отношении всего комплекса нерешенных проблем на Ближнем Востоке».

— Мы заключили ряд новых соглашений, которые в дальнейшем будут дополнены другими,— похвастался израильский премьер после очередного визита за океан.— Я уже сейчас убежден, что помощь Соединенных Штатов Израилю намного превзойдет все наши первоначальные ожидания!

Американская помощь и поддержка Израилю в самом деле превзошла все ожидания правительства Шамира. Но события приняли такой оборот, который не ожидали ни в Вашингтоне, ни в Тель-Авиве.

Этот безумный, безумный, безумный «мир по-американски»

Как ни спешил Ивлэнд быстрее завершить работу над своими мемуарами, он не мог угнаться за развитием бурных событий на Ближнем Востоке. Ивлэнд знал, что его книга вызовет недовольство официальных властей, особенно ЦРУ. Они всячески пытались помешать ее выходу в свет. Но Ивлэнд не побоялся «испортить отношения» со своими бывшими хозяевами. В душе он надеялся предостеречь их от новых ошибок и провалов на Ближнем Востоке.

Оценивая вклад ЦРУ и Пентагона в «обанкротившееся предприятие» Вашингтона в этом районе, Ивлэнд охарактеризовал их действия, в том числе и высадку американских войск в Ливане в 1958 году, как «результат роковых ошибок». Но на ошибках обычно учатся. Это обстоятельство укрепляло веру Ивлэнда в то, что вооруженная интервенция 1958 года будет последней, которую когда-либо могли бы совершить Соединенные Штаты на Ближнем Востоке. Увы, оптимизм Ивлэнда не оправдался.

Вашингтон не ограничился подталкиванием Тель-Авива к новой агрессии в Ливане. Соединенные Штаты и сами выступили инициатором развязывания новой коллективной интервенции с участием американских морских пехотинцев и натовских «многонациональных сил». Порочный круг «роковых ошибок» замкнулся. Взорванный совместными усилиями Израиля и США мифический «рай» в Ливане обернулся адом. Страна веселого времяпрождения западных богачей и нефтяных шейхов превратилась в арену многоактной кровавой трагедии.

Читая статьи и репортажи Джонатана Рэндала и других американских журналистов из охваченного огнем Бейрута, Ивлэнд с горечью констатировал прямую причастность США к этой трагедии.

Ивлэнд вспомнил, как в первый свой приезд в Бейрут подвозивший его словоохотливый шофер такси наставительно сказал:

— Бейрут — это безумный город. Как весь наш Арабский Восток. На первый взгляд кажется спящим, а присмотришься — оказывается бурлящим.

Глубоко вздохнув, шофер добавил:

— Это сумасшедший мир. Не рехнешься сразу, так со временем обязательно сойдешь здесь с ума... Сумасшедший мир! — еще раз, очевидно для пущей убедительности, повторил он.

Тогда Ивлэнд воспринял его замечание как шутку. Арабское слово «маджнун» («сумасшедший»), которое шофер произнес дважды, имело, очевидно, иронический оттенок. Недаром арабы его обычно употребляют по отношению к взывающим влюбленным и шаловливым детям.

Теперь, смотря по телевизору, как из-под обломков разрушенных американскими снарядами зданий извлекали трупы и изувеченные тела ливанцев и палестинцев, а в Вашингтонском аэропорту встречали задрапированные звездно-полосатым флагом оцинкованные гробы с телами убитых в Ливане американских морских пехотинцев, Ивлэнд готов был согласиться, что мир сошел с ума. Кажется, и впрямь нет ни начала, ни конца этому безумию. Поистине как в голливудском фильме «Этот безумный, безумный, безумный мир».

Катастрофа Ливана и нескончаемые войны на Ближнем Востоке — все это плоды безумной политики Вашингтона, задавшегося целью навязать арабам американо-израильский «мир». Именно этот уродливый гибрид «мира по-американски» и войны по-израильски должны были символизировать разевавшиеся в Бейруте звездно-полосатые флаги США и белые полотнища с голубой звездой Давида над зданиями, где располагались штабы израильских оккупационных войск, в городах и селениях Южного Ливана.

Плоды американо-израильского «стратегического альянса» долго еще дымились непотушеными пожарами и руинами разрушенных городов и сел Ливана. Они чернели на мостовых несмытыми пятнами крови жертв совместного разбоя израильских агрессоров и патовских интервентов.

Земля не только дымилась, но и горела под ногами оккупантов. Смерть подстерегала захватчиков, будь то израильских агрессоров или американских «миротворцев», на каждом шагу.

Американским морским пехотинцам не помогли сооруженные между пляжем Узай и международным аэропортом Хальда мощные укрепления с разветвленной системой бетонированных тоннелей, огневых позиций и подземных складов. С этих укрепленных позиций, прозванных ливанцами «линией Рейгана», американцы днем и ночью вели по жилым кварталам Бейрута беспорядочный огонь из тяжелых орудий. Время от времени «в работу» включалась и артиллерия кораблей американского 6-го флота. Американцы из «посредников в миротворчестве», писал в те дни Дж. Рэндал в газете «Вашингтон пост», превратились в

прямых участников ливанского кризиса. Балансируя, по словам Рэндала, «между двумя минусами», то есть правохристианскими головорезами и израильскими агрессорами, Вашингтон хотел убить сразу двух зайцев — насадить в Ливане марионеточное правительство и закрепить американо-израильское военное присутствие. Так Рейган представлял «обеспечение стабильности» в Ливане.

— Я не сожалею, что мы пришли в Ливан,— заявил американский президент журналистам в начале февраля 1984 года.

Президенту вторил госсекретарь Шульц. Он пытался убедить американское общественное мнение, будто в Ливане даже «появился свет в конце тоннеля». Напомнив об этом высказывании госсекретаря, журналисты с иронией спросили Рейгана, не может ли померещившийся Шульцу «свет» оказаться «огнями мчавшегося навстречу поезда».

— Стоит ли ожидать того момента, когда он нас сметет? Не лучше ли самому Шульцу, признав банкротство своей дипломатии, уйти в отставку? — не очень деликатно спросили Рейгана журналисты на пресс-конференции.

Президент поспешил взять под защиту госсекретаря и американских эмиссаров на Ближнем Востоке.

— Шульц и наши послы Хабиб, Макфарлейн и Рамсфельд прекрасно поработали в Ливане,— заявил Рейган.— Что же касается отправки туда морских пехотинцев, то эта идея принадлежит мне лично. И мы продолжим наши усилия, пока сохранится хоть один шанс!

Рейган намеренно не стал тогда уточнять, какие именно «усилия» американская администрация намеревалась продолжать «до победного конца».

Но через несколько дней, 8 февраля 1984 года, Рейган, объявляя о «передислокации» морских пехотинцев из Бейрута на корабли, продолжал доказывать, что «шансы все еще остаются».

— Но не означает ли отвод морских пехотинцев, — спросили Рейгана на очередной пресс-конференции, — что США не выполнили поставленных целей в Ливане и растеряли всякое доверие? Иными словами: не значит ли это, что наша мирная инициатива, окрещенная вашим именем, провалилась?

Рейган изворачивался, как мог:

— Я не думаю, что мы уже проиграли... Просто наше положение там не блестящее... По крайней мере, оно не выглядит блестящим,— неубедительно оправдывался президент.— Но не все еще потеряно... Мы останемся побли-

зости. Наши корабли и морские пехотинцы по-прежнему будут защищать наши интересы...

Вслед за американскими вояками ретировалось и натовское воинство. Свернув бутафорский флаг «многонациональных сил», интервенты спешно покинули землю Ливана.

«Многонациональные силы по поддержанию мира в Ливане» развалились, как и сам американо-израильский «мир», который пытались навязать арабам Вашингтон и Тель-Авив. На тех же флагштоках, где развевались в Бейруте флаги оккупантов и интервентов, взвились знамена ливанских патриотических организаций и национальные флаги Ливана.

Но железный кулак Вашингтона и Тель-Авива остался занесенным над Ливаном. Пентагон лишь несколько сократил число кораблей в непосредственной близости от Бейрута. На смену одним авианосцам подошли другие. Некоторые подразделения морских пехотинцев, павших духом после «передислокации» на корабли, пришлось срочно заменить. Зато к берегам Ливана вплотную подошел линкор «Нью-Джерси», который вместе с другими американскими и натовскими кораблями обрушил огненный шквал на ливанские города и селения.

— Орудийные расчеты,— сетовал один американский офицер,— были лишены возможности знать, что они обстреливают и куда попадают...

Однако администрация Рейгана не могла, уподобившись этому офицеру, утверждать, будто она тоже не знала, в кого и зачем стреляли морские пехотинцы, для чего сбрасывались бомбы с самолетов и била корабельная артиллерия. Вашингтон подобным образом надеялся, очевидно, пробить брешь для выхода из тупика ближневосточной политики и стратегии США. В результате же американцы расстреляли веру даже тех немногих ливанцев, которые упивали на «миротворчество» Вашингтона.

Администрация Рейгана попыталась возродить «дипломатию канонерок» в авианосной модификации. Но «дипломатия кораблей», констатировал Джонатан Рэндал, не может компенсировать отсутствие самой дипломатии. 16-дюймовые орудия «Нью-Джерси» и самолеты, обстреливавшие и бомбившие ливанские города и селения, создавали, по словам Рэндала, лишь «жалкую иллюзию политики».

Вместе с тем, констатировал Рэндал, США потеряли и дипломатический контроль над событиями в Ливане.

«Администрация Рейгана,— писал он,— запуталась в паутине ливанского кризиса. Она не способна также пайти выход и из ближневосточного тупика».

— Только полный дурак может после всего происшедшего поверить Соединенным Штатам на Ближнем Востоке,— сказал в доверительной беседе Рэндалу профессор-палестинец, много лет преподававший в Американском университете в Бейруте.

— Поведение США подорвало доверие к ним,— заявил иорданский король Хусейн другому американскому корреспонденту.— По сути дела, начиная с 1956 года целый ряд факторов действовал именно в этом направлении... Сейчас же, как никогда, стало ясно, что Соединенные Штаты перестали быть державой, которая держит свое слово и выполняет обещания... Они все больше и больше подчиняются израильскому диктату. Это дает основание вообще поставить вопрос следующим образом: в состоянии ли Соединенные Штаты выполнять свои обещания и подтвердить на деле свое утверждение, что их политика беспристрастна? Мы что-то не замечаем этого!..

Даже после «передислокации» американских морских пехотинцев и частичного отвода израильских войск из Горного Ливана накал гражданской войны и межобщинных столкновений в стране все более усиливался. С началом в 1975 году гражданской войны и до начала 1984 года заключалось более 900 соглашений о прекращении огня. Но пресловутой «стабилизации обстановки» в Ливане, о которой якобы пеклись американские эмиссары и дипломаты, так и не удалось достигнуть.

— Я не знаю, насколько можно верить американцам,— признался президент Ливана Амин Жмайель после первого же визита в Вашингтон, узнав вскоре о новых поставках американского оружия Тель-Авиву и расширении американо-израильского «стратегического сотрудничества».

Подавляющему большинству ливанцев стало ясно, что путь к спасению страны лежит через урегулирование кризиса на основе денонсации капитулянтского «соглашения о мире» с Израилем. Собравшись в конце марта 1984 года в швейцарском городе Лозанне на очередную конференцию по национальному примирению, представители различных политических партий, течений и религиозных общин Ливана, несмотря на противодействие «старого друга» США Шамуна, решили отказаться от посреднических услуг американцев. На этот раз их не пригласили даже в качестве наблюдателей. Ливанцы предпочли решать наци-

ональные проблемы сами. Позитивные результаты вскоре оказались налицо. Ливан денонсировал навязанное ему кабальное «соглашение о мире» с Израилем. Соглашение, названное арабами «вторым Кэмп-Дэвидом», просуществовало всего лишь девять месяцев — это было мертворожденное дитя от американо-израильского «стратегического брака». Аннулирование «соглашения о мире» стало наглядным свидетельством краха Кэмп-Дэвида и банкротства пресловутой «инициативы Рейгана». Политика силы получила в Ливане действенный отпор.

Почти все американские газеты в те дни публиковали статьи под заголовками: «Провал в Ливане», «Позор Америки». После их прочтения Ивлэнд не мог не разделить чувства Рэндала, который писал, что «ему стыдно за то, что он американец». Каждая из американских администраций, которые всегда рассматривали Ливан как плацдарм для расширения влияния США на Ближнем Востоке, внесла свою лепту в этот позор.

Газета «Нью-Йорк таймс» в связи с этим задалась вопросом, во что обошелся Америке этот скандальный провал. Отвечая на него, газета привела ряд цифр. В ходе ливанской авантюры погибли 264 американских пехотинца, получили ранения — 137, израсходовано приблизительно 60 миллионов долларов. Но главная потеря не поддается подсчету. Она заключается, по словам газеты, в падении престижа рейгановской администрации, которая оказалась на Ближнем Востоке в «беспомощном положении».

В преддверии президентских выборов администрация Рейгана постаралась отвести от себя критику за «неудачи» в Ливане. Виновником собственных просчетов Рейган попытался представить некоторых конгрессменов, которые, дескать, «подрывали политику администрации» в Ливане. Но спикер палаты представителей конгресса США Т. О'Нил назвал подобные обвинения «низостью».

— Вина за смерть американских морских пехотинцев и за поражение в Ливане,— заявил Т. О'Нил,— лежит на самом Рейгане, только на нем!

Однако в пылу полемики конгрессмен почему-то умолчал о тех воинствующих милитаристских и сионистских кругах, которые оказывали поддержку авантюристическому курсу Рейгана. Именно на них вместе с Рейганом лежит вина за смерть не только сотен американских пехотинцев, но и за кровь и разрушения Ливана. По подсчетам ливанского еженедельника «Аль Мустакбаль», почти

десатилетняя война (с учетом провоцируемых агентами ЦРУ и «Моссада» междоусобных столкновений, а также американо-израильской агрессии) унесла в Ливане около 200 тысяч человеческих жизней. Около 800 тысяч людей ранены, многие из них частично или полностью потеряли трудоспособность. Около полумиллиона человек покинули Ливан. И это в стране, где проживало около 3 миллионов человек. Иными словами, жертвами войны стало более половины населения Ливана. За период войны прекратили существование 13 тысяч торговых компаний, 760 заводов и фабрик, разрушено и сгорело более 100 гостиниц. В развалинах лежат многие кварталы Бейрута, города Дамур, Алей, Бхамдун... Материальные потери выражаются астрономической цифрой — около 80 миллиардов ливанских фунтов, то есть почти 20 миллиардов долларов. Таков печальный баланс американского «миротворчества».

Впервые небольшая арабская страна превратилась в поле боя не только с израильскими, но и американскими интервентами, стала мишенью нового тройственного заговора с участием израильских агрессоров, натовских интервентов и местных реакционных сил. Национальная катастрофа могла бы стать еще более трагичной, чем рисовалось это в воображении Уилбура Ивлэнда и Джонатана Рэндала. Это опасное сползание к краю пропасти приостановило ливанское правительство во главе с Рашидом Караме, созданное в начале мая 1984 года. Оно сумело выдвинуть программу национального спасения страны на основе денонсации капитулянтского соглашения с Израилем и укрепления сотрудничества всех патриотических сил Ливана в борьбе за восстановление его целостности и укрепление независимости. Но ее осуществлению стали всячески препятствовать Тель-Авив и Вашингтон.

Альтернатива Армагеддону

Президент США Рейган уже несколько раз предрекал, как известно, «неизбежность Армагеддона», связывая его с «концом света». Подкрепляя это опять-таки ссылками на библейские пророчества, Рейган допускает, что уже при жизни нынешнего поколения «битва между силами добра и зла» скорее всего произойдет на Ближнем Востоке. Само собой разумеется, к «силам зла» Рейган причисляет «международный коммунизм» и всех, кто борется за национальное освобождение и социальный прогресс. Соединенные

Штаты и их союзники конечно же олицетворяют собой «силы добра».

В отличие от американского президента, Дж. Рэндал в своей книге «Идя до конца» попытался вскрыть механизм ливанской репетиции Армагеддона. Он убедительно показал, что именно Соединенные Штаты и их натовские союзники вместе с израильскими авантюристами, залившие кровью улицы Западного Бейрута и многих селений Ливана, представляли на ливанской земле разрушительные силы зла.

Факты свидетельствуют: ливанская трагедия — это лишь прелюдия готовящихся новых агрессивных авантюр против Сирии и Иордании, стран Северной Африки и зоны Персидского залива.

В связи с угрозой американского вторжения в Персидский залив западные корреспонденты на пресс-конференции в Вашингтоне напомнили президенту Рейгану один исторический казус. Когда вторая мировая война перекинулась на Ближний Восток, некий американский адмирал направил в военное министерство депешу с просьбой к вышестоящему начальству проинформировать, «кто противник».

— Не видит ли президент, — спросили Рейгана, — определенной аналогии с сегодняшней ситуацией, складывающейся в Персидском заливе?

Напоминание об этом на первый взгляд анекдотическом случае в самом деле было уместным. После опубликования в мае 1984 года washingtonской декларации НАТО многие задавались аналогичным вопросом: против кого собираются воевать Соединенные Штаты и их натовские союзники в Персидском заливе?

Рейган не сумел дать вразумительный ответ на этот резонный вопрос. Он лишь констатировал, что государства Персидского залива, в том числе и те, которых Вашингтон считает своими «друзьями», желают решать самостоятельно свои проблемы.

— Они не хотят, — признал президент, — чтобы конфликт расширился и перерос в более серьезную войну, если в него вмешаются другие страны.

Казалось, все было ясно. Тем более что и воюющие стороны — Иран и Ирак — выступают тоже против такого вмешательства. Было бы историческим парадоксом, если бы продолжение войны между совершившими антиимпериалистические революции странами открыло путь для американской интервенции в районе Персидского залива.

Соединенные Штаты и их стратегические союзники, особенно Израиль и те страны НАТО, которые все еще мечтают о восстановлении утраченных позиций в этом регионе, могли бы воспринять такой поворот событий как «подарок судьбы». Однако для Ирана и Ирака, да и других освободившихся государств Ближнего и Среднего Востока это обернулось бы новой трагедией.

Арабам и иранцам, живущим по обоим берегам Персидского залива, война приносит неисчислимые жертвы и разрушения. По оценке иностранных военных специалистов, на которых ссыпалась французская газета «Монд», Иран за время войны уже потерял не менее 250 тысяч, а Ирак — 100 тысяч человек. Но лондонский журнал «Экономист» ставит под сомнение эти цифры, оценивая общие потери сторон в войне в 500 тысяч человек. С учетом разницы в численности населения Ирана (40 миллионов) и Ирака (14 миллионов) потери обеих сторон считаются почти равносочленными как для Ирана, так и для Ирака.

Разрушения и ущерб, причиненные этой войной, не поддаются точному подсчету. Во всяком случае, валютные ресурсы обеих стран, которые до войны оценивались в сумму около 100 миллиардов долларов, растаяли или, вернее, сгорели в пламени этой бессмысленной войны. Как считают западные финансисты, война ежегодно обходится каждой из сторон в сумму не менее 8—10 миллиардов долларов. Резко упала добыча, а следовательно, и экспорт нефти из Ирана и Ирака. Пламя войны, разбрасывая искры, создает угрозу и для других стран Персидского залива. Решение альтернативы войны и мира становится для них безотлагательной задачей. За это выступают и социалистические страны, и неприсоединившиеся государства, и широкие круги общественности на Западе. Совет Безопасности ООН неоднократно принимал резолюции с призывом к воюющим сторонам о прекращении огня и урегулировании конфликта за столом переговоров. Такой призыв содержался и в резолюции, принятой Советом Безопасности 1 июня 1984 года.

Однако и на сей раз в те самые дни, когда шла дискуссия в Совете Безопасности, США и их западные партнеры на заседаниях руководящих органов НАТО в Вашингтоне обсуждали планы вторжения под предлогом «обеспечения безопасности» в Персидском заливе.

С подобными планами Ивлэнд знакомился в Пентагоне еще в середине 50-х годов. Тогда их пытались навязать

арабам в упаковке интервенционистской доктрины Даллеса. К запугиванию мифом «советской угрозой» Вашингтон прибегал и на пороге 70-х годов, стремясь заполнить «вакуум» в Персидском заливе после ухода оттуда Англии. В 80-х годах Вашингтон снова пытается реализовать эти планы с привлечением не только стран НАТО, но и Израиля. Предлогом для новой интервенции могло бы стать, по мнению Вашингтона, так называемое «обеспечение свободы судоходства». Такие планы подкрепляются и конкретными действиями. Увеличено число американских военных кораблей, базирующихся на Бахрейне. К патрулирующей у входа в Персидский залив военно-морской армаде США присоединились авианосцы, имеющие ядерное оружие на борту. В этом же районе курсируют эскадры кораблей Англии и Франции. У правителей Саудовской Аравии и арабских княжеств Персидского залива заранее запросили «разрешение» использовать их территорию войсками США для ведения боевых действий.

Не только Рейган, но и словоохотливая американская печать предпочитала, правда, избегать прямого ответа на вопрос: против кого же собираются воевать в Персидском заливе? США и некоторые их союзники по НАТО хотели бы в первую очередь «проучить» Иран, а заодно погреть руки на войне, «регулируя» поставки оружия обеим воюющим сторонам. Тем временем вездесущая американская компания «Бектел», ставшая при Рейгане «государством в государстве», добилась миллиардного контракта на строительство нового нефтепровода через Аравийскую пустыню в связи с затруднением транспортировки нефти через Персидский залив. Одновременно администрация Рейгана, боясь потерять иранский рынок, выступила инициатором расширения экономических связей Запада с Ираном.

Что же касается Израиля, то он не скрывает своей заинтересованности в ослаблении Ирака, поскольку это подорвало бы позиции арабских стран в целом. Это не означает, однако, что между «пожарниками»-интервентами существуют непреодолимые разногласия. Общий замысел состоит в том, чтобы нанести поражение обоим участникам конфликта.

Безответственная эскалация конфликтов как повод для глобализации «защиты жизненных интересов» Запада становится составной частью не только американской, но и натовской стратегии. Милитаристская активность НАТО резко усиливается при каждом новом обострении обстановки на Ближнем и Среднем Востоке или в Афри-

ке. В качестве поводов для этого использовались и арабо-израильские войны, и свержение шахского режима в Иране, и революционные события в Афганистане, и израильская агрессия в Ливане, и обострение ирано-иракского конфликта, и события вокруг спровоцированных не без участия США и Израиля взрывов мин в Красном море.

Механика маневров, связанных с попытками расширения сферы действия НАТО, наглядно прослеживается как на милитаристской активности, так и на различных политических спекуляциях в Средиземноморье, в Юго-Западной Азии и в Африке. Натовские круги внесли немалую лепту в разжигание конфликтов: то греко-турецкого — в Восточном Средиземноморье, то арабо-израильского — на Ближнем Востоке, то ирано-иракского — в Персидском заливе, то чадского — в Африке. Тут же происходит и распределение ролей между стратегическими союзниками, по которому кто-то из натовцев — чаще всего сам Вашингтон — предлагает «посреднические» услуги в тушении пожаров.

Но, как правило, такое «миротворчество» лишь подливает масла в огонь локальных войн. Так было в Ливане. По этому же руслу НАТО хотело направить события в Персидском заливе.

Не дождавшись, однако, «приглашения» для натовского вторжения в Персидский залив, Соединенные Штаты со своими союзниками, не теряя времени, приступили к сосредоточению своих военно-морских сил в районе Красного моря, чтобы под предлогом разминирования там морских коммуникаций оправдать американо-натовское и израильское военно-морское присутствие в этом регионе.

Поднятие на новый уровень американо-израильского стратегического сотрудничества стало тоже одной из форм расширения сферы действия НАТО. Аппетиты израильских экспансионистов хорошо известны. Их вожделенные взгляды обращены даже дальше тех сфер, на которые НАТО претендует распространить свою «зону ответственности». Они хотели бы установить американо-израильско-натовский протекторат почти над всем мусульманским миром и значительной частью Африки, включенными в свое время Бжезинским в «зону кризисов».

После создания оси Вашингтон — Тель-Авив США стали рассматривать Израиль вроде «ассоциированного союзника» НАТО. Тель-Авив не противится этому. Он даже предоставил свою территорию и военные базы для проведения совместных американо-израильских учений и созда-

ния там необходимых резервов оружия и боеприпасов для будущих интервенционистских операций США. Более того, Израиль предложил свои услуги и для размещения американских ракет первого удара, нацеленных против Советского Союза. Но не только против него. В сферу действия американских ракет с ядерными боеголовками, размещенными, к примеру, в Комизо на Сицилии, тем более на территории Израиля, попадают, можно сказать, все страны Северной и Центральной Африки, государства Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, фактически на постоянной основе созданы крупные военно-морские группировки НАТО в Средиземноморье, в зоне Персидского залива и в бассейне Индийского океана. Они включают по несколько авианосцев и атомные подводные лодки, которые несут ядерное оружие, нацеленное опять же как против Советского Союза, так и многих афро-азиатских государств. Теперь эти страны уже не только теоретически включены в «зону ответственности» НАТО или американского командования СЕНТКОМА, но и на практике рассматриваются ядерными заложниками Вашингтона.

Советский Союз в развитие положений Заключительного акта хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе не раз выступал с инициативами и предложениями об оздоровлении обстановки в соседних районах, о превращении их в зону устойчивого мира. Он неоднократно выдвигал конкретные предложения по установлению мира на Ближнем Востоке, урегулированию кипрского кризиса, оздоровлению обстановки в Персидском заливе и в бассейне Индийского океана.

В январе 1983 года участники пражской сессии Политического консультативного комитета стран — участников Варшавского Договора в Политической декларации высказались за вывод из Средиземного моря кораблей — носителей ядерного оружия и за отказ от размещения такого оружия на территории средиземноморских неядерных стран. Подтвердив еще раз отсутствие у социалистических стран намерений расширить сферу действий Варшавского Договора, они призвали и государства НАТО не распространять зону действия блока на другие районы, отказаться от попыток прямого или косвенного вовлечения освободившихся государств в военно-политические союзы. События в Ливане показали всю бесперспективность подобного курса.

Уилбур Ивлэнд и Джонатан Рэндал, как и многие другие объективные американские наблюдатели на Ближнем

Востоке, привели убедительные свидетельства о подрывной деятельности Соединенных Штатов и Израиля в этом районе. Их рассказы восстановили, говоря словами бывшего американского посла в Сирии и постоянного представителя США в ООН Чарлза Йоста, «значительно недостающие части мозаики, в особенности факты, касающиеся тайных подрывных операций, часто кончавшихся провалом». Но, используя «частицы мозаики», они все же не смогли создать полной картины бурлящих событий на Ближнем Востоке. Тем не менее они оба пришли к важным выводам о прямой причастности США к «операции по разрушению» Ливана и к «дестабилизации обстановки» на Ближнем Востоке. Ивлэнд и Рэндал питали, очевидно, иллюзию, что своими разоблачениями смогут удержать Вашингтон от новых ошибок. Однако их надежды не оправдались.

Администрация Рейгана не извлекла уроков из провалов своих предшественников. Вновь принявшись вить «веревки из песка», она открыто угрожает превратить богатый нефтью регион Ближнего и Среднего Востока в арену «ядерного Армагеддона», словно не видя никакой альтернативы этому безумию.

Но альтернатива есть, и она вполне реальна. Причины потрясений и кровавых событий на Ближнем Востоке кроются в тщетных попытках Вашингтона и Тель-Авива повернуть колесо истории вспять, навязывая арабам неоколониалистские модели «мира». Однако историю невозможно переиграть. Нельзя народам навязывать то, что ими не раз уже решительно отвергалось. Нельзя обеспечивать «жизненные интересы» США с помощью «дипломатии авианосцев», посыпаемых Вашингтоном за тысячи километров, и добиваться «безопасных» мифологических границ Израиля, отказывая арабам, в том числе палестинцам, в законном праве на суверенное и безопасное существование.

Основа надежного, всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке выдвинута самими арабскими государствами на конференции их руководителей в городе Фесе. Их позиция находит поддержку и понимание, можно сказать, всего мирового сообщества, за исключением лишь официального Вашингтона и сионистского Тель-Авива. Конкретные предложения арабских стран по ближневосточному урегулированию не расходятся и с тем, за что многие годы борется Советский Союз.

После того как застопорился «кэмп-дэвидский процесс»,

а все участники ближневосточного конфликта на примере уроков ливанского кризиса убедились в нереальности так называемого «плача Рейгана», а также в возрастающей опасности вооруженного вмешательства НАТО и ядерной угрозы для Ближнего Востока, там создалась, по существу, новая ситуация. Теперь всем, даже питавшим какие-то иллюзии в отношении «миротворческих планов» Вашингтона, стала ясна их бесперспективность. Они направлены на то, чтобы под предлогом «временного» пребывания различных «многонациональных сил» Северо-атлантического блока увековечить израильскую оккупацию арабских земель.

Соединенные Штаты, претендовавшие на монополию «миротворчества», оказались, по существу, впервые за историю арабо-израильского конфликта вовлечеными в прямую военную конfrontацию против арабов. Но, несмотря на это, Израиль не смог выйти победителем из «самой длинной войны» в Ливане.

Не сумев довести до победного конца ни «кэмп-дэвидский процесс», ни войну в Ливане, правящий блок «Ликуд» Бегина и Шамира потерпел неудачу на досрочных парламентских выборах летом 1984 года. Зато в кнессете получили места другие «суперястребы». Впервые депутатами стали ушедший в отставку бывший начальник генерального штаба Рафаэль Эйтан и лидер сионистских погромщиков раввин-террорист Меир Кахане, очевидно специально перебравшийся из Соединенных Штатов, чтобы проталкивать фашистскую программу «Лиги защиты евреев» в израильском парламенте.

Новое правительство Переса — Шамира с участием представителей Партии труда и «Ликуда», в том числе И. Рабина и А. Шарона, не отказалось от проведения своего прежнего антиарабского курса, который уже пять раз приводил к войнам на Ближнем Востоке.

Теперь Израиль пытается любыми средствами сохранить контроль над Южным Ливаном и продолжает вооруженные провокации против Сирии и Палестинского движения сопротивления.

Как остановить опасное сползание на этот раз не только Ливана, но всего Ближнего Востока, а может быть, и ряда неближневосточных стран к краю пропасти новой катастрофы?

Ответ на этот нелегкий вопрос дали выдвинутые в конце июля 1984 года советские предложения по ближневосточному урегулированию. Арабская и, можно сказать, вся

мировая общественность расценила их как весьма своевременную новую мирную инициативу Советского Союза.

Вашингтон и Тель-Авив, как всегда, поспешили отмахнуться от советских предложений. Это было сделано под тем предлогом, что они, дескать, не содержат ничего нового. Но арабский мир и многие на Западе увидели ценность советских предложений, не претендующих на какую-то сенсационность, именно в их последовательности, реализме и ответственном подходе к решению наболевших ближневосточных проблем.

Советские предложения прозвучали по-новому в сложившейся новой ситуации на Ближнем Востоке. Они представали в свете последних событий реаким контрастом по отношению ко всем обанкротившимся американо-израильским моделям «мира» на Ближнем Востоке. Советский Союз исходит из того, что принцип недопустимости захвата чужих земель должен повсеместно и строго соблюдаться, справедливый мир должен отвечать интересам и чаяниям всех народов. Исходя из этих принципов, советские предложения предусматривают: вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, а также с ливанской земли; неотъемлемое право арабского народа Палестины, единственным законным представителем которого является Организация освобождения Палестины, на самоопределение, включая создание собственного независимого государства; возвращение арабам восточной части Иерусалима; право всех государств на безопасное и независимое существование; прекращение состояния войны и взаимное уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности друг друга; выработку и принятие международных гарантий урегулирования, которые могли бы дать постоянные члены Совета Безопасности или Совет Безопасности в целом. Советский Союз готов участвовать в таких гарантиях.

Весь опыт прошедших десятилетий показал, что путь вооруженной конфронтации, как и путь сепаратных сделок, не принес и не может принести урегулирования проблем Ближнего Востока. Они поддаются решению только в результате коллективных усилий всех заинтересованных сторон, включая ООП. Советский Союз готов практически работать в этом направлении, сотрудничая со всеми, кто хотел бы внести свой вклад в установление прочного мира на Ближнем Востоке.

Империалистическим концепциям агрессии и диктата в отношении арабских и других освободившихся стран

Советский Союз противопоставляет последовательный курс на обеспечение прочного мира и надежной безопасности как на Ближнем Востоке, так и в сопредельных районах.

Слов нет, все конфликты и проблемы, которые переплетаются и наслаждаются друг на друга, не поддаются быстрому и легкому решению. Но от этого они не становятся менее опасными и злободневными. Напротив, их урегулирование становится настоятельной необходимостью.

Опыт истории учит: нельзя добиться прочного мира в глобальном масштабе, не потушив локальных пожаров, особенно в таком бурлящем и огнеопасном районе, как Ближний Восток...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Повествование о Ближнем Востоке, к сожалению, сегодня можно завершить только многоточием.

События, которые, казалось бы, должны стать за прошедшие почти четыре десятилетия достоянием истории, никак не могут застыть в огнедышащей лаве ближневосточного вулкана. Именно это обстоятельство обусловило выбор жанра документального повествования.

При работе над исходным материалом — рассекреченными документами иностранных дипломатических ведомств, мемуарами зарубежных государственных и военных деятелей, включая исповеди и покаяния «героев» этой книги, многочисленными воспоминаниями других свидетелей и участников описываемых событий, в том числе личными записями автора, накопившимися за годы его журналистских скитаний по ближневосточным странам,— велик был соблазн отдать предпочтение роману-хронике. Но от этой идеи уже в процессе работы пришлось отказаться.

Время само тщательно отсеивает и сортирует события. Не все из них — даже те, которые в свое время казались кому-то абсолютно достоверными, — становятся фактами истории. Они должны для этого не просто пройти испытание временем, но и подтвердиться документально, подвергнуться научному анализу и сопоставлению с сегодняшними политическими реалиями. При всем желании их никак нельзя втиснуть в ограниченные рамки романа-хроники.

Есть и еще одно, более веское обстоятельство. Всякий роман, в том числе хроникальный, предполагает художественное домысливание описываемых событий и фактов; а возможно, и ввод в повествование вымыщленных или

«обобщенных» героев. Но реалии ближневосточной политической хроники богаче всех художественных вымыслов. Ее «герои» и статисты написали столько о себе и о событиях, в которых они участвовали, что к этому ничего не надо добавлять. Напротив, подобные свидетельства приходится тщательно просеивать. Многие из тех, кто действовал на арене и за кулисами ближневосточных баталий и потрясений,— от глав государств и правительств до военачальников и агентов тайных служб — будто наперегонки друг с другом спешили в своих мемуарах и печатных «размышлениях» выложить побольше секретов и тайн, не дожидаясь их официального рассекречивания дипломатическими ведомствами.

Это делалось не только для того, чтобы поправить свои финансовые дела. Мемуаристами двигало прежде всего стремление представить себя в выгодном свете, дать свою версию тех или иных событий. Ведь многие из них лишь на первый взгляд стали достоянием истории.

Автор поэтому свою главную задачу видел в тщательном отборе документальных и мемуарных свидетельств, которые могли бы с максимальной точностью отразить ход событий, связанных с развитием ближневосточного конфликта. Но, естественно, факты и события последнего периода, особенно относящиеся к ливанскому кризису, пока в меньшей степени подтверждаются документами и свидетельствами компетентных очевидцев. Их более глубокое осмысливание и полное обобщение станут возможными только после того, как ближневосточный кризис найдет наконец свое решение.

Ближний Восток — колыбель человеческой цивилизации — давно уже жаждет мира и спокойствия. Для этого коллективная воля и твердая решимость его народов должны стать непреодолимой преградой на пути авантюристов и фанатиков, которые все еще пытаются вить «веревки из песка», играя судьбами человечества. Но это занятие тщетное. Тем более, люди — не песчинки. Их трезвый разум возьмет верх над безрассудством ядерных маньяков и рабского рода авантюристов!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗА ДЫМОМ ПОЖАРИЩ БЕЙРУТА (Пролог)	3
Глава I. ПОТЕРИ БЕЗ ПРИОБРЕТЕНИЙ	7
Пробуждение сфинкса	—
Палец ЦРУ в небе Каира	12
Гром в лучах солнца	16
Пирамида на трех «китах»	20
Отвлекающие маневры	25
Операция трех «мушкетеров»	31
Поражение «победителей»	37
Глава II. ГРЕМЯЩИЙ «ВАКУУМ»	40
Бессилие доктрины силы	41
Кнут вместо пряника	46
Революция в Багдаде	49
Возрождение «дипломатии канонерок»	50
«Имперализм в дворцах буржуазии»	54
Дамаск в сети заговоров	58
Глава III. ШЕСТИДНЕВНЫЙ СТАРТ НА МНОГОЛЕТ- НИЮ АГРЕССИЮ	67
Кто вскормил агрессивного «голубя»	68
Двойная игра	69
От покровительства к покрываемству	91
Неосуществленные цели	94
Глава IV. ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ МИРА	103
Незаконченная война	104
Борьба на несколько фронтов	108
Начало ползучей аннексии	112
«Война на изнурение»	115
План-ширма	120
Смена власти	132
Бессильное балансирование	136

Г л а в а V. НА АРЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ	154
Искушение	155
Сюрпризы	160
Волнения и страхи	170
Разбой под занавес	179
«Печальная ничья»	185
Рукопожатия и выкручивание рук	190
«Смотринь» самообольщения	196
Г л а в а VI. С МАГИСТРАЛИ — К КРАЮ ПРОПАСТИ	204
Позитивный сдвиг	205
«Брак» при разводе	208
Перемены без перемен	211
Головоломки «челюстной дипломатии»	216
Трудные перевалы	222
Прозрение в дыму	228
Г л а в а VII. В ПОРОЧНОМ КРУГУ	239
Несостоявшийся «пересмотр»	—
Позорное паломничество	241
Много шума без ничего	250
Лабиринты Кэмп-Дэвида	257
Военизированный «мир»	262
Трудная дилемма	268
Сpirаль предательства	272
Смертельный бумеранг	282
Эхо выстрелов в Каире	287
Г л а в а VIII. «МИР», ДЫМЯЩИЙСЯ ВОЙНОЙ	291
«Изобретение колеса»	292
«На круги своя»	294
«Мир Галилее» — война Ливану	298
Из-за кулис на авансцену	302
Бумеранг агрессии	308
Без маски	312
Этот безумный, безумный, безумный «мир по-американски»	316
Альтернатива Армагеддону	322
Послесловие	332

Леонид Иванович Медведко

**...ЭТОТ БЛИЖНИЙ
БУРЛЯЩИЙ ВОСТОК**

Документальное повествование

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *Н. В. Попов*

Младший редактор *Т. К. Сперанская*

Художник *Б. Г. Попов*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *О. В. Лукоянова*

ИБ № 4113

Сдано в набор 28.11.84. Подписано в печать 26.03.85. А 00056. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,27. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 19,64. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 173. Цена 1 р.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

